UNIVERSITY OF WISCONSIN LIBRARY

Новое Собрание сочинений Вас. Ив. Немировича Данченко

М. Н. АЛЬБОВЪ.

Глафирина тайна. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Около 400 стран. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.

Содержаніе: Глафирина тайна. Изъ старыхъ папокъ.—Кольцо и жолудь.—Знакъ отличія мистера Смита.—Послѣдній день Іуды.

Сирота. Эпизодъ изъ жизни одной человѣческой группы. 440 страницъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бурый домъ, его люди и нравы.—Старый хламъ.—И онъ тоже въ Аркадіи жилъ.—Грѣхъ.—Тайна безмолвныхъ терзаній.—Позорная ночь.—Зачало новаго дня.

„Глафирина тайна" и „Сирота" принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній недавно скончавшагося извѣстнаго беллетриста М. Н. Альбова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.

(Петроградъ. Стремянная, 12).

НОВОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Nemirovich-Danchenko

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Nemirovich-Danchenko,
Vasilii Ivanovich

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ

Романъ въ 3-хъ частяхъ.

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА. ПЕТРОГРАДЪ

Тип. П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная ул., 12

PG
3467
N4
S4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОГАТЫРИ ВЪ КЛѢТКАХЪ.

I. Въ петербургскомъ лупанарѣ.

Сергѣй Николаевичъ Анисимовъ все плотнѣе старался закутаться въ шинель, пряча лицо въ бобровый воротникъ. Лошаденка, какъ нарочно, попалась скверная, надорванная. Она едва плелась и только вздыхала съ натугой и хрипло, когда чувствовала ударъ кнута на своихъ впалыхъ бокахъ; пробовала подскакивать, мотая головою и хвостомъ, но изъ этого ничего не выходило, только больше летѣло во всѣ стороны грязи изъ-подъ копытъ. Другого извозчика не нашелъ Анисимовъ на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ далекихъ линій котораго онъ обѣдалъ у стараго пріятеля и засидѣлся до поздняго часа. Въ туманѣ снѣгъ падалъ пухлыми и рыхлыми хлопьями. Огни фонарей казались большими желтыми пятнами. Порою слышался скрипъ полозьевъ объ обнажившіеся камни мостовой.

— Да не бей ты коня, ради Христа! Вѣдь лучше не будетъ!—досадливо крикнулъ онъ извозчику.

— Ужъ извѣстно,—обернулся тотъ: — какъ тутъ лучше! Нонѣ, баринъ, сѣно-то восемь гривенъ пудъ. Объ овсѣ и не спрашивай. Забыть его надоть, овесъ-то!.. Какъ ее прокормишь, родимую? И народъ противъ прежняго сталъ куда расчетливѣе. Каждый за свою копѣйку зубами держится. Примѣрно, юнкаря были: спросишь полтинникъ, ни Боже мой, чтобы торговаться! Сядетъ благородно—лети! А теперича все пѣшомъ да пѣшомъ. Либо взлѣзетъ на конку, какъ ворона на крышу—и радъ за

трешникъ конецъ обломать! Тоже и сквозныхъ воротъ понадѣлали на наше горе. Иной сѣдокъ въ бобрахъ, а потомъ ищи его. А и поймаешь потомъ, онъ тебя же норовитъ въ часть отправить; самое, баринъ, дѣло наше горькое.

Но Сергѣй Николаевичъ уже не слушалъ. Мысли его были позади, въ маленькой, только что оставленной имъ квартирѣ. Хорошенькое личико хозяйки улыбалось ему съ ямочками на румяныхъ щечкахъ, съ лукавыми и яркими глазками и вздернутымъ носикомъ.

«Да,—думалъ онъ про себя,—эта барыня совсѣмъ къ ногтю прижала бѣднаго Порожнева. Давно ли, кажется, ключомъ кипѣлъ человѣкъ, жизнь не удовлетворяла, тянуло куда-то далеко-далеко. Во всякую опасность головой лѣзъ—боевая натура была. И какими задачами задавался — одна труднѣе другой. Всего пять лѣтъ назадъ, какъ въ Ходжелійскомъ кишлакѣ жили мы съ нимъ. Вскочитъ, бывало, съ кровати и зашагаетъ. Тутъ и путешествіе черезъ весь Китай, и освобожденіе Индіи отъ англичанъ, и внутри Африки онъ уже распоряжается, какъ въ своей мазанкѣ глиняной. Думалъ я, изъ него нивѣсть какой витязь выйдетъ, а онъ надѣлъ хомутъ и успокоился. Двое щенковъ у него пищатъ въ дѣтской, да по секрету съ радостнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что и третьяго въ виду имѣетъ. Щеки точно припухли, лицо какое-то лакированное, да и животъ майорскій совсѣмъ. Скажетъ что-нибудь и сейчасъ на жену взглянетъ: такъ ли, дескать? И она его тоже безъ церемоніи обрываетъ—видимое дѣло, начальство. Вотъ тебѣ и Индія съ Китаемъ. Нѣтъ, другъ мой, теперь тебѣ не то, что въ Африку, но изъ одиннадцатой линіи Васильевскаго острова въ двѣнадцатую не подняться разомъ. Еще одинъ орелъ въ курятникѣ. А вѣдь, дѣйствительно, орелъ былъ настоящій: въ Чекментѣ раньше меня вскочилъ на стѣну, изъ-подъ самаго носа георгіевскій крестъ выхватилъ. А въ Хаджибаѣ втроемъ ворвался въ ворота города, занятаго бритоголовою сволочью. Если бы не выручили уральцы, не глядѣлъ бы теперь въ глазенки своей Машѣ. А на тигровъ ходилъ какъ! Одинъ на одинъ... Э, чортъ, да неужели всѣ мы такъ кончимъ? Семья, дѣти, мурья своя противная, жизнь по расписанію...

Обѣдъ во-время, халатъ и туфли—и конецъ всему. Ну, нѣтъ, на это меня не поддѣнешь. Отъ любви этой прочь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

И передъ нимъ, словно въ туманѣ, блеснули грустные глаза, такъ ласково свѣтившіе ему когда-то. Казалось, къ нему наклонилась бѣлокурая головка, почудилось даже ея дыханіе. Анисимовъ приподнялъ было лицо изъ воротника, но мокрые хлопья снѣга тотчасъ же засыпали его.

— Эта была опасна, да умереть догадалась. И хорошо!—убѣждалъ онъ себя, хотя сердце защемило и заболѣло.—Съ ума я сходилъ тогда, а все къ лучшему вышло. Тотъ же хомутъ былъ бы, что у Порожнева, либо вѣчныя драматическія представленія. Теперь весь міръ открытъ—все мое!

— Да скоро ли ты, наконецъ, доѣдешь?!—крикнулъ онъ, выйдя изъ себя, и извозчикъ тотчасъ же заторопился и задерталъ вожжами.

— Будетъ—поверни хоть сюда,—указалъ онъ на ярко освѣщенный подъѣздъ моднаго ресторана.

«Тутъ навѣрное есть кто-нибудь изъ нашихъ. Одному теперь несносно дома», соображалъ онъ, расплачиваясь и идя по мокрымъ ступенямъ.

— Баратынскій или Ладиславлевъ здѣсь?

— Недавно пожаловали. Наверху-съ, ваше превосходительство!—торопливо закончилъ швейцаръ, замѣтивъ генеральскіе погоны, когда Анисимовъ ему на руки сбросилъ свою шинель.

— Они одни?

— Никакъ нѣтъ-съ, цѣлою компаніей и съ дамами.

Сергѣй Николаевичъ поморщился и остановился: идти ли ему, или вернуться домой?

— Какія дамы?—брезгливо спросилъ онъ.

— Актрисы. Одна даже-съ изъ цыганскихъ пѣсенъ,—авторитетно подтвердилъ швейцаръ не безъ нѣкоторой гордости.

— Какія это еще пѣсни?

— Которыя въ лицахъ... Лѣтомъ-съ повсемѣстно. Помилуйте, ваше превосходительство, во всѣхъ газетахъ даже. Графъ приказали непремѣнно кабинетъ съ роялью.

— Дай-ка мнѣ шинель, братецъ! — рѣшилъ было Анисимовъ; но въ эту минуту, какъ нарочно, наверху, на площадкѣ лѣстницы, показался молодой еще полковникъ съ вензелемъ на погонахъ.

— Анисимовъ! А я посылалъ къ тебѣ. Куда ты это? Пожалуйста, къ намъ. Свои собрались—Бухгольцъ сегодня камергерскій ключъ спрыскиваетъ.—И онъ торопливо бѣжалъ внизъ.— Ей-ей, не пущу, это ужъ какъ ты хочешь. Да они со мною и не знаю, что сдѣлаютъ, если ты уѣдешь.

— Вѣдь у васъ тамъ опять безобразіе будетъ, дамы эти, и зачѣмъ ихъ только за собой таскаете, чортъ знаетъ!

— Ну, не ворчи. Началъ проповѣдь. Напротивъ, всѣ онѣ приличныя. Одна артистка—въ садахъ, правда, поетъ, но она за прокуроромъ была замужемъ, а другая, да вотъ увидишь самъ. Послушай-ка, какъ она «Ночи безумныя, ночи безсонныя»... толстый Бухмановъ иначе, какъ на колѣняхъ, и не слушаетъ. Ну, полно хмуриться, пойдемъ.

Анисимовъ опять отдалъ шинель швейцару и поднялся наверхъ. Мимо летѣлъ со всѣхъ ногъ татаринъ съ судками и бутылками. Гдѣ-то слышался звонъ разбитой посуды, изъ одного кабинета вырвались звуки клавишей и пронзительный голосъ, спьяна напѣвавшій: «Веревьюшки-вьюшки-вьюшки—изъ сафьяна башмачки». Навстрѣчу попалась какая-то дама, старательно кутавшая лицо въ двойной вуали, и необыкновенно самодовольный юноша за нею изъ купеческихъ подсосковъ, судя по упитанному виду и лѣнивымъ движеніямъ. За дверью, мимо которой шли они теперь, точно топталось цѣлое стадо.

— Терпѣть этихъ кабаковъ не могу!—морщился Сергѣй Николаевичъ.

— Тамъ умора. Чиновники пляшутъ безъ музыки... Во фракахъ! Я одного за лакея принялъ, но онъ мнѣ сейчасъ же резонно объяснилъ, что состоитъ въ званіи надворнаго совѣтника и кавалера. Анну на шеѣ показалъ. Вотъ и наши.

Анисимова точно оглушило.

— А, Сергѣй Николаевичъ!

— Генералъ!

— Вотъ неожиданно-то!

Къ нему тянулись со всѣхъ сторонъ, обступили его и тормошили.

— Я и не зналъ, что вы въ Петербургѣ,—радовался толстый баринъ съ апоплексической шеей и круглой головой, на которой сидѣли совсѣмъ по-рачьи выпученные и изумленные глаза.

— Радъ васъ видѣть, Бухмановъ.

— А я-то!—И онъ попытался заключить Анисимова въ свои широкія объятія...—«Въ Ташкентъ онъ сосланъ былъ—вернулся генераломъ!..» И нисколько не постарѣлъ. Такой же точно, только выраженіе лица соотвѣтственное чину и званію бригаднаго. Ну, бѣда нашимъ дамамъ. Когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня.

— Не представлялись?

Сергѣй Николаевичъ нахмурился. Тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Нѣтъ еще. Приказано послѣзавтра.

— Чего ты это?—спросилъ его флигель-адъютантъ.

— Да знаешь самъ,—досадливо проговорилъ онъ, пожимая плечами.—Хорошаго вѣдь ничего не жду. Здѣсь не мѣсто разсказывать. На меня гроза идетъ.—И онъ понизилъ голосъ.—За то, что я имъ цѣлый край подарилъ да на восемь милліоновъ экономіи сдѣлалъ. Все ваши фазаны мутятъ. Прислали ихъ ко мнѣ съ георгіевскими крестами, ну, да ты меня вѣдь знаешь. Даромъ не дамъ, а благородные лбы-то подъ пули подставлять не хочется, и вернулись, какъ говорятъ мои солдаты, «несолоно хлебавши». Съ этого и пошло. Теперь у меня только одни враги. Какъ доложатъ еще. Да мнѣ, впрочемъ, что же. У брата до сорока фабрикъ и заводовъ—найду себѣ дѣло. Въ земствѣ тоже нужны силы.

— Господа! Что вы тамъ шепчетесь?—позвалъ ихъ, весь сіявшій радостнымъ оживленіемъ, Бухгольцъ.

— Баратынскій, ты бы его представилъ дамамъ.

Только теперь Анисимовъ обратилъ вниманіе на окружающее.

Довольно просторный кабинетъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ

Онъ съ недоумѣніемъ оглянулся еще разъ и сѣлъ.

— Вы такой странный...—точно оправдывалась она.

— Почему это?..

— Непохожій...—еще болѣе терялась Нѣжина.

— На нихъ?—обвелъ онъ глазами пріятелей.

— Да!—И она пристально начала разсматривать это, очевидно, подъ южнымъ солнцемъ потемнѣвшее, лицо съ рѣзкими чертами, выражавшими какое-то презрѣніе ко всему или равнодушіе, трудно было понять, и—въ то же время—рѣшительное и самоувѣренное.

— Немудрено, я «не здѣшній», какъ говорятъ у насъ. Я только что пріѣхалъ.

— Да? И, повидимому, скучаете?

— А развѣ есть чему веселиться? Мало интереснаго!

— Неужели мало?—И она обдала его многообѣщающимъ и покорнымъ взглядомъ.

«Ручная стала», подумалъ Анисимовъ, не отвѣчая ей.

— Неужели такъ-таки ничего у насъ въ Петербургѣ?—еще разъ переспросила она.

— Нѣтъ, какъ не быть интересному, только, разумѣется, не здѣсь, въ этихъ «кабинетахъ», — безъ всякаго намѣренія подчеркнулъ онъ.—Это все старое, давно извѣстное, отъ чего я когда-то въ глушь ушелъ.

И онъ тотчасъ же вспыхнулъ и замолчалъ. Ему досадно стало, что онъ такъ некстати разоткровенничался съ этою дамой изъ «цыганскихъ пѣсенъ».

— Однако, вы не любезны,—заискивающимъ тономъ проговорила она.—Я первый разъ такого вижу.—И она опять начала злиться.—Разумѣется, вы тамъ, у себя, отвыкли отъ общества. Все съ солдатами! Ну, и усвоили себѣ дурныя манеры. Хорошо, что другіе на васъ не похожи, а то...

— Пришлось бы порядочною женщиной сдѣлаться? Не трудитесь, не совѣтую. Тѣ еще скучнѣе и хуже.

— Послушайте! Что вы такое?..—даже вспыхнула она. — Вы говорите дерзости, за которыя ударить мало.

— Напрасно не ударите. Мнѣ кажется, я способенъ даже

полюбить женщину, которая бы меня ударила. Вотъ ныть да киснуть—на это наши дамы большія мастерицы.

— Дождетесь!—тихо и зло уже проговорила та.—И бить васъ, генералъ, будутъ.

— Попробуйте.

— Что за глупости!

И, недовольная больше собою, чѣмъ своимъ собесѣдникомъ, она встала и перешла на другой конецъ кабинета, откуда на нее давно уже ревниво глядѣлъ Бухмановъ. Анисимовъ спокойно скользнулъ взглядомъ по ея красивымъ, словно точенымъ, рукамъ и тонкому стану и пожалъ плечами.

«Стоило вымещать свое раздраженіе на этой!» думалъ онъ.

И ему стало еще скучнѣе. Онъ обернулся къ сосѣду справа и спросилъ его:

— Кто это сидитъ въ углу съ Ладиславлевымъ?

— Это... Женечка.

Анисимовъ усмѣхнулся.

— Женечка? Въ одномъ имени все соціальное положеніе!

— Нѣтъ. Она, знаете, поетъ... Тамъ гдѣ-то... Въ опереткѣ, разумѣется, и не безъ шика. Ей покровительствуетъ вашъ другъ Баратынскій. Онъ увѣряетъ, что она похожа очень на графиню Дубельскую. А онъ вѣдь въ нее влюбленъ былъ, знаете. Я тоже нахожу. Она очень мила и, сравнительно, недорого ему стоитъ. А эта за столомъ—Фанни изъ «старой гвардіи». Она когда-то была звѣздой первой величины въ театрѣ Буффъ. Помните, противъ Александринскаго театра стоялъ?

— О, да я ее знаю.

— Полагаю!—улыбнулся молодой человѣкъ.

— И постарѣла же она. Какъ накрашена!

— Это у нея все равно, что мундиръ. Теперь держитъ меблированныя квартиры, гдѣ, между прочимъ, живетъ и Женечка.

— Очень ужъ мила эта, какъ вы ее называете, Женечка.

— Ее такъ весь Петербургъ зоветъ.

— Удивительное выраженіе чистоты на ея лицѣ. Вы мурильевскихъ мадоннъ видали?

— Какъ же, и въ музеѣ Прадо, и въ Севильѣ.

— Ну, вотъ. Помните тамъ «La Concepcion purissima...» эту наивную дѣвочку, что несется, сопровождаемая ангелами, въ эѳирѣ? Всмотритесь только въ Женечку... Можно подумать, что Мурильо писалъ съ нея. Не правда ли?

— А вѣдь, пожалуй, это и такъ. Какъ мнѣ не приходило въ голову раньше!

— Я, видите ли, ежедневно, по цѣлымъ часамъ простаивалъ когда-то передъ этою картиной. Для меня Мурильо... впрочемъ, что же мы это... самый подходящій разговоръ въ cabinet-à-part!

Анисимовъ засмѣялся и, вставъ, перешелъ къ Баратынскому.

— Я, знаешь, могу тебя поздравить съ выборомъ. Твоя Женечка—такая прелесть.

— Правда?—просіялъ тотъ. — Ты замѣтилъ, какъ она на Héléne Дубельскую похожа?

— На мурильевскую мадонну больше. Даже странно ее видѣть здѣсь... съ вами!—откровенно закончилъ онъ.—Ей бы не тутъ быть, а въ мастерской влюбленнаго художника.

II. Изъ чужого поля.

Все шло по-обычному—кругомъ ѣли, пили, смѣялись много и Богъ знаетъ чему. Острили и сплетничали, и самъ Анисимовъ мало-по-малу сталъ поддаваться этой одури. Шампанское не дѣйствовало на него вовсе. Его опьяняло возбужденіе окружающихъ—ихъ свободный говоръ, шелестъ атласа, легкій скрипъ корсетовъ, женскій смѣхъ, ласковый шопотъ, вызывающія улыбки, дразнившія его взглядъ—плечи и руки, глаза, загоравшіеся вакхическимъ оживленіемъ, стукъ вилокъ и ножей, звонъ хрусталя,—вся эта, на минуту захватывающая, музыка дорогого разгула. Къ тому же, точно отсырѣвшій во время долгаго переѣзда своего съ Васильевскаго острова сюда, онъ только теперь отогрѣлся, сталъ приходить въ себя. Онъ сдѣлался добрѣе, и ему уже было совѣстно за все сказанное имъ Софьѣ Васильевнѣ.

Она, впрочемъ, оказалась незлопамятной. И, замѣтивъ въ Анисимовѣ перемѣну, сама подошла къ нему.

— Теперь съ вами можно говорить?

— Да. Разумѣется. Я не кусаюсь.—И онъ засмѣялся ей, благодарный за первый шагъ съ ея стороны.

— Вы тогда были невозможны. Теперь у васъ лобъ разгладился. Отошли, вѣрно?

— Отошелъ.

— Какой у васъ смѣхъ молодой, право.

— Да развѣ я старъ?

— Еще бы... Вѣдь генераламъ вообще возраста не полагается. Ихъ нельзя называть молодыми... Какая я скверная: вы Богъ знаетъ какихъ дерзостей наговорили мнѣ, а я все-таки иду къ вамъ. Тянетъ!—откровенно улыбнулась она.

— Прощать обиды ближнимъ, — прекрасная черта...—не зная самъ чему, смѣялся онъ.

— Какой же вы ближній!.. Напротивъ, вы—далекій... Это чувствуется, а насчетъ прощенія обидъ я до сихъ поръ еще никому... Я не изъ добрыхъ. Скорѣе—злая даже. Не люблю, когда мнѣ наступаютъ на ногу. Но вы...

И у нея разомъ заходила грудь, дразня Сергѣя Николаевича все больше и больше.

— Пожалуйста, не говорите, а то я Богъ знаетъ что о себѣ подумаю.

— И не думаю. Я вѣдь сумасшедшая. У меня все какъ-то глупо и разомъ. Дѣйствительно, точно изъ «цыганскихъ пѣсенъ»: ни съ того, ни съ сего врѣжусь.

Анисимовъ поморщился, Нѣжина засмѣялась..

— Однако, какъ въ васъ глубоко аристократъ сидитъ. Отъ одного слова вы морщитесь, словно что-нибудь кислое проглотили. Съ меня не взыщите. Я вѣдь простая и изъ простыхъ,—подчеркнула она, очевидно, съ намѣреніемъ вызвать его вопросъ.

— Какъ изъ простыхъ?

— Такъ. Мой отецъ еще крѣпостнымъ былъ, и выросла я... ну, какъ росли у насъ... мѣщанкой, что ли! Не осудите, если часомъ мнѣ передъ вами, барами, и повеличаться хочется.—И она засмѣялась.—Я ужъ это потомъ сама себя образовала.

— Образовали?

Она почувствовала иронію въ его тонѣ и весьма серьезно подтвердила:

— Да, образовала... Училась, читала, путешествовала.

— По ярмаркамъ?

— Нѣтъ, за границей. Въ Германіи, въ Италіи была. А въ Парижѣ я—какъ у себя дома.

— Еще бы. Я увѣренъ, что вы тамъ довольно основательную школу прошли.

— Опять.—Она ударила его вѣеромъ.—Германію не люблю: тамъ мнѣ скучно.

— Вы точно на экзаменѣ мнѣ отвѣчаете, мало интересуясь даже, насколько все это меня занимаетъ.

— А что же васъ занять можетъ?—покраснѣла Нѣжина.— Знаете, у меня является серьезное желаніе доставить вамъ удовольствіе и побить васъ, право.

— Это все-таки лучше. Что бы то ни было,—а ощущеніе. Хотите со мной на брудершафтъ выпить?—сказалъ онъ ни съ того, ни съ сего, точно что-то ударило ему въ голову.

— Хочу.

— А что вамъ Бухмановъ скажетъ?

— Мнѣ какое дѣло!

— Да вѣдь онъ при васъ въ качествѣ безсмѣннаго обожателя состоитъ, а можетъ быть, и... покровителя?

— Онъ!—И ея ноздри дрогнули, и краска залила ей лицо.— Такихъ обожателей у меня тысячи вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, а покровитель себѣ я сама. И никто, слышите, никто другой. Хочу—люблю, хочу нѣтъ, и кого хочу, того и люблю, не спрашиваясь. Цѣпей не надѣваю. Я ихъ предоставляю «порядочнымъ» женщинамъ, къ коимъ вы меня не изволили причислить... Поняли? А сама не надѣну ни для кого!

И она задумалась. Анисимовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Она замѣтила его взглядъ и обернулась.

— Да!.. Вы это помните?

И она запѣла вполголоса:

L'amour est enfant de Bohéme.
Il n'a jamais, jamais connu de loi.
Si tu ne m'aime pas — je t'aime,
Mais si je t'aime — prends garde à toi!

Софья Васильевна закончила послѣднюю фразу, точно подъ напоромъ внезапно нахлынувшаго увлеченія, громко и съ такою страстью, что Анисимову и самому стало жарко и душно въ одно и то же время.

Всѣ обернулись къ нимъ.

— Что такое?—подошелъ Бухмановъ, давно уже не спускавшій съ нихъ взгляда.

— Ничего. Мы хотимъ выпить на «ты»,—серьезно отвѣтила Нѣжина.

— Съ кѣмъ?

— Съ генераломъ.

— Ого!.. Такъ скоро!—послышалось отовсюду. — Браво, браво.

— A bravo, Figaro! bravo, bravissimo! — запѣлъ Бухгольцъ.

— Послушайте,—заговорилъ Бухмановъ, обращаясь къ Сергѣю Николаевичу,—и зачѣмъ только васъ щадили всѣ эти бухарскія, хивинскія, кокандскія и еще какія такія есть пули? Знаете, гдѣ-нибудь тамъ, въ Ташкентахъ, Чекментахъ, Ходжентахъ и т. д. Нужно очень, нечего сказать! Въ Туркестанѣ крѣпости отвоевывалъ; а здѣсь—женщинъ.

Анисимовъ, хмурый видъ котораго сначала расхолаживалъ всѣхъ, теперь присоединился къ пившимъ и совсѣмъ разошелся. Онъ болталъ и смѣялся безъ удержу, изрѣдка перебрасываясь съ Софьей Васильевной словами, повидимому, ничего не значащими, но отъ которыхъ оба они то краснѣли, то блѣднѣли. Веселый вечеръ мало-по-малу сталъ обращаться въ оргію. Фанни, сначала было напѣвавшая очень чувствительный романсъ о птичкѣ, одиноко умиравшей въ оставленномъ гнѣздѣ, вдругъ, точно ее подняло что-то, вскочила, повернулась къ роялю и, взявъ аккордъ, крикнула:

— Il fait froid!.. il faudrait jetter du bois dans le poile! En avant, la vieille garde!..

И, точно разогрѣвая общество, съ своеобразнымъ шикомъ рыночной торговки, запѣла:

Je me nomme Po-Paul,
Je demeure à l'entresol.
Aussi je me pousse du col...

— Браво, браво, Фанни!—кричали ей.—Нѣтъ, господа, какъ хотите, что значитъ француженка? А? Въ эти лѣта—а она живѣе насъ всѣхъ.

Самъ именинникъ Бухгольцъ, забывъ свой ключъ, который онъ спрыскивалъ довольно-таки усердно, показалъ, какъ у «нихъ» въ Парижѣ канканировали когда-то, въ счастливыя времена второй имперіи, на что недавно бесѣдовавшій съ Анисимовымъ о мурильевскихъ типахъ молодой человѣкъ, состоявшій, какъ оказалось, при какомъ-то посольствѣ на Востокѣ, ни съ того, ни съ сего, взялъ чью-то женскую накидку и протанцовалъ «халео», именно такой, какимъ онъ его «изучалъ», по его словамъ, въ кафе Сильверіо—одномъ изъ самыхъ грязныхъ кабаковъ Севильи. Все это до сихъ подъ было еще сносно.

— Баратынскій, — крикнулъ Бухмановъ, — попроси Женечку.

— Женечка, спойте.—Пожалуйста, ну, что вамъ?

Мурильевская мадонна—этотъ оригиналъ «La Concepcion purissima»—поющій въ петербургскомъ вертепѣ! Анисимову стало даже страшно. Онъ опять нахмурился. Артистка, все съ тѣмъ же святымъ видомъ своего дѣтски-невиннаго и ангельски-чистаго лица, сдвигала темныя брови и, блаженно улыбаясь, начала приподымать юбки...

Смотрите здѣсь... смотрите тамъ...
Нравится ль все это вамъ...

Публика смотрѣла и хвалила—очевидно, ей нравилось! Сергѣй Николаевичъ всталъ, молча, мелькомъ пожалъ руку Баратынскому и кинувъ Нѣжиной:

— Пора, я тебя жду у подъѣзда,—быстро вышелъ вонъ.

Теперь ему хотѣлось поскорѣе на воздухъ, хоть на эту промозглую петербургскую сырость. Онъ приказалъ швейцару найти ему карету, а самъ, не запахивая шинели, стоялъ на мокрыхъ ступеняхъ, подставляя разгорѣвшееся лицо влажнымъ хлопьямъ однообразнаго, не перестававшаго медленно падать, снѣга. Анисимовъ жадно вдыхалъ эту окутавшую все кругомъ мглу, пока издали не показались два желтыхъ пятна отъ фонарей кареты, и она не подкатила къ подъѣзду.

— Готово, ваше превосходительство! — вытянулся швейцаръ.

— Хорошо, пусть подождетъ.

Но ждать пришлось недолго. Вся закутанная въ ангорскій мѣхъ, въ бѣлыхъ волнахъ котораго ея смуглая головка казалась еще красивѣе, въ дверяхъ показалась Нѣжина.

— Если бы ты зналъ, какъ трудно было отдѣлаться!—проговорила она.—Едва отбилась!

— Не стоило изъ-за этого хлопотать! Могла бы оставаться.

— Ну! Пожалуйста, теперь не хмуриться, злюка!—И она вскочила въ карету, куда за нею послѣдовалъ и Анисимовъ.

III. У дамы изъ «цыганскихъ пѣсенъ».

Въ гостиной у Софьи Васильевны въ матовыхъ шарахъ горѣли лампы и весело трещали дрова въ каминѣ, обшитомъ мраморомъ.

— Я сейчасъ,—извинилась хозяйка и, сбросивъ на коверъ шубу и на софу sortie-de-bal, повернула фитиль большой лампы, чтобы лучше освѣтить комнату.

— Будьте какъ дома!—улыбнулся ей Анисимовъ.

— Чаю хотите?—спросила она.—Ужинать, пить? Вы меня нисколько не стѣсните, я сама привыкла. И притомъ все есть.

— Чаю, если можно.

— Еще бы нельзя. Да онъ и готовъ, вѣрно, у моей примадонны.

— у кого?

— Я такъ называю свою горничную...—засмѣялась Софья Васильевна.—Черезъ четверть часа я васъ позову, а до тѣхъ поръ будьте терпѣливы.

— А если я засну здѣсь?

— Васъ разбудятъ. Теперь же a rivedersi, carissimo signore!—И, сдѣлавъ церемонный реверансъ, она прошла въ другія двери, за которыми показалась молодая и красивая горничная.

— Совсѣмъ Капуя!—И Сергѣй Николаевичъ, давно уже отвыкшій отъ петербургскаго холода и сырости, придвинулъ большое и глубокое кресло къ камину и, сѣвъ, началъ съ удовольствіемъ отогрѣваться, глядя въ огонь и не обращая ни малѣйшаго вниманія на самую гостиную. Она, тѣмъ не менѣе, отвѣчала вполнѣ оригинальной и изящной хозяйкѣ. Все, что было собрано здѣсь, такъ отличалось отъ обыкновенныхъ нашихъ будуаровъ и салоновъ. Чѣмъ-то фантастическимъ казался этотъ уголокъ. Стѣны были задрапированы яркими персидскими коврами, тогда какъ полъ весь покрытъ отлично выдѣланнымъ и ровнымъ медвѣжьимъ мѣхомъ. У стѣнъ стояли софы, покрытыя бѣлымъ и тонкимъ войлокомъ, тоже отдѣланнымъ золотыми и серебряными узорами, надъ которыми трудились, повидимому, искусныя руки чернокожихъ рабынь сиріянокъ; этими войлоками по всей справедливости славятся базары Константинополя и Скутари; пестрыя и изящныя подушки и кавказскія мутаки были разбросаны по нимъ—всѣ одинаково красиво расшитыя шелками, съ тяжелыми кистями и серебряными прошвами. Въ разныхъ мѣстахъ гостиной стояли столики, то легкіе, крошечные, то мраморные съ мозаикой флорентійской работы, и только поставецъ въ одномъ углу, большой и тяжелый, казался зашедшимъ сюда невѣдомо зачѣмъ иностранцемъ. Онъ весь былъ загроможденъ фарфоромъ, золотыми и серебряными бездѣлушками, вѣерами, изящными черепаховыми бонбоньерками съ платиновыми инициалами, эмалированными ларчиками, фигурами изъ слоновой кости, японскими и китайскими уродами. Если бы Анисимовъ посмотрѣлъ поближе, онъ бы увидѣлъ, что здѣсь

не было ни одного вѣера купленнаго. Всѣ они подносились хозяйкѣ въ разное время художниками, покрывшими ихъ изящными и капризными рисунками. Самый громадный вѣеръ былъ раскинутъ на стѣнѣ надъ большой софой, и на немъ въ двѣнадцати видахъ оказывалась изображенною сама хозяйка—то въ яркихъ костюмхъ далекаго Востока, то полуодѣтая, а въ серединѣ—только окутанная утренними тонами легкой мглы, позволявшей угадывать то, чего глазу не удалось разсмотрѣть вполнѣ. Когда Сергѣй Николаевичъ отогрѣлся и пришелъ въ себя, онъ равнодушно заходилъ по комнатѣ. Вѣеръ съ портретами хозяйки попался ему на глаза. Онъ остановился у софы и, опираясь на громадную подушку, началъ его равнодушно разсматривать.

— Ну, какъ вамъ у меня нравится?—послышалось въ дверяхъ радостно и возбужденно. Софья Васильевна, очевидно, ожидала восторженныхъ похвалъ.

— Вы навязываетесь на любезность,—отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь и по обыкновенію рѣзко.

— О, нѣтъ! И, пожалуйста, не злитесь—не забывайте, что вы у меня, и теперь я васъ могу выгнать, когда захочу.

— Мнѣ ваша гостиная напоминаетъ, если хотите, и сказку изъ «Тысячи и одной ночи», и салонъ моднаго художника, и лавку закладчика. Выбирайте любое.

— Безъ дерзости нельзя!—засмѣялась Нѣжина.

— Вотъ вы говорите, что вы сами себя образовали. Это и видно; собрали вы кругомъ столько чудесъ, что ослѣпнуть можно. Хотя все, разумѣется, здѣсь для показа, на впечатлѣніе бьетъ! Расположили все это удивительно. Бездна вкуса, изящества и красоты. И притомъ все гармонично, да вдругъ, среди всѣхъ этихъ чудесъ, взяли да и поставили вотъ этого карапуза.

— Что такое?—подняла она брови.

— Поставецъ вашъ «мозолитъ» глаза. Извините за выраженіе, оно стоитъ предмета.

— Что же мнѣ дѣлать со всѣми этими прелестными мелочами?

— Разбросайте ихъ по столамъ, унесите въ другія комнаты.

А то бы вы еще комодъ сюда приказали помѣстить, потому что у васъ въ немъ бѣлье ужъ очень тонкое!.. На все нужно чувство мѣры...

Но тутъ Анисимовъ взглянулъ на хозяйку, и въ немъ улеглось разомъ все раздраженіе, по временамъ еще вспыхивавшее. Она была, дѣйствительно, лучшимъ изъ всѣхъ дивъ, скученныхъ кругомъ.

— Ну!..—только и могъ проговорить онъ.

— Что вы?

— Вы бы самого святого Антонія, одолѣвшаго соблазны въ пустынѣ, прямо въ геенну огненную за уши притащили. Дьяволъ тогда, должно быть, еще не былъ вполнѣ изобрѣтателенъ и не придумалъ васъ. Это уже потомъ пришло.

— А такъ какъ вы не святой Антоній, то и соблазнять васъ не стоитъ труда.

— Я вѣдь еще не положилъ оружія.

— Да, но уже готовы сдаться на капитуляцію.

— Смотря!..

Она была окутана пеньюаромъ изъ чрезвычайно тонкаго шелка crêm, падавшимъ внизъ широкими и красивыми складками. Ни пояса ни корсета. Тѣлу было свободно. И при каждомъ движеніи формы ея обрисовывались такъ, что Сергѣй Николаевичъ уже не могъ оторвать глазъ отъ нея. Сквозь разрѣзы видны были ея чудесныя руки. Изъ-подъ бѣлой оборки выглядывали голубыя туфли маленькихъ ножекъ. Лицо ея, оживленное и сознаніемъ своей красоты и обстановкою, видимо, очень любимой ею и шедшей къ ней, какъ рамка къ портрету,—что она, разумѣется, знала,—все загоралось огнемъ какихъ-то неодолимыхъ порывовъ и неудовлетворенныхъ желаній.

— Хорошо, что вы не живете въ средніе вѣка—васъ бы сожгли на кострѣ,—продолжалъ Анисимовъ.—За навожденіе, главнымъ образомъ...

— Или сдѣлали бы святою!

— Противъ чего вы бы, разумѣется, сами протестовали,—засмѣялся онъ.—Ну, куда вамъ въ святыя,—у васъ изъ каждой черточки лица грѣхъ смотритъ

— Почемъ знать. Когда я только что начала читать книги— меня очень увлекала Іоанна д'Аркъ. Я мечтала сдѣлаться такою же и...

— Попали въ «цыганскія пѣсни».

— Это пришло потомъ!—И точно облако бросило тѣнь свою на ея прекрасное лицо.—Да, это пришло потомъ. Надо было жить, семья была, братъ только что вышелъ изъ гимназіи... Да что, вамъ это не интересно.

— Напротивъ!—искренно проговорилъ Анисимовъ.—Такою вы мнѣ больше нравитесь.

— Ну, вотъ видите... А голосъ у меня былъ. Въ минуту жизни трудную мой учитель мнѣ говоритъ: ступайте на сцену. Я и пошла. Думала: сцена—храмъ, а оказалась она такимъ вертепомъ...

— Хорошъ храмъ!.. Съ опереткой и «тру-ля-ля»! Надо было быть очень наивной. Въ храмѣ не подымаютъ юбокъ и не приглашаютъ смотрѣть «здѣсь и тамъ».

— Я не съ этого начала. Я играла въ провинціи на драматической сценѣ, да теперь убѣдилась, что разницы никакой. Наша, пожалуй, еще лучше.

— Откровеннѣе?

— Нѣтъ, шире. Тамъ и порокъ тотъ же и корысть одинаковая. Только порокъ суженный, притаившійся, и корысть грошовая. А ужъ пропадать—такъ было бы за что. Тамъ, знаете, грѣхъ—сальныхъ свѣчъ и хозяйскихъ объѣдковъ.

— По-вашему, значитъ, вся разница въ цифрѣ?

— А развѣ есть безусловное?

— Вонъ вы куда заѣхали. Ну, ужъ, что касается до философіи, то я въ дамскихъ гостиныхъ о ней не разговариваю. Это у меня пріятель былъ одинъ. Обѣдалъ я у него сегодня. Вздумалъ онъ, знаете, совершить рядъ великихъ подвиговъ, въ родѣ геркулесовскихъ. Ну-съ, а пока началъ одной весьма привлекательной особѣ Шопенгауэра читать. Читали они, читали, да и дочитались до «Исаіи ликуй» и до горластыхъ щенковъ въ дѣтской! Вотъ вамъ и философія. Нѣтъ, ужъ я—пасъ!

— Я сама терпѣть не могу «умныхъ» разговоровъ. Думаю я наединѣ и читаю, когда одна. А теперь—пойдемте.

Чай былъ накрытъ въ крошечномъ свѣтло-розовомъ будуарѣ, отдѣлявшемся отъ алькова, гдѣ стояла кровать Софьи Васильевны, одною легкою драпировкой. На маленькой козеткѣ сѣла хозяйка, не оставивъ мѣста Анисимову.

— Что же вы меня гоните отъ себя? Вѣдь козетка на двоихъ, кажется.

— Да, но это въ родѣ купеческаго сговора будетъ. Женихъ и невѣста рядомъ, а передъ ними мармеладъ и орѣхи.

— Тогда я выберу мѣсто по своему вкусу.

— Сдѣлайте одолженіе.

Анисимовъ принесъ изъ гостиной одну изъ длинныхъ подушекъ, бросилъ ее на полъ къ ногамъ Нѣжиной и сѣлъ на нее, обхвативъ себѣ колѣни руками.

— Вамъ будетъ неудобно тутъ.

— Это не ваше дѣло.

— Вы мнѣ мѣшаете.

— А это мое дѣло. Давайте сюда ваши ножки.

— Ну, ужъ это...

Но она не успѣла окончить. Сергѣй Николаевичъ схватилъ одну изъ ея туфель, вслѣдъ за туфлей и нога оказалась въ его рукахъ. Онъ залюбовался ею. Ажурный чулокъ только придавалъ болѣе блеска этому тѣлу, теплота котораго чувствовалась подъ шелкомъ.

— Я думаю, художники съ ума сходятъ по васъ? Да съ чего это мы вздумали «вы» говорить другъ другу? Тамъ, при другихъ—«ты», а тутъ наединѣ, незамѣтно на «вы» сошли... Это, впрочемъ, постоянно такъ бываетъ, когда остаются вдвоемъ.

— Ну, послушайте, я вамъ... т. е. тебѣ, лучше уступлю мѣсто здѣсь, рядомъ... только ведите себя хорошо, будь поприличнѣе.

— Ладно! Это называется быть «паинькой». Я на эту роль не претендовалъ даже и тогда, когда «умнымъ мальчикомъ» былъ.

Сергѣй Николаевичъ сѣлъ около нея, но тутъ его дразнили

волосы, завивавшіеся у нея на вискахъ и на шеѣ, эти тонкія ноздри, вздрагивавшія и «ходившія», когда она говорила, эта грудь, колебанія которой онъ чувствовалъ, эта округлость плеча, едва касавшагося его.

Оно и понятно. Анисимовъ давно уже не жилъ въ Петербургѣ. Тамъ, у себя, въ Туркестанѣ, приходилось видѣть много не совсѣмъ опрятныхъ скуластыхъ сартянокъ или офицершъ, а какая же дама—растрепанная офицерша, вѣчно въ ситцевомъ капотѣ нараспашку и бѣлыхъ чулкахъ? Жены интендантскихъ чиновниковъ да ротныхъ командировъ доходили Богъ знаетъ до чего. Но онѣ не могли удовлетворить въ Сергѣѣ Николаевичѣ жажду красоты и увлеченія, жившую въ его душѣ. Тутъ же все было иначе. Эта свободная женщина, рѣшительная и смѣлая, только ему разомъ подчинившаяся, дразнившая его всѣмъ,—и манерами, полными дерзости и изящества, и чертами своего художественнаго лица, и всей своей оригинальною обстановкою, такъ не похожею на то, что онъ видѣлъ до сихъ поръ,—нравилась ему все больше и больше. Онъ, не привыкшій къ искренности, выросшій въ средѣ, гдѣ всякое слово, сказанное отъ сердца, чуть не является преступленіемъ, гдѣ лицо дано человѣку, чтобы скрывать свои чувства, а языкъ—мысли, гдѣ приличіе, самое обыденное приличіе, требовало вѣчной маски равнодушія ко всему и даже скуки, гдѣ жили по какому-то недоразумѣнію,—онъ, давно привыкшій ко всему этому, чувствовалъ странное желаніе высказаться, быть нѣжнымъ, даже сентиментальнымъ. Требовалось нѣсколько усилій, чтобы не поддаться этому.

— Коньякъ или ромъ?—протянула она къ нему затѣйливые флаконы, расписанные Сенье по фарфору и заключенные въ серебряную сѣтку.

— Ни того, ни другого, что за гадость!—поморщился онъ.—Вы меня, кажется, за армейскаго гусара принимаете или за майора въ отставкѣ.

— Съ чѣмъ же вы чай пьете? — опять засмѣялась она, дразня его своими бѣлыми зубами и красивою игрою лица, то и дѣло загоравшагося румянцемъ.

— Ни съ чѣмъ. Скажите лучше, гдѣ вы достали такой сер-

визъ? Вѣдь это даже въ Китаѣ рѣдкость. Это только при династіи Чунъ дѣлался такой тонкій фарфоръ.

— Мнѣ подарили, зная страсть мою ко всевозможнымъ рѣдкостямъ. Морякъ одинъ, возвратившійся изъ кругосвѣтнаго плаванія...

— Даже противно!—не выдержалъ Анисимовъ и прервалъ ее, отодвигаясь.

— Что такое? Что васъ укусило опять?

— Какою цѣною добыто все это! Отъ каждой чашки, кажется...

— Мораль?

— Нѣтъ! Но вѣдь вы, ваша красота... вся зацѣлована. Точно товаръ въ лавкѣ, который всякій покупатель мнетъ и прикидываетъ...

— Не такъ это легко, какъ вы думаете. Это съ вами только такъ быстро пошло... съ другими, если и было, то...—И она покраснѣла.

— А было?—гадливо переспросилъ онъ, и ему было въ одно и то же время и жаль ее, и зло его разбирало, и дикая ревность росла.

— Послушай, ты что же это во мнѣ ищешь? Я не могу дать больше того, что у меня есть.

— Фу, какъ я глупъ!—опомнился Анисимовъ и всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и опять подошелъ къ Софьѣ Васильевнѣ.—Не смѣю спорить, разъ уже ты сознаешься въ этомъ. Ты должна лучше всего знать себя...

Онъ взялъ ея руку и сталъ цѣловать.

— И духи мои любимые,—вскользь замѣтилъ онъ...

Дѣйствительно, раздражающимъ тонкимъ ароматомъ «персидской сирени» былъ переполненъ воздухъ кругомъ. Отъ него кровь била въ голову, въ вискахъ стучало, и все-таки хотѣлось все больше и глубже дышать имъ На свѣтло-розовомъ фонѣ будуара хозяйка такъ была хороша, что Анисимовъ недолго выдерживалъ спокойствіе. Онъ взялъ ее за руки и притянулъ къ себѣ. Ея горящіе страстью глаза смотрѣли прямо въ его глаза; онъ чувствовалъ жаръ ея щекъ, соблазнительную теплоту

ея дыханія. Эти крупныя и алыя полуоткрытыя губы были и близки къ его губамъ, и, когда онъ коснулся ихъ, онѣ въ первое мгновеніе показались ему и сухи и горячи. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, онъ скользнулъ отъ ея рта къ родинкѣ подбородка, оттуда къ шеѣ,—и чуть не задушилъ ее своими поцѣлуями. Она отталкивала его отъ себя, но, видимо, не имѣла силы сдѣлать этого рѣшительно. Руки ея, опиравшіяся въ его плечи, слабѣли и, вмѣсто того, чтобы удержать Сергѣя Николаевича, вдругъ обвивали ему шею, и ея чудная головка безсильно склонялась на его плечо...—«Ну, довольно, довольно», смутно слышалось ему, но онъ уже теперь не могъ бы совладать съ собою...

— Моя?.. Да?.. Моя?..

— Нѣтъ еще!..—съ усиліемъ проговорила она.

И, приподнявъ голову, посмотрѣла въ зеркало. Развившіеся волосы ея сбились на лобъ, изъ-подъ нихъ горячо сверкали ея восточные глаза. Обнажившееся изъ-подъ сдвинувшагося пеньюара плечо все зарумянилось отъ нахлынувшей страсти, его голова приникла къ ней и не отрывалась... Она употребила послѣднія усилія, и, наконецъ, ей удалось поднять руку и нажать пуговку электрическаго звонка. Сергѣй Николаевичъ едва успѣлъ отскочить, ничего не понимая, какъ въ дверяхъ показалась горничная.

— Жанета... Подай холодной воды... Генералъ пить хочетъ, только побольше.

— Что это значитъ?—спросилъ пораженный Анисимовъ, еще не придя въ себя и весь дрожа отъ волненія.

— Ничего... Довольно, Сергѣй Николаевичъ, шутить. Будетъ. Какъ все это старо и пошло! Довольно!

— Что довольно?

Комната, казалось, кружилась передъ его глазами. Онъ едва удержался на ногахъ и задыхался.

— Что, что довольно?

Нѣжина звонко расхохоталась. Она уже смѣло владѣла собою, и, когда горничная съ графиномъ и стаканомъ на серебряномъ подносѣ вошла въ будуаръ, хозяйка привстала и собрала

вокругъ себя шелкъ измятаго пеньюара, стараясь прикрыть его безпорядокъ новыми складками.

— До свиданія, до свиданія!.. Выпейте воды, успокойтесь— и addio...

— Я не понимаю васъ.

Анисимовъ стоялъ передъ нею весь блѣдный, еще не осиливъ охватывавшаго его ощущенія.

— Нечего понимать... Уѣзжайте, пора... Я спать хочу

— Какъ пора?.. Значитъ, все это была игра?

— А вы приняли за настоящее—у дамы изъ «цыганскихъ пѣсенъ», образовавшейся по ярмаркамъ? Полноте, Сергѣй Николаевичъ, теперь даже мальчики—и тѣ умнѣе. И тѣхъ не обманешь!..

— Что же это... месть?..

— Да, генералъ, месть—месть опереточной пѣвицы лавровѣнчанному герою за неуваженіе къ женщинѣ. Идите—я жду Бухманова, онъ долженъ пріѣхать черезъ десять минутъ—я думаю, вамъ непріятно будетъ встрѣтиться съ нимъ... въ такомъ видѣ... Фу, какой вы смѣшной... я думала, вы особенный, ни на кого непохожій, а у васъ такіе же осоловѣлые глаза и красное лицо... Ну—eccelenza!.. идите же, идите, если хотите сохранить и невинность и собственное достоинство... Вѣдь вы знаете Бухманова—онъ будетъ радъ завтра разболтать это всѣмъ.

Buona sera, mio signore,—
Presto andate uia di qua!
Buona sera, ben di cuore!..

Если бы Анисимовъ еще помедлилъ въ передней—онъ бы услышалъ, какъ ея истерическій смѣхъ перешелъ въ рыданія, безумныя и порывистыя, когда грудь готова разорваться отъ тоски и муки, когда зубы впиваются въ тѣло и не чувствуешь при этомъ ни боли, ни терзаній, когда самая смерть кажется легче...

Дѣло въ томъ, что никакого Бухманова она не ждала.

Толстый эпикуреецъ вовсе и не бывалъ у нея. Жанета едва-едва могла приподнять Софью Васильевну и отвести ее въ

спальню. Преданная горничная, сама чуть не плача, раздѣла Нѣжину и уложила ее въ постель.

— Стоятъ ли они всѣ этого, чтобы изъ-за нихъ мучиться!..— утѣшала она барыню.

— Этотъ стоитъ... Одинъ изъ нихъ только и стоитъ!—проговорила та сквозь неумолкавшія рыданія...

IV. Въ царствѣ ночи.

Одинъ, лицомъ къ лицу съ темною и сырою ночью, шелъ домой Сергѣй Николаевичъ.

Онъ не былъ оскорбленъ всѣмъ происшедшимъ, нѣтъ! Первыя минуты тоска душила его; красота этой оригинальной женщины дразнила до такой степени, что онъ готовъ былъ опять вернуться назадъ, позабывъ все и всѣхъ, съ увѣренностью опять услышать этотъ презрительный смѣхъ, даже наткнуться на толстаго Бухманова. Онъ едва совладалъ съ собою и рѣшительно пошелъ впередъ. Въ немъ одновременно росли и страстное увлеченіе и пренебреженіе, почти гадливость. Онъ самъ не понималъ, какъ всѣ эти чувства могли уживаться рядомъ, но, съ отвращеніемъ вспоминая зацѣлованную другими Софью Васильевну, онъ въ то же время со страннымъ удовольствіемъ мысленно повторялъ себѣ ея слова, имѣвшія цѣлью обидѣть его, отомстить ему. Анисимовъ вообще пренебрегалъ женщинами, побѣда надъ которыми до сихъ поръ давалась ему слишкомъ легко и быстро. Онъ былъ честолюбивъ и смотрѣлъ далеко. Въ его жизни любовь играла роль краткаго антракта, послѣ котораго опять начинается безустанная гоньба за сильными ощущеніями, головокружительною карьерой, блестящими задачами, казавшимися тѣмъ увлекательнѣе, чѣмъ онѣ были труднѣе. Ему не приходило въ голову, что еще ни разу въ жизни онъ не былъ по-настоящему счастливъ. Ни одной такой минуты ему не дарила судьба. Даже моменты торжества не радовали. Или онъ его предвидѣлъ, или, выигравъ какую-нибудь тяжелую битву съ самимъ собою или съ другими, онъ, не окунувшись въ самодовольное успокоеніе, сейчасъ же кидался опять въ новыя волны, желая

осилить еще болѣе грозную бурю. Ему были по душѣ удары волнъ, свистъ вихря, несшаго прямо въ разгорѣвшееся лицо сорванную имъ пѣну съ грозныхъ отовсюду надвигавшихся валовъ. Въ океанѣ жизни Анисимовъ былъ спокойнымъ и увѣреннымъ пловцомъ и, приближаясь къ берегу, заранѣе испытывалъ чувство скуки. «Покой въ могилѣ, а могила еще далека!»—повторялъ онъ себѣ строки вдохновеннаго поэта. Когда улеглись первыя больныя ощущенія сегодняшнаго вечера, онъ даже началъ съ удовольствіемъ припоминать и смѣхъ Софьи Васильевны и ея «buona sera». — «Эта настоящая! — повторялъ онъ про себя.—Это—сила, не плакса, не размазня петербургская съ вѣчнымъ недовольствомъ и скукою!.. Этакую побороть и привязать къ себѣ стоитъ»... Если бы только было время, и болѣе крупныя задачи не манили его къ себѣ! Такъ, отъ петербургскаго ничегонедѣланья — еще пожалуй. Даже туда — подъ горячее солнце Азіи, въ золотые пески увезти ее съ собою можно было бы. Да тамъ и вышколить, чтобы повода слушалась и безъ мундштука всѣми аллюрами ходила. Онъ поймалъ себя на этой мысли и засмѣялся.

— Романъ готовъ! Есть героиня, чего же болѣе!

Нѣтъ, лучше бросить все это. Поболитъ въ изломѣ день-два, и кончено. Еще многое крупное и серьезное упустишь.—«Знаемъ мы этихъ оригинальныхъ женщинъ! При случаѣ обабятся точно такъ же, какъ и неоригинальныя. Эта позолота съ нихъ сходитъ живо!»

И онъ еще быстрѣе зашагалъ впередъ, открывъ шинель и подставивъ грудь и шею холодному вѣтру, дувшему съ Невы. Пустынныя улицы казались еще болѣе пустынными, когда потушили на нихъ фонари. Мрачными силуэтами выступали дома съ темными, точно слѣпыми, окнами. Небо, окутанное тучами, низко повисло надъ кровлями, такъ что нельзя было замѣтить, гдѣ оканчиваются шпили и куполы церквей и соборовъ. Изрѣдка попадалась посреди мостовой или на тротуарѣ неподвижная фигура городового, да сонные извозчики порою окликали Сергѣя Николаевича... Онъ шелъ безъ цѣли. Онъ уже давно миновалъ Милліонную, гдѣ жилъ. Ему хотѣлось расходить свою тоску, рас-

ходить свое щемящее чувство недовольства самимъ собою, эту еще неулегшуюся вспышку страстнаго увлеченія... Онъ повернулъ на Дворцовую набережную; передъ нимъ скоро, точно черныя облака, спустившіяся на землю, въ мракѣ обрисовались деревья Лѣтняго сада... Не зная зачѣмъ, онъ повернулъ къ Троицкому мосту и, прислонясь къ его периламъ, сталъ смотрѣть на бѣловатую пелену застывшей Невы... Вѣтеръ, безпрепятственно дувшій здѣсь, свѣвалъ пушинки свѣжаго, только что выпавшаго снѣга и несъ ихъ въ лицо Анисимову,—тотъ даже не отиралъ ихъ, онѣ его освѣжали... Какіе-то шаги, наконецъ, послышались позади... Кто-то остановился за нимъ... Сергѣй Николаевичъ оглянулся машинально. Передъ нимъ стояла, очевидно, въ нерѣшительности, едва-едва державшаяся на ногахъ женщина, маленькая, хилая.

— Экъ, матушка, — засмѣялся онъ, — гдѣ это тебя такъ укачало?

— Я не пьяна!—тихо проговорила та и тихо и робко, такъ робко, что Анисимову почему-то разомъ стало жаль ее.

— Что же тебѣ надо?

— Возьмите меня...—еще тише уронила та, опустивъ голову.

— Спасибо!.. Я не ищу на улицахъ приключеній.

— Возьмите меня... Возьмите!.. — безсмысленно, точно совсѣмъ потерявшись, прошептала она.—Возьмите...

— Я вамъ говорю, что мнѣ васъ не надо!—опять съ видимою гадливостью отвернулся Анисимовъ.

— Господи, Господи... Никому не надо... Никому...: Что же я дѣлать стану?

И такимъ горемъ вдругъ повѣяло отъ звука ея словъ и отъ нихъ самихъ, что Анисимова точно ударило по сердцу.

— Послушайте... Скажите прямо, чего вы хотите?

— Мать умираетъ. Мы со вчерашняго дня не ѣли... Въ комнатѣ темно, свѣчи нѣтъ даже... Холодно. Продаваться я вышла... Кому такая оборванная нужна? Грязная, оборванная...

Сергѣй Николаевичъ посмотрѣлъ на нее пристальнѣе. Ему вспомнились разсказы о промышленницахъ, ловившихъ простаковъ на чувствѣ состраданія и жалости. Ему почему-то пришло

въ голоову, что и эта изъ такихъ же. Она говорила съ спокойствіемъ и равнодушіемъ отчаянія. Ему же показалось, что это только затверженный урокъ, повторявшійся одинаково каждую ночь.

— Ну, извините... На этотъ разъ вамъ не удастся. Прошу васъ итти своей дорогой!.. Къ умирающей... или къ дѣтямъ-сиротамъ.

Она не сказала ему ничего сначала... Постояла-постояла и затѣмъ, когда она отошла, ему послышалось тихое: «Богъ васъ прости!» Онъ взглянулъ на нее—женщина шла, не оглядываясь... Сдѣлала нѣсколько шаговъ и схватилась руками за засыпанныя снѣгомъ перила моста, видимо, чтобы не упасть.

— А если настоящее горе?..

И Анисимовъ вспыхнулъ, несмотря на холодъ.

— А если это правда? Если ей нѣтъ никуда выхода, даже купить ея не хотятъ?—И онъ разомъ окрикнулъ ее:—Послушайте, послушайте...

Но она опять, видимо, оправилась и продолжала итти, не оглядываясь.

— Послушайте, какъ васъ... Остановитесь, погодите.

Она точно не слышала его. Сергѣй Николаевичъ тотчасъ же догналъ ее.

— Минуту. Вы меня простите, я васъ принялъ за одну изъ промышленницъ, эксплоатирующихъ лучшими чувствами человѣка...—«Фу, чортъ, даже говорить разучился. Точно изъ передовой статьи» (мелькнуло у него въ головѣ).—Я васъ не знаю, и поэтому не хотѣлъ, не имѣлъ желанія обижать васъ.

— Такъ вы берете меня?!

Не то радость, не то отчаяніе послышалось въ этомъ восклицаніи, а, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ.

— Брать васъ не желаю, а помочь хочу. Только съ однимъ условіемъ: поѣдемте вмѣстѣ къ вамъ, сейчасъ же.

— Вы все еще не вѣрите,—грустно проговорила она.—Ну, что-жъ, идемте... Только, умоляю васъ, не говорите матери, если она пришла въ себя. Я скажу, что вы докторъ...

— Докторъ? Въ эти часы?

— О, мы давно потеряли понятіе о времени...

Анисимовъ остановилъ проѣзжавшаго мимо извозчика и предложилъ женщинѣ сѣсть. Они проѣхали мостъ — спутница точно вспомнила.

— Ради Бога... Дайте мнѣ теперь что-нибудь... Хоть пять копѣекъ.

— Зачѣмъ?

— Взять хлѣба... Вотъ на лоткѣ еще торгуютъ...

Сергѣй Николаевичъ хотѣлъ было остановиться.

— Хороша пища для больной!

— Мы со вчерашняго дня и ея не видѣли!

— Нѣтъ здѣсь никакого открытаго еще трактира? — спросилъ онъ у извозчика.

— Есть за угломъ, для насъ; до утра торгуютъ.

— Ну, вотъ и отлично. Подъѣзжай туда.

Онъ далъ ей денегъ и поручилъ купить мяса, свѣчей, если возможно. Она торопливо ушла въ крошечную дверь, откуда каждый разъ, какъ ее отворяли, валилъ на улицу удушливый чадъ... Минуты черезъ двѣ она опять вышла въ облакѣ того же чада и, радостная, сѣла рядомъ съ Анисимовымъ. Его стало занимать это приключеніе. Онъ не безъ любопытства ожидалъ возможности заглянуть въ мірокъ, ему совсѣмъ невѣдомый. Да къ тому же и чувство жалости на время заслонило всѣ другія пережитыя имъ сегодня ощущенія.

— Послушайте... Вы сирота, у васъ отца нѣтъ?

— Отецъ бросилъ мою мать давно... Очень давно. Я только что родилась тогда.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Служитъ гдѣ-то въ провинціи.

— Что-жъ развѣ нельзя его заставить помочь вамъ?

— О, до этого униженія мы еще не дошли. Лучше погибнуть!

— Вы получили какое-нибудь воспитаніе?

— Только два года назадъ кончила женскую гимназію.

— И не могли найти занятій?

— Нѣтъ!.. Выходили мѣста, но съ матерью не принимали меня. А одну ее оставить, больную...

— Развѣ вы не могли ее помѣстить куда-нибудь—хоть въ богадѣльню, что ли?

— Мать—въ богадѣльню! Она мнѣ всю жизнь отдала. Нѣтъ, ужъ лучше умереть вмѣстѣ.

— Вотъ вы какая!

Онъ положительно радовался этому «приключенію». — «Совсѣмъ новый типъ,—думалось ему:—этого я еще не видалъ. Вотъ среда, гдѣ, дѣйствительно, борются и страдаютъ... Изъ-за возможности не умереть съ голоду. Что наши неудачи рядомъ съ этимъ горемъ... А вѣдь поди какая худенькая, да «хлипкая», какъ говорили мои солдаты»...

— Да вы обращались къ кому-нибудь, просили?

— Обращалась... Давали... А вчера и сегодня никто ничего не далъ...

Извозчикъ въѣхалъ въ глухую улицу, гдѣ полозья саней грязли въ ухабахъ, и лошадь должна была пойти шагомъ, чтобы не опрокинуть сѣдоковъ. Очевидно, зимой еще здѣсь было сносно, а лѣтомъ ни мостовыхъ, ничего не полагалось.

— Однако, глушь.

— Мы годъ ужъ живемъ тутъ... Только лучше бы вы не шли... У насъ нехорошо...—конфузилась она.

— Ну, вотъ еще.

Домикъ, вросшій въ землю и покосившійся, какихъ даже на окраинахъ Петербурга осталось мало. Анисимовъ дернулъ звонокъ—ручка его отлетѣла...

— Здѣсь звонка нѣтъ.

Дѣвушка наклонилась и постучала въ окно, бывшее вровень съ землей. Скоро во дворѣ послышался шумъ.

— Всякую шушваль чортъ по ночамъ носитъ, — донеслось оттуда къ Анисимову.—Въ шею бы накласть,—ворчалъ дворникъ.

Онъ, и отворивъ ворота, не угомонился.

— Кавалеровъ водите, а за квартиру не платите. Давеча хозяинъ приказалъ городового звать, чтобы васъ вонъ, а старуху вашу въ больницу.

— Молчи, дуракъ!—оборвалъ его Сергѣй Николаевичъ.—Я тебя самого сейчасъ же отправлю. Мерзавецъ!..

Дворникъ оторопѣлъ. Ругается—значитъ, имѣетъ право. Онъ даже запахнулъ полы полушубка.

— Тебѣ заплатятъ и за квартиру, и за все, и сейчасъ же. Понимаешь, скотина?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

— Чтобы сію минуту были принесены дрова въ ихъ квартиру, слышишь? Достань, гдѣ хочешь.

— Я хозяйскихъ возьму.

— Самоваръ у тебя есть? Чаи и сахаръ тоже?

— Есть.

— Поставь и подай. Понялъ?.. Да у меня живо, смотри. А то я распоряжусь съ тобою по-своему.

Дворникъ проворно подхватилъ бумажку, брошенную ему, и со всѣхъ ногъ побѣжалъ исполнять приказанія. Лѣстница скрипѣла, плакала и жаловалась подъ ногами Сергѣя Николаевича. Затхлымъ и сырымъ воздухомъ вѣяло отовсюду, точно въ старый склепъ входилъ онъ. Когда дѣвушка отыскала на стѣнѣ висѣвшій на гвоздѣ ключъ и отворила имъ двери, дверь точно такъ же застонала и заскрипѣла, будто кашляя отъ старости... Въ комнатѣ за нею было, дѣйствительно, холодно... Когда дѣвушка зажгла свѣчу, Сергѣй Николаевичъ былъ пораженъ обстановкою, какую ему пришлось видѣть впервые.

V. Какъ умираютъ съ голоду.

Голая, совсѣмъ голая комната. Стѣны передней не было, потому что откосъ крыши замѣнялъ и ее и потолокъ. Очевидно, снѣгъ на кровлѣ таялъ, потому что по временамъ слышались звуки отъ паденія капель сверху въ лужу, уже образовавшуюся на полу. Въ печкѣ выдъ вѣтеръ; холодно было до того, что Анисимовъ еще плотнѣе закутался въ свою шинель. Въ углу, подъ откосомъ крыши, на полуразвалившейся кровати, лежала цѣлая масса какихъ-то лохмотьевъ. Оттуда вѣяло кислымъ запахомъ, удушливымъ и въ то же время проникающимъ легкія,—

тѣмъ запахомъ, который такъ знакомъ всѣмъ, долго ухаживавшимъ за тифозными больными. Порою эта куча лохмотьевъ шевелилась, и изъ-подъ нея слышались тихіе, робкіе стоны.

— Аня... ты?..

Изъ-подъ тряпокъ приподнялась голова почти уже мертвой женщины. Только глаза ея горѣли лихорадочно.

— Сейчасъ, мама, сейчасъ...—съ невыразимою нѣжностью звучалъ голосъ дѣвушки въ этомъ ужасномъ углу. — Сейчасъ, мама. Все у насъ будетъ, все. И самоваръ и дрова...

— Откуда же?..

— Я нашла добраго человѣка... Докторъ вотъ со мною. Знакомый докторъ оказался, встрѣтила я!—путала она, очевидно, не умѣя лгать.

— Не безпокойтесь,—заговорилъ Анисимовъ: — я когда-то зналъ вашего мужа и съ удовольствіемъ готовъ помочь вамъ.

Худая рука поднялась подъ тряпками и съ усиліемъ сдѣлала знаменіе креста.

— Не всѣ, значитъ, не всѣ... насъ оставили... Мнѣ что! Я умираю... Не сегодня, такъ завтра... Ее вотъ, ее спасите... Передъ нею вся жизнь еще...

— Не бойтесь за дочь. Я уже рѣшилъ, что съ нею дѣлать.

— Сберегите ее... Мы какъ страдали, мучились, все-таки она можетъ прямо въ глаза смотрѣть людямъ.

— Я найду ей мѣсто... Она поѣдетъ въ провинцію учительницей.

— Дай вамъ Господи! Я тамъ стану за васъ молиться.

Дворникъ ввалился въ комнату съ дровами. При тускломъ свѣтѣ свѣчи положеніе этой несчастной семьи показалось еще ужаснѣе. Дѣйствительно, не было ничего. Все оказалось съѣдено. Когда огонь затрещалъ въ печи, гдѣ до сихъ поръ только уныло выдувалъ вѣтеръ, старуха уставила на него свой неподвижный взглядъ и точно не могла оторваться. Что-то, похожее на улыбку, показалось на ея землистомъ лицѣ.

— Да!.. Одинъ видъ согрѣваетъ... Мнѣ становится теплѣе... Давно ужъ я не видѣла огня... Щепки да уголья мало его даютъ. А когда-то... и мы жили... Помни, Аня,—одна останешься—не

забудь, какъ мы съ тобой честно жили здѣсь и боролись... до послѣдняго вздоха.

Дворникъ, съ недоумѣніемъ поглядывавшій на Анисимова, старался вовсю. Скоро на столѣ появился самоваръ, за которымъ хлопотала дѣвушка, плакавшая, когда ея не видѣла мать, и улыбавшаяся, когда взглядъ старухи, оторвавшійся, наконецъ, отъ огня, встрѣчался съ ея глазами.

Анисимовъ не могъ отдѣлаться отъ назойливаго сопоставленія только что оставленной имъ квартиры дамы изъ «цыганскихъ пѣсенъ», богатой, дразнившей глаза своею роскошью, и этимъ жалкимъ углюмъ. Здѣсь, среди этой нищеты, ему дышалось легче. Онъ подозвалъ къ себѣ дѣвушку.

— Есть у васъ какіе-нибудь документы?

— Да, аттестатъ...

— Я пошлю его брату... Совѣтую вамъ быть готовой... Онъ долго не заставитъ ждать.

— Вотъ мама оправится, и мы поѣдемъ.

Они говорили шопотомъ, но слухъ у больной былъ тонокъ, и она разобрала все.

— Я не задержу тебя, Аня.

— Что вы, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ кончена, совсѣмъ. Сегодня, завтра, можетъ быть, я еще жива буду, а тамъ... Ты одна останешься... Тяжело. Думала еще на тебя полюбоваться.

— Я безъ тебя, мама, не уѣду.

— Безъ меня уѣдешь. Меня скоро-скоро не будетъ совсѣмъ. Я это знаю. Сегодня я заснула и видѣла свою мать. Приходила за мною она, бабушка твоя, ты ея не помнишь. Что же, и пора. Нетрудно умирать той, которая такъ, какъ я, была оставлена всѣми!.. Прости ему, Боже...—еще тише заговорила она.—Прости ему, Боже!.. Онъ, можетъ быть, теперь счастливъ и веселъ... Встрѣтишь отца, Аня,—скажи ему, что я не помнила на немъ зла. Такъ вышло. Чѣмъ дальше отъ жизни, тѣмъ и зла на душѣ меньше. Какъ судить, кто виноватъ? Можетъ быть, и я.

— Ты,—всхлипнула Аня,—ты, мама... Ты не могла быть виновата, ты святая была.

Анисимовъ вынулъ карандашъ и написалъ на клочкѣ бумаги свой адресъ.

— Анна... Какъ васъ звать-то?

— Егоровна.

— Анна Егоровна. Вотъ гдѣ я живу. Найдете меня? Завтра вы пріодѣньтесь, купите тамъ что-нибудь — я вамъ оставлю, сколько могу...

Она вдругъ неожиданно припала къ его рукѣ. Онъ даже не успѣлъ ее отдернуть.

— Что это?.. Какъ вамъ не стыдно?

А самъ инстинктивно сталъ гладить ее по головкѣ, вглядываясь въ ея измученное личико.

Оно было положительно красиво. Глаза, темно-сѣрые, сіяли теперь радостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустнымъ возбужденіемъ. Блѣдное личико было чисто и изящно, густые волосы падали назадъ, и только теперь Анисимовъ замѣтилъ, что они были обрѣзаны. Онъ поморщился.

— И вы тоже... Этакіе прелестные волосы обстричь!

— Что же было дѣлать? Мы на нихъ жили двѣ недѣли.

— Вы продали ихъ?—покраснѣлъ Анисимовъ.

— Да...

— Простите меня. Такъ вотъ завтра вечеромъ найдите меня, если будетъ кого оставить съ вашей мамà, а нѣтъ—придите послѣзавтра. Я не на вѣтеръ говорю вамъ, что устрою васъ у брата.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Ну, это еще кто кого долженъ благодарить. Я тоже сегодня хорошъ былъ!..

И Анисимовъ, оставивъ дѣвушкѣ денегъ, вышелъ вонъ.

Теперь все это раздраженіе улеглось. Ему было хорошо и спокойно, и онъ только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе добраться домой и заснуть. Онъ даже улыбался, вспоминая Нѣжину и ея «buona sera». Зато то и дѣло скользившее въ его памяти растроганное личико Ани и ея тихій, робкій голосокъ возбуждали въ немъ какое-то, ему самому странное, умиленіе. Онъ даже съ не-

удовольствіемъ замѣтилъ, что какъ-то два или три раза слезы навернулись ему на глаза.

«Этого только недоставало. Кажется, не на Жуковскомъ выросъ?»

И онъ гналъ извозчика сильнѣе:

— Пошелъ, пошелъ. Чего ты на фонари засматриваешься, и безъ тебя горѣть будутъ.

А мысль невольно переносилась въ ту, имъ оставленную, комнатку нищей семьи: тамъ, благодаря ему, теперь тепло и свѣтло. Громко трещатъ дрова въ печи, шумитъ самоваръ и слышатся радостные голоса. Зачѣмъ онъ не остался тамъ—отогрѣться? Отогрѣться сердцемъ, которое не было у него черство, нѣтъ,— но какъ-то стыдился онъ всѣхъ его хорошихъ порывовъ, не давалъ ему, этому сердцу, воли, а разъ давъ, потомъ самъ себѣ не хотѣлъ признаваться въ томъ. Даже болѣе, ему случалось, сдѣлавъ что-нибудь хорошее, тотчасъ же постараться чѣмъ-нибудь циничнымъ и разнузданнымъ убить въ самомъ себѣ воспоминаніе объ этомъ. Точно ему противно было вспоминать, думать о созданномъ имъ же самимъ счастіи.

Такъ и теперь... Когда онъ поймалъ себя на «жуковщинѣ», какъ называлъ онъ приливъ искренняго чувства, онъ даже выругался вслухъ:

— Кажется, я совсѣмъ обмякъ... Нужно встряхнуть себя получше... Эй, ты... Поѣзжай-ка на Офицерскую

Извозчикъ покорно повернулъ лошадь.

«Домой не придется совсѣмъ ѣхать сегодня. Лучше, ужъ, какъ есть, «съ головой—въ грязь...» Никакъ иначе не окончить этого петербургскаго мотанья».

VI. Тяжелая минута.

Сергѣй Николаевичъ вернулся домой только въ полдень и мрачнѣе тучи.

Онъ досадливо опустилъ шторы окна, сквозь которыя широкія полосы солнечнаго свѣта ложились въ его спальню. Ему показалось этого мало, и онъ завѣсилъ его гардинами. Видимо,

Анисимову было не по себѣ. Онъ крикнулъ ни съ того, ни съ сего на входившаго къ нему денщика, потомъ извинился и, разозлясь еще болѣе, швырнулъ въ него полотенцемъ. Холодная, какъ ледъ, вода не освѣжила его. Онъ долго лилъ ее себѣ на голову, но когда раздѣлся совсѣмъ и легъ спать, лобъ его былъ горячъ попрежнему.

— Э, чортъ, опять начинается старая петербургская жизнь...—заговорилъ онъ вслухъ, по своей привычкѣ. — Тогда меня услали отсюда въ Туркестанъ, а теперь куда уйти отъ этой мерзости?..

И онъ съ отвращеніемъ сталъ припоминать все, что случилось послѣ того, какъ онъ оставилъ эту семью нищихъ на Петербургской сторонѣ. Роскошный лупанаръ, гдѣ за большія деньги столичный развратъ покупаетъ себѣ возможность забыться на минуту, на двѣ отъ охватывающей тоски и скуки; циничныя и наглыя женщины, запахъ вина, безсмысленные крики, отсвѣтъ желтыхъ газовыхъ огней на напудренныхъ плечахъ, огромные шиньоны, вызывающія улыбки, глупая ихъ рѣзкость и ихъ «ничѣмъ не удивишь»; разсчитанныя движенія, звонъ разбитаго рояля, надоѣдливый, нахально стучащій вамъ въ ухо; какія-то пѣсни, въ которыхъ все называется своимъ именемъ, и жесты, стоящіе этихъ пѣсенъ; красивая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ разрумянившимся отъ коньяку и шампанскаго лицомъ, старающаяся не ударить имъ въ грязь передъ богатымъ посѣтителемъ. Ея наивное личико такъ и носится передъ нимъ, возбуждая въ Анисимовѣ все больше и больше отвращенія.

— И зачѣмъ я пилъ столько!.. Точно утопить себя хотѣлъ въ этой мерзости.

Ему стало жарко и душно. Онъ сбросилъ съ себя одѣяло и зажмурился.

Тоска точно поняла, что она одна съ нимъ и что теперь настала ея побѣда. Она тисками сдавила ему сердце, такъ что Анисимову стало дышать трудно; холодною рукою сжала ему горло, всею тяжестью своей навалилась ему на грудь и заслонила цѣлый міръ отъ него. Онъ думалъ, метался, каялся. Ему казалось, что для него все пропало, что онъ, какъ и все кругомъ, такъ же

жалокъ и мелокъ, и ничто большое, крупное, великое, о чемъ онъ мечталъ такъ долго, къ чему готовился такъ упорно, для него невозможно... Карьера, одна карьера... Служба да подлый развратъ въ антрактахъ—неужели все въ этомъ?.. Все... А давно ли онъ задыхался отъ ужаса, думая, что умретъ, не оставивъ по себѣ ничего—ни крупнаго дѣла, ни славнаго имени. Вѣдь были же эти силы? Тамъ, въ глуши, далеко, среди простыхъ людей и вѣчныхъ опасностей—не даромъ же его берегла судьба, не даромъ же львиныя силы онъ чувствовалъ въ себѣ. Вѣдь не ошибался же онъ, какъ не ошибались и другіе? И стоило только явиться снова, чтобы опять день за днемъ шли такъ отвратительно, такъ глупо. Неужели же нѣтъ другого пути? Или уйти съ головой въ грязь, или такъ же, какъ Порожневъ, записаться въ счастливые мужья и дойти до блаженнаго состоянія улитки, отлично себя чувствующей въ своей крошечной раковинѣ? Нѣтъ, ужъ избави Боже! Съ чѣмъ, съ какими широкими задачами онъ ѣхалъ сюда; задуманное давно, казалось, близилось къ осуществленію,—съ чего онъ здѣсь началъ! Нечего сказать—хорошо. Вчера этотъ глупый бездѣльный кутежъ въ глупомъ и бездѣльномъ кружкѣ; потомъ урокъ, полученный имъ, имъ!.. и отъ кого же?—отъ наглой красавицы изъ «цыганскихъ пѣсенъ»... и, наконецъ, этотъ неумѣлый и пошлый загулъ въ лупанарѣ!.. Одною свѣтлою звѣздочкой мелькало ему худенькое, блѣдное, измученное личико Ани... «Анна Егоровна» такъ, кажется, зовутъ ее... Только на этомъ эпизодѣ онъ останавливался съ чувствомъ, близкимъ къ умиленію. За это ему простится многое... Но сознаніе своей нравственной дряблости, сознаніе своего безсилія бороться съ окружающею его средой охватывало его все тѣснѣе и тѣснѣе... Онъ чувствовалъ, что ему не заснуть, что такъ до самаго вечера онъ промается. И не одинъ онъ. Ему встрѣчались часто въ его обществѣ такіе же типы. Недовольство собою, окружающими, разладъ между цѣлями и жизнью однихъ доводилъ до пьянства, другихъ—до хроническаго отравленія морфіемъ. Вонъ Алексѣй Вольскій—часу не можетъ провести безъ впрыскиванія морфіемъ... сумасшедшимъ сталъ совсѣмъ, его уже въ Ниццу посылаютъ, авось тамошнее ласкающее солнце и голубое небо

вылѣчать его. А Баскаковъ!—развѣ лучше дойти до того, до чего дошелъ онъ? Обыкновенный развратъ уже не удовлетворяетъ этого, въ сущности, талантливаго человѣка. Ему нужно извращеніе его, онъ и жить не можетъ иначе, какъ доходя до ужасовъ!.. И ему, Анисимову, становилось все тяжелѣе. Онъ понималъ себя человѣкомъ этого міра; онъ былъ плоть отъ плоти его, кость отъ костей всей этой безполезно скучающей среды. Отрываясь отъ нея, онъ чувствовалъ въ себѣ богатырскія силы, возвращаясь назадъ, сознавалъ себя неотъемлемо принадлежащимъ къ прогнившему насквозь кружку. Вонъ, скорѣе вонъ отсюда. Все равно, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Сегодня — какъ вчера, завтра—какъ сегодня,—и очумѣешь совсѣмъ. Вонъ Бухгольцъ хвалится, что еще ни разу трезвый въ постель не ложился,— что же, и ему, Анисимову, такъ же? И нѣтъ иного исхода изъ этой наглой пустоты жизни. Куда ни кинь—одно и то же. Или въ грязь съ головою—или какъ одинъ изъ нихъ ударился въ юродство, въ спиритизмъ, въ глупость неимовѣрную, но все-таки шевелящую нервы. И Шопенгауэра не читали, а въ жизнь извѣрились и сами убиваютъ ее. Одни пошли по этому пути. Въ прошломъ ноль, настоящее ничтожно, будущее безотрадно—значитъ, или живи свиньей, или пулю въ лобъ, а другіе, тѣ, кому еще хочется безконечнаго, въ комъ жива жажда иного—у нихъ безконечное желаніе пальцами ощупать духа, за хвостъ притянуть къ сигарному ящику и заставить его прорицать глупости. Такъ, смотришь, и идутъ дни за днями, къ ужасу однихъ, на смѣхъ другимъ.

Что же, и ему такъ же, что ли?

Вѣдь не въ этомъ же мірѣ искать спасенія!

— Аня, несмотря на свое горе, счастливѣе. Еще бы! У нея настоящее горе, не призрачное. Она не съ фантомами борется, и потому у нея борьба реальная.

Дайте ему опредѣленнаго врага—и какъ бы безпощадно онъ схватился съ нимъ! А тутъ съ чѣмъ бороться? Съ воздухомъ, съ туманомъ, съ бродячими, поминутно мѣняющими свои очертанія, тучами? Противъ кого идти? Противъ всѣхъ и противъ себя.

Наконецъ, когда онъ совсѣмъ измучился, сонъ пришелъ къ нему на помощь, и онъ забылся.

Всталъ Анисимовъ совсѣмъ свѣжимъ. Отъ недавняго недовѣрія къ себѣ не оставалось и слѣда. Онъ даже сталъ школьничать со своимъ денщикомъ, чѣмъ тотъ, разумѣется, тотчасъ и воспользовался.

— Вы, ваше превосходительство, всегда такъ.

— А именно какъ?

— Днемъ пріѣхали, стали въ меня полотенцами швырятьсся... Мыломъ въ носъ ткнули.

— Что жъ, хорошо оно пахнетъ?.. Ну, извини, пожалуйста. Зачти себѣ впередъ это.

— Такъ-то за вами много уже зачтено.

— На вотъ тебѣ.

И онъ бросилъ ему первую попавшуюся бумажку, которую денщикъ подхватилъ на лету.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

— Не благодари...—поморщился Сергѣй Николаевичъ.

— Помилуйте, какъ можно. Вчера отъ родителей письмо было. Двѣ коровы пали у нихъ. Вотъ теперь пошлю имъ, все помога.

— Ну, на это двухъ коровъ не купишь.

— Лучше, чѣмъ ничего!

— Ладно. Будешь писать—скажи мнѣ. Я тебѣ дамъ денегъ. Въ хозяйствѣ безъ скота тяжело.

Денщикъ наклонился было поцѣловать руку.

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы не смѣлъ дѣлать этого. Холопъ этакій!

— Вами только семья и дышитъ.

— Хорошо, хорошо... Никто меня не спрашивалъ, пока я спалъ?

— И по сейчасъ сидитъ... Виноватъ, запамятовалъ, въ угостильной дама одна.

— Какая еще?

— Хорошая дама. У насъ, въ Ташкентѣ, такой не бывало никогда. Богатая. Ажно горитъ вся.

— Что расхваливаешь-то? Вѣрно, на чай дала тебѣ?

— Какъ же-съ. Ужъ это, извѣстно, по положенію.

— Положеніе еще выдумалъ. Смотри, Степанъ, прогоню я тебя.

— А потомъ сами плакать будете.

— Какъ?—удивился Анисимовъ.

— Потому такого человѣка, чтобы на васъ угодилъ, окромѣ меня, нѣтъ. Никто за вами такъ и ходить-то не станетъ. Попомните, сколько разовъ...

— Ну, ну, довольно, слышишь.

И, въ послѣдній разъ закутавъ ему голову мокрымъ полотенцемъ и завязавъ концы его узломъ у самаго носа барахтавшагося денщика, Анисимовъ, свѣжій и веселый, вышелъ въ другую комнату.

Вышелъ и остановился на порогѣ.

— Ну!—невольно проговорилъ онъ.—Что же это будетъ? Вчера вы меня выгнали, а сегодня сами пришли.

— Простите меня...—И Софья Васильевна Нѣжина, протянувъ обѣ руки, пошла къ нему навстрѣчу.

Анисимовъ нахмурился и, точно не замѣчая протянутыхъ къ нему рукъ, направился къ окну.

— Что же это... Послѣ Бухманова ко мнѣ вздумали? Для перемѣны, что ли?

— Я вовсе и не видала Бухманова.

— Вѣдь вчера же онъ долженъ былъ пріѣхать къ вамъ?

— Вовсе не долженъ былъ. Все это я сама на себя наговорила. Онъ не смѣетъ и носу показать ко мнѣ, я бы его не приняла. Да и вообще у меня никто не бываетъ.

— Что же это вы вчера за комедію со мною разыграли?

— Изъ «цыганскихъ пѣсенъ», генералъ... Очень ужъ вы злостью своей меня обидѣли. Сорвать обиду хотѣлось. Я человѣкъ нервный—выгнала васъ, а сама до утра проплакала.

Анисимовъ съ чего-то сталъ веселъ. Онъ засмѣялся, взялъ

руки Софьи Васильевны, усадилъ ее въ покойное кресло и началъ снимать съ нея шляпку, приколотую къ косамъ шпильками.

— Вы путаете мнѣ волосы.

— Это ужъ будетъ моя месть за вчерашнее.

VII. Худой миръ лучше доброй ссоры.

— Вы должны меня сильно ненавидѣть? Да?—спрашивала Нѣжина, покорно заглядывая въ глаза Анисимову.

— Еще бы! Вздумали изъ «Севильскаго цырюльника» даже... Въ первыя минуты я такъ бѣсился...

— Мы вѣдь всѣ больные здѣсь... Не знаешь, гдѣ приходится жить, какъ и что играть. Никто, какъ на человѣка, и не смотритъ,—ну, и озлобляемся до послѣдней степени. Вчера я передъ вами нарочно отстаивала нашу сцену—а вѣдь что безобразнѣе ея...

— Вы бы на казенную попробовали.

— На казенную?

— Да!..

— Это вы шутите?

— Нѣтъ, напротивъ, у меня есть связи—я бы могъ помочь вамъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ, не гожусь я въ чиновники.

— Какъ это въ чиновники?

— Да вы развѣ не знаете, во что обратился театръ теперь или, лучше, во что его обратили? Вы должны бы знать это. Вѣдь распорядители-то всѣ изъ вашихъ набраны туда; присматривалась я къ нимъ—Боже избави. Они въ театръ, какъ въ казарму, пришли и сейчасъ же изъ сцены плацъ-парадъ сдѣлали. Совсѣмъ— кавалерійскія конюшни. Чуть ли не съ арапниками въ рукахъ распоряжаются тамъ эти милые молодые люди... театральнаго дѣла капралы.

— Какъ вы назвали ихъ?—засмѣялся Анисимовъ.

— Все равно. Что имъ за дѣло до талантовъ или до успѣха. Имъ лишь бы писарской формализмъ да дисциплина была. Если бы вы знали, какіе это ограниченные, самодовольные люди!

Ужъ нечего и говорить объ искусствѣ. Навѣрное, въ немъ они понимаютъ не болѣе пожарныхъ, что по обязанности торчатъ за кулисами. Совсѣмъ носороги на цвѣточной выставкѣ.

— Чего вы злитесь?

— Вѣрила и добивалась вѣдь и я когда-то. Думала, что театръ—это храмъ. Легко ли мнѣ теперь видѣть эту вакханалію Скалозубовъ, Митрофанушекъ да Скотининыхъ...

И она, разомъ оживившись, начала передавать ему все, что знала объ этомъ мірѣ.

— Да это Богъ знаетъ, что вы толкуете. Этому и вѣрить трудно.

— Вотъ вы смѣетесь надъ «цыганскими пѣснями»,—а кто создалъ всю эту заваль и гниль?..

И дѣйствительно, изъ ея словъ рельефно выдавалось все, что за послѣднія десять лѣтъ совершилось на русской сценѣ: развратъ, вносимый въ искусство, паденіе репертуаровъ, царство бездарности—отразилось на всемъ остальномъ. Публика, переставшая посѣщать серьезный театръ, нуждалась все-таки въ зрѣлищѣ: этимъ воспользовалась разная шваль, явившаяся съ разнузданными толпами оголенныхъ и хриплыхъ пѣвицъ. Казенная сцена падала—кабацкая подымалась. Балаганы замѣнили драму; банальная, пошлая оперетка, этотъ чесоточный плодъ отъ вожделѣннаго союза публичнаго дома съ глупостью, безсмысленнаго смѣха тупоумнаго биржевика съ продажнымъ распутствомъ озвѣрѣлой въ цинизмѣ кокотки, это дитя жалкаго клоуна и накрашенной блудницы—захватила все въ свои руки. Идіотскій смѣхъ, конфортативное подбадриваніе слабѣющаго сладострастія, шельмованіе дѣвственныхъ и поэтическихъ идеаловъ, ёрническое нивелированіе великаго и прекраснаго съ пошлымъ и уродливымъ, изнасилованіе исторіи, искаженіе логики, перерожденіе сатиры и тонкой шутки въ отвратительное гоготаніе пьяной толпы, освѣжающихъ слезъ—въ комическій ревъ потаскушки, принциповъ чести и совѣсти—въ инструкціи врачебно-полицейскаго комитета,—вотъ что взошло наверхъ и рожистымъ воспаленіемъ со всѣхъ сторонъ охватило искусство. Этотъ чирей сцены не испугалъ толпу, уже омѣщанившуюся, уже

нервно огрубѣвшую. Ей понадобился крикъ вмѣсто музыки, высоко поднятое платье—вмѣсто классическаго жеста, обнаженныя ноги—вмѣсто прекраснаго и выразительнаго лица. Толпа стала сходиться въ театръ не для того, чтобы жить, чувствовать и плакать—нѣтъ, и жизни и чувства не стало, мысль спряталась куда-то. Зачѣмъ? Гораздо интереснѣе, животнѣе, щекотнѣе, когда толстая бабища, съ насморкомъ въ горлѣ вмѣсто голоса и съ манерами судомойки, покажетъ всѣмъ, приподнявъ юбки, то, что понятно каждому, для уразумѣнія чего не надо ни ума, ни образованія. Освинѣвшее искусство прибѣгало къ грубымъ возбужденіямъ; скоро и намека стало недостаточно, нуженъ былъ показъ.

Прежде, выходя изъ театра, люди до утра переживали глубокія впечатлѣнія, радовались торжеству правды, негодовали на временную побѣду зла; вмѣстѣ съ честнымъ страданіемъ плакали, давали волю нарождавшемуся въ сердцѣ протесту противъ насилія, гнета, рабства. Теперь не то: теперь кончили спектакль—думать и чувствовать нечего. Нервы достаточно возбуждены, конфортативъ подѣйствовалъ—въ трактиръ, къ цыганкамъ, въ публичный домъ. Идеалъ любви, чистый образъ, пережившій средніе вѣка, чтобы въ душу и тѣло, въ краски и звуки воплотиться подъ геніальнымъ рѣзцомъ, подъ божественною кистью Гёте—чудная Гретхенъ, эта улыбка неба, отразившаяся на землѣ, эта искра божественнаго пламени, совокупившаяся съ огнемъ земной страсти,—Гретхенъ, омытая отъ своего страдальческаго грѣха слезами десятковъ милліоновъ людей,—Гретхенъ, которая была бы мадонною, если бы не была женщиной съ плотью и кровью—выскакиваетъ набѣленная, циничная, пьяная, канканируетъ передъ вами на сценѣ, чуть не предъявляетъ съ подмостковъ выданный ей комитетомъ желтый билетъ—и дѣти тѣхъ отцовъ, которые рыдали надъ Маргаритою Гёте, смѣются и аплодируютъ этой сволочи Содома и Гоморры. Гдѣ, въ какой мѣняльной лавкѣ могло родиться, въ какомъ кабакѣ вырасти, въ какомъ публичномъ домѣ воспитаться это золотушное чадо?! Проказа искусства, зараза творчества! Если бы воображеніе борова способно было создать свою вальпургіеву ночь—ему не

надо было бы долго работать: въ нашей опереткѣ онъ нашелъ бы ее готовою.

Говорятъ—жалко серьезное искусство, гибнущее отъ соперничества оперетки! Жалка опера, драма, комедія, побѣжденная этимъ культомъ Пріапа. Не все ли это равно, что сказать: жалко человѣчество, уничтожаемое бактеріей; слабъ геній, умирающій отъ того, что оболочку, въ которой онъ блисталъ, съѣли живьемъ коховскія запятыя? Пальцемъ можно заслонить солнце—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы палецъ былъ великъ, а солнце ничтожно. Кусочекъ трихинной ветчины можетъ убить Шекспира. Что же это значитъ? Шекспиръ жалокъ, а свинья всемогуща?.. Представьте себѣ, что бы случилось, если бы гигіена занялась покровительствомъ и разведеніемъ бактерій? А развѣ не то же мы видимъ на сценѣ, развѣ не возбуждался вопросъ о приглашеніи каскадныхъ дивъ и геніевъ на казенную сцену,—на сцену, призванную быть хранительницей добрыхъ преданій и чистыхъ свѣточей искусства? Развѣ не сдѣлано все для того, чтобы трихина и въ столицѣ и въ провинціи съѣла человѣка?

— Вотъ вы какая!—раздумчиво повторялъ Анисимовъ, слушая ее.

— А вы что думали?

— Что вы и душой и тѣломъ изъ «цыганскихъ пѣсенъ».

— Нѣтъ, моими лучшими тріумфами въ провинціи были шекспировскія роли; я и сюда пріѣхала добиваться того же. Только одинъ отвѣтъ и получила: не съ кѣмъ давать такія пьесы.

— Вы бы назадъ въ провинцію.

— Тамъ, кромѣ трула-ла, почти ничего и не осталось. Серьезная сцена вся съѣдена этой трихиной. Даромъ никого не заманишь. Антрепренеры, задававшіеся цѣлью воскресить старый хорошій репертуаръ, прогорали,—ну, «смотрите здѣсь—смотрите тамъ» и торжествуетъ повсюду.

— Душа моя, тру-ла-ла теперь вездѣ—и въ политикѣ и въ наукѣ... Отчего же вы не бросили сцену?

— Что же мнѣ, по-вашему, въ прачки итти? Жить хочется. Крови у меня много, и жизни тоже нужно много. Чтобы все ки-

пѣло кругомъ... Меня не удержать. Кабы еще какое дѣло подушѣ нашлось.

— Захотѣли!

— У насъ, на Руси, нѣтъ его. Всѣ въ своихъ рамкахъ, всюду перегородки. У другихъ, сказываютъ, лучше. Была я въ Парижѣ—тамъ то же самое: женщина—или артистка или кокотка.

— Чаще и то и другое вмѣстѣ.

Нѣжина опять покраснѣла.

— Это въ мой огородъ!

— О, нѣтъ, ради Бога! У меня у самого вчерашняя злость уходилась. Теперь я другой совсѣмъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ досадно за нашу ссору.

— Я до утра проплакала. Истерика была даже,—тихо проговорила гостья.

— Ну, я плакать не умѣю. Зато измучился не хуже. Всѣ мы нынче нервные люди—вѣкъ такой. Наши отцы не знали этихъ тонкостей. Изъ-подъ аранника, какъ встрепанные, вставали менуэтъ танцовать. Теперь не то. Шестое чувство явилось—внутренняго разлада въ каждомъ. Знаете, я сегодня утромъ чуть было не зашелъ къ вамъ—просить прощенія.

— Жаль, что вы этого не сдѣлали!—просвѣтлѣла Нѣжина.— Не пришлось бы мнѣ съ тѣмъ же самымъ ѣздить къ вамъ.

— Боялся—Бухманова застану.

— Вотъ! Я уже говорила вамъ...

— Вмѣсто васъ, чортъ знаетъ, куда попалъ—жизнь прожигать. Самымъ безобразнымъ манеромъ провелъ утро. Чортъ знаетъ гдѣ!

— А все оттого, что вчера меня обидѣли!.. Да... Какой вы...

И вдругъ, совершенно неожиданно для Анисимова, двѣ ея красивыя, полныя руки обвились вокругъ его шеи. Горячія губки Нѣжиной искали его губъ...

— Миръ, теперь миръ... Навсегда, правда?—шептала она порывисто и страстно, пряча на его груди свою головку.

— Да... да...—охваченный внезапнымъ порывомъ нѣжности, отвѣчалъ онъ ей.

— Послушай, поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ обѣдать...

— Ни за что...

— Отчего это?

— Я ревнивъ, знаешь...

— Къ кому же тебѣ ревновать придется?

— Ко всему этому даренному великолѣпію твоей квартиры...

— Что за глупости!—покраснѣла она.

— Да, разумѣется. Со всѣхъ пяти частей свѣта. И вѣдь не даромъ же. Нѣтъ, знаете, у меня лучше, я такъ хочу. Къ вамъ, т. е. къ тебѣ, я не поѣду.

— А ты самъ сегодня утромъ что дѣлалъ?

— Я въ омутъ внизъ головою кинулся съ ненавистью и отвращеніемъ. А ты... разница большая. Сама говоришь—крови много, жить хочется. Лучше ужъ ты не зли меня.

Нѣжина покорно опустила голову и осталась.

VIII. По-своему.

Прошло нѣсколько дней. Анисимовъ хандрилъ больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ ѣздилъ представляться—и вернулся домой мрачнѣе тучи. Очевидно, враги его не дремали. Еще въ пріемной—когда онъ увидѣлъ друзей своихъ отворачивающимися къ окнамъ, старательно заговаривающими съ посторонними, спиною къ нему, точно вскользь подававшими ему руку и торопившимися отойти подальше,—онъ понялъ, что дѣла его плохи, и здѣсь ему нечего дѣлать. Одинъ Баратынскій оказался порядочнѣе другихъ. Онъ озабоченно подошелъ къ нему.

— Ну, Сергѣй Николаевичъ! Акціи твои стоятъ низко.

Анисимовъ сталъ себя нервно дергать за усы.

— Очень низко...

— Изъ чего ты заключаешь?

— Такъ. Тебя велѣно послѣднимъ принять. Когда я доложилъ—мнѣ сказали: «Этому еще чего здѣсь нужно?»

— Ну, и Богъ съ ними!—разомъ совладалъ съ собою Анисимовъ.

— Да, братъ.

— Я что жъ. Мнѣ все равно. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Славянамъ нужны люди. А то въ земство уйду. Да чего я стану еще ждать здѣсь?.. Доложи, что я уѣхалъ.

— Не порти ты себѣ окончательно положенія. Погоди. Знаешь—надо пережить. Если ты теперь уѣдешь — что изъ этого выйдетъ? Вѣдь вернутъ, и только еще хуже будетъ.

Мимо Анисимова въ кабинетъ къ особѣ проходили позже пріѣхавшіе и младшіе. Сѣдой и необыкновенно румяный, точно корсетомъ стянутый, генералъ подошелъ къ нему.

— А, нашъ славный богатырь Бова-королевичъ... Какъ я радъ, какъ я радъ видѣть... Вы знаете, какъ я васъ защищалъ здѣсь... какъ защищалъ!.. Такихъ, какъ вы, у насъ—разъ, два, да и обчелся. Но не цѣнятъ, нѣтъ!—грустно вздохнулъ онъ.— Но погодите, ваше время придетъ.

И онъ принялся преусердно жать Анисимову руки.

— Что онъ тебѣ говорилъ?..—спросилъ Баратынскій, когда тотъ отошелъ.

— Тысячи любезностей, чортъ его возьми!

— Ну, значитъ, онъ тебѣ большую пакость или уже сдѣлалъ, или собирается сдѣлать.

Анисимовъ до крови кусалъ себѣ губы, видя, что знакомые проходятъ, почти не узнавая его или издали холодно кланяясь. Даже Ладиславлевъ, еще недавно игравшій съ нимъ въ дружбу, летѣлъ мимо и только кивнулъ ему: «Извините, генералъ!..»— «Дуракъ!..» нисколько не стѣсняясь, проговорилъ ему вслѣдъ Сергѣй Николаевичъ. Но вотъ его терпѣнію пришелъ конецъ. Онъ рѣшительно обратился къ молоденькому адъютанту:

— Я жду здѣсь два съ половиною часа и больше не намѣренъ. Не угодно ли вамъ доложить объ этомъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство. Какъ же я могу!..—оторопѣлъ тотъ, съ недоумѣніемъ хлопая глазами.

— Ну, такъ если меня спросятъ—можете сообщить, что я уѣхалъ,—громко заговорилъ онъ, поворачиваясь къ дверямъ; но

въ эту самую минуту Баратынскій вышелъ изъ кабинета и позвалъ его.

Черезъ четверть часа вышелъ оттуда Анисимовъ еще раздраженнѣе и злѣе—и, ни на кого не глядя, двинулся къ выходу.

— Ну, что?..—нетерпѣливо переспросилъ его пріятель.

Анисимовъ остановился, дернулъ плечами и нарочно отвѣтилъ такъ, чтобы его слышали:

— Ничего. Все въ порядкѣ. На дняхъ ѣду къ брату на заводы.

— Зачѣмъ?

— Въ приказчики... Думаю, что у меня есть торговыя способности. Управляя краемъ, я оберегъ казнѣ болѣе двѣнадцати милліоновъ. Но тутъ этого не надо.

— Что тамъ?—повелъ онъ глазами на кабинетъ.

— Тамъ мнѣ сказали прямо, что я не нуженъ. Э, да что, право, мнѣ все это надоѣло. Мнѣ тоже не нужны они. У меня свои большія дѣла есть... До свиданія!

И, не подавая руки, онъ вышелъ.

Дома его ждала уже Софья Васильевна.

— Куда ты уѣзжаешь?—встрѣтила она его.

— Почему это тебѣ извѣстно?—остановился онъ, пораженный.

— Я еще вчера вечеромъ знала, что случится сегодня.

— Какимъ образомъ?

— У меня были вчера Дорошенко и Хмуровъ.

— Злѣйшіе враги мои!

— Да. Они между собою толковали.

— Отчего же ты мнѣ не сказала ни слова тотчасъ же?

— Во первыхъ, это бы не измѣнило дѣла, а во-вторыхъ, я сегодня всю ночь укладывалась.

— Развѣ ты тоже собираешься куда-нибудь?

— Да!

— Не будетъ нескромностью спросить тебя объ этомъ?

— Разумѣется, съ тобою. Кажется, ясно. Что же я теперь буду здѣсь дѣлать?

Сергѣй Николаевичъ отошелъ отъ нея въ раздумьѣ.

— Послушай, Соня. Ты знаешь, я люблю тебя по-своему, но если ты не хочешь сдѣлаться мнѣ ненавистной, ради Бога, оставайся здѣсь и не думай за мною ѣхать. Я, когда болѣю или когда мнѣ не везетъ, терпѣть не могу никого около себя. Ты слышишь—никого. Теперь у меня на картѣ многое. Вся жизнь. Я не знаю, что я предприму еще—можетъ быть, что-нибудь такое, отчего голова закружится. Короче, мнѣ для этого надо быть одному и свободнымъ.

— Я развѣ стѣсняю твою свободу?

— Да, стѣсняешь.

— Тѣмъ, что я люблю тебя?

— Да, именно тѣмъ. Нѣтъ въ такія минуты людей ненавистнѣе тѣхъ, которые любятъ. Они считаютъ себя въ правѣ требовать объясненій и отчетовъ. А серьезныя дѣла я желаю исполнять молча. Довольно.

— Что же это значитъ?

— Ничего больше.

— Такъ это разрывъ?—воскликнула княжна.—Такъ я тебѣ нужна только какъ игрушка, когда тебѣ весело?

— Свою скуку я и одинъ размыкаю.

— Я все-таки поѣду,—упрямо проговорила она, мѣняясь въ лицѣ.

— А я тебѣ говорю, что нѣтъ. Слышишь ты меня—я говорю тебѣ серьезно. Ну, прощай, мнѣ некогда.

И онъ повернулся, чтобы итти къ себѣ. Позади за нимъ послышались рыданія.

— Вы, по крайней мѣрѣ, позовете меня потомъ?

— Нѣтъ.

— Почему же? Что я сдѣлала тебѣ?

— Потому, что мы бы мѣшали другъ другу, и мѣшали постоянно. Я живу не для одного завтрашняго дня. Я далеко смотрю. Разойдемся теперь, пока еще есть время.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Я буду на твоей дорогѣ встрѣчаться всегда. Не хочешь добромъ, такъ я возьму тебя силой. Ты бу-

дешь мой! Да!..—Она вспыхнула и въ упоръ подошла къ нему.— Не смотри такъ бѣшено,—если злость у тебя кипитъ, такъ ударь лучше.

— Я женщинъ не бью, прощай.

— До свиданія, но помни—придетъ минута, когда ты захочешь вернуть сегодняшнее. На колѣняхъ станешь ползать — поздно будетъ. И чѣмъ больше я любить тебя буду, тѣмъ безпощаднѣе стану. Себя вымучу, изведу—да и тебѣ не сладко покажется. Я своего не отдаю такъ легко. Я за свое держусь крѣпко. А ты мой—и будешь моимъ. Такъ это и знай; а теперь, если бы ты и останавливалъ меня—я сама не останусь. Теперь я тебѣ говорю: прощай. И никакими силами ты меня не остановишь. Не бойся, я плакать не стану—слезы прошли.

— Пожалуйста, избавь меня отъ этихъ драматическихъ представленій.

Софья Васильевна молча смѣрила его съ ногъ до головы и быстро пошла къ дверямъ, не оглядываясь.

— Слава Богу, опять одинъ. Фу! — И онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.—А пока одинъ, значитъ, силенъ, и весь свѣтъ открытъ. Все мое.

Онъ сѣлъ и написалъ брату телеграмму, что ѣдетъ къ нему.

IX. Беллиніевская мадонна.

«Какъ это все вышло грубо, недостойно...—думалъ про себя Анисимовъ, ходя изъ угла въ уголъ.—А какъ же было иначе, когда я начиналъ уже привязываться къ ней? Чѣмъ дальше, тѣмъ связь наша становилась бы тѣснѣе, искреннѣе — трудно было бы развязаться со всѣмъ этимъ, а мнѣ нужно быть одному. Разъ какое-либо иное существо на шеѣ—связанъ! Ни прежней свободы, ни стараго размаха. Съ карьерой, о которой я думалъ, придется покончить. Въ самомъ дѣлѣ, эта вѣчная зависимость, постоянное ожиданіе великихъ и богатыхъ милостей или непріятностей мнѣ уже надоѣли. Пусть служатъ и подслуживаются другіе. Я сумѣю пробить себѣ дорогу. Давно не былъ въ Россіи—и

перемѣнилось здѣсь безъ меня многое. Общество какое-то больное; интеллигенція, о которой столько толкуютъ, вся разбилась на крошечные кружки—поѣдомъ ѣдятъ они другъ друга. Недовѣріе, ненависть повсюду. Внизу,—братъ пишетъ,—въ народѣ отчаянная нищета и апатія. Никто уже не надѣется ни на что лучшее. Надо присмотрѣться ко всему этому—да разомъ сказать такое слово, чтобы оно всѣхъ разбудило. Кличъ воскрешающій!.. Чтобы стать знаменемъ, подъ которымъ собрались бы всѣ въ чаяніи новой весны. Для этого одно остается—бросить Петербургъ и уйти на дно, въ самую глубь, туда, гдѣ слѣпо бродятъ великія силы, не находя себѣ ни простора, ни выраженія... Какіе-то невѣдомые химическіе процессы совершаются тамъ, посмотрѣть и взять въ свои руки...»

«И вѣчно — я, я... самъ... свои руки... Эгоизмъ! И пустой эгоизмъ. Да если я вѣрю въ то, что мое дѣло дастъ счастье людямъ,—если даже не счастье, то хоть оживитъ эти трупы?.. Всѣ—эгоисты, и тѣ, которые сознаются въ этомъ, и тѣ, которые о самопожертвованіи толкуютъ. Вопросъ въ томъ, какой эгоизмъ избрать: Нерона или Гарибальди?»

Онъ порывисто ходилъ, раздумывая, изъ угла въ уголъ. Мягкій коверъ скрадывалъ шумъ его шаговъ. Сквозь тяжелыя портьеры уличный шумъ не достигалъ въ полумракъ этой большой комнаты. Только часовой маятникъ мѣрно стучалъ въ футлярѣ изъ чернаго дерева, да изъ нижняго этажа едва-едва доносились звуки клавишей... Анисимовъ остановился передъ громаднымъ столомъ, на которомъ были раскиданы карты и планы..

«Это все пока придется оставить... Планъ Ватерлооской битвы... Еще вчера всю ночь сидѣлъ, изучалъ ошибки Наполеона... Вотъ Седанъ... Мецъ! Самая позорная страница французской исторіи... Разсуждай теперь, какъ по-ихнему. Базенъ — подлый эгоистъ или герой самопожертвованія? Продалъ Францію или династію спасти хотѣлъ?... Мерзавецъ, во всякомъ случаѣ. А вѣдь, въ сущности, какъ легко было нанести ударъ пруссакамъ. Линія обложенія у ихъ солдатъ не особенно геніально выполнена, оказывается. Стоило ударить на юго-западъ

Базену—интересно, въ какое же время сѣверный и восточный отряды этихъ шнельклопсовъ могли его настигнуть?—а тутъ вотъ это плато, успѣй его занять—и сраженіе выиграно... Да!.. И вся Франція спасена—судьба войны явилась бы другою... Дуракъ!.. Вздумалъ спасать седанскаго героя, думалъ бы о себѣ—лучше было бы. Разбей онъ пруссаковъ—пожалуй, и династія явилась бы другая во Франціи... А все-эти оглядки да нерѣшительность. Нѣтъ, надо дѣйствовать иначе. Современнаго человѣка по нервамъ бей, и онъ весь будетъ твой...»

— Ваше превосходительство! — прервалъ его мысли денщикъ

— Что тебѣ нужно?

— Тамъ васъ спрашиваетъ дама какая-то.

— Какъ ее звать?

— Сказываетъ—Анна Егоровна Торацкая.

— Я совсѣмъ не знаю такой.

— Они говорили, что вы сами приказали имъ прійти.

— Проси... Здравствуйте... Ба! это вы... я не узналъ васъ!

Бѣдная дѣвушка, встрѣченная въ ту памятную ночь, казалась еще слабѣе и блѣднѣе. Она пріодѣлась во все черное. Траурный крепъ низко падалъ съ ея скромной шляпки... Анисимовъ разомъ угадалъ, что случилось.

— Ваша мать умерла?

— Да... Вчера утромъ... Благодаря вамъ, я могла распорядиться всѣмъ... Завтра мы ее хоронимъ... Простите, что я не была вчера, какъ вы приказали.

Ея глаза были заплаканы и вспухли, руки нервно перебирали крепъ. Казалось, она едва удерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Ну, что же дѣлать... Старушка ваша была очень плоха. Здоровье-то у нея не особенное оказывалось.

— Ее бѣдность убила... Пока мы существовали кое-какъ—она крѣпче меня была.

— Что жъ... Я о васъ не писалъ брату, потому что самъ ѣду къ нему послѣзавтра или завтра, если успѣю. Да вотъ что. Не ожидая никакихъ писемъ оттуда, выѣзжайте отсюда скорѣе, какъ можете. Я васъ тамъ устрою, объ этомъ и безпокоиться нечего.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ...

— У васъ есть на дорогу деньги?

— Нѣтъ,—покраснѣла дѣвушка.—Осталось мало. Долги были, завтра похороны.

— Хорошо, значитъ, что я спросилъ. Сами бы вы стѣснились сказать объ этомъ. Я вамъ оставлю, сколько надо. Совѣтую вамъ только скорѣе отъѣзжать отсюда... Слышите... Самое лучшее, если вы также послѣзавтра поѣдете...

Дѣвушка спросила адресъ, куда ей ѣхать, и простилась.

«Подвиги благотворенія,—смѣялся самъ надъ собою Анисимовъ.—Какъ, подумаешь, это къ лицу мнѣ. Терпѣть не могу всей этой кислятины. Отъ нея мякнешь какъ-то, разнѣживаешься. А въ то же самое время что-то особенно привлекательное есть въ этой Аннѣ Егоровнѣ. Гдѣ я видѣлъ эти тихіе, именно тихіе глаза?.. И лицо такое простое,—а на душѣ становится легче, чѣмъ больше смотришь на него. Гдѣ я видѣлъ... Да!.. разумѣется, это она...»

И передъ нимъ, точно въявь, мелькнула чудная панорама Венеціи, залитой розовымъ свѣтомъ заката. Онъ вспомнилъ, какъ тихо скользила его черная гондола по зеленымъ волнамъ Джіудеки. Вонъ на ея набережной поднялся могучій силуэтъ храма Redemptore, созданнаго великимъ Палладіо... Тамъ-то именно, въ одномъ изъ придѣловъ, онъ видѣлъ мадонну Беллини. Потомъ онъ каждый день ѣздилъ туда смотрѣть на нее... Теперь ея тихіе и святые глаза онъ нашелъ у Анны Егоровны. Ему даже жаль стало, что онъ такъ скоро отпустилъ ее. Ему хотѣлось еще разъ, глядя на нее, пережить свои венеціанскія впечатлѣнія... Правда, онъ тогда былъ моложе, но они стали ему тѣмъ ближе и дороже!..—«И какая разница между этими двумя женщинами,—между этою беллиніевскою мадонной и той, которую, еще нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ такъ грубо прогналъ прочь... На эту чѣмъ больше смотрѣть, тѣмъ она кажется чище и моложе... Дѣйствительно, въ ея взглядѣ, сердцѣ — свѣтлые помыслы. Эта если бы и пала въ ту ночь, все-таки святою бы осталась. Было бы мученичество, а ужъ никакъ не грѣхъ... Она бы

и смотрѣла мученицей, отдаваясь, чтобы спасти мать свою отъ голода и смерти... А Софья Васильевна? Ну, у этой все—кромѣ святости!.. Эта грѣхомъ дышитъ. И злобы въ ней сколько—на маломъ не помирится. Съ этой не напишешь мадонну, даже въ кающіяся Магдалины не годится. Вся она въ страстномъ и дикомъ порывѣ, и ужъ что хотите, а плакать надъ своимъ прошлымъ ее не заставите. И что странно: Анну Егоровну чѣмъ больше видишь, тѣмъ больше видѣть хочется, а Софья Васильевна, когда уляжется бѣшеный порывъ и успокоятся нервы, только помѣхою является... Радъ бы уйти тогда отъ нея скорѣе... И любить эту бѣдную дѣвочку лучше, чѣмъ сумасшедшую Нѣжину. Первая все отдастъ, и взамѣнъ ей не придетъ даже въ голову потребовать чего-нибудь; вторая только тѣло свое тебѣ уступитъ, а отъ тебя все возьметъ, что можетъ... Нѣтъ, хорошо что разошелся съ нею. Правда, грубо, рѣзко, глупо даже—зато разомъ, безъ сценъ, безъ нервной безтолочи...»

«Избави Богъ—продолжалъ онъ думать,—отъ этихъ привязанностей. Только по рукамъ и по ногамъ спутаютъ онѣ и обезсилятъ человѣка... Мало ли ихъ было на моемъ вѣку, этихъ орловъ, которыхъ преспокойно засадили въ курятникъ и приручили тамъ. А ужъ обращаться въ домашнюю птицу—слуга покорный. И въ каждой женщинѣ сидитъ это желаніе непремѣнно стащить тебя за фалды внизъ, и чѣмъ выше и лучше человѣкъ, тѣмъ имъ интереснѣе продѣлать надъ нимъ эту операцію. Точно превосходство ихъ оскорбляетъ... Пока не измочалятъ, не истерзаютъ, до тѣхъ поръ не успокоятся. А потомъ и пойдутъ толковать: я думала, когда сходилась съ нимъ, что онъ богатырь, левъ, а оказался мокрой курицей. Сама вѣдь только этого и хотѣла. Вотъ этакая беллиніевская мадонна какъ Анна Егоровна, пожалуй, молиться на тебя станетъ и безропотно перенесетъ все; но вѣдь и подобной мадонны не встрѣтишь на каждомъ шагу! Помню я своего профессора Субботовича. Онъ у насъ всегда мрачный и злой былъ. А потомъ мы узнали, что дома у него цѣлый адъ оказывается. Женился бѣдняга на такъ называемой современной дѣвушкѣ. Воображалъ, что она вмѣстѣ съ нимъ ра-

ботать будетъ... А она, какъ только имъ «Исаія ликуй» отпѣли да «возложили на главы ихъ вѣнцы», тотчасъ же шелковаго платья да кавалергарда потребовала. Пошли безобразныя катанья на тройкахъ, безсмысленные кутежи!.. А потомъ она же на всѣхъ соборахъ анаѳемѣ предавала. Тираномъ и злодѣемъ, семейнымъ деспотомъ всѣмъ и каждому аттестовала. Нѣтъ,—засмѣялся Анисимовъ,—я нахожу, что нашъ сказочный эпосъ однимъ невѣренъ. Всѣ почти богатыри надъ бабой величаются, а то и упущено, что этакая баба почище Микулы Селяниновича всякаго витязя побѣдить, да еще и посмѣется надъ нимъ. Греки и евреи въ этомъ случаѣ понимали глубже: Самсонъ и Далила, Геркулесъ и Омфала—вотъ это настоящее...»

«Нѣтъ ужъ!.. Будь, что будетъ, а меня женщина не осѣдлаетъ. Не Порожневъ я... Въ обиду не дамся»...

— Эй Степанъ!

— Чего изволите?

— У тебя любовница есть?

— Чего-съ?—оторопѣлъ денщикъ.

— У тебя, говорю, есть любовница?

Степанъ улыбнулся блаженно.

— Приманилъ я къ себѣ, ваше превосходительство, одну тутъ швею.

— Чѣмъ же это ты?—засмѣялся Сергѣй Николаевичъ.

— Точно рыба на наживку—на синіе штаны мои пошла. Оченно, говоритъ, это къ лицу вамъ, Степанъ Миколаичъ, потому—по ногамъ-то васъ отъ хригерьадъютанта не отличить. Зашибъ ее совсѣмъ красный лампасъ... Теперь, какъ узнала, что мы ѣдемъ, плачетъ.

— Чего же она плачетъ?

— Извѣстно, дура... Опять же и то: гдѣ ей съ лампасомъ кавалера найти?

— Ну, а ты не плачешь?

— Стану я! Изъ-за бабы. Мало ихъ тоже!.. Нѣтъ, ваше превосходительство, мы себя довольно хорошо понимаемъ...

— Ну, молодецъ...

— Радъ стараться!

— Ну, теперь пошелъ вонъ, дуракъ. А если швея придетъ жаловаться на тебя, я заставлю тебя жениться...

— Никакъ это невозможно...—оторопѣлъ Степанъ.—Если на всѣхъ да жениться, такъ этакъ и кавалеровъ не хватитъ.

X. Неожиданная сосѣдка.

Въ день отъѣзда Анисимова изъ Петербурга, погода, какъ нарочно, стояла отвратительная.

— Наша Пальмира, очевидно, вовсе не хочетъ, чтобы ты жалѣлъ о ней!—смѣялся Порожневъ, провожавшій его на станцію.

Снѣгъ на улицахъ расползался въ отвратительную слякоть; стѣны домовъ, стекла оконъ точно обливались слезами; слезы капали съ кровель на шляпы и шапки проходившихъ по тротуарамъ, въ воздухѣ стояла какая-то насквозь проникающая сырость. По сторонамъ тянулись похоронныя процессіи, при чемъ провожавшіе едва ли не завидовали покойникамъ,—до того были кислы физіономіи первыхъ.

— Экая мерзость вашъ Петербургъ!—злился напослѣдокъ Анисимовъ.

— Почему же нашъ?

— Ну, ты совсѣмъ подъ стать ему сдѣлался. Правду сказать, на этотъ разъ мало хорошихъ впечатлѣній увожу я отсюда.

— Меня, главнымъ образомъ, удивляетъ, что тебя такъ дурно приняли...

— А я этому радуюсь. И не подумай, что изъ самолюбія говорю,—нѣтъ. По совѣсти—судьбѣ благодаренъ. Иначе служба засосала бы меня, какъ болото. Знаешь, съ головой. Ну, а теперь—слава Богу. За живое дѣло возьмусь...

— Какое и гдѣ?

— Найду. Не безпокойся. Не все же намъ глиняные города брать штурмомъ да съ гололобой азіатской сволочью возиться. И дома пропасть дѣла.

— Ты удовлетворишься мирной и тихой работой?

— Кто тебѣ говоритъ, что она у меня будетъ тиха и мирна? Во всякомъ случаѣ, не я. Я-то себя ужъ этимъ не обманываю, нѣтъ. Напротивъ. Я знаю, чего мнѣ ждать... Во всякомъ случаѣ, въ уголъ не забьюсь. Чуетъ мое сердце, что еще много-много придется мнѣ дѣла передѣлать.

— Послушай, вѣдь тебѣ черезъ годъ генералъ-лейтенанта слѣдуетъ.

— Ну?..

— Случись война—ты бы могъ корпуснымъ командиромъ быть.

— Я тебѣ на это вотъ что скажу: во время войны я и безъ того возьму свое. А вотъ теперь, въ мирное время, какъ найти исходъ силамъ? Запереться въ Петербургѣ, въ военное министерство, или хлопотать получить дивизію? Да и того не дадутъ, дадутъ бригаду... А дивизіоннаго надо мною назначатъ какого-нибудь тупоумнаго нѣмца, который будетъ выѣзжать на ремешкахъ да на пуговочкахъ.

— Назадъ въ Туркестанъ...

— Ну, Туркестана, другъ мой, теперь намъ, какъ своихъ ушей, не видать. Тамъ не такіе нужны люди. Мирная полоса настала, а надо все-таки выдумывать войну,—разворошить сартовъ или узбековъ, чтобы они поднялись, а потомъ сигналъ: «Разсыпьтесь, молодцы, за камни, за кусты—по два въ рядъ!» И пали... Ты думаешь, это убійство?—Ничуть не бывало. Это, по здѣшней логикѣ, добрая услуга пріятелямъ. Ихъ вѣдь за крестами посылаютъ къ намъ туда, въ степь. Ну, не угодно ли импровизировать для нихъ среди полнаго покоя военныя дѣйствія.

— Вотъ ты убѣдишься скоро, что и въ провинціи не лучше. Такой складъ...

— Свѣтъ не клиномъ сошелся. Найду. Во всякомъ случаѣ, подслуживаться не буду.

— Тебѣ бы родиться двумя-тремя столѣтіями раньше.

— И на это хватитъ...

Въ Николаевскомъ вокзалѣ пріятели усѣлись въ ожиданіи перваго звонка.

— Кто это тамъ за твоимъ Степаномъ ухаживаетъ?—заинтересовался Порожневъ.

— Въ самомъ дѣлѣ...

Какой-то громадный мужчинища со всклоченной бородой и наглыми на выкатѣ глазами, съ ленточками въ петличкѣ, о чемъ-то разспрашивалъ Степана и по временамъ заносилъ его отвѣты въ записную книжку.

— Степанъ!—крикнулъ Анисимовъ.

— Чего изволите?

— Ты билеты взялъ и багажъ сдалъ?

— Нѣтъ еще.

— Поторопись, пожалуйста. Кто это съ тобой?

— Изъ писарей газетныхъ ваше превосходительство.. Про васъ все интересуются... Дѣло ихъ такое.

— Репортеръ, вѣрно,—улыбнулся Порожневъ.

— Тоже литература!—поморщился Анисимовъ.

— Вотъ погоди, завтра прочтешь о себѣ такую арабскую сказку, что самому тошно сдѣлается.

Оставленный Степаномъ репортеръ сталъ охаживать Анисимова со всѣхъ сторонъ. Потомъ сѣлъ опять и записалъ что-то въ свою книжку, продолжая умиленно посматривать на Сергѣя Николаевича... Этотъ уже и забылъ о немъ, заговоривъ съ Порожневымъ, какъ вдругъ у самаго уха его послышалось:

— Его превосходительство, генералъ Анисимовъ, кажется?

— Къ вашимъ услугамъ!—проговорилъ Анисимовъ.

— Писатель Стоеросовъ изъ «Всевидящаго Ока».

— Что это за «Око»?

— Помилуйте, ежедневная газета, сорокъ тысячъ подписчиковъ и двадцать тысячъ розничной продажи. Громадное вліяніе, собственные корреспонденты и приложенія...—высыпалъ онъ, торопясь почему-то и проглатывая цѣлые слоги.

— Вы, вѣрно, репортеръ?

— Да... Я веду отдѣлъ: «Хватай его». Меня, ваше превосходительство, боятся даже... Имѣю къ вамъ дѣло...

— Чѣмъ могу служить?

— Не удѣлите ли мнѣ десять минутъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Анисимова началъ интересовать этотъ типъ.

— Изволили нѣсколько дней тому назадъ вернуться изъ Туркестана?—необыкновенно нагло и самоувѣренно спросилъ онъ.

— Да-съ.

— Съ какою цѣлью?

— Для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца.

— Чего-съ?

— Для астрономическихъ наблюденій...

Стоеросовъ похлопалъ глазами, но записалъ.

— А теперь куда ѣдете?

— Направляюсь въ Абиссинію.

— Зачѣмъ? — такъ и вспыхнулъ Стоеросовъ, завертѣвъ обмусленнымъ и искусаннымъ карандашомъ.

— Это большой секретъ... Впрочемъ, я вамъ, пожалуй, скажу... Есть дипломатическое порученіе къ негусу.

— Это что же такое будетъ «негусъ»?

Анисимовъ объяснилъ.

— А какъ вы смотрите на современное положеніе дѣлъ?

— То-есть?

— Ну, знаете, на всѣ эти военныя реформы и прочее?

— Нахожу, что для экономіи слѣдовало бы укоротить штаны солдатамъ и снять съ моего Степана лампасъ, которымъ онъ побѣждалъ сердца петербургскихъ швей, — расхохотался Анисимовъ.

— Вы что же получаете за свою полезную дѣятельность?— заинтересовался Порожневъ.—Построчно, вѣрно?

— Нѣтъ... Я еще до построчнаго не дошелъ. Мнѣ платятъ поштучно.

— Какъ это поштучно?

— Отъ сообщенія... за важныя сообщенія даже до трехъ рублей бываетъ. Недавно рынокъ горѣлъ—я первый поспѣлъ въ редакцію, ну—пять рублей. У меня, видите ли, подготовка къ

этому, потому что я настоящую школу прошелъ... Другому трудно.

— То-есть вы въ университетѣ были?

— Нѣтъ-съ... Я въ околоточныхъ служилъ, но по страсти къ литературѣ полицейскую службу бросилъ. Впрочемъ, связи сохранилъ. Для полученія сообщеній—главнѣйшее. Я на протоколахъ руку набилъ.

Но Анисимовъ ужъ не слушалъ. Первый звонокъ вызвалъ всѣхъ на платформу.

— Займи купе!—приказалъ онъ Степану.—Послушай, Порожневъ, пожалуйста, пришли мнѣ завтрашній номеръ «Всевидящаго Ока»: должно-быть, этотъ шутъ гороховый навретъ тамъ про меня чортъ знаетъ чего.

— Ты тоже хорошъ. Уваженіе къ печати у тебя ужъ совсѣмъ ташкентское!..

— Къ печати—да, только не къ этакой. Развѣ это печать? Это именно «хватай его». Такъ, кажется, называется отдѣлъ господина Стоеросова. Хороша печать—изъ околоточныхъ! На протоколахъ набилъ руку.

Пріятели обнялись. Степанъ стоялъ у дверей вагона.

Когда поѣздъ тронулся, смотрѣвшій до тѣхъ поръ въ окно и говорившій съ Порожневымъ Анисимовъ повернулся и прямо лицомъ къ лицу столкнулся съ Софьей Васильевной Нѣжиной. Вся закутанная въ крытый малиновымъ бархатомъ мѣхъ ангорской козы, необыкновенно шедшій къ ея восточному лицу, красавица стояла въ дверяхъ сосѣдняго купе...

Сергѣй Николаевичъ приподнялъ фуражку.

— Здравствуйте,—кивнула она ему.

— Куда вы ѣдете?

— Я у васъ не спрашиваю о томъ же?.. Что же вамъ за дѣло до меня?

— Такъ... Изъ вѣжливости больше, потому что нимало не интересуюсь этимъ...

— А все-таки мое будетъ!—вдругъ вспыхнула она, глядя въ упоръ на него.

Анисимовъ вошелъ въ купе и притворилъ двери...

XI. Мужчина предполагаетъ, а женщина располагаетъ.

Прошло нѣсколько часовъ.

Какъ онъ ни замкнулся, рѣшившись быть твердымъ и не поддаваться никакимъ соблазнамъ, но пылающіе глаза Софьи Васильевны, казалось, преслѣдовали его и тутъ. Онъ развернулъ какую-то книгу, но ему не читалось; пачка газетъ, взятыхъ имъ съ собою, оставалась неразвернутой. На одной станціи изъ вагона второго класса пришелъ къ нему Степанъ, спрашивая, не нужно ли чего-нибудь. Анисимовъ досадливо прогналъ его прочь.

— Пожалуйста, не лѣзь, и безъ тебя тошно...

«Съ характеромъ женщина,—думалъ онъ про себя;—ну, да не на такого напала!..»

И въ то же самое время память ему рисовала чудныя руки, сбивавшіяся вокругъ его шеи, эти круглыя плечи, трепетавшія и вздрагивающія подъ его поцѣлуями. Казалось, только постучать въ стѣну—и все это повторится опять; но Анисимовъ, негодуя самъ на себя, отгонялъ эти мысли...

— Довольно!—проговорилъ онъ.—Что я за тряпка такая.

Анисимовъ рѣшился заснуть во что бы то ни стало.

Онъ съ головою старательно завернулся въ пледъ, чтобы ничего не слышать, и упорнымъ усиліемъ заставилъ себя сначала думать о другомъ; потомъ его мысли спутались, перешли на что-то далекое-далекое... Еще нѣсколько минутъ—и онъ вдругъ увидѣлъ себя подъ жгучимъ солнцемъ Бухары, въ какомъ-то садикѣ, на порогѣ жалкой глиняной мазанки, изъ оконъ которой слышались сартянскія пѣсни,—печальныя восточныя пѣсни, нѣсколько дикія для европейскаго уха. Потомъ и эти пѣсни смолкли, и Анисимовъ спалъ уже крѣпко, безъ сновидѣній.

Онъ проснулся часа черезъ два. Ему почудилось, точно кто-то толкнулъ его или заговорилъ съ нимъ.

Сергѣй Николаевичъ открылъ глаза, но въ купе было темно. Тѣмъ не менѣе, онъ слышалъ, что здѣсь есть кто-то.

— Степанъ, ты?.. Зажги свѣчу... Или, лучше, отстегни занавѣску наверху.

Въ отвѣтъ долетѣлъ легкій смѣхъ.

— Кто тутъ?—окончательно стряхнулъ онъ съ себя послѣднія вѣянія сна.

— А что, не на своемъ ли я поставила? За кѣмъ побѣда, Сергѣй Николаевичъ?

Анисимовъ вскочилъ на ноги, самъ отстегнулъ занавѣску, закрывавшую газовый фонарь, и остановился въ крайнемъ недоразумѣніи. На другомъ диванчикѣ купе, положивъ головку на принесенную съ собою подушку, потягивалась Софья Васильевна. На бѣломъ батистѣ наволочки ея черныя косы лежали точно змѣи. Лукавая улыбка скользила по ея полуоткрытымъ губамъ, глаза смотрѣли задорно и весело. На ней былъ дорожный капотъ изъ персидской шелковой матеріи, плотно облегавшій не стянутое корсетомъ, но еще болѣе выигрывавшее отъ того тѣло. Ножки въ такихъ же пестрыхъ шелковыхъ чулкахъ, закинутыя одна на другую, дразнили его своими крошечными, краснаго бархата, шитыми золотомъ, туфлями безъ задковъ, едва державшимися на ея носкахъ. Широкій, изъ шали сдѣланный, поясъ былъ развязанъ и падалъ на полъ красивыми складками.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Такъ мнѣ нравится! Одной съ Жанетою мнѣ скучно—я и пришла къ вамъ... Знаете, если бы вы меня предупредили, что вы имѣете скверную привычку храпѣть—я бы никогда не влюбилась въ васъ.

— Чортъ знаетъ что такое!..

— Чего вы хлопаете глазами?

— Значитъ, мнѣ нужно самому искать себѣ другое мѣсто, если вамъ такъ нравится это купе.

— Пожалуйста, попробуйте.

Онъ подошелъ къ дверямъ, толкнулъ ихъ, но двери не подавались. Очевидно, замокъ былъ запертъ.

— Это вы заперли?

— Нѣтъ... Я просто хорошо заплатила кондуктору—насъ заперли снаружи и до утра не будутъ безпокоить. Я и вашему Степану приказала сказать, чтобы онъ спалъ и не тревожилъ

васъ. Вамъ остается одно, Сергѣй Николаевичъ,—насмѣшить весь поѣздъ, разыгравъ исторію прекраснаго Іосифа, бѣгущаго отъ развратной жены Пентефрія. Или вамъ библейскіе примѣры не нравятся? Ну, такъ изъ средневѣковой исторіи — возьмите хотя бы пажа Алонзо, который вылѣзъ въ слуховое окно отъ пожелавшей во что бы то ни было соблазнить его королевы Инесы... Оба примѣра въ достаточной степени полны добродѣтели... Я бы вамъ рекомендовала, только не библейскій, а средневѣковой... По-библейски въ дверь нельзя уйти—заперта, окна по случаю зимы задѣланы, а въ форточку, какъ Алонзо, пожалуй, можно... А я въ это время буду потрясать воздухъ отчаянными криками и мольбами... Ха-ха-ха!..

И, упавъ на подушку, она, какъ сумасшедшая, начала хохотать, вся вздрагивая и закрывая лицо руками.

Анисимову самому хотѣлось смѣяться. Но онъ взялъ свѣчу и зажегъ ее, открылъ книгу и началъ читать.

— Какъ вѣжливо, подумаешь... Какую вы это книгу читаете?

— Не мѣшайте мнѣ.

Она вырвала у него изъ рукъ книгу.

— Боккачіо!.. Вотъ это я понимаю. Если бы онъ былъ свидѣтелемъ сегодняшней сцены, какой бы прелестный разсказъ написалъ онъ... Воображаю, какъ вы сами хохотали бы надъ нимъ.

— Вы мнѣ, вѣроятно, такъ же не дадите читать, какъ не дали спать.

— Понятно... Теперь я здѣсь госпожа и дѣлаю что мнѣ угодно.

— Чего вы, собственно, хотите отъ меня?

— Многаго... Во-первыхъ, хочу, чтобы вы такъ въ меня влюбились, какъ прилично не генералу, а какому-нибудь поручику; чтобы вы надѣлали тысячи глупостей, стали ходячею сказкою для всѣхъ...—И она опять расхохоталась.—Потомъ, чтобы вы на колѣняхъ и въ полномъ парадѣ, держа подъ мышкою каску съ пѣтушьими перьями, просили моей руки и сердца. Я,—

дама изъ «цыганскихъ пѣсенъ»,—разумѣется, тотчасъ же воспользуюсь случаемъ пристроиться и сдѣлаться генеральшей. Я выйду за васъ замужъ. У насъ будутъ дѣти. Вы выйдете въ отставку, и мы поселимся въ какомъ-нибудь маленькомъ и тихомъ городкѣ. Вы привыкнете къ халату, станете послѣ обѣда спать. У васъ будутъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на колѣняхъ дѣти, дергать васъ за бороду, за усы. Это, право, такъ пріятно. Я сдѣлаюсь хозяйкой, выучусь солить огурцы, варить варенье, стану печь вамъ пироги по воскресеньямъ...

— Фу, чортъ васъ возьми!..

И они уже оба расхохотались.

— Не стыдно ли вамъ носить чужіе волосы?..—вскользь замѣтилъ онъ, когда одна изъ косъ упала съ подушки и повисла до полу.

— У меня чужіе?—засмѣялась она.—Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ, я еще ничего чужого не ношу!

И она разомъ распустила ихъ, покрывъ себя, точно черными волнами, этими роскошными волосами.

— А вотъ вамъ въ доказательство, что это все свои...

Она мигомъ привстала, сѣла къ нему на колѣни и, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, своими же волосами обвила его шею и связала ихъ на своей...

Теперь ему уже нельзя было шевельнуться. Каждое его движеніе могло бы сдѣлать ей больно. Онъ неподвижно смотрѣлъ прямо въ ея пылающее лицо, плотно прижимавшееся къ его лицу; горячее дыханіе кружило ему голову; онъ потянулся было поцѣловать ее въ губы, но она собрала послѣднія усилія и отвернулась. Онъ притянулъ ее къ себѣ—она отбивалась и, наконецъ, когда, казалось, губы его уже коснулись ея губъ, она разомъ распустила заплетенный позади ея узелъ изъ волосъ и, смѣясь, отошла, чтобы тотчасъ же лечь на свой диванчикъ.

— Что вы меня мучите?—спросилъ онъ ее.

— Подѣломъ! Сами захотѣли войны.

— Война? Развѣ это война?

— Женская. У насъ есть свое оружіе, которымъ мы

всегда побѣждаемъ. Еще не бывало примѣра, чтобы оно намъ измѣнило.

— Такъ!

— Фу, какъ здѣсь жарко стало. Мы съ вами, Сергѣй Николаевичъ, свои люди, позвольте мнѣ разстегнуться. Здѣсь задохнешься, кажется. Зачѣмъ они топятъ вагоны!

Анисимовъ пересѣлъ къ ней на диванъ, безцеремонно отодвинувъ ее.

— Пожалуйста, не смѣйте дотрогиваться до меня... Смотрѣть можете, но не больше.

— Такъ и я стану тебя слушать!

— Вѣдь искусаю васъ такъ, что вамъ стыдно будетъ выйти.

— Ладно...

Онъ одною рукою схватилъ ея руки тамъ, гдѣ онѣ перекрещивались, и такъ ихъ сжалъ, что Софья Васильевна даже побѣднѣла отъ боли.

— Звѣрь!

XII. Двое братьевъ.

На крошечной станціи своей собственной узкоколейной ж лѣзной дороги Петръ Николаевичъ Анисимовъ съ утра ждалъ брата, телеграмму котораго о выѣздѣ онъ получилъ еще наканунѣ. Онъ совсѣмъ не былъ похожъ на Сергѣя. Маленькій и узкоплечій, онъ казался тщедушнымъ только снаружи. Его узловатые и крѣпкіе, какъ сталь, мускулы обладали геркулесовскою силой. Худое и нервное лицо постоянно мѣняло свое выраженіе. Онъ привыкъ жить сильными ощущеніями среди дѣятельности имъ самимъ созданной для себя—и спалъ только пять часовъ въ сутки, все остальное время находясь въ самой безустанной и утомительной работѣ. Про него говорили, что онъ трудится, какъ нищій изъ-за куска хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ милліонеръ, отказавшійся и отъ свѣта и отъ удовольствій, ушедшій въ свою заводскую пустыню, вотъ уже двадцать лѣтъ не зналъ, что такое отдыхъ. Онъ замкнулся отъ свѣта, прежнихъ знакомствъ, почти

ничего не читалъ въ это время, кромѣ спеціальныхъ изслѣдованій по его дѣлу, отказался отъ любви, и только и дѣлалъ, что съ пяти часовъ утра скакалъ отъ одного завода къ другому—въ одномъ ставилъ машину, въ другомъ передѣлывалъ печь, въ третьемъ присутствовалъ при первомъ опытѣ переливки чугуна въ сталь, въ четвертомъ собственноручно собиралъ локомотивы и показывалъ, какъ надо пригонять однѣ ихъ части къ другимъ, въ пятомъ—по поясъ въ водѣ старался остановить стихію, пробовавшую прорвать плотину... Вечеромъ отовсюду получались телеграммы. Его заводы были соединены проволоками—и надо было отвѣчать на всѣ обращенные къ нему вопросы. Онъ уже разучился говорить, потому что двадцать лѣтъ несъ это громадное дѣло на своихъ плечахъ, и только приказывалъ, не находя даже времени объяснять мотивы своихъ приказаній. Перекусывать ему приходилось кое-какъ и гдѣ попало; часто онъ оставался на ночь спать въ какомъ-нибудь заводѣ, гдѣ ему постилали на свѣжее сѣно кошмы, чѣмъ онъ и довольствовался послѣ цѣлаго дня самаго головокружительнаго труда... Благодаря ему двадцать лѣтъ голодъ уже не заглядывалъ сюда. Кругомъ росла нищета, народъ разбѣгался, ища заработковъ, почва была здѣсь скверная, хлѣбъ родился плохо,—а у него прочно стояли на диво выстроенныя села, народъ бодро работалъ на его заводахъ, не зная заботъ о завтрашнемъ днѣ. Становилось безвыгодно одно производство или убивала его иностранная конкуренція,—Анисимовъ сейчасъ же создавалъ другое, кое-какъ прилаживая къ нему старыя заводскія строенія.

— Я какъ на Малаховомъ курганѣ!—любилъ изрѣдка говорить онъ.—Пробьютъ у меня брешь—сейчасъ же надо закладывать ее. Выдвинется непріятель траншейными работами—я сейчасъ ему навстрѣчу «тихою сапою». Такъ и отбиваюсь вотъ уже двадцать лѣтъ.

И за все это время онъ не терялъ бодрости, не падалъ духомъ, не опускалъ рукъ.

Жена, которой не по силамъ оказалась эта страшная и безразсвѣтная жизнь вѣчнаго труда, бросила его и уѣхала за границу. Онъ, сильно любившій ее, первые дни ходилъ какъ поте-

рянный; но вечеромъ случился пожаръ въ ближайшемъ селѣ. Онъ бросился туда, обжегся весь, спалилъ себѣ брови, бороду и волосы. Его замертво вытащили изъ-подъ горѣвшихъ балокъ. Проболѣвъ недѣлю, онъ выздоровѣлъ—и больше уже не вспоминалъ о своей потерѣ. Она писала ему изъ Ниццы, но письма ея онъ часто забывалъ прочесть... Еще бы... ему было не до восторженныхъ восклицаній по поводу чудныхъ красотъ южной природы—тамъ дойница лопнула въ гутѣ, тутъ въ вагранковой печи трещина оказалась, и краснорѣчивое посланіе, отложенное въ сторону, оказывалось даже непрочитаннымъ. Потомъ онъ узналъ, что его жена влюбилась въ какого-то итальянскаго графа. Онъ тотчасъ же принялъ все на себя, получилъ разводъ съ правомъ для нея выйти замужъ и послалъ ей всѣ нужные для этого документы. Она такъ и сдѣлала. Узнавъ это, Анисимовъ задумался было, да понадобилось упростить какой-то механизмъ, онъ и забылъ о «случаѣ». Онъ, дѣйствительно, ушелъ въ народъ и жилъ съ народомъ. Состояніе его оцѣнивалось десятками милліоновъ, но всѣ эти десятки милліоновъ уходили на починку «брешей», на защиту всего околотка отъ нищеты, отъ бѣдствій, безграничнымъ моремъ разливавшихся кругомъ... У него сначала было шоссе—мало показалось: онъ выстроилъ конно-желѣзныя дороги, потомъ провелъ вездѣ узкоколейный наровикъ, и дѣятельность въ его царствѣ закипѣла ключомъ. Съ утра до ночи, по всевозможнымъ направленіямъ, здѣсь перевозились массы грузовъ, машинъ, стекла, руды. Въ сотняхъ пунктовъ въ Россіи открывались конторы, сбывавшія все, что здѣсь создавалось такимъ неимовѣрнымъ трудомъ; иностранные изобрѣтатели съѣзжались сюда, примѣняя на мѣстныхъ заводахъ свои открытія; самъ онъ дѣлалъ то же, и, замѣчая въ какомъ-нибудь изъ рабочихъ выдающійся талантъ, онъ сейчасъ же посылалъ его учиться, а когда тотъ возвращался, довѣрчиво отдавалъ ему въ руки громадное дѣло.

Тысячи разъ его надували. Пользовавшіяся его довѣренностью лица сдѣлали себѣ громадныя состоянія на этомъ дѣлѣ. Онъ узнавалъ это, но не терялъ ни энергіи ни вѣры въ людей.

— Что же дѣлать... Надо заложить поскорѣе и эту брешь!..

И онъ закладывалъ ее, не сознаваясь никому въ сдѣланной ошибкѣ.

На работѣ ему некогда было всматриваться въ сердца человѣческія, некогда было отдѣлять агнцевъ отъ козловъ; и, сознавая себя надутымъ и обокраденнымъ, онъ морщилъ брови, произносилъ мысленно «мерзавецъ» и тотчасъ же разсылалъ сотни телеграммъ и приказаній по непрекращавшимся отовсюду вопросамъ и требованіямъ инструкцій.

— Ты обокралъ меня?—останавливался онъ передъ виновнымъ.

— Петръ Николаевичъ... Помилуйте... Да какъ же я посмѣю...

— Не меня, ты не понимаешь. Ты грабишь народъ, изъ котораго вышелъ... Ну—свѣтъ широкъ—прощай... Иди, куда хочешь, а я тебя знать не знаю больше.

Случалось даже, что онъ прощалъ «негодяя», и тотъ продолжалъ у него работать и его обкрадывать.

— Мнѣ надо вѣрить или всѣмъ или никому. Я одинъ—а они всѣ здѣсь другъ противъ друга!—говорилъ онъ, горько улыбаясь.—Что же дѣлать—люди, а не ангелы...

Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, фанатикъ работы. Петербургское воспитаніе, аристократическій развратъ, въ которомъ захлебнулся было младшій—Сергѣй Анисимовъ, почти не коснулись старшаго брата. Онъ во-время уѣхалъ изъ столицы и потомъ бывалъ тамъ изрѣдка, когда надо было отстоять отъ чрезъ мѣру ревнивыхъ чиновниковъ и канцелярскихъ законодателей свое рабочее царство. Тогда онъ скакалъ въ столицу, добивался аудіенцій, заставлялъ себя выслушивать и тотчасъ же возвращался назадъ, добившись своего. Онъ слышалъ о похожденіяхъ своего брата, но относился къ нимъ снисходительно. «Молодъ еще—не уходился». Онъ забывалъ при этомъ, что его самого никакъ и ничто не могло еще уходить до сихъ поръ...

Сильные люди вообще были эти Анисимовы и уважали другъ въ другѣ эту силу.

У нихъ оказывался еще старшій братъ, но ни Петръ, ни Сергѣй не дружили съ нимъ. Какъ это ни странно, но Семенъ Ани-

симовъ, нѣкогда блестящій гвардейскій офицеръ, ни съ того, ни съ сего, загадочно для всѣхъ, бросилъ службу и ушелъ въ далекій, бѣдный и захолустный монастырь. Братья знали, что ту же Анисимовскую силу онъ принесъ и въ обительское дѣло. О немъ порою доносились до нихъ удивительные слухи. Хаотическую груду скалъ посреди пустыннаго сѣвернаго озера отецъ Никодимъ,—какъ назывался онъ тогда,—обратилъ въ оазисъ, которому изумлялись даже пріѣзжавшіе туда англійскіе путешественники. Но ни Петръ, ни Сергѣй тамъ не бывали, а отецъ Никодимъ не писалъ имъ ничего. Онъ тоже не умѣлъ чему-нибудь отдаваться вполовину, а весь уходилъ въ дѣло. Также безусловно отрекся онъ и отъ міра...

Маленькій телеграфистъ (такихъ Петръ Николаевичъ обыкновенно назначалъ изъ учениковъ своихъ школъ) въ десятый разъ выбѣгалъ на платформу станціи и смотрѣлъ вдаль—но поѣзда еще не было видно. Гдѣ-то разошлась рѣка; полотно желѣзной дороги, по которой Сергѣй Анисимовъ долженъ былъ подъѣхать сюда, было залито водою. Вѣроятно, поэтому опоздалъ поѣздъ.

— Нѣтъ?—спрашивалъ нетерпѣливо старшій братъ.

— Никого нѣтъ...

«Экая досада... А у меня дѣло стоитъ—новыя матицы для стекла складываются», самъ про себя соображалъ онъ.

Онъ, разумѣется, не церемонясь, уѣхалъ бы, но Сергѣя онъ не видалъ давно, а Сергѣй былъ Веніаминомъ семьи. Его любили всѣ, хотя слухи объ его похожденіяхъ доносились и сюда. Старшій Анисимовъ притомъ же и гордился братомъ. Еще бы! Этотъ Сергѣй кое-что сдѣлалъ. Въ двадцать девять лѣтъ ухитрился два ханства завоевать да въ пяти походахъ принять участіе, и про одинъ изъ нихъ разсказывали даже маловѣроятныя чудеса.

«Это ничего, что онъ съ питерскими бабами бѣсится,—соображалъ про себя Петръ Николаевичъ.—Онъ воспитался такъ. Не самъ виноватъ въ этомъ».

Наконецъ, уже къ двумъ часамъ, телеграфистъ вбѣжалъ въ комнату, крича еще издали, что поѣздъ идетъ.

Петръ Николаевичъ вышелъ и, приложивъ руку къ глазамъ, сталъ всматриваться.

Посреди засыпанной снѣгомъ равнины печально тянулся двойной рядъ черныхъ рельсовъ. Вдали виднѣлось темное облачко, все увеличивавшееся и приближавшееся. Скоро въ этомъ темномъ облачкѣ выдѣлился черный локомотивъ и два разноцвѣтные огня тускло горѣвшихъ днемъ передовыхъ фонарей. На платформу вышелъ жандармъ, выскочилъ молоденькій начальникъ станціи, тоже изъ учениковъ Анисимова. Позѣвывая и крестя ротъ, показался монахъ изъ ближайшаго монастыря съ кошелемъ на длинной рукояти и звонкомъ, придѣланнымъ къ нему. Еще поѣздъ не остановился, какъ Петръ Николаевичъ увидѣлъ брата Сергѣя, глядѣвшаго въ окно. Сергѣй, видимое дѣло, не узналъ еще его. И не мудрено: Петръ Николаевикъ послѣднія десять лѣтъ не носилъ даже иного костюма, кромѣ сѣраго крестьянскаго кафтана, хотя изъ тонкаго сукна. Сергѣй скользнулъ по немъ взглядомъ и перевелъ его на другихъ.

— Петра Николаевича Анисимова нѣтъ здѣсь?—крикнулъ онъ въ окно.

— Выходи, выходи скорѣй, братъ: давно тебя жду здѣсь,— засмѣялся старшій Анисимовъ.

— Ты... Петръ! Вотъ бы не узналъ.

И Сергѣй Николаевичъ, выскочивъ изъ вагона, горячо обнялъ его.

— Молодецъ, совсѣмъ молодецъ... И... генералъ!..

— Да, только скоро думаю сбросить съ себя эти верити...

— Что такъ?

— Потомъ тебѣ разскажу. Настоящаго дѣла захотѣлось.

— Вотъ за это я тебѣ отъ души руку пожму. Видно, некого больше подъ ноги покорять? А?—шутилъ онъ.—Ну, душа моя, тебя ждетъ наша дорога...

— Какая?

— У меня, братъ, своя чугунка. Такъ ее и зовутъ Анисимовская... А пока чаю хочешь?

— Да... мнѣ немного холодно. Вотъ имѣю честь предста-

вить тебѣ обольстительнаго кавалера съ лампасомъ... Это мой денщикъ Степанъ. Самое лѣнивое животное въ мірѣ...

— Ну, у меня онъ здѣсь не облѣнится. Мы ему дѣло живо найдемъ. У насъ тутъ всѣ работаютъ.

Самоваръ уже кипѣлъ въ крошечной комнаткѣ на станціи.

— Я думалъ, ты дольше останешься въ Петербургѣ.

— Тамъ нечего дѣлать.

— Не поладилъ?

— Не то... Ты знаешь, я вѣдь имѣлъ нѣкоторое право на вниманіе ко мнѣ. Слава Богу, удалось тоже сослужить службу Россіи на дальнемъ Востокѣ.

— Полагаю.

— Два ханства, какъ ты называешь, подъ нози покорилъ... Ну, пошелъ я представляться—и что же? Ужъ въ пріемной вижу, что хорошаго ждать нечего. Ты слышалъ что-нибудь о графѣ Славянскомъ? Пріятели мы съ нимъ, на «ты». Онъ, какъ замѣтилъ меня, сейчасъ же обернулся къ окну и заинтересовался какою-то мухою на стеклѣ. Остальные въ томъ же родѣ... Я, разумѣется, понялъ, что моя пѣсня спѣта. Такъ и вышло... «Совѣтую вамъ, генералъ, уходиться»... Это мнѣ-то... Ну, я и хотѣлъ уйти совсѣмъ... Тогда же заявилъ, что буду имѣть честь представить свою отставку... «Этого мы отъ васъ не требуемъ»... Какъ покажется тебѣ?.. Они отъ меня отставки не требуютъ.

— Вижу одно, что Петербургъ, какъ былъ когда-то, такимъ же и остался. Имъ до Россіи нѣтъ никакого дѣла. Рѣшительно все равно, что здѣсь творится хорошаго или дурного. Ты знаешь, я ѣздилъ туда въ послѣдній разъ. Сначала подбили меня устроить заводы для постройки локомотивовъ,—«стыдно», говорятъ «Россіи все изъ-за границы выписывать». Я повѣрилъ сдуру и затратилъ два милліона на это дѣло. Только что оно у меня пошло—вдругъ старый министръ умираетъ, на его мѣсто новый. Этотъ сейчасъ же «прекратить покупку локомотивовъ въ Россіи; я нахожу полезнѣе выписывать ихъ отъ заграничныхъ заводчиковъ». Ѣду объясняться. Чиновники—никому дѣла до меня нѣтъ... А главный, отъ доклада котораго все зависитъ, оказывается агентомъ и комиссіонеромъ англійскихъ заводскихъ

фирмъ. Говорю съ его помощниками, а тѣ съ этой, знаешь, петербургскою шутливою любезностью и сообщаютъ мнѣ: «Если вы закроете свои заводы—Россія все равно не пропадетъ, и мы попрежнему каждое двадцатое число будемъ получать свое жалованье»... Вотъ тутъ и дѣлай дѣло!..

— Я, знаешь, хотѣлъ назадъ, въ Туркестанъ—куда! Еще бы—мое управленіе копейки казнѣ не стоитъ, напротивъ, двѣнадцать милліоновъ доходу дало. Значитъ, я не гожусь,—ну, и Богъ съ ними. Вотъ, думаю, пока у тебя присмотрюсь, не могу ли быть полезнымъ.

— Поживи—увидишь. Только не изъ той ты кости выточенъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, вѣдь ты не одинъ сюда ѣхалъ—нашъ повѣренный, встрѣчавшій тебя въ Москвѣ по моему приказанію, отписалъ мнѣ, что ты пріѣхалъ съ какою-то красавицей и сейчасъ же съ нею въ «Славянскомъ Базарѣ» вмѣстѣ остановился.

— Такъ,—улыбнулся Сергѣй Николаевичъ,—приключеніе дорожное. Я изъ-за нея въ Москвѣ недѣлю сидѣлъ.

— Ты, какъ Людовикъ XIV, не можешь иначе путешествовать, какъ съ фаворитками.

— Нѣтъ... Пустяки все это.

— Гдѣ же ты ее оставилъ?

— Она еще заѣдетъ сюда, вѣрно... Пока она въ Москвѣ остается.

— Ну, а что это за барышня вчера сюда пріѣхала отъ твоего имени? Тоже при твоей особѣ состоитъ?

— Какая барышня?—удивился Анисимовъ.

— Анна Егоровна Торацкая... Мнѣ она понравилась,—скромная и тихая...

— Это не то, что ты думаешь. Я ее послалъ къ тебѣ въ учительницы. Она честная и хорошая дѣвушка. Насъ съ нею свелъ случай...

И онъ разсказалъ брату свою встрѣчу съ Аней.

— Да, вотъ что... Ну, такъ я ее сейчасъ же и опредѣлю. Константинъ!..

Вбѣжалъ маленькій телеграфистъ.

— Куда ты дѣлъ барышню, что вчера пріѣхала?

— Я ее отправилъ пока въ Большаково. Она тамъ у попадьи оставлена.

— Пошли сейчасъ же ей телеграмму, чтобы ѣхала учительницей въ новую школу при Стомысковскомъ заводѣ. Дай знать и заводу. Пусть Климентовъ распорядится отвести ей помѣщеніе.. На-дняхъ я, впрочемъ, и самъ тамъ буду.

— Большое спасибо тебѣ за это.

— Ну, вотъ еще! Годна окажется, тамъ мнѣ надо будетъ тебя благодарить. Ну, теперь намъ пора.

Крошечный локомотивъ, попыхивая чернымъ удушливымъ дымомъ, стоялъ уже у самой станціи съ нѣсколькими миніатюрными вагончиками на рельсахъ. Не успѣли еще братья сѣсть, какъ Петръ Николаевичъ уже весь отдался дѣламъ и сталъ диктовать телеграммы по заводамъ, чтобы на слѣдующей станціи отправить ихъ по назначенію.

XIII. Старымъ повѣяло.

Только что кончивъ съ этимъ, Петръ Николаевичъ сталъ прислушиваться и присматриваться къ брату, точно отыскивалъ знакомыя ему молодыя черты въ обожженномъ средне-азіатскомъ солнцемъ лицѣ Сергѣя.

— Какъ ты жилъ все это время?—спросилъ младшій братъ.

— И не видно, какъ прошло—восемнадцать часовъ въ день работаю, не складывая рукъ.

— И такъ всѣ десять лѣтъ?

— Скажи—двадцать... Чего ты хмуришься?

— Безцвѣтная жизнь.

— Твои военныя и амурныя авантюры лучше? Я тутъ цѣлый край оберегаю, насторожѣ стою... Со всѣхъ сторонъ врагъ лѣзетъ—отбиваюсь. Это, по-твоему, безцвѣтно.

— Никто ничего не знаетъ и не цѣнитъ!

— А, ты это насчетъ славы... У меня душа, моя, другія цѣли. Умру—народъ на ногахъ стоять будетъ и безъ меня управится, никакая нищета и горе не смогутъ сломить его.

— Такъ ли?

— Иначе и жить бы не стоило... Уѣхалъ бы на берегъ Средиземнаго моря и сталъ бы тамъ любоваться на лазурныя волны... Такъ, кажется, ваши поэты описываютъ.

— Ну,—потупился Сергѣй,—извини меня. Я, можетъ быть, задѣну больное мѣсто: что жена твоя?

— О, нѣтъ, братъ, зажило. Въ изломѣ еще болѣло годъ-два—да тутъ некогда сентиментальничать. Это тому хорошо, кто не занятъ. Жена моя? То-есть эксъ-жена?.. Право, не знаю. Слышалъ я второпяхъ, что она своего мужа бросила и уѣхала теперь въ Каиръ. Зачѣмъ—Богъ ее вѣдаетъ. Да это и неинтересно.

— А послѣ такъ и не любилъ никого рѣшительно?

— По-твоему или по-моему? У насъ разные взгляды на это... Ты помнишь Ѳерапонта изъ Савватьевской пустыни, какъ онъ покойному отцу говорилъ, что женщина создана изъ ребра, и посему къ ребру прилежитъ для озлобленія плоти? Въ этомъ отношеніи я, разумѣется, монахомъ не былъ. У меня и теперь въ домѣ есть—ты увидишь. Хозяйствомъ завѣдуетъ. Изъ Мелетьевскаго завода взята.

— Неужели простая?

— Нѣтъ, душа моя, королева мекленбургская!—расхохотался онъ.—Настоящая заводская, но хорошаго поведенія...

— О чемъ же ты съ нею говоришь?

— Получше вашихъ безтолковыхъ хватовъ разсуждаетъ... Намъ, людямъ настоящаго чернаго дѣла, такія нужны. У такихъ ни нервовъ, ни истерій никакихъ. Жена дѣлового человѣка должна быть здоровая, спокойная, непритязательная. Говорить? Да когда мнѣ съ нею говорить-то... Нѣтъ, слава Богу, у меня былъ хорошій урокъ съ первою моей супругой. Прискачетъ, бывало,—сейчасъ флаконъ съ духами къ носу: отъ тебя потомъ пахнетъ.. Еще бы не пахнуть—пять часовъ подрядъ спины не разгибаю. Или только что займешься дѣломъ—вдругъ она съ нѣжностями... «Ты меня никогда не приласкаешь!..» Не угодно ли—а у меня руки занялись горѣть. А то: «Поѣдемъ въ губернскій городъ!»—Зачѣмъ?—«Тамъ теперь балы и лю-

бительскіе спектакли». Я тебѣ говорю — мнѣ нужна корова. Чтобы была здорова, весела и спокойна... Ты, разумѣется, этого не поймешь.

— Почему?

— Потому что въ васъ всѣхъ—это не здоровая потребность здороваго организма, а адюльтеръ... У васъ умъ развращенъ.

— Да, ты, разумѣется, правъ по-своему.

— Вотъ, погоди, начнешь здѣсь жить да поживать, такъ же думать будешь...

— Что это, кажется, мы по водѣ ѣдемъ.

— Да, рѣчушка тутъ у меня есть, Бѣшенка. Лѣтомъ ея не видать совсѣмъ. Лукавая шельма. Ну, а какъ снѣга начнутъ таять—она даетъ себя знать... Это она разлилась... Да вотъ самъ увидишь—можетъ, прямо на дѣло попадешь. Она теперь даже плотинѣ нашей Батьковской грозитъ... И имя ей дали вѣрное. Настоящая бѣшенка.

Въ это время поѣздъ подошелъ къ маленькой станціи. Петру Николаевичу подали цѣлую пачку телеграммъ.

— Вотъ я только что говорилъ тебѣ. Читай теперь: «Бѣшенка размыла Спасскій мостъ. Сноситъ прочь плотину и грозитъ желѣзнодорожному мосту...» А вотъ, еще: «Спасскій мостъ унесло верстъ на семь ниже, подмыло хлѣбный складъ у Арчакова... Надѣлала бѣды эта скверная рѣченка.

— Отчего же ты не сведешь ее куда-нибудь?

— Она у меня много дѣла дѣлаетъ. Я бы ее привелъ къ одному знаменателю, да, къ сожалѣнію, не вся она въ моихъ рукахъ... Ея верховье въ казенномъ владѣніи... Вотъ скоро увидишь—мы уже подъѣзжаемъ къ ней.

Сергѣй Николаевичъ вышелъ на платформу вагончика, чтобы посмотрѣть на знакомыя и родныя ему мѣста.

Тутъ онъ родился, тутъ и росъ до тѣхъ поръ, пока отцу не пришла въ голову несчастная мысль отвезти его въ пажескій корпусъ въ Петербургъ—именно несчастная. Теперь онъ отъ души завидовалъ брату, его цѣльности, увѣренности въ себѣ, его силѣ. Онъ, до сихъ поръ считавшій себя тоже крупною нату-

рою, почувствовалъ себя чуть ли не пигмеемъ рядомъ съ Петромъ Анисимовымъ...

— Не узнаешь?—спросилъ его вышедшій за нимъ старшій братъ.

— Да... Вѣдь это Проскуровская роща?..

— Она и есть. Каково сохранилъ? Ни одного деревца не вырубилъ въ ней...

— Воображаю, какъ здѣсь хорошо лѣтомъ...

Проскуровская роща, голая теперь и сквозная, темнымъ пятномъ казалась на этой равнинѣ, полузасыпанной уже подтаявшимъ и посинѣвшимъ снѣгомъ, полузалитой водами нежданно вскрывшейся Бѣшенки. Даль уходила въ безконечность, гдѣ чистое сегодня небо желтоватыми, неопредѣленными тонами сливалось съ блѣднѣющей и смутно переходившей въ какіе-то воздушные оттѣнки землею. Позади заходившее солнце алыми отсвѣтами румянило снѣгъ и на стеклахъ мелькавшей мимо деревеньки горѣло веселыми заревыми огнями... Вотъ прямо протянулась грунтовая дорога... Обозы на ней; еще издали, при видѣ крошечнаго поѣзда, хмурые и чумазые извозчики снимаютъ шапки. Петръ Николаевичъ кланяется имъ... «Мою руду на Спасо-Евѳиміевскій заводъ везутъ», — объясняетъ онъ брату... Тотъ не слышитъ... Гдѣ-то вблизи долженъ быть ровъ, весь поросшій лознякомъ. Ребенкомъ Сергѣй Николаевичъ часто забирался туда—ляжетъ, бывало, на спину и притаится. Ободренныя его молчаніемъ птицы заведутъ свой концертъ и завозятся въ тонкихъ, легкою и нѣжною зеленью опушенныхъ вѣтвяхъ. Онъ и любуется ими, слушаетъ ихъ, и, кажется, до вечера готовъ бы пролежать здѣсь... Вотъ именно этотъ ровъ. Такой же капризной излучиной протянулся—только лознякъ разросся еще пышнѣе, и кусты стали уже деревьями... Новенькій выселокъ протянулся надъ оврагомъ. Избы съ иголочки,—всѣ къ солнцу повернулись окнами, точно глазами...

— Этого не было...

— Да, я построилъ для рабочихъ, которые заболѣли или постарѣли у меня. Скоро какъ-нибудь заводикъ прилажу около,

для подростковъ... Нечего имъ болтаться да зря ѣсть хлѣбъ... Каждый работать долженъ...

— Вотъ и старая церковь... А около что—тоже новая?

— Знаешь, въ этой, старой-то, покойная матушка любила молиться. Я ее и не тронулъ—оставилъ, какъ она была—только поддерживаю да подпираю костылями, чтобы она у меня не рухнула, а рядомъ построилъ новую каменную. Потомъ съѣздимъ посмотрѣть. Образа ко мнѣ пріѣзжалъ Годунъ изъ академіи писать... Только, правду говоря, прежняя съ наивными иконами больше мнѣ нравится... Ты, впрочемъ, плохой ботомолецъ былъ. Всегда засыпалъ на полу прямо...

— Какъ же, я церковь хорошо помню. И дряхлаго священника также... У меня до сихъ поръ дребезжитъ въ ушахъ его старческій голосъ. А помнишь его косичку—тощая-тощая косичка и бородка, пожелтѣвшая отъ старости.

— Теперь его сынъ у меня здѣсь.

— Тоже священникомъ?

— Нѣтъ, механикомъ на сталелитейномъ заводѣ. Большихъ денегъ стоитъ голова.

И Петръ Николаевичъ разомъ нахмурился.

— Одно жаль... Честныхъ людей мало. Пока не при денежномъ дѣлѣ—хорошъ, золотой человѣкъ. Какъ приставили его къ деньгамъ—кончено... Ну... да это общая судьба... Лишь бы дѣло шло.

Очевидно, и сынъ стараго священника оказался не безупреченъ.

— Ты его увидишь. Я помню, онъ хоть и старше тебя, а вы друзьями были... Женить его надо только. Вотъ бы на этой новой учительницѣ твоей...

— Что?.. Ты, Петръ, съ ума сошелъ.

— Отчего?

— На Беллиніевской мадоннѣ какого-то механика женить вздумалъ—что ты...

Анисимовъ старшій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на брата.

— Какая еще мадонна такая...

— Прости, пожалуйста. Это я совсѣмъ съ ума спятилъ...

Ужасно она похожа на мадонну Беллини, которую я видѣлъ въ одной изъ венеціанскихъ церквей.

— Что жъ такое? Вѣдь старые-то художники больше этихъ мадоннъ со своихъ женъ да любовницъ писали!

— А вотъ это и есть Бѣшенка?

— Да!..

Вдали на бѣломъ просторѣ виднѣлась масса воды, стремившейся быстро впередъ. Уже отсюда видно было, что рѣка бѣжала яро, «грудью перла», какъ говоритъ народъ. Тамъ, гдѣ кончались рельсы—чернѣлъ еще мостъ, но черезъ него переливались уже вспѣнившіяся струи. Толпа стояла около, очевидно, ожидая поѣзда... Чѣмъ ближе, тѣмъ серьезнѣе оказывалось дѣло. За полверсты уже слышался грохотъ и шумъ воды, точно злившейся на встрѣченную ею жалкую преграду; кое-гдѣ по берегу галялись старыя деревья. Разошедшаяся рѣка подмыла ихъ корни, свалила и донесла до первой излучины. Тутъ они зацѣпились вѣтвями и застряли, обмываемыя отовсюду волнами и пѣной.

— Видишь? Ну, не подлая ли рѣчонка, — вѣдь только утромъ я проѣхалъ встрѣчать тебя—а теперь не угодно ли.

— Да... Не переѣдемъ.

— Ну, это еще посмотримъ... Я съ нею слажу.

И Сергѣй Николаевичъ, взглянувъ на брата, не узналъ его.

Глаза Анисимова старшаго горѣли; онъ зорко смотрѣлъ впередъ, нетерпѣливо покрикивая кондуктору:

— Скорѣй, братецъ, видишь—дѣло не ждетъ.

Поѣздъ, сдѣлавъ кругъ, остановился у рѣки, у самаго моста, передъ толпою собравшагося народа...

— Здорово братцы!—крикнулъ Петръ Николаевичъ, и какъ сначала Сергѣй не узналъ его лица, измѣнившагося и полнаго энергіи, такъ теперь онъ не узналъ его голоса—до того звонокъ и рѣзокъ онъ былъ.

— Здравствуй, здравствуй, Петръ Миколаичъ.

— Что, ребятушки, наша Бѣшенка опять шутки шутить начала? А?

— Вотъ самъ видишь... Кака лукавка эта рѣчонка.

— Ну, мы ее разомъ уймемъ... Да такъ, чтобы ей и впередъ было неповадно. Правда, голуби?

— Правда, правда... Ты-то съ ей сладишь.

— А вы безъ меня попробовали?

— Куда ужъ безъ тебя!.. Насъ она не послухаетъ. Она безъ тебя не уступитъ—не такая. Что привередливая баба—малая, а костливая...

Но Петръ Николаевичъ уже быстро пошелъ къ мосту, зорко глядываясь въ стремительное теченіе рѣчонки.

XIV. Укрощенная Бѣшенка.

Мостъ начинало расшатывать. Нѣкоторыя балки его и сваи, вбитыя въ дно потока, подались и подъ напоромъ воды отклонились въ сторону. Злобное «стремя», какъ называли здѣсь быстрину, кружилось вокругъ стоявшихъ еще прочно брусьевъ, точно врагъ, высматривавшій, куда вѣрнѣе ударить, чтобы разомъ сбить съ ногъ противника. Шумъ и грохотъ стоялъ тутъ оглушительный. Дальше берега низились, и тамъ Бѣшенка выступила изъ нихъ и заливала понизи; здѣсь она только неслась мимо... Рельсы на мосту уже покривились, доски его разошлись, и весь онъ зіялъ, точно свѣжими ранами; середина была вся однимъ громаднымъ проваломъ.

— Давно снесло его?—спрашивалъ у окружающихъ Петръ Николаевичъ.

— Съ полчаса будетъ.

Онъ все еще продолжалъ смотрѣть, точно оцѣнивая уронъ, нанесенный рѣкою, и соображая способы, какъ спасти остальное.

— Надо раздѣться и въ воду,—обернулся онъ къ Сергѣю.— За мною и эти пойдутъ.

— Ты тифъ схватишь.

— Вотъ тебѣ и на! Я, другъ мой, и зиму и лѣто ледяныя ванны беру каждый день... Вотъ что, братцы, тащите веревокъ, кто сколько можетъ, да побольше... Съ нами есть?—обернулся онъ къ мальчику-кондуктору.

— Въ задній вагонъ изъ Батькова нагрузили веревокъ и канатовъ для завода.

— Ну, вотъ и отлично, давай ихъ сюда. Тащи всѣ... Братцы, теперь полно стоять да зѣвать. Спасать мостъ надо. Безъ моста грузы остановятся, и заводы по ту сторону останутся безъ дѣла. Вагранкѣ да домнѣ,—какъ человѣку хлѣбъ,—руда требуется. Не будетъ вагранкамъ да домнамъ руды—и рабочимъ хлѣба не станетъ... Слышите вы меня?.. Положимъ, я ихъ прокормлю, да вѣдь изъ запасовъ брать придется, а запасъ на черный день. Вѣрно я говорю?

— Вѣрно, батюшка, вѣрно.

— Ну, вотъ видите ли. Значитъ, давай теперь, какъ на войнѣ, защищать мостъ. Окрутимъ мы его со всѣхъ сторонъ веревками, такъ что всѣ балки, что расшатались, дня три-четыре продержатся, а тамъ Бѣшенка спадетъ...

— Спадетъ... завтра къ вечеру спадетъ...

— И съ чего только пузырится!..

— Ну, вотъ,—кто со мною?..

— Да мы всѣ, батюшка, люди-то привычные.

— Я тоже пойду,—сказалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Смотри, Сергѣй, ты-то вотъ простудиться можешь.

— Ну, это ужъ оставь. Слава Богу, до сихъ поръ на переходахъ не простуживался по горло въ водѣ, да еще негдѣ обсушиться и согрѣться было... А тутъ вѣдь работать придется

— Ты вѣдь хорошо плаваешь?

— Нарочно не утопишь.

— Ну, раздѣваться, братцы... Съ Богомъ... Онъ насъ поддержитъ.

Петръ Николаевичъ перекрестился три раза, за нимъ сдѣлали то же самое и остальные; потомъ мигомъ раздѣлся и, не глядя на холодъ, смѣло бросился въ воду. Теченіемъ, на первыхъ порахъ, отнесло его внизъ, но онъ тотчасъ же совладалъ со стремниной и поднялся опять къ мосту. Тутъ онъ схватился за одну изъ балокъ и, держась за нее одной рукой, крикнулъ:

— Кидай веревку мнѣ...

Сергѣй былъ тоже раздѣтъ.

— Эй, Степанъ, возьми платье да не опускай на-земь, чтобы оно у меня сухое было, слышишь?

Онъ бросился. Его охватило студеною водой, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы держаться у моста. Точно тысячи невидимыхъ рукъ—вода толкала его впередъ со злобнымъ и гнѣвнымъ ропотомъ. Она не только хотѣла снести его прочь, она глушила его своимъ ревомъ, и разъ, когда онъ какъ-то не обратилъ вниманія на направленіе волнъ, она его подняла и ударила объ одну изъ балокъ такъ, что онъ чуть не потерялъ сознанія. Кругомъ въ водѣ уже закишѣли крестьяне. Схватясь за веревки, они окручивали ими балясины, передавая дальше концы ихъ. Скоро Сергѣй Николаевичъ забылъ и стужу, и боль ушибленнаго мѣста. Эта борьба съ сильною, бѣшеною и могучею стихіей охватила его всего. Онъ самъ слѣпо кидался на нее, точно желая сломить ея напоръ, и, работая съ другими, кричалъ что-то, будто желая заглушить рѣку. Минуты проходили за минутами совершенно незамѣтно, а между тѣмъ паутина канатовъ и веревокъ уже опутывала мостъ отовсюду, и теперь плававшіе въ водѣ работники только стягивали ихъ все тѣснѣе и тѣснѣе. Расшатавшіяся балясины и балки выпрямлялись; зіявшія на полотнѣ моста отверстія сдвигались и только провалъ посрединѣ оставался все такимъ же. Дѣло не обходилось безъ тяжелыхъ моментовъ. Одному расшибло голову, и онъ чуть не пошелъ ко дну, оглушенный, да Сергѣй Николаевичъ во-время замѣтилъ и, нырнувъ, вытащилъ его наверхъ; другому ссадило кожу вдоль всей спины. Молодого малаго, больше всѣхъ торячившагося и тратившаго силы попусту, сначала подняло горбиной налетѣвшей волны, потомъ сбросило внизъ и опять отнесло кверху, но вынесло въ другомъ мѣстѣ, прямо въ зіявшее на мосту отверстіе. Несчастный хотѣлъ было назадъ, но ударомъ воды сдвинуло доски—и лицо его посинѣло. Еще одно мгновеніе—и онъ былъ бы задушенъ; но, къ счастію, Сергѣй Николаевичъ замѣтилъ это и былъ уже подлѣ него. Страшнымъ усиліемъ своихъ желѣзныхъ мускуловъ онъ опять раздвинулъ доски и замертво вытащилъ несчастнаго изъ преда-

тельской западни. Со всѣмъ этимъ онъ и самъ потерялъ силы. Онъ уже чувствовалъ, что шумъ этотъ и его теченіе начинаютъ его кружить. Онъ направился было къ берегу, но попалъ въ самую стремнину. Его быстро понесло внизъ. Онъ чувствовалъ какой-то звонъ въ ушахъ, чьи-то холодныя руки точно сдавливали ему горло и не давали дышать. Въ ротъ попадала вода, и вмѣсто того, чтобы крикнуть, онъ захлебывался ею. И въ то же время являлось страстное желаніе опустить руки и пойти внизъ, въ эту зеленую массу, какою представлялась ему вода.

— Братъ, что съ тобой?—послышалось ему тревожное восклицаніе Петра Николаевича.—Не помочь ли тебѣ?

Вся энергія разомъ вернулась къ нему .Даже въ вискахъ застучало отъ неожиданнаго прилива крови.

Теперь ему уже не страшно было ни напора Бѣшенки, ни ея злобнаго рева. Онъ совладалъ съ собою и чрезъ нѣсколько мгновеній отвѣтилъ брату:

— Не надо... Анисимовская порода въ помощи не нуждается. Сама справится со всѣми...

«И тутъ безъ рисовки не обошелся!» точно со стороны кто-то подсказалъ ему, и Сергѣю Николаевичу стало стыдно передъ всѣми этими, окружавшими его, незамѣтными героями.

«Авось, братъ не слышалъ!» утѣшалъ онъ себя.

Онъ нарочно нырнулъ ближе къ берегу и, выйдя на него, побѣжалъ къ мосту.

Тамъ работа уже кончалась. Теперь оставалось немного. Сергѣй Николаевичъ зашелъ въ вагонъ, вытерся тамъ и одѣлся. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и его братъ.

— Ну, братцы, теперь пора грѣться...

Вблизи была станціонная изба. Поѣздъ живо двинулся туда. Тамъ уже кипѣлъ самоваръ и стояло нѣсколько бутылокъ съ ромомъ.

— Ну, братцы, вмѣстѣ работали, вмѣстѣ и отдохнуть прошу,—пригласилъ ихъ Петръ Николаевичъ.—Садитесь, садитесь, ребята. Видишь,—весело обратился онъ къ гостю,—и у насъ бываютъ сраженія... Къ счастію, убитыхъ нѣтъ, а раненые есть. Что, Кузьма, болитъ голова?

— Чего ей не болѣть, коли о балясину вдарило...

— Поѣзжай вмѣстѣ съ нами. Докторъ тебя осмотритъ.

— Батюшка, Петръ Миколаичъ, уволь. Баловство одно это. Коли на ногахъ стою—значитъ, здоровъ.

— Ну, ну, поѣдемъ, нечего. А Ванюшка гдѣ?

— Едва держится. Очень ему шею повредило. Кабы не братецъ вашъ, ущемило бы малаго совсѣмъ.

— Выпользуемъ и его.

— Жалится малый, что жила у него болитъ.

— Вылѣчимъ и жилу. Самъ виноватъ, не поостерегся. Надо было веревки держаться.

— Какъ удержишься? Она, Бѣшенка-то, точно руками у тебя веревку рветъ.

— Именно точно руками,—подтвердилъ и Сергѣй Николаевичъ.—И я это испытывалъ.

Когда ребята согрѣлись, Петръ Николаевичъ послалъ ихъ намостить досокъ на мосту. Заранѣе онъ уже телеграфировалъ на ближайшую станцію доставить ихъ побольше, и теперь тотъ же крошечный локомотивъ пришелъ съ нѣсколькими платформами, на которыя были сложены доски. Сергѣй Николаевичъ до того почувствовалъ себя утомленнымъ, что, согрѣвшись чаемъ съ ромомъ, растянулся тутъ же на лавкѣ и заснулъ, какъ убитый.

— Не будите его,—послышался ему, уже сквозь сонъ, заботливый голосъ брата.—Онъ не по нашему, не привыкъ еще... Но толкъ изъ него будетъ. А мы теперь, братцы, опять на работу... А ты что же не помогалъ?—шутливо обратился старшій Анисимовъ къ Степану.

— Не могу, ваше высокоблагородіе.

— Почему это? Твой генералъ можетъ, а ты не можешь.

— Я сердцемъ слабъ.

— Что еще?

— Сердце у меня порченое... Я бы тутъ и померъ...

— Ну, вотъ теперь посмотри за бариномъ своимъ, чтобы ему покойно лежать было...

Часа черезъ два Петръ Николаевичъ вернулся и сталъ будить Сергѣя.

Когда Анисимовъ младшій проснулся, уже было темно.

— Ну, что?

— Все кончено—благополучно. Вставай, черезъ часъ будемъ дома.

— Я бы здѣсь остался ночевать.

— Ну-ну, нечего нѣжиться... Выспишься дома...

Они вышли.

Ночь уже окутала всѣ окрестности своимъ мракомъ. Ярко горѣли звѣзды на небѣ. Мѣсяца не было. Равнина, казалось, притаилась, испуганная все тѣмъ же злобнымъ ревомъ стремительно бѣжавшей впередъ рѣки. Черезъ мостъ всѣ прошли пѣшкомъ; по ту сторону ихъ уже ждалъ другой, высланный за ними, поѣздъ. Сергѣй Николаевичъ молча смотрѣлъ въ окно вагончика. Порой по сторонамъ мелькали огоньки дальнихъ селеній, часто клубился въ темную высь ночного неба дымъ, весь полный золотыхъ искръ... Внизу рвалось, точно вдогонку за нимъ, багровое пламя.

— Что это? — спрашивалъ Сергѣй Николаевичъ, слѣдя за этимъ заревомъ, еще ярче выдѣлявшимся среди ночного мрака.

— Заводъ.

— Да вѣдь его прежде здѣсь не было.

— Все это ужъ я поставилъ. Нужно народу работу дать.

— А это что—пожаръ?..

Петръ Николаевичъ посмотрѣлъ въ окна; золотые языки какого-то далекаго пламени точно подымались и опускались на самомъ краю видимаго простора. Розовый отсвѣтъ надъ ними мало-по-малу сливался съ темными ночными небесами.

— Нѣтъ, у меня тамъ стекло варятъ. Три года тому назадъ я устроилъ тутъ новую гуту.

— Да вѣдь тамъ, кажется, болото было.

— У меня теперь нѣтъ болотъ—все высушено...

— Однако, ты не терялъ времени!..

— Полагаю. Не зарывалъ таланта въ землю, какъ рабъ лѣнивый.

Скоро вдали показалась длинная линія огоньковъ.

— Вотъ и столица наша. Завтра увидимъ Черезово—только не узнаешь его.

— А что?

— Все перестроено. Только нашъ домъ остался, какъ былъ при батюшкѣ. А у крестьянъ я всѣ деревянныя постройки кирпичными замѣнилъ...

У станціи ихъ уже ждали сани, и черезъ нѣсколько минутъ по пустынной улицѣ большого села они домчали братьевъ къ большому дому, смотрѣвшему на нихъ издали ярко освѣщенными окнами, сквозь безлистные тополи, окружавшіе его. На крыльцѣ дома ихъ встрѣтила высокая и рослая деревенская красавица въ сарафанѣ съ широкими батистовыми рукавами, схваченными у самой кисти.

— Рекомендую: Ѳеня... А это мой братъ. Прошу любить и жаловать.

Ѳеня низко поклонилась Сергѣю Николаевичу и, вся вспыхнувъ, пошла за ними въ комнаты.

XV. На новую жизнь.

Сергѣй Николаевичъ хорошо помнилъ комнату, куда повела его Ѳеня.

Еще ребенкомъ онъ спалъ здѣсь и потомъ всякій разъ, пріѣзжая домой, останавливался тутъ же. Его въ первыя же минуты охватило кроткою тишиною, миромъ и спокойствіемъ. Ему казалось, что всѣхъ этихъ бурно прожитыхъ годовъ вовсе не бывало, что все это ему снилось только, что онъ еще юноша, полный розовыхъ надеждъ, вѣры въ людей и въ будущее. Какъ ему хорошо и покойно спалось здѣсь. Вотъ этотъ темный пейзажъ Сальватора Розы. Ничего не разберешь на немъ. Краски потускнѣли давно... Онъ помнитъ, какъ ребенкомъ еще, бывало, любилъ вдругъ обдать эту картину водою, и тогда вдругъ выступали передъ нимъ темныя скалы, узловатыя оливки, пламя костра, едва-едва прорывавшееся сквозь хворостъ, и наклонившіяся къ этому пламени, багровыя подъ его отблескомъ, зловѣ-

щія лица. Вода сбѣгала, картина сохла—и снова краски тускнѣли, а всѣ очертанія и фигуры сливались въ одинъ грязноватый фонъ. И картина Доменикино здѣсь. Даже виситъ тамъ же, гдѣ висѣла!.. Божественная мать наклонилась къ веселому ребенку. Лицо ея исполнено печали и тревоги... Все попрежнему. Вотъ наивное письмо Луино, изображавшаго святыхъ съ золотыми вѣнчиками на главахъ, а изреченія ихъ—выходящими изо рта въ видѣ исписанныхъ готическими буквами лентъ... Змѣя весьма мирно обвивала кушающаго траву барана—все такъ же... Онъ даже взглянулъ въ старинное зеркало, оправленное въ тяжелую раму краснаго дерева съ золотомъ, ожидая встрѣтить тамъ дѣтское лицо, свѣжее и наивное. Но—увы!—на него смотрѣлъ оттуда загорѣвшій подъ знойнымъ солнцемъ и похудѣвшій бородачъ съ холодными глазами, сверкавшими порою стальнымъ блескомъ.

Онъ разомъ обернулся къ Ѳенѣ.

— Здравствуйте еще разъ. Будемте друзьями...

Онъ подалъ ей руку.

Она опять вспыхнула. Очевидно, подъ ея свѣжею кожей кровь ходуномъ ходила.

— Здравствуйте... — неловко протянула она ему свою руку.—Я васъ помню!—И еще пуще смутилась.

— Какъ, гдѣ, когда?

— Я еще вотъ этакая была, вы пріѣзжали сюда десять, поди, лѣтъ назадъ. Тогда наши изъ села всѣ бѣгали смотрѣть на васъ.

— Да...

— Очень ужъ вы красивый были,—засмѣялась она.—Намъ, деревенскимъ дурамъ, на диво...

— А теперь подурнѣлъ...—улыбнулся онъ.

— Теперь вы совсѣмъ мужчина... Ишь борода какая у васъ... Вы меня простите, Сергѣй Николаевичъ. Я вѣдь простая, что мнѣ въ голову придетъ, то и брешу.

— Такихъ-то я и люблю. Мнѣ, Ѳеня, не простыя-то вотъ гдѣ сидятъ,—показалъ онъ на затылокъ.

— Городскія?—заинтересовалась Ѳеня.

— Да, городскія.

— Это что въ шелковыхъ платьяхъ ходятъ. Пріѣзжали онѣ сюда... Видѣла я ихъ.

— А сами вы въ городѣ никогда не бывали?

— Никогда. Я изъ Черезова никуда не выѣзжала. Всю жизнь здѣсь, около завода, гдѣ тятенька конторщикомъ служитъ. Да зачѣмъ мнѣ? Я и тѣмъ довольна. Петръ Николаевичъ совсѣмъ намъ какъ бы благодѣтель. Всю семью на ноги поставилъ... Помогаютъ постоянно. Теперь братца въ гимназію отдали, а потомъ, говорятъ, въ ниверсетъ его ушлютъ. А вотъ я хотѣла грамотѣ учиться—не позволилъ. Такъ, говоритъ, лучше!..

— Неужели вы читать не умѣете?

— Нѣтъ. Хотѣла бы, да нельзя...

— Ну, я уговорю брата.

— Который кавалеръ съ вами—куда его прикажете?

— Денщика моего Степана? А куда хотите, Ѳенечка.

— Вамъ не нужно ли постели помягче?

— Нѣтъ, спасибо...

— Такъ я пойду теперь!

— До свиданья, Ѳенечка.

Сергѣй Николаевичъ безъ церемоніи обнялъ и поцѣловалъ застыдившуюся дѣвушку, потомъ бросился, полураздѣвшись, на постель и заснулъ разомъ, даже не успѣвъ потушить свѣчу.

Утромъ, когда онъ проснулся, широкія полосы солнечнаго свѣта свѣтили въ его окна.

Домъ стоялъ на холмѣ. Внизъ шла долина, веселая лѣтомъ и тесною, но теперь оголѣвшая и едва засыпанная снѣгомъ. По дну ея тихо струилась подъ своимъ ледянымъ покровомъ рѣка. Бѣшенка, впадавшая въ нее ниже, давно сломала свой ледъ, никогда не державшійся на ней, благодаря быстротѣ ея теченія и постоянно измѣнявшемуся уровню. Рѣка Черезъ отличалась, по словамъ мѣстнымъ крестьянъ, тихимъ поведеніемъ. Ея и лѣтомъ не бывало слышно. Только въ ея омутахъ зачастую тонули неосторожные купальщики. Анисимовъ долго стоялъ у окна, разсматривая знакомыя мѣстности.

— Ваше превосходительство!—послышалось за нимъ.

— Ну, Степанъ, какъ тебя помѣстили?

— Съ которою прочей прислугой.—Чувство обиды слышалось въ голосѣ денщика.

— Такъ что жъ, неудобно тебѣ?

— Не то, что неудобно, а долженъ я съ ними разговоры разговаривать.

— Отчего же тебѣ съ ними не говорить?

— Потому они деревенскіе и ничего не видѣли. Эта самая, которая въ господскихъ барыняхъ состоитъ, Ѳедосья Никоновна, понимаетъ точно что... Но только все съ ними трудно.

— Ну, я тебѣ прикажу дать помѣщеніе отдѣльно.

— Покорно благодаримъ. А Ѳедосья Никоновна со мною сегодня долго разговаривали, и все про васъ. Такой, говорятъ онѣ, у васъ деликатный господинъ. Ну, я имъ на это снисходительно улыбнулся и пояснилъ, что вы не простой господинъ, а государю своему генералъ. Извѣстно, деревенскіе!.. Что они могутъ... Вчера я кучеру здѣшнему объявляю: неумытое твое рыло, долженъ понимать ты, что Сергѣй Николаевичъ не тебѣ, деревенщинѣ, чета; что я, значитъ, при генералѣ состою. А онъ на это—у насъ, говоритъ, вольно: мы всякому, говоритъ, рады, мы даже и къ генералу снизойти можемъ!

Анисимовъ уже не слушалъ его. Онъ живо одѣлся и вышелъ въ другія комнаты, узнавая ихъ во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ. Вотъ классная, гдѣ онъ учился когда-то; вотъ кабинетъ отца: мимо двери его когда-то всѣ ходили на цыпочкахъ; вотъ будуаръ его матери. Все осталось такъ же, какъ и было, только картины пожелтѣли, да словно потолки осѣли и краски нѣсколько поблекли.

— Васъ, Сергѣй Николаевичъ, спрашиваютъ! — встрѣтила его румяная и еще болѣе миловидная сегодня Ѳеня.

— Кто?

— Барышня одна. Учительница, что пріѣхала къ намъ.

— Хорошо. А братъ гдѣ?

— Петръ Николаевичъ чуть свѣтъ на литейный заводъ уѣхали. Тамъ новую вагранку строятъ.

— Когда же онъ будетъ?

— Не раньше, какъ къ обѣду.

— А гдѣ учительница?

— Она въ пріемной.

Анисимовъ прошелъ туда прямо. Онъ и ту большую комнату съ мрачными фамильными портретами отлично помнилъ. Верхнія окна ея и теперь, какъ прежде, были завѣшены гардинами. Тишина, и такая подавляющая тишина, царствовала здѣсь постоянно. Когда онъ вошелъ сюда—навстрѣчу ему поднялась Анна Егоровна.

«Беллиніевская мадонна совсѣмъ!» подумалъ онъ опять, ласково глядя ей въ глаза.

— Я пришла передъ отъѣздомъ въ Стомысковскій заводъ благодарить васъ, Сергѣй Николаевичъ, за все, что вы для меня сдѣлали.

— Не за что... Вотъ устроитесь, мы пріѣдемъ полюбоваться на васъ, посмотрѣть, какъ вы будете молодое поколѣніе обучать.

— Я теперь на ногахъ... Жаль, мама рано умерла!.. Вы скоро, вѣрно, уѣдете отсюда?—нѣсколько затрудняясь, спросила она.

— Не знаю еще ничего...

— Если уѣдете... позвольте иногда писать вамъ... Я такъ благодарна вамъ, такъ глубоко чувствую все...

— Вашимъ письмамъ я буду очень радъ. Мнѣ кажется, мы съ вами будемъ друзьями.

Она вспыхнула вся, слезы показались на ея глазахъ, но она тотчасъ же оправилась.

Сергѣй Николаевичъ пожалъ ей руку.

— Смотрите, только не заглохнете тутъ. Братъ мой отличный человѣкъ, но онъ весь въ работу ушелъ, въ практическое дѣло. Окружать васъ будутъ люди, выведенные имъ изъ крестьянъ. Равныхъ вамъ по образованію вы здѣсь не найдете. Братъ чужихъ не любитъ и не беретъ... Мнѣ даже порою жаль становится, что я васъ сюда именно послалъ.

— Почему?

— Скучно и трудно вамъ будетъ.

— Въ Петербургѣ намъ было труднѣе, а что до скуки, такъ когда же мнѣ скучать?

— Выйдите замужъ здѣсь...—улыбнулся Анисимовъ.

— Никогда!—вся покраснѣла она.

— Отчего же?

— Никогда!—еще рѣшительнѣе проговорила она.—Никогда этого не будетъ. Я видѣла, какъ мучилась и страдала моя мать—этого мнѣ довольно... Да еще и другія есть причины...

Она вся разгорѣлась, вспоминая свое прошлое и думая о будущемъ.

— Вотъ именно такою я васъ любилъ смотрѣть,—проговорилъ Анисимовъ, глядя на нее.

— Что вы говорите?

— Именно такою вы мнѣ нравились восемь лѣтъ тому назадъ.

Она съ недоумѣніемъ подняла на него свои длинныя рѣсницы. Чистые глаза ея, казалось, спрашивали у него объясненія.

— Я вѣдь васъ давно знаю...

— Гдѣ, когда?

— Видѣлъ васъ когда-то въ Венеціи... Въ церкви Redemptore...

— Я никогда не была въ Венеціи.

Анисимовъ засмѣялся.

— Тамъ вашъ портретъ виситъ, и—серьезно—вы ужасно похожи на Беллиніевскую мадонну, отъ которой во времена оны я не могъ отвести глазъ... какъ не отвожу ихъ теперь отъ васъ.

Длинныя рѣсницы опустились. Дѣвушка поблѣднѣла. Грудь ея заволновалась.

— Въ самомъ дѣлѣ. Отъ васъ вѣетъ такою кротостью, такимъ душевнымъ миромъ...

Онъ взялъ ея руки въ свои.

— Я думаю, никогда никакая нечистая мысль не западала въ вашу хорошенькую головку.

Она опустила голову. Ей стало и стыдно и хорошо въ одно и то же время. Ея руки дрожали въ его рукахъ.

— Вы хотите, чтобы я заѣзжалъ навѣщать васъ?

— Да,—чуть слышно проговорила она.

— Мнѣ самому пріятно будетъ.

Она пробовала тихо освободить свои руки изъ его рукъ, но онъ крѣпко держалъ ихъ. Она оставила всякія попытки.

— Если вамъ нужно будетъ что-нибудь—совѣтъ, помощь—обращайтесь прямо ко мнѣ, какъ къ другу—слышите?.. Я буду душевно обиженъ, если въ тяжелыхъ обстоятельствахъ вы забудете обо мнѣ или будете стѣсняться. Хорошо?

— Да!

Онъ еще ближе притянулъ ее къ себѣ.

— Не выходите здѣсь замужъ. Эта среда не по васъ. Здѣсь есть много хорошихъ и честныхъ людей, но этого мало еще. Надо, чтобы они понимали столько же, сколько вы... Вы загубите себя. Слышите?.. Помните, что я вамъ не позволяю...

— Я ужъ говорила вамъ объ этомъ...

— А теперь я васъ познакомлю тоже съ хорошимъ, какъ мнѣ кажется, человѣкомъ. Если меня не будетъ здѣсь,—ее вы всегда найдете. Пойдемте къ ней.

Она встала. Онъ пошелъ рядомъ, и въ самыхъ дверяхъ, словно подчиняясь неудержимому порыву, наклонился и поцѣловалъ ее въ голову.

— Ѳедосья Никоновна!—встрѣтилъ онъ Ѳенечку въ кабинетѣ у брата.—Прошу васъ отъ души любить и жаловать большого моего друга, Анну Егоровну.

Ѳенечка тоже покраснѣла.

— Мнѣ ужъ позвольте по-деревенски поцѣловаться съ вами.

И она обняла Анну Егоровну.

— Все, что ей нужно—пожалуйста, какъ бы вы это сдѣлали для меня...

— Я рада!—улыбалась Ѳеня.—Всегда...

XVI. Театральные каторжники.

Софья Васильевна Нѣжина осталась въ Москвѣ одна. Ее не тянуло въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что отсюда было ближе къ

Сергѣю Николаевичу. Анисимовъ обѣщался писать ей, и она дни за днями ожидала вѣстей отъ него. Но прошло двѣ недѣли безъ всякихъ писемъ. Нѣжина сначала удерживалась. Послѣ всего пережитаго ею трудно было рѣшиться писать первой. Ужъ слишкомъ это походило бы на навязчивость. Она старалась убить время, какъ могла, но дѣйствительно ли была искренняя привязанность къ Анисимову, или,—какъ это часто бываетъ у женщинъ,—капризъ переходилъ въ серьезное чувство, но она цѣлые часы слонялась повсюду, и все-таки ей было скучно, тоскливо. Она разъ даже поѣхала было на желѣзную дорогу, уже сбираясь сдѣлать Сергѣю Николаевичу неожиданный визитъ; но, взявъ билетъ, въ послѣднюю минуту вернулась назадъ. Она знала, что Анисимовъ живетъ не у себя. Сегодня вечеромъ ей было особенно скучно. Она жила въ «Славянскомъ Базарѣ»—сошла обѣдать внизъ, въ громадную залу, и сѣла одна. Думала, что видъ людей, хотя и постороннихъ, развлечетъ ее. Но внизу, какъ нарочно, было мало народу. Пьяненькій саврасъ сначала подсѣлъ за столикъ рядомъ, а потомъ обратился къ ней съ наивнымъ вопросомъ: «Вы сударыня, мужчиновъ любите?..» но, получивъ въ отвѣтъ: «Да, очень, только не дураковъ!» меланхолически замолкъ. Необыкновенно мрачнаго вида господинъ читалъ «Московскія Вѣдомости»—больше никого не оказывалось. Софья Васильевна хотѣла было уже приказать перенести обѣдъ къ себѣ въ номеръ, какъ вдали появилась оригинальная фигура, очень ее заинтересовавшая,—плотный черномазый красавецъ съ энергичнымъ, даже очень энергичнымъ лицомъ, одѣтый въ весьма странный костюмъ. На немъ была какая-то синяя куртка въ родѣ тѣхъ трико, которыя носятъ гимнасты, высокіе сапоги—съ хлыстомъ за однимъ изъ голенищъ. Во всю грудь развѣшена цѣпочка, толстая, которая любого пса могла бы удержать на привязи. На этой цѣпочкѣ болталась масса брелоковъ, въ видѣ лиръ, медалей, какихъ-то крестовъ, отдѣланныхъ алмазами медальоновъ, визитныхъ карточекъ съ вырѣзанными на нихъ фамиліями, револьверовъ, бутылокъ... Декольтированная шея, декольтированная до того, что даже волосатая грудь выставлялась наружу, была исцарапана...

Очевидно, онъ былъ здѣсь своимъ человѣкомъ, потому что половые со всѣхъ ногъ бросились къ нему, зазывая его каждый къ себѣ.

— Отвяжитесь, черти... Есть кто изъ нашихъ?

— Были-съ Благодатковъ.

— Ну, куда же дѣвался?

— Разбили стекла и ушли-съ домой почивать.

— Пьянъ?

— Со вчерашняго дня-съ хороводятся. Потому они въ большой обидѣ на погоду,—сочувствовали половые.—Гулянье задумывали на Ходынкѣ—большія деньги полагали взять, а погода-то закружила. Метель.

— Скотина!..

— До того обижены, что буфетчика нашего собирались бить... Мнѣ говорятъ, на комъ-нибудь сердце сорвать. Буфетчикъ спрятался—ну, они сейчасъ взяли бутылку и давай стекла ломать. Потомъ отвернули кранъ у фонтана и ушли... Въ Бога, говорятъ, вѣрилъ, а теперь не вѣрю.

— Какъ же онъ отвернулъ, покажи.

Кранъ былъ, дѣйствительно, выдернутъ вонъ, что называется, съ мясомъ.

— Недурно!—похвалилъ пришедшій. — Богъ силенкой не обидѣлъ,—чистая работа!

— Ужъ чего лучше, помилуйте!—одобряли и половые.—Одно сказать—фантазія!

— Ну, давай мнѣ обѣдать, устрицъ... Эге!..—И онъ вдругъ воззрился на Софью Васильевну.—Погоди... Это у васъ что?

— Жилица. Ужъ недѣлю стоятъ здѣсь.

— Не Софья Васильевна Нѣжина?

— Онѣ самыя.

— Что же вы, подлецы, не дали мнѣ знать, что она здѣсь? Смотрите, я у васъ и остальные всѣ краны повыверну да зеркала побью... Дьяволы, одно слово...

Онъ направился прямо къ Софьѣ Васильевнѣ.

— Вы меня не знаете?—спросилъ онъ ее.

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Не таращитесь... Никакихъ узоровъ на мнѣ не написано. Вы—Софья Васильевна... Нѣжина по сценѣ?

— Да. Что вамъ нужно?

— А вотъ сейчасъ узнаете. Эй, Леонтій, приборъ мнѣ сюда. Дай устрицъ—да есть у васъ «Эрмитажъ»?.. Такъ вотъ-съ, Софья Васильевна, будемте знакомы. Я—Верстаковъ. Слышали, полагаю о Матвѣѣ Верстаковѣ...

— Антрепренеръ и директоръ частнаго театра?

— Онъ самый, прошу любить и жаловать... Что вы на меня глаза выпучили?

— Да вѣдь я слышала, что васъ за долги...

— Упрятали? Ну, нѣтъ—это шалишь: Матвѣя Верстакова никуда не упрячешь. А почему—потому что въ Москвѣ безъ меня нельзя. Москва—не Москва безъ меня. Помилуйте, кто же купцовъ бить смертнымъ боемъ станетъ? Да они, дураки, безъ меня ополоумѣютъ совсѣмъ. Только и дышатъ, пока я здѣсь... Никакъ имъ безъ меня невозможно.

— Какъ вы меня узнали?

— Вона! Кто же изъ нашего брата, каторжнаго театрала, да не знаетъ васъ! Слава Богу! Нѣжина-то вѣдь одна на свѣтѣ—это не то, что Аврорина—завела, какъ шарманка, двѣ-три роли, да и отыгрывается на нихъ. Вѣдь у васъ Божій даръ. Огонь-съ! Слышалъ и видѣлъ я васъ и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ опереткѣ... Да что толковать—я, знаете, дѣла на чистоту веду. Сколько вы съ меня сымете?

— Я васъ не понимаю.

— А вы подогадливѣе будьте, пошевелите мозгами. Изъ-за чего я всю эту механику веду? Большое удовольствіе, вы думаете, разговаривать съ вами? Я дамъ вотъ какъ не люблю, особливо если не пьянъ. Пьяный могу и съ дамами, а трезвый—терпѣть не могу.

— Что жъ, вы меня къ себѣ въ труппу приглашаете?

— Ну, вотъ, слава Богу... Поняли—не велика мудрость... Только вы, Софья Васильевна, ужъ не очень-то шубу мнѣ выворачивайте. Не грабьте съ перваго разу... Снять съ меня сы-

мите, сколько слѣдуетъ. Аврориной я семьсотъ въ мѣсяцъ платилъ; армяшкѣ этому Теръ-Панталонову—и всю тысячу отваливаю, но не жалѣю... Положимъ, у меня теперь ни гроша нѣтъ—все равно, завтра будутъ, и даже сейчасъ... Такъ сколько же?..

— Я мало не возьму,—перешла отъ удивленія въ дѣловой тонъ Софья Васильевна.

Ей понравилась мысль выступить здѣсь на сценѣ—все не такъ тоскливо будетъ. Она одурѣла отъ скуки за послѣдніе дни, и сцена разомъ потащила ее къ себѣ.

— Знаю, что мало не возьмете... мало вамъ и брать нельзя

— Меньше двухъ тысячъ въ мѣсяцъ ни копѣйки...

— Ни копѣйки?.. А крестъ на васъ есть?

— Есть!

— Значитъ, совѣсти нѣтъ?

— И совѣсть есть.

— Вотъ, что, барыня, давайте по-Божьему. Бери съ меня тысячу...

— Нѣтъ. Да я помѣсячно и не хочу.

— А какъ же?

— Четыреста отъ спектакля.

Верстаковъ схватился за свои кудлатые волосы и сталъ озабоченно тереть ладонью щетину, спускавшуюся у него къ самымъ бровямъ.

— Такъ четыреста?

— Да.

Онъ еще усерднѣе началъ теребить волосы.

— Ну, чортъ съ вами!.. Задатокъ нуженъ?

— Пожалуй.

Верстаковъ полѣзъ въ бумажникъ—и удивился..

— Вчера тысяча была. Однако, знать, и закутилъ же я. Это, слѣдовательно, у цыганокъ все просидѣлъ. Ахъ, дьяволъ тебя задави... Всего двадцать семь рублей осталось...

Онъ на минуту задумался, потомъ оглядѣлъ бывшихъ въ залѣ и остановился на улыбающемся лицѣ савраса, спрашивав-

шаго передъ тѣмъ Софью Васильевну, любитъ ли она «мужчиновъ».

— Ты чего зубы скалишь, лошадь!

— Я ничего-съ... Помилуйте, Матвѣй Степанычъ...

— Почему ты меня знаешь, орясина?

— Кто же васъ не знаетъ, увеселителей нашихъ?

— А ты кто?

— Купецъ Флигиревъ.

— Съ Таганки?.. Знаю. Серебромъ торгуешь—Господа Бога надуваешь. Закажутъ тебѣ ризу одной пробы, а ты всучишь другой...

— Ну, ужъ вы и скажете,—продолжалъ восторгаться Флигиревъ.

— Чего говорить-то... Вся твоя ариѳметика на тебѣ написана.

— Будемъ знакомы, Матвѣй Степанычъ. Я постоянный вашъ завсегдатель... Сколько меня тятенька, при жизни, значитъ, били изъ-за вашего театра—даже описать невозможно.

— Видно мало били... А знакомы будемъ, пожалуй... Ты, вижу я, глупый парень, да хорошій... Понимаешь ли ты только, что такое театръ. На такихъ дураковъ, какъ ты, сатира. Впрочемъ, что же я съ тобой говорю. Вѣдь ты мнѣ денегъ въ долгъ не дашь?

— Я не дамъ?—удивился и обидѣлся въ одно и то же время Флигиревъ.—Я Верстакову да денегъ не дамъ! — негодовалъ уже онъ.

— Разумѣется, не дашь. Мнѣ не сотня-другая нужна.

Флигиревъ весь покраснѣлъ даже отъ обиды: онъ отвернулъ штаны, полѣзъ за голенище и вытащилъ оттуда пачку сторублевокъ.

— Сколько тебѣ надо?

— Давай три тысячи. Слово мое вѣрно—знаешь самъ. Черезъ недѣлю отдамъ.

— Получай... Вотъ... Я денегъ не дамъ?—продолжалъ негодовать онъ.—Чего только не выдумаютъ!

Софья Васильевна боялась проронить хоть слово—до того необыкновенно было все, что она видѣла и слышала.

— Вѣдь вотъ,—нимало не стѣсняясь, объяснилъ ей Верстаковъ, даже не понижая голоса:—видѣли вы сію овощь? Вѣдь обратись къ нему нуждающійся, съ голоду умирающій—не дастъ. И на доброе дѣло не дастъ. Вѣдь,—слушай ты,—вѣдь на школу денегъ не дашь?

— Не дамъ.

— Оно самое и есть, и никому другому, хоть околѣвай онъ, тоже не дастъ.

— Тоже не дамъ. Это вѣрно.

— Вотъ и любуйтесь, каковъ онъ во всей своей неприкосновенности. Ну, Софья Васильевна, получите тысячу рублей задатку. Значитъ, мы съ вами кончили?

— Сейчасъ напишу вамъ расписку.

— Въ Москвѣ у меня да расписки! Тоже выдумали... видѣли, вѣдь онъ мнѣ безъ расписки далъ... Мы, матушка вы моя, на слово дѣла ведемъ...

— Матвѣй Степанычъ!—позвалъ его къ себѣ Флигиревъ.—Подойдите, хочу вамъ на ухо два словечка...

Верстаковъ подошелъ.

— Эта самая кто же будутъ?

— Артистка. Знаменитая... Нѣжина, слышалъ?

— Изъ «цыганскихъ пѣсенъ»... Господи! Да я сейчасъ пьянъ напьюсь и безобразіе сдѣлаю.

— Вѣдь въ кутузку попадешь... Смотри, будетъ она у меня пѣть, чтобы цвѣты были.

— Ужъ это будьте покойны... Всего Чистякова, Ѳомина и Ушакова съ Ноевымъ ограблю. Задохнется. Познакомьте!

— Нѣтъ, заслужи сначала!..

— Да я... Матвѣй Степанычъ, позвольте зеркало это разбить!..

Софья Васильевна не выдержала и расхохоталась. Знакомая ей атмосфера дешевыхъ восторговъ и успѣховъ пахнула на нее.

— Нѣтъ, ужъ вы, ради Бога, зеркалъ не бейте,—попросила она.

— Не желаете—и не буду. То-то я смотрю—знакомое лицо.

— Гдѣ же вы меня видѣли?

— Въ Питерѣ... Въ Аркадіи, могу сказать, изъ-за васъ тогда чего только не было—даже къ мировому попалъ.

— Да развѣ ужъ такъ это необходимо?

— Мы вѣдь иначе не можемъ, помилуйте. У насъ разговору нѣтъ, намъ разговору не дадено... Ну, мы отъ восторгу и безобразимъ. Помилуйте...

— Пойдемте ко мнѣ,—тихо предложила Софья Васильевна Верстакову.—Мнѣ надоѣлъ этотъ вашъ Флигиревъ.

— Здѣсь они всѣ такіе, — засмѣялся Матвѣй Степановичъ.—Даже изъ образованныхъ чуть выпьютъ, такъ ужъ рука съ бутылкой къ зеркалу сама тянется... Москва!.. Вотъ вы ихъ увидите, когда пѣть будете. И насидятся же они изъ-за васъ въ Титахъ. Много вы генералу Огареву безпокойства доставите.

— Это что еще за генералъ?

— Полицмейстеръ здѣшній. Онъ умѣетъ съ ними ладить. И ужъ вы вѣрьте мнѣ, безъ меня да безъ Огарева Москвѣ не стоять. Отчего я и держусь здѣсь.

— Бывало трудно?

— Охъ, какъ трудно бывало,—ну, да Москва всегда выручитъ. Главное, чтобы они чувствовали,—бить ихъ надо!

— Да помните, такъ какъ я у васъ на разовыхъ, то могу уѣхать, когда хочу.

— Не уѣдете.

— Почему это?

— А ужъ такой подлецъ Москва, что изъ нея трудно уѣхать. Она такъ присосется, что никуда отсюда. Развѣ любовникъ у васъ на сторонѣ есть,—безцеремонно соображалъ Верстаковъ.

Софья Васильевна только расхохоталась на эту безцеремонность.

XVII. За кулисами.

Софья Васильевна взбѣжала наверхъ по довольно грязной лѣстницѣ, которая, позади театра, вела въ уборную для артистовъ.

— Вамъ чего?—грубо спросилъ сумрачный малый, словно церберъ, стерегшій двери.

— Какъ чего, болванъ?!—и невѣдомо откуда показавшійся Верстаковъ далъ ему здоровую затрещину.—Какъ чего, оселъ?! Ты артистокъ долженъ чутьемъ узнавать. Пожалуйте, пожалуйте, Софья Васильевна... Я вамъ приказалъ самую большую уборную отвести.

Сегодня онъ былъ въ какой-то необыкновеннаго покроя рубашкѣ съ откидными рукавами, а на головѣ у него торчала точно сейчасъ же готовая улетѣть маленькая голубая мягкая шляпа. Сотни брелоковъ на груди звенѣли, точно сбруя.

— Эй, вы, подлецы!—заоралъ онъ на сцену. — Кто тутъ есть?

Одинъ изъ «подлецовъ», въ черномъ армякѣ и сапогахъ, которые скрипѣли за версту, появился на зовъ.

— Зажги газъ въ правой уборной... Да спроси, топили ли, какъ я приказалъ... Живо, одна нога здѣсь—другая тамъ. Хотите пока сцену нашу посмотрѣть?

Софья Васильевна съ наслажденіемъ дышала затхлымъ воздухомъ кулисъ, пропитаннымъ пылью, испареніями теплаго тѣла, запахомъ краски. Она точно другимъ человѣкомъ почувствовала себя, вступивъ сюда, гдѣ лежавшіе на брюхѣ два какихъ-то кудлатыхъ молодца въ блузахъ расписывали картонное дерево.

— Что вы черти... Ахъ, виноватъ, господа художники... Это вы... Пора бы и кончить, черезъ полтора часа спектакль.

— Мы сейчасъ, Матвѣй Степанычъ.

— То-то же... Вотъ нашъ храмъ сатиры и морали! Вотъ отсюда-съ мы поучаемъ ту сволочь, что въ креслахъ сидитъ...

— Хороша сатира и мораль!—выскочилъ невѣдомо откуда молодой человѣкъ въ старомъ пиджакѣ и кавалерійскихъ брюкахъ.

— А то какъ же по-твоему-то?

— По-моему—тру-ля-ля и ничего больше.

— Ну, и дуракъ. Рекомендую—въ кабакѣ нашелъ... За философію на сцену взялъ. Изъ него будетъ толкъ впослѣдствіи. Ну, въ ручку скорѣе, коли Софья Васильевна тебѣ ее протягиваетъ.

— Мы васъ знаемъ!..

— Вона!

— Я въ гродненскихъ гусарахъ былъ вѣдь. Вы пріѣзжали играть къ намъ. Какія мы оваціи вамъ устраивали—страсть!

Софья Васильевна подошла къ рампѣ.

Прямо передъ нею была неосвѣщенная зала театра. Задніе ряды креселъ и двойной рядъ ложъ въ глубинѣ терялись во мракѣ, откуда, при тускломъ свѣтѣ газа на сценѣ, выступала порою только позолота перилъ и орнаментовъ... Нѣжина попробовала голосъ, сдѣлала какую-то гамму—театръ оказался хорошимъ въ акустическомъ отношеніи. Она повторила и закончила каденціей, послѣднія верхнія ноты которой замерли подъ самымъ потолкомъ.

— Вотъ это голосъ... Они этакую Клеретту здѣсь еще не слышали.

— Потому что у твоихъ артистокъ,—вступился бывшій гусаръ,—вмѣсто голоса жаба въ горлѣ.

— Ну, ужъ ты!..

— Развѣ онѣ поютъ у тебя! Хорошо пѣніе... Вчера Свиридова вздумала на сценѣ трель сдѣлать... Ну, говорю я вамъ правду,—обратился онъ къ Нѣжиной:—точно водою горло прополоскала и подавилась даже подъ конецъ

— А публика все-таки аплодировала.

— Чего же не аплодировать, когда юбка выше колѣнъ и ляжки въ тѣлеснаго цвѣта трико! Еще бы такой «сатирѣ и морали» не аплодировать. Съ ума сошли—послѣ спектакля пять троекъ ждали ее, чуть не разорвали въ клочки.

— Жаль, не зналъ я этого!—вспыхнулъ Верстаковъ.

— Что жъ бы ты сдѣлалъ?

— У меня сцена—не публичный домъ. Я бы такъ турнулъ...

— Какъ же ты запретишь тройкамъ на улицѣ стоять?.. Ты

знаешь эту тушу безсмысленную, милліонера Сапогова—ну, онъ по первому абцугу ей на двадцать пять тысячъ брилліантовъ. Потомъ сталъ просить, чтобы она при немъ трико надѣла.

— Ну?

— Она и надѣла. Что ей... Вѣдь за одинъ показъ только! Цѣна—слава те Господи—хорошая!..

Верстаковъ со злостью всей пятерней сталъ драть себя за волосы и неистово заворошилъ чубъ.

— А то сатира и мораль!—донималъ его гусаръ; но Софья Васильевна уже не слушала. Пріѣхавшая съ нею горничная все разложила въ уборной и вышла за нею.

— Готово?

— Да.

— Ну, господа, прощайте. Не подеритесь только, пожалуйста.

Она пошла къ себѣ.

Очевидно, изъ ея уборной Верстаковъ постарался сдѣлать нѣчто попорядочнѣе. Стѣны были обиты палевымъ ситцемъ; большая и покойная кушетка въ глубинѣ комнаты оказалась мягкой и покрытой простеганною шелковой матеріей, тоже палевой съ голубыми цвѣтами; полъ былъ застланъ пушистымъ ковромъ,—а подъ туалетнымъ столикомъ и кресломъ около него лежалъ медвѣжій мѣхъ. Большое кресло-качалка у ширмъ и столики, на которыхъ благоухали свѣжіе букеты, бросились ей въ глаза, когда она оглядѣлась. На стѣнѣ уже были развѣшены костюмы; на нихъ, очевидно, тоже не пожалѣли денегъ. Громадное зеркало въ видѣ складня стояло на большомъ туалетѣ, другое, еще больше, было позади. У передней стѣны роскошное трюмо въ эту минуту отражало Софью Васильевну, лѣниво потягивавшуюся передъ нимъ. Она только что сбросила свою шубку на руку Жанеты и почувствовала приливъ той счастливой и спокойной нѣги, которая охватываетъ всегда послѣ холода и утомленія въ атмосферѣ, хорошо нагрѣтой и переполненной ароматомъ духовъ и цвѣтовъ. Нѣжина встала, прошлась по комнатѣ, продолжая слегка зѣвать.

— Такъ бы и заснула,—лѣниво проговорила она, полуложась на кушетку.

— А одѣваться?

— Успѣю еще!—И она полузакрыла глаза. Но, спустя минуту, поднялась и подошла къ туалету.—Ахъ, какъ все это скучно!

— До первыхъ аплодисментовъ,—улыбнулась Жанета.

— Разумѣется!.. Что-то теперь подѣлываетъ Сергѣй Николаевичъ?

— А вы думаете, ему будетъ пріятно узнать о томъ, что вы спять на сценѣ?

— Меня это мало интересуетъ!

— Ну, Софья Васильевна!..

— Ей Богу!

— Зачѣмъ вы мнѣ говорите неправду, вѣдь я же знаю.

— А знаешь, такъ молчи. Еще бы—и онъ тоже хорошъ—ни слуху, ни духу... Двѣ недѣли прошло—хоть бы строчку написалъ.

Она еще лѣнивѣе, чѣмъ прежде, усѣлась передъ туалетомъ и откинула голову на спинку кресла.

— Ну, что же это будетъ? Вѣдь опять опоздаете.

— Подождутъ.

— Билетовъ-то со вчерашняго дня не было, какъ узнали, что вы поете.

— Да?!

— А барышники какъ радуются! Они теперь второй рядъ меньше двадцати пяти рублей не отдаютъ, а ложу—за сто да за двѣсти! Что твоя Патти, говорятъ!

— Ну, давай пеньюаръ

Софья Васильевна живо раздѣлась и въ одной рубашкѣ подошла къ зеркалу.

— У кого онъ найдетъ такія плечи и руки? А грудь?..

— Ну, полно вамъ, пора.

— Молчи!..

Она медленно надѣла пеньюаръ, сейчасъ же упавшій вокругъ ея тѣла мелкими, бѣлыми складками. Жанета распустила

ей волосы, которые волнистою массою легли внизъ, за спинку кресла, и смѣшались на полу съ мѣхомъ медвѣжьей шкуры, разостланной тамъ.

— Потише чеши только, не сдѣлай мнѣ больно. Сначала щеткой ихъ расправь, а потомъ гребнемъ.

— Нигдѣ и волосъ такихъ нѣтъ.

— Тяжело головѣ отъ нихъ только... Вотъ я ихъ выкрашу въ рыжій цвѣтъ скоро, или обрѣжу.

Пока Жанета возилась съ ея волосами, Софья Васильевна вылила бѣлила на фарфоровое блюдечко и, спустивъ съ плечъ пеньюаръ, начала бѣлить шею, грудь и руки...

Кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите!—крикнула она.

Въ уборной Нѣжина не стѣснялась и безъ церемоніи совершала свой туалетъ при другихъ.

Въ уборную влетѣлъ худощавый господинъ цыганскаго типа.

— Опять вмѣстѣ служить пришлось,—радостнымъ тономъ заговорилъ онъ, цѣлуя ее въ спину позади шеи, гдѣ она еще не была покрыта бѣлилами.

Она мазнула его кисточкой по носу и спокойно продолжала свое.

— Послушай, Сонечка...

— Когда мы на «ты» пили?—улыбаясь, спросила она его.— Все попрежнему, Карапетка, шелопаемъ остался!

— Ну, по-товарищески... Правда, что ты замужъ выходишь?..

— Можетъ быть.

— За какого-то генерала, разсказывали въ Петербургѣ.

— За «какого-то» не выйду... А за того, кто стоитъ—непремѣнно. Ужъ разъ я что намѣтила—мое будетъ.

— Значитъ, ваше превосходительство? Я къ тебѣ въ шафера.

— Благодарю покорно! Этакую фамилію въ церковныхъ книгахъ записать: Теръ-Панталоновъ? Нечего сказать, пріятно!..

— Чѣмъ не фамилія?.. Господи, какая красавица!..

Софья Васильевна въ это время безъ церемоніи надѣвала ажурные чулки.

— Хороша нога?

— Ослѣпну... Спрячь ее поскорѣй. Смотри вѣдь, живьемъ съѣмъ.

— Ладно, зубовъ нѣтъ такихъ еще. Оставь, оставь... Ну, теперь пошелъ вонъ.

— Вотъ тебѣ и на... А помнишь, Сонечка...

— Ничего не помню и помнить не хочу.

— И Харьковъ забыла... Помнишь, послѣ твоего бенефиса...

— Я не злопамятна... Убирайся! Жанета, запри двери... И больше не пускай никого. Я еще должна распѣться... Ты мнѣ мѣшаешь.

Теръ-Панталоновъ, потоптавшись, убрался. Рядомъ въ уборную тоже вошли. Глухой говоръ послышался тамъ. Софья Васильевна начала пѣть съ закрытымъ ртомъ, точно для того, чтобы лучше себя слышать.

— Дай мнѣ партитуру.

Жанета принесла.

— Кажется, недавно пѣла, а слова позабыла... Кто тамъ? Ей Богу, очнуться не дадутъ.

— Зачѣмъ вы заперлись?—послышался голосъ Верстакова.

— Именно затѣмъ, чтобы вы не лѣзли и не мѣшали мнѣ.

— Флигиревъ цѣлый возъ цвѣтовъ прислалъ. Проситъ позволенія придти къ вамъ. Что съ нимъ дѣлать?

— Цвѣты возьмите—пусть послѣ всѣхъ моихъ номеровъ подносятъ мнѣ. Я надѣюсь, съ лентами...

— Еще бы! Ну, а съ Флигиревымъ что дѣлать?

— А его гоните въ шею.

— Это я могу... Готовы вы?

— Да, почти... Не одѣта только... Пошлите ко мнѣ портниху. Лифъ немного широкъ, надо его ушить.

Сюда, за кулисы, уже доносились визгливые звуки настраиваемыхъ скрипокъ, глухой ревъ трубъ и густые контральтовые тоны віолончелей. Вотъ какая-то флейта свистнула, загудѣлъ

барабанъ. Очевидно, музыканты уже собирались и пробовали свои инструменты.

— Уборная по другую сторону тонкой стѣнкой отдѣлена отъ нашей!—шепотомъ замѣтила Жанета.

— А что?

— Слышите?

Софья Васильевна прислушалась: тамъ, дѣйствительно, говорили.

— Ты видалъ ее, эту Нѣжину, когда-нибудь?—доносился чей-то голосъ.

— Слышалъ только.

— Вотъ это артистка! Безъ репетиціи выходитъ пѣть какъ ни въ чемъ не бывало.

— Говорятъ, хорошенькая.

— Говорятъ! Божество, понимаешь. Такой еще и не бывало. Вотъ бы этакую заполучить,—да куда!—носъ деретъ.

— И все вамъ наврали, господа!—крикнула имъ Софья Васильевна.—И не хорошенькая, и уродъ, и притомъ бездарность...

И она расхохоталась.

— Это вы и есть, Софья Васильевна?—смѣялись и тамъ.

— Она самая.

— Отлично, мы сейчасъ въ стѣнѣ провертимъ дырки.

— Не совѣтую.

— Почему?

— У меня есть длинныя шпильки... Сейчасъ вамъ глаза выколю.

— Вы, говорятъ, недотрога?

— А вы не вѣрьте. Мало ли что говорятъ. Вотъ про васъ мнѣ разсказывали, что вы шутъ гороховый, а вѣдь я же не вѣрю этому....

Публика, очевидно, уже наполняла залу. Оттуда доносился глухой шорохъ сотенъ ногъ, отголоски говора, отзвучія криковъ наверху, гдѣ народъ попроще и побезцеремоннѣе, стукъ креселъ и весь этотъ, возбуждающій артиста, шумъ. Кровь горячей волной прилила къ лицу Нѣжиной. Она уже теперь нетерпѣливо

хотѣла поскорѣе изъ-за этой картонной кулисы выйти навстрѣчу тысячамъ жадно устремленнымъ на нее глазамъ. Портниха возилась вокругъ нея, ушивая ей лифъ.

— Слишкомъ юбка длинна, — проговорила Софья Васильевна.—Къ завтрашнему спектаклю сдѣлайте ее короче. Мнѣ не зачѣмъ своихъ ногъ прятать. И плечи откройте больше. Вырѣзъ на спинѣ нужно сдѣлать ниже.

— Хорошаго скрывать нечего,—послышалось все изъ той же уборной рядомъ.

— Держите языкъ за зубами.

— Это не то, что Миловидова. У той ноги, что твои колеса, потому и въ контрактѣ она всегда выговариваетъ: не пѣть ролей съ короткими юбками.

— Госпожа Нѣжина, готовы ли вы?—постучался въ двери режиссеръ.

— А вы слышали: chi va piano va sano?

— А конецъ вы знаете: ma non lontano!

И режиссеръ, смѣясь, побѣжалъ стучаться въ другія двери.

XVIII. Почему Верстаковъ хотѣлъ повѣситься.

По окончаніи третьяго акта публика бѣсновалась такъ, что Верстаковъ боялся, какъ бы восторженные меломаны не взяли штурмомъ сцену. Нѣжина выходила-выходила на вызовы, наконецъ, это ей надоѣло, она заперлась въ уборной и заявила, что больше не покажется. Тѣмъ не менѣе какіе-то юноши до того усердствовали, что Матвѣй Степановичъ долженъ былъ самъ выйти и заявить, что г-жа Нѣжина не можетъ выйти, потому что переодѣвается къ четвертому дѣйствію. Но энтузіасты не унялись и у самаго оркестра долго орали:

— Нѣжину... Браво, Нѣжину...

— Бысь!—кричалъ какой-то хохолъ вмѣсто bis.

— Нѣжину!..

Но Верстаковъ зналъ свою публику.

— Что же мнѣ вамъ ее голую на блюдѣ подать. По-человѣчески говорю—переодѣвается.

— Браво, Верстаковъ, браво.

Верстаковъ затеребилъ свой чубъ, поклонился направо, поклонился налѣво, поклонился впередъ и, выйдя за кулисы, выругался такъ, что бушевавшіе юноши его услышали.

— Верстаковъ ругается! — съ удовольствіемъ говорили они.—Молодецъ онъ, этотъ Верстаковъ.

— Вы знаете, какъ онъ Флигирева сегодня отдѣлалъ?

— Ну?—заинтересовался молодой купецъ съ такимъ розовымъ лицомъ, что его могли бы преслѣдовать за контрафакцію поросята московскаго трактира.

— Послѣ перваго акта тотъ было вздумалъ на сцену лѣзть. Верстаковъ сначала не пускалъ, а потомъ разозлился, схватилъ его за шиворотъ, наклонилъ, зажалъ голову между своими колѣнями и отшлепалъ.

— Купца первой гильдіи! Вѣдь это все одно, что высѣчь.

— Не все ему равно!.. Не по лицу вѣдь, да и въ платьѣ...

— Ну, а тотъ что?

— Купецъ? Всталъ потомъ, да и говоритъ: «Ну, и молодецъ ты, Верстаковъ, умѣешь нашего брата учить въ лучшемъ видѣ».

— Чудной народъ!

— Чего ужъ чуднѣе. Москва!.. Поди-ка, съ Флигиревымъ разговаривай. Развѣ онъ слова понимаетъ? Съ нимъ только жестами и можно. А у Верстакова такая манера. Это онъ Флигирева по знакомству пожалѣлъ, а то онъ лупитъ во что ни попало и чѣмъ ни попало. Его знаютъ. Потому у него и скандаловъ меньше—боятся. Убьетъ!

Нѣжина отдыхала. Ее утомили эти сумасшедшіе крики, эти вызовы. Вся ея комната была уже полна цвѣтами. Поданные ей букеты наполняли воздухъ такимъ густымъ ароматомъ, что Жанета задыхалась. Софья Васильевна была крѣпче, — она только крикнула своей дѣвушкѣ:

— Швырни, пожалуйста, прочь это сѣно.

— Какъ можно, мы съ собой домой отвеземъ ихъ.

— Ну, такъ отвори форточку!

Притокъ холоднаго, свѣжаго воздуха оживилъ ее. Она только что принялась раздѣваться, какъ къ ней опять постучали.

— Кто тамъ еще?

— Депеша вамъ. Былъ въ гостиницѣ у васъ—приказали сюда нести.

— Не отъ Анисимова ли?—вспыхнула Нѣжина.—Жанета, возьмите, пожалуйста.

Жанета полуотворила двери и приняла телеграмму.

— Отъ него, такъ и есть: «Москва, «Славянскій Базаръ». Нѣжиной. Если хотите видѣть меня, выѣзжайте сейчасъ же изъ Москвы, послѣзавтра я отправляюсь далеко. Съ пятичасовымъ поѣздомъ изъ Орла вы попадете на Анисимовскую станцію, гдѣ васъ будетъ ждать нашъ вагонъ. Тамъ узнаете, гдѣ я. Спѣшите. Анисимовъ».

— Жанета, когда отходитъ поѣздъ? Ты на-дняхъ ѣздила справляться.

— Въ полночь ровно.

— Значитъ, остается только полтора часа... Нѣтъ, и того меньше, всего часъ. Вотъ что, голубушка—брось это все, поѣзжай домой, разсчитайся съ гостиницей и укладывайся. Утромъ съ первымъ поѣздомъ выѣзжай за мною. Слышишь?

— А вы?

— Я ѣду сейчасъ.

— Какъ сейчасъ?

— Такъ, сію минуту. Къ чорту эти пестрыя тряпки, давай одѣваться... живѣе... Гдѣ мой бумажникъ?

— Помилуйте, что вы дѣлаете! А театръ, а публика... Вѣдь тутъ такой скандалъ будетъ: зала полна. Что скажутъ?

— Очень мнѣ надо! Ну ее, твою публику... Не зли меня, Жанета... Живѣе, ради Бога!..

Она торопилась, какъ могла, надѣть на себя шубу.

— Позовите мнѣ господина Верстакова. Только скорѣе, пожалуйста; скажите, не могу ждать ни минуты.

Режиссеръ, увидѣвши ее готовою выйти, ополоумѣлъ совсѣмъ.

— Что вы, Софья Васильевна?

— Не ваше дѣло!—вспыхнула она.—Зовите Матвѣя Степаныча скорѣе. А то я уѣду и безъ него.

Но Верстаковъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ.

— Что такое, что случилось? Зачѣмъ маскарадъ этотъ—вамъ одѣваться надо... Сейчасъ начинаемъ.

— Начнете безъ меня. Вотъ вамъ вашъ задатокъ.

Верстаковъ съ недоумѣніемъ взялъ пачку денегъ въ руки.

— И прощайте...

— Что, куда?..

— Некогда объяснять; получила важную телеграмму, не могу терять поѣзда, ѣду... Прощайте!

— Вы съ ума сошли... Матушка... Софья Васильевна!

Но она уже бѣжала къ выходу. Актеры повыскакали изъ уборныхъ—полуразмалеванные, полуодѣтые.

— Софья Васильевна! Пощадите. Не пущу.—И онъ заслонихъ двери руками.

— Уйдите прочь!—топнула она на него. — Слышите, не хочу...

— Погибъ!..—Онъ упалъ на колѣни.—Что вы дѣлаете со мной? Вы убиваете насъ. Всѣ мы разорены теперь.

— Что мнѣ за дѣло до васъ! У меня свое на душѣ побольше вашего.

— Карраулъ!—заоралъ Верстаковъ; но Софья Васильевна уже летѣла внизъ по лѣстницѣ.

— Полицію... Зарѣзали... Господи Боже мой!—бѣсновался Верстаковъ и ни съ того, ни съ сего, схвативъ у проходившаго мимо «Пипно» палку, началъ бить ею газовые рожки и лампы.—Эй, кто здѣсь... Догоните эту сумасшедшую... А еще говорятъ: Богъ есть—нѣтъ Бога!.. Скачите за ней, верните... Скажите, что я бумажки въ клочки рву!

И онъ, дѣйствительно, изорвалъ пачку сторублевыхъ и разбвырялъ ее по сценѣ. Въ полуотворенную дверь уборной, гдѣ одѣвалась Нѣжина, онъ замѣтилъ ея горничную и налетѣлъ на нее.

— Гдѣ она, гдѣ... ты должна знать? Гдѣ эта убійца, эта змѣя?..

— Уѣхала... Она прямо на желѣзную дорогу поскакала.

— А, поскакала, поскакала!—и Верстаковъ схватилъ бѣдную Жанету за руку.—Иди ты, пой тогда за нее, иди, пой!.. Я умываю руки... Слышите. Режиссеръ, Леонтьевъ, пусть она поетъ, она.

Тѣмъ не менѣе время, однако, шло, и надо было на что-нибудь рѣшиться.

Публика уже волновалась. Слышался топотъ и гулъ. Верхи уже начали орать.

— Матвѣй Степановичъ.... Надо объявить... Нельзя же такъ.

— Что я объявлю, что?.. Адъ!.. Тысячу чертей вамъ въ зубы! Что я объявлю?—съ пѣной на губахъ накидывался онъ на режиссера.

— Ужъ я не знаю, что вы объявите.

— Да... Хорошо, коли такъ... Эй, пропусти... Газъ! Я имъ объявлю...

Верстаковъ выскочилъ на сцену, весь встрепанный и взъерошенный. Молчаніе воцарилось разомъ.

— Ничего больше не будетъ сегодня!—крикнулъ онъ во все горло.

— Какъ не будетъ? Это обманъ... Чего не будетъ?.. Полицію, протоколъ!—зашумѣла публика.

— Почему не будетъ?—догадались спросить изъ переднихъ рядовъ.

— Потому...—и Верстаковъ затеребилъ свой чубъ:—потому, что госпожа Нѣжина сбѣжала!

Эффектъ вышелъ неизобразимый. Въ залѣ поднялся какой-то трескъ, но Верстаковъ уже не слушалъ.

— Туши газъ!—приказывалъ онъ. — Веревку, дай мнѣ веревку, да покрѣпче.

Какой-то плотникъ летѣлъ къ нему съ веревкою.

— Гдѣ тутъ крюкъ, да понадежнѣе? Вотъ этотъ выдержитъ. Сдѣлай петлю, дьяволъ, прикрѣпи... Да живо!

Плотникъ, получившій для поощренія въ шею, старался вовсю.

— Ну, теперь вѣшай меня... Живо.

— Что вы, Матвѣй Степанычъ...—оторопѣлъ плотникъ. — Христіанскую душу губите.

— Тебѣ говорятъ. Я тебѣ за это жалованье плачу. Емельяновъ, оштрафовать его на пять рублей. Ну, вѣшай, тебѣ говорятъ.

— Верстаковъ, полно!—останавливалъ его Теръ-Панталоновъ.

— А ты чего суешься, армянская рожа? Не умѣли удержать ее, а теперь—полно! На зло всѣмъ повѣшусь. Сейчасъ же!.. Ну, тебѣ говорятъ, вѣшай меня!—опять налетѣлъ онъ на плотника.— Вѣшай, не твоя шея—моя, я отвѣчаю.

И, не вмѣшайся другіе, Верстаковъ навѣрное заставилъ бы себя повѣсить.

XIX. На мирномъ дѣлѣ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, что онъ никогда не будетъ своимъ человѣкомъ на этихъ заводахъ.

— Ты знаешь, мое дѣло никогда не займетъ тебя такъ, какъ бы тебѣ самому это хотѣлось,—сказалъ ему какъ-то Анисимовъ старшій.—Я вижу, что ты скучаешь здѣсь неимовѣрно. Тебя тоска душитъ. Да и требовать отъ тебя нельзя ничего иного. На этомъ дѣлѣ нужно или вырасти самому, или создать его, чтобы оно стало для тебя близкимъ, кровнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сильная натура Сергѣя Николаевича была изъ тѣхъ, которымъ нужна борьба, опасности. Онъ жилъ ощущеніями, и сравнительно спокойное заводское дѣло не утомляло, а скорѣе усыпляло его. Онъ слонялся по мастерскимъ, встрѣчалъ порою брата, который со сверкающими глазами, весь охваченный кипенью труда и заботы, энергически отдавалъ приказанія, объяснялъ то или другое своимъ подручнымъ, уходилъ весь съ

головою въ нечаянно создававшіяся вокругъ затрудненія, вслушиваясь и всматриваясь въ нихъ, Сергѣй Анисимовъ могъ только завидовать этой цѣльной натурѣ. Онъ представлялъ заводское царство брата исполненнымъ опасностей и потрясеній. Издали оно плѣняло его своею грандіозностью, вблизи же онъ никакъ не могъ войти въ ровныя и однообразныя условія механическаго труда, какъ ни старался объ этомъ. Онъ рѣшительно не видѣлъ, къ чему бы здѣсь могъ приложить свои силы. И часто, измученный и недовольный самимъ собою, онъ приказывалъ осѣдлать лошадь и старался уходить себя на сумасшедшей гоньбѣ, уносился за десятки верстъ невѣдомо куда, чтобы, въ концѣ-концовъ, изъ величаваго стараго лѣса выѣхать опять къ какому-нибудь заводу, гдѣ также правильно и ровно вертѣлись маховыя колеса, пыхтѣлъ паровикъ и сотни людей внимательно и молчаливо дѣлали свое утомительное дѣло.

— Я, кажется, вообще никуда не гожусь,—съ унылою улыбкою сообщалъ онъ какъ-то брату.

— Что такъ?

— За что ни принимался—ничего не выходитъ.

— Да, мнѣ вчера говорилъ Кочневъ изъ Славянки, что ты было надѣлъ, какъ и другіе рабочіе, желѣзный фартукъ и вздумалъ вытаскивать чугунныя балясины изъ печей подъ молотъ...

— Нужно было какъ-нибудь уходить себя.

— Ну, что же. Чуть-чуть у меня не испортилъ молотъ... Сказалъ бы тебѣ спасибо заводъ!.. Человѣкъ сто остались бы безъ дѣла.

— Я самъ это вижу.

— Не по тебѣ это. Я, какъ и старшій братъ нашъ, теперь отецъ Никодимъ, привыкъ идти ровно, не тратя энергіи на вспышки, а такъ, знаешь,—экономизируя ее день за днемъ, часъ за часомъ. Мы, душа моя,—строители. Я здѣсь, какъ видишь, создалъ цѣлое рабочее царство, а онъ посреди моря, на голыхъ скалахъ, какой-то фаланстеръ поставилъ. Поэтому я и повторяю, что мы—созидатели, строители. А ты тоже изъ Анисимовыхъ—натура сильная и могучая, только—скорѣе разруши-

тель. Ты не во-время родился, скажу я тебѣ. При Иванѣ Грозномъ ты, какъ Ермакъ, поклонился бы московскому царю Сибирью; нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ ты въ Испаніи былъ бы почище Кортеца и Пизарро. Ну, а теперь...

— Теперь, значитъ, я долженъ сидѣть, сложа руки?

— Зачѣмъ же. Вѣдь вотъ толкуютъ же всѣ о войнѣ. Затишье, наступившее послѣ сербской войны, не окончится кишиневскимъ сидѣніемъ. Увидишь — заговорятъ пушки, понадобишься и ты. Это твое настоящее дѣло. Міръ, по недоразумѣнію, еще нуждается въ разрушительныхъ силахъ...

— Необходимое зло!

— Не лицемѣрь. Ты вѣдь, я вижу, душою любишь это дѣло. Сердцемъ приросъ къ нему. Скажешь—неправда? Вѣдь надъ нимъ ты сидишь иной разъ цѣлый день. Просматривалъ я твои записки—критическій очеркъ Ватерлооскаго боя, разборъ дѣйствій австрійской арміи подъ Кенигрецомъ. А послѣдняя—при какихъ условіяхъ французы могли бы въ кампанію 1870 г. разбить пруссаковъ—такъ и положительно талантлива. Съ увлеченіемъ, съ огнемъ написана. Изъ тебя можетъ выйти великій полководецъ. Только...

— Только что?—и Анисимовъ младшій нервно прошелся по комнатѣ.

— А то, что не дадутъ тебѣ, душа моя, ходу... Слишкомъ ты талантивъ и слишкомъ прямо ко всему приступаешь. У насъ ты до сѣдыхъ волосъ долженъ исполнять чужія глупости, а потомъ уже получишь право приводить въ исполненіе собственныя свои. У насъ не хотятъ понять одного, что Наполеоны, какъ подчиненные, никуда не годятся. Имъ надо давать просторъ и отвѣтственность. Примѣръ Ермолова развѣ тебѣ ничего не говоритъ?.. Нѣтъ, душа моя, у насъ даже право быть славнымъ нужно взять съ бою. Все будетъ противъ тебя!.. Ну, а теперь прощай—я и то много съ тобою болтаю, у меня сегодня въ Анкудиновкѣ эмальировку чугунной посуды начинаютъ. Надо быть на первыхъ опытахъ самому.

— Завидую я тебѣ отъ души.

— Скажу тебѣ одно. Самъ ты не виноватъ. Отъ природы дано тебѣ было много. Но съ одной природой далеко не уѣдешь. Наше питерское воспитаніе привило тебѣ много недостатковъ, очень много. Столько, что ты пропадешь когда-нибудь съ ними. Хорошо, что Ѳедосья моя ухитрилась Анну Егоровну, или, по-твоему, Беллиніевскую мадонну, скорѣе спровадить въ Стомысковскій заводъ. А то въ тебѣ уже просыпался звѣрь...

— Она мнѣ нравится.

— Нравится, значитъ — зубами за горло сейчасъ... Вѣдь чѣмъ кончится дѣло? Бросишь ее, какъ ты бросалъ всѣхъ... А потомъ... Въ безсонныя-то ночи не вспоминаешь когда-нибудь?

— Я не сентименталенъ, братъ.

Петръ Николаевичъ покачалъ головою. Онъ хотѣлъ было серьезно поговорить съ Анисимовымъ младшимъ, но эмальировка, совершавшаяся сегодня по новому, придуманному имъ самимъ, способу, слишкомъ занимала его мысли. Онъ скоро совсѣмъ ушелъ въ свои обыденныя заботы.

— Ты вотъ посмотри на моемъ дѣлѣ. Развѣ это не великая отвѣтственность? Вѣдь болѣе полутораста тысячъ народу зависитъ отъ моихъ заводовъ. Ну, вотъ запусти я эти заводы, не извернись во-время... Что изъ этого будетъ? Вѣдь врагъ-то стоитъ у дверей. Зазѣваешься—онъ ужъ и здѣсь... Ну, прощай!.. Я иду.

Сергѣй Николаевичъ прошелся по всѣмъ комнатамъ, еще разъ полюбовался старыми картинами, посмотрѣлъ въ окна на голыя вершины березъ и липъ, спускавшихся внизъ къ рѣкѣ, на дымъ, клубившійся вдали изъ фабричныхъ трубъ, и обрадовался живому человѣку, увидѣвъ вдали Ѳеню.

— Спасибо вамъ!—улыбаясь, подошелъ онъ къ ней.

— За что это?—съ удивленіемъ смотрѣла она на его красивое нервное лицо.

— Спасеніемъ душъ христіанскихъ занимаетесь?

— Что такое? Невдомекъ мнѣ.

— Зачѣмъ это вы поторопили Анну Егоровну ѣхать отсюда?

Ѳеня покраснѣла.

— Извѣстно зачѣмъ! До добра у васъ не дошло бы. Знаю я.

— Это прекрасный поступокъ. Только почему бы не дошло?

— Ужъ это вѣрно. Потому что вы тутъ скучаете, а со скуки мало ли что въ голову придетъ.

«И эта тоже толкуетъ о скукѣ!—думалъ онъ, отходя отъ нея.—Да, разумѣется, мнѣ надо самую кипень дѣла. Я привыкъ къ тревогамъ и опасностямъ. А тутъ не борьба нужна, а вниманіе. Слишкомъ поторопился выѣхать изъ Петербурга. Да все равно, впрочемъ. Лучше ужъ быть съ арміей въ Кишиневѣ, чѣмъ здѣсь пробавляться... «На хлѣбахъ изъ милости»!—вспомнилъ онъ названіе недавно видѣнной имъ пьесы и расхохотался.—Именно «на хлѣбахъ изъ милости»!

Онъ по обыкновенію приказалъ осѣдлать лошадь.

— Только, какъ вамъ угодно, а Бѣлоножку я вамъ не дамъ!—отрѣзалъ необыкновенно мрачный конюхъ Филиппъ, завѣдывавшій всѣмъ департаментомъ коннозаводства въ Анисимовскомъ царствѣ.

— Почему это?

— Вчера шпорами всѣ бока ей ободрали. Этакъ у насъ ѣздить не полагается. Нашъ конь привыкъ къ хорошему обращенію.

— Ну, ладно, давай какую-нибудь.

— Только ужъ вы, Сергѣй Николаевичъ, будьте добры, снимите шпоры. Тоже вѣдь животная. Хоть и не говоритъ, а чувствуетъ. Вчера это пришелъ я въ конюшню—Бѣлоножка положила мнѣ на плечо голову и таково ли грустно стала смотрѣть.

— Хорошо, хорошо. Тихо буду ѣздить.

— Сегодня я вамъ вороного дамъ. Конь славный.

— Ну... только поскорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ Анисимовъ уже несся по первой попавшейся ему тропинкѣ. Крупные комья снѣга летѣли во всѣ стороны изъ-подъ копытъ лошади, вѣтеръ свисталъ мимо ушей его—и ему было любо дышать свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ. Стоявшая нѣсколько дней оттепель со вчерашняго дня смѣнилась морозами. Задувшій сиверко точно напугалъ уже подходившую близко весну. Синія пятна на льду исчезли, снѣгъ на поля-

пахъ окрѣпъ, и дымъ, клубившійся изъ трубъ, казался лиловымъ, когда солнце подымалось надъ горизонтомъ. Вѣтви деревьевъ опушило бѣлыми хлопьями снѣга.

Часа черезъ два такой быстрой ѣзды Анисимовъ добрался до завода, помѣщавшагося въ старомъ, очевидно, снаружи не подновляемомъ домѣ.

— Что тутъ такое?—остановилъ онъ коня передъ сумрачнымъ старикомъ, вышедшимъ изъ чернаго завода.

— А ты отколь будешь?

— Изъ Чемезова.

— Хозяиновъ братъ, что ли?

— Онъ самый.

— Слышали!—вдумчиво и медленно проговорилъ старикъ.— Дай Богъ здоровья твоему брату—народъ вотъ какъ кормитъ, въ лучшемъ видѣ. Это будетъ чугунный заводъ. Чугунъ льемъ— вотъ что. Домна у насъ тутъ есть.

Анисимовъ бросилъ ему поводья своего коня и вошелъ.

Со свѣту, да еще на первыхъ порахъ, онъ и не понялъ ничего, точно въ какую-то пещеру черную попалъ... Тускло, сквозь пробитыя наверху окна, свѣтился день. Стекла этихъ оконъ были давно уже закопчены дымомъ и покрыты слоями пыли. Во тьмѣ чувствовалось и слышалось движеніе. Анисимовъ сталъ осматриваться. Вотъ изъ сумрака выступили бревна, поддерживавшія крышу. Въ одномъ мѣстѣ она разступалась, давая мѣсто большому желѣзному зонту, устроенному надъ самымъ отверстіемъ доменной печи, изъ которой розовымъ заревомъ свѣтился варившійся въ ней металлъ. Потомъ Сергѣй Николаевичъ разсмотрѣлъ громаду самой домны съ толпившимися около ея устья людьми. Свистъ воздуха, врывавшагося въ раскаленное нутро печи сквозь продѣланныя въ ея массѣ трубы, заглушалъ всѣ остальные звуки. Только прислушавшись къ нимъ, можно было отличить мѣрный шорохъ маховаго колеса гдѣ-то рядомъ и хриплое дыханіе могучаго паровика. Анисимовъ подошелъ къ маховому колесу, которое точно изъ какой-то черной пропасти подымало цѣлыя струи разсыпавшейся воды. Было что-то чудо-

вищное въ работѣ его среди вѣчной тьмы. Только на дрожавшемъ отъ его розмаховъ мостикѣ безмолвно и неподвижно стоялъ молчаливый крестьянинъ. Анисимовъ заговорилъ было съ нимъ, но тотъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и тотчасъ же опять ушелъ въ однообразное и неотходное вниманіе. Надо было слѣдить за колесомъ—двадцать лѣтъ онъ молча простоялъ около—и еще двадцать лѣтъ простоитъ, пока не опустятъ въ могилу, такую же молчаливую и такую же темную, какъ та пропасть, гдѣ бурлитъ прорвавшаяся изъ рѣки къ пруду вода и куда опускаются, сдѣлавъ свой кругъ, спицы и зубцы этого колеса.

— Да, не борьба тутъ нужна, а вниманіе... Великое, утомительное, однообразное!

И Сергѣй Николаевичъ вернулся въ заводъ.

Толнившіеся у устья домны люди закопошились.

— Что у васъ, братцы?—спросилъ онъ, подходя.

— Да вотъ молочко наше поспѣло... Ну-ка, Иванъ, постарайся!

Молодой малый схватилъ громадный желѣзный ломъ и поставилъ его остріемъ въ устье, гдѣ застыла кора темнаго сплава. Другой началъ бить по верхушкѣ лома громаднымъ молотомъ. Кругомъ стояли уже другіе рабочіе съ желѣзными ковшами въ рукахъ, въ ожиданіи «молочка».

— Наше молочко скусное,—обратился одинъ изъ нихъ къ Анисимову.

— Только пить нельзя—ожжешься!

Въ эту минуту сильнымъ ударомъ молота кора была пробита, и въ отверстіе, откуда молодой малый живо выхватилъ ломъ, блеснуло яркое нутро домны. Тотчасъ же оттуда полилась огненная струя чугуннаго молока, разбрасывавшаго вокругъ, вмѣсто брызгъ, яркія золотыя звѣзды... Вся внутренность завода разомъ освѣтилась. Выступили и молчаливые рабочіе, отдыхавшіе по угламъ, и черныя закопченныя стѣны, и груды заранѣе приготовленной чугунной посуды, стоявшія у стѣнъ. Находившіеся у самаго устья домны рабочіе были охвачены багро-

вымъ отсвѣтомъ. Молочная струя жидкаго металла лилась въ подставляемые ими ковши со звономъ и бульканьемъ, разбрасывая кругомъ все тѣ же звѣзды. Одинъ ковшъ смѣнялся другимъ. Люди съ полными ковшами бѣжали въ разные углы, гдѣ у нихъ были уже готовы формы для отливки. Точно десятки солнцъ разлетались во всѣ стороны...

— Трудная ваша работа!—сочувственно проговорилъ Анисимовъ.

— Не трудная, а устанная!

— Дурманитъ она, вотъ что!..

«Именно дурманитъ», думалъ про себя, уѣзжая отсюда, Анисимовъ.

XX. Въ дудкѣ

Скука все больше и больше охватывала Анисимова.

Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ пересилить себя, заставить во что бы то ни стало интересоваться дѣломъ своего брата, одиночество котораго онъ зналъ и которому ранѣе обѣщалъ свою помощь; но съ каждымъ днемъ все больше и больше онъ понималъ, что раскидывавшееся вокругъ царство неустаннаго труда чуждо ему, чуждо вполнѣ. Все, что творилось кругомъ, казалось ему слишкомъ сухо; слишкомъ много было механическаго, правильнаго. Онъ добросовѣстно всматривался во все, прислушивался ко всему, чтобы окончательно и безповоротно рѣшить, что какъ бы онъ себя ни ломалъ, а ничего иного не добьется! Наконецъ, видѣвшій его борьбу, братъ прямо сказалъ Сергѣю Николаевичу:

— Знаешь—орлу въ курятникѣ не усидѣть! Лучше ищи себѣ дѣла по душѣ, иначе ты только измучишься и тогда не простишь мнѣ впослѣдствіи, что я столько отнялъ у тебя и силъ и времени.

Анисимовъ вспомнилъ, что въ Кишиневѣ въ арміи у него были вліятельные друзья. Одному изъ нихъ, на силу и искренность котораго онъ могъ разсчитывать, онъ и написалъ слѣдующее посланіе:

«Старый другъ! Во времена оны,—когда мы съ тобою были еще совсѣмъ зелены и добросовѣстно старались заполучить въ собственное благородное чело каждую пролетавшую пулю, на одномъ изъ штурмовъ глиняныхъ среднеазіатскихъ крѣпостей—мы поклялись другъ другу не измѣнять и, при случаѣ, даже взаимно жертвовать собою. Воображаю, какъ отъ этого торжественнаго вступленія вытягивается твое лицо. Но не безпокойся—я не думаю ни отнять у тебя даму твоего сердца, если таковая состоитъ на лицо по спискамъ, ни просить денегъ. Такимъ образомъ ни твоему сердцу, ни твоему карману не грозитъ никакая опасность. Впрочемъ, если ты остался такимъ же, какъ и прежде, то сердце твое всегда открыто для друзей, а карманъ и закрывать нечего, потому что въ немъ никогда и ничего не было. Но, оставивъ шутки, я нуждаюсь въ одной услугѣ, очень для меня важной. Ты знаешь, что за послѣднее время я попалъ не только въ завоеватели, но и въ устроители завоеваннаго. Въ двадцать восемь лѣтъ я уже имѣю генеральскія эполеты и имя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ я пріобрѣлъ и враговъ. Тебѣ нечего говорить, что совѣсть моя спокойна. Я послужилъ Россіи всѣмъ, чѣмъ могъ, и если уцѣлѣлъ въ нашей жизни, полной опасностей и тревогъ, то не моя въ томъ вина. Приняли меня въ Петербургѣ,—куда вызвали нарочно,—такъ, что на первыхъ порахъ я хотѣлъ подавать въ отставку и пріѣхалъ сюда, къ брату, очнуться. Мнѣ было сказано прямо, что я жертвовалъ всѣмъ личному своему честолюбію и что я долженъ заслужить свои «георгіи»—на шеѣ и на груди, полученные, какъ тебѣ извѣстно тоже, не за бутылкою шампанскаго и не за прекрасныя манеры. Но логика русская и логика петербургская—вещи совсѣмъ разныя, и тамъ насъ считаютъ шарлатанами, честолюбцами, шулерами военнаго дѣла, фокусниками. Милые молодые люди, которыхъ къ намъ посылали на окраины,—эти великіе ловцы орденовъ и чиновъ предъ Господомъ,—мною остались недовольны, потому что я не давалъ имъ никакого преимущества передъ бѣдными моими армейцами, умѣвшими честно служить и честно умирать. Эти милые молодые люди поразсказали здѣсь такихъ ужасовъ о насъ, что всѣ попечительныя маменьки, при

одномъ видѣ твоего покорнѣйшаго слуги, ужъ растопыриваютъ крылья, чтобы спрятать подъ ними своихъ золотушныхъ дочекъ. Въ «высшихъ» сферахъ милымъ молодымъ людямъ дали тоже полную вѣру. Дошло до того, что нашу храбрость даже подвергаютъ сомнѣнію. Все, что нельзя оспорить, мы сдѣлали де въ пьяномъ видѣ, остальное выдумали и записали въ реляціи. Это очень тяжело и обидно! Я тебѣ писалъ, что собирался сгоряча подать въ отставку, но сдѣлать это, въ виду возможной войны, было бы не совсѣмъ честно. Да вѣдь ужъ если на то пошло, такъ мы во всякомъ случаѣ для боевого дѣла больше пригодны, чѣмъ штатскіе генералы парадовъ и петербургскихъ гостиныхъ. Не даромъ же мы учились и готовились къ этому, не для блестящаго же мундира и не для купчихи съ милліоннымъ приданымъ мы избрали себѣ свою профессію! Я обращаюсь къ тебѣ вотъ зачѣмъ: здѣсь, у брата, я окончательно и безповоротно убѣдился въ томъ, что ни на какое иное дѣло, кромѣ военнаго, я не гожусь. Потомъ, при свиданіи, разскажу тебѣ всѣ мои попытки въ этомъ родѣ, теперь же прямо обращаюсь къ твоей дружбѣ: вызови меня въ армію. Мнѣ не надо никакого назначенія, и ни къ кому на шею я садиться не хочу. Хоть простымъ ординарцемъ—мнѣ все равно. Мнѣ надо дѣла, а не отличія. По ихъ терминологіи—дай мнѣ случай, заслужить мои «георгіи»... Если что успѣешь сдѣлать—телеграфируй мнѣ тотчасъ же, и я выѣду, не промедливъ даже недѣли. Ты знаешь, что наша дружба выдерживала большія испытанія, и поэтому вѣрь—если тебѣ не удастся исполнить мою просьбу—ни въ претензіи, ни въ обидѣ я на тебя не буду... А пока до свиданія—твой

С. Н. Анисимовъ»..

Отправивъ это письмо, Анисимовъ считалъ дни и часы, остававшіеся ему до отвѣта. Пока онъ, чтобы не скучать дома, гдѣ его давили вѣчная тишина завѣшенныхъ гардинами комнатъ, дѣловое молчаніе Ѳени и постоянное отсутствіе брата, ставившаго то новую печь, то новую машину, то новый заводъ, неутомимо строившаго и созидавшаго, появлявшагося у себя только

урывками, озабоченнаго, что-то разсчитывавшаго,—чтобы окончательно не поглупѣть отъ всего этого, Сергѣй Николаевичъ продолжалъ попрежнему ѣздить, куда глаза глядятъ... Въ одно солнечное утро, звавшее его на воздухъ, на завѣянныя снѣгами поля, онъ выѣхалъ далеко отъ завода и попалъ за Бѣшенку, давно уже сбывшую излишекъ своихъ водъ и теперь струившуюся тихо и ласково. Зима опять окрѣпла; весна, было начинавшаяся, отошла куда-то; холода стояли «напослѣдокъ строгіе», какъ выражались крестьяне. Давъ волю коню, онъ выбрался, наконецъ, на совершенно незнакомое мѣсто. Здѣсь снѣгъ былъ снятъ съ земли, какіе-то бурые горбы темнѣли повсюду, точно вся эта мѣстность застыла въ минуту самаго сильнаго кипѣнія. Только подъѣхавъ вплоть къ этимъ буграмъ, Анисимовъ замѣтилъ между ними черныя отверстія, какіе-то выходы изъ норъ, уходившихъ подъ землю, а надъ отверстіями—самодѣльные вороты съ накрученными на нихъ канатами. Надъ каждымъ такимъ воротомъ возился мужикъ; потѣя, ворочалъ его и подымалъ изъ норы ведро съ какою-то бурою массой.

— Богъ помочь!—остановился Анисимовъ.

Мужикъ сумрачно посмотрѣлъ на него и ничего не отвѣтилъ. Вдали сидѣли на землѣ, видимо отдыхавшіе, люди. Къ нимъ поневолѣ обратился Анисимовъ.

— Что это вы здѣсь дѣлаете, братцы?

— Издѣся... Вишь, руду... На Анисимовскіе заводы руду добываемъ.

— Развѣ нѣтъ тутъ шахтъ?

— Шахты это на господскихъ участкахъ А мы вольные, и добыча у насъ вольная. Мы изъ дудокъ руду беремъ.

— Это руда, которая наша и на нашей землѣ...

Анисимовъ все-таки еще ничего не понималъ, но вскорѣ, увидѣвъ, какъ изъ одной норы, вмѣсто ведра съ рудой, поднялся весь засыпанный бурою массою работникъ, сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Да вѣдь темно там

— Отчего ему свѣтло быть? Подъ землей солнце не свѣтитъ.

— Что жъ это—глубоко?

— Наша матушка-кормилица высоко лежитъ... Такъ тебѣ аршинъ пять будетъ...

Анисимову захотѣлось испытать на себѣ ощущенія этого работника. Онъ былъ въ полушубкѣ, въ которомъ обыкновенно ѣздилъ верхомъ Сойти съ лошади, взяться за узелъ каната и попросить спустить его въ одну изъ «дудокъ»,—какъ называлъ народъ эти ямы и норы,—было дѣломъ одной минуты. Вверху заскрипѣлъ воротъ тихо и жалобно; съ такимъ же тихимъ шорохомъ сталъ развиваться внизъ канатъ. Анисимовъ съ каждой секундой все ниже и ниже спускался въ дудку. Вотъ и голова его ушла туда. Нора узкая. Локти и колѣни то и дѣло опираются въ ея сыпучія, только временно скованныя морозомъ, стѣны. Тьма непроглядная. Вверху устье дудки свѣтится тускло, потому что и оно заслонено отъ свѣта воротомъ и стоящимъ надъ нимъ работникомъ. Холодно. Чувство какой-то безпомощности закрадывается въ душу, дышать тяжело. Воздухъ здѣсь пропитанъ какимъ-то незнакомымъ ему газомъ. Чѣмъ ниже, тѣмъ нора суживается все болѣе. Тутъ уже Анисимову пришлось прижать локти къ бокамъ и выпрямить ноги... Ему казалось—еще мгновеніе, и вдругъ эти стѣнки дудки сдвинутся, похоронивъ его подъ собою. Вверху уже едва мерещилось ея отверстіе.

— Совсѣмъ могила!—вслухъ проговорилъ онъ, но и слова его звучали глухо въ этой норѣ. Онъ самъ испугался звуковъ своего голоса. Ему казалось, что и этотъ голосъ задушала тьма, царившая здѣсь. Въ самомъ внизу ноги его ушли во что-то мягкое и разрыхленное, въ какую-то вязкую массу. Здѣсь со стѣнъ сочилась вода, разбавляя массу собранной руды и обращая ее въ грязь. Отсюда нора шла угломъ уже горизонтально. Тутъ надо было лечь на землю. Анисимовъ зажегъ свѣчку и протянулъ руку туда—совсѣмъ могила. Лежа на животѣ можно выгребать руду, но ни подняться, ни раскинуться... И тутъ, въ этой страшной ячейкѣ, человѣкъ цѣлый день работаетъ, не видя свѣта, не слыша чужого голоса... Тысячи пудовъ земли нависли надъ Анисимовымъ. Ему стало жутко, такъ жутко, что онъ готовъ былъ крикнуть. Стоитъ только сдвинуться этой, горбинами вы-

пятившейся впередъ, породѣ, выпасть вкрапленному въ нее по верху камню, чтобы онъ былъ заживо похороненъ въ черной норѣ. Засыплетъ разомъ, и задохнешься въ ней. Ему вспомнилось, какъ работники наверху предупреждали его: «Смотри, баринъ, не крикни тамъ, потому бываетъ, что отъ голосу дудка валится вся. Захочешь выйти—за канатъ дерни, а мы ужъ и поймемъ». И ему вдругъ разомъ захотѣлось выйти отсюда сейчасъ, сію минуту... Эта могила уже душила его. Онъ чувствовалъ, какъ что-то холодное, пронизывающее, словно дыханіе смерти, проникаетъ въ его грудь. Какіе-то звуки доносились къ нему сюда. Кто-то точно плакалъ и жаловался въ глубинѣ земли. Запертый ли это въ вѣчную неволю ключъ, или такъ почудилось? Онъ широко раскрывалъ глаза свои, но въ этой тяжелой тьмѣ не видѣлъ ничего... Ничего, кромѣ какихъ-то свѣтлыхъ пятенъ, зигзаговъ и огненныхъ спиралей, очевидно, рождавшихся и умиравшихъ въ его собственномъ зрачкѣ... Онъ сталъ ползти назадъ изъ этой щели, какъ червякъ ползаетъ изъ имъ же самимъ выточенной жилы, и, почувствовавъ, что онъ ползетъ въ дудку, нервно и сильно дернулъ канатъ.

Наверху заскрипѣлъ воротъ. Теперь скрипъ этого ворота, тянувшаго его вверхъ, казался ему гармоничнѣе соловьиной пѣсни. Съ каждымъ его оборотомъ Анисимовъ подымался все выше и выше, узкія стѣнки дудки расширились. Отверстіе замерещилось тусклымъ пятномъ; вотъ, наконецъ, Сергѣй Николаевичъ различаетъ стѣнки дудки, бурыя съ кремнистыми изломами, съ торчащими наружу круглыми камнями. Когда голова его поднялась надъ устьемъ, радостное чувство жизни охватило его давно уже неиспытывавшимся имъ оживленіемъ.

— Слава Богу!—не выдержалъ и проговорилъ онъ, ступая на землю.

— Что, баринъ? Какова наша работа?

— Избави Господи! Тяжелая.

— А по-нашему—чудесная. Все шесть гривенъ въ день наберешь.

И ему вдругъ стали и милы и дороги эти сумрачныя лица, казавшіяся сначала такими непривѣтливыми. Онъ, съ ощущеніемъ какого-то безконечнаго счастія, смотрѣлъ и на это солнце, уходившее за облака, и на эти снѣгомъ засыпанныя поля, окружавшія небольшое пространство, занятое бурою рудою и дудками. Дома, когда онъ вернулся назадъ, его ждала другая радость. На его имя была получена телеграмма отъ стараго друга, которому онъ послалъ свое письмо:

«Будь готовъ тотчасъ же выѣхать, какъ получишь отъ меня слѣдующую депешу. Дѣло идетъ на ладъ».

XXI. Въ гостяхъ у мадонны.

Сергѣй Николаевичъ совсѣмъ ожилъ, получивъ телеграмму отъ своего пріятеля. Онъ сообщилъ объ этомъ брату, тотъ обнялъ его.

— Не пришлось намъ поработать вмѣстѣ. Я, впрочемъ, и не думалъ, чтобы наше дѣло пришлось тебѣ по душѣ. Ну, да что толковать объ этомъ.

Почему-то Анисимову ужасно захотѣлось увидать Софью Васильевну. Онъ чуть не собрался къ ней въ Москву, но потомъ передумалъ. Гораздо лучшимъ казалось вызвать ее сюда и вмѣстѣ съ нею добраться до Кишинева. Тамъ они разстанутся, и прошлое канетъ въ вѣчность. Онъ рѣшилъ послать ей на другой день телеграмму, что и исполнилъ. Онъ никакъ не ожидалъ, какихъ бѣдъ Верстакову и его театру надѣлаетъ эта вѣсточка. Анисимовъ вовсе не зналъ, что Нѣжина опять играетъ на сценѣ. Адресъ ея извѣстенъ былъ ему изъ писемъ, на которыя онъ по своему обыкновенію не отвѣчалъ... Онъ думалъ, что она выѣдетъ не раньше, какъ черезъ день послѣ его депеши, и дастъ ему знать изъ ближайшаго города, куда онъ и отправится свидѣться съ нею. Пока онъ рѣшилъ поѣхать и проститься съ Анною Егоровною. Беллиніевская мадонна положительно манила его къ себѣ своей идиллической нѣжностью. Онъ уже зналъ, что на Стомысковскомъ заводѣ ею были довольны. Даже мрачный мужчина

Доримедонтовъ, завѣдывавшій всей экономіей Стомысковскаго села, и тотъ выражался о ней кратко, но справедливо:

— Хотя и изъ столицы, но дѣвица добротная.

Анисимовъ радовался тому, что Ѳеня отослала Торацкую поскорѣе отсюда. Ему самому казалось теперь невозможнымъ сближеніе съ чистой дѣвушкой, тихіе глаза которой съ такой довѣрчивостью и любовью останавливались на немъ.

— Она безобидная вѣдь! Только за нее большой отвѣтъ надо дать Богу въ случаѣ, чего не дай Господи!—своеобразно выражалась о ней Ѳеня.

— Вы-то безъ меня ее поберегите.

— Не безпокойтесь, въ обиду никому не дамъ, пока замужъ выйдетъ.

— Этого-то мнѣ бы и не хотѣлось.

— Мало ли что досадно. Экіе вы какіе завидущіе. Не вѣкъ же ей въ учительшахъ трепаться.

— Тамъ будетъ видно.

— Ужъ мы здѣсь ее устроимъ—не бойтесь.

И Анисимову вдругъ становилось больно и жутко при мысли о томъ, что чьи-нибудь руки будутъ обнимать эту милую дѣвушку, что чьи-нибудь губы коснутся ея губъ, такъ наивно и довѣрчиво улыбавшихся ему въ послѣдній разъ.

Ему удалось выѣхать только вечеромъ. Онъ разсчитывалъ провести часа два съ Анной Егоровной и затѣмъ вернуться къ ночи домой. Анисимовская чугунка доходила до самаго Стомысковскаго завода, мрачное зданіе котораго скоро обрисовалось вдали въ синихъ тонахъ ужъ подступившей ночи. Изъ трубъ его выкидывало дымъ—здѣсь работа шла, никогда не прекращаясь. Самое село было позади, и, выйдя со станціи, Анисимовъ подозвалъ всегда дежурившія здѣсь сани и поѣхалъ въ Стомысково.

— Куда пристать-то?..—обернулся къ нему извозчикъ.

— Къ школѣ...

— Ладно... Новая учительница у насъ,—съ удовольствіемъ сообщилъ онъ барину, котораго еще не зналъ.

— Ну, что жъ, хорошая?

— Обходительная. Все тебѣ разскажетъ. Наши мальцы повадились къ ней бѣгать... Книжки она имъ читаетъ. Кому письмо написать нужно—напишетъ. Бабъ нашихъ тоже не оставляетъ. Что твой лѣкарь. Отъ всякой болѣсти знаетъ средствіе... А ты, ваше благородіе, ея знакомый, что ли?

— Да.

— Ну, вотъ. Такъ ей и скажи, что мы ее хвалимъ. Не гордая. Во всякую нужду входитъ.

Школа помѣщалась въ новенькомъ домикѣ. Двѣ большія комнаты внизу—одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ—были обставлены очень просто, но опрятно. Беллиніевскую мадонну Анисимовъ засталъ въ одной изъ этихъ комнатъ. Она сидѣла, окруженная дѣтьми, и разсказывала имъ что-то. Вѣроятно, увлеченные разсказомъ, ни она, ни мальчуганы не слышали, какъ подъѣхали сани. Сергѣй Николаевичъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько минутъ стоялъ у дверей, раскрытыхъ въ сѣни, слушая ея бесѣду.

— Значитъ, это неправда, что всякая звѣзда душу обозначаетъ?—спрашивалъ ее крошечный бутузъ, сидя передъ нею.

— Разумѣется, неправда...

И она просто объясняла имъ, что такое звѣзды и солнце.

— Чудно!—слышалось кругомъ.

Сергѣй Николаевичъ хотѣлъ войти тихо, чтобы не помѣшать имъ, но при первыхъ же шагахъ его дѣтвора, точный рой птицъ на нивѣ, всполошилась.

— Къ тебѣ, Анна Егоровна!.. Баринъ въ гости пріѣхалъ...

— Сергѣй Николаевичъ!.. Какъ я рада... Вотъ не ожидала!..

И она, вся покраснѣвъ отъ удовольствія и улыбаясь, протягивала ему обѣ свои маленькія ручки.

— А я вамъ помѣшалъ, кажется? За дѣломъ засталъ?

— Нѣтъ, дѣло мы давно кончили. Это они такъ поболтать ко мнѣ приходятъ. Ну, дѣти, до понедѣльника, прощайте... Завтра въ церкви увидимся... Смотрите, книжки, какія я вамъ

Издательство П. П. Сойкина.—Птгр., Стремянная, 12.

ГИГАНТЪ ЛАЗУРИ. Романъ *А. Лори.* 188 стр., съ 8 рис. Ц. въ роскошн. переп., на веленев. бум. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Увлекательный романъ, гдѣ дѣйствительность искусно перепутана съ вымысломъ. Авторъ переноситъ своихъ героевъ въ разныя страны, пересыпая свой разсказъ приключеніями, одно заманчивѣе другого.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. библ. и чит.

ВУЛКАНЪ И ДИНАМИТЪ. Романъ *Поля д'Ивуа.* 198 стр., съ 6 рис. Въ роскошн. переплетѣ, на велен. бум. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 коп.

Настоящій романъ представляетъ двойной интересъ, такъ какъ, помимо увлекательности разсказа, онъ изобилуетъ многими подробностями, относящимися до „послѣдняго слова науки", въ немъ описываются опыты съ жидкимъ воздухомъ и пр.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. чит. и библ.

ЖАНЪ-МАРИ КАБИДУЛЕНЪ. Романъ *Жюля Верна,* съ 9 рис., 168 стран. Въ роскошн. перепл., на велен. бумагѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Предметомъ настоящ. романа Ж. Верна служитъ исторія о знаменитой морской змѣѣ-чудовищѣ, существованіе котораго упорно подтверждается моряками разн. странъ. Въ романѣ дѣйствительность искусно перепл. съ вымысломъ, и герои, встрѣчая въ океанѣ таинственное морское чудовище, испытываютъ приключенія, одно интереснѣе другого.

НИЛІЯ. Романъ *Поля д'Ивуа.* 198 стран., съ 7 рис. Въ роскошн. переплетѣ, на веленевой бумагѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Читатель знакомится съ чудесами угасшей уже цивидизаціи инковъ—древняго царства перуанцевъ, разрушен. Пизарро и друг. кровожадн. конквистадорами-испанцами.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. чит. и библ.

ЗАПАДНЯ ЛЮБВИ. Романъ *А. Марчмонта.* 221 стр., съ 9 рис. Въ роскошн. перепл., на велен. бум. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Авторъ вводитъ своего читателя въ водоворотъ еще мало изученной европейцами, и потому во многомъ загадочной восточной жизни. Передъ читателемъ развертываются волшебныя, полныя нѣги, картины Востока, описываются типы константинопольскихъ турокъ; рисуется жизнь самого повелителя правовѣрныхъ, нынѣшняго султана, дворцовыя интриги; развертываются тайны гарема и пр.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. чит. и библ.

ИСКАТЕЛИ КАУЧУКА. (Приключенія въ Бразиліи). Романъ *Э. Эллиса,* съ 4 рис., 164 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к. Въ роскошн. перепл., на веленевой бумагѣ 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

Авторъ ведетъ читателя въ одну изъ самыхъ дивныхъ, еще не изслѣдованныхъ европейцами мѣстност. Бразиліи, гдѣ добываютъ каучукъ. Похожденія партіи „искателей каучука" и составляютъ главный предметъ разсказа.

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА. Романъ. *Р. Хаггарда.* 190 стр., съ рис. Ц. 50 к., съ перес. 65 к. Въ роскошн. переплетѣ, на веленевой бумагѣ 75 коп., съ пересылкой 1 руб.

При чтеніи этого романа предъ нами встаютъ, какъ живыя, картины угасшей теперь древней цивилизаціи евреевъ и ихъ сосѣдей—финикіянъ, рисуются знакомые образы величественнаго царя-мудреца древности и его друга, тирскаго царя Хирама и пр.

Особ. отд. Уч. К. М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. библ. и чит.

КОРОЛЕВСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Романъ *Капитана Марріэта.* Съ 6 рис., 107 стран. Въ роскошн. перепл., на веленевой бумагѣ 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

Разсказъ изъ морской жизни „добраго стараго времени", когда палка и кнутъ считались необходимыми аттрибутами всякаго воспитанія. Авторъ изображаетъ здѣсь закулисную сторону привлекательной по внѣшности жизни моряка.

КРОВАВОЕ УТРО. Романъ *Макса Пембертона.* 148 стран., съ 5 рис. Въ роскошномъ переплетѣ, на веленевой бумагѣ 1 р., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Обиліе приключеній на сушѣ и на морѣ, увлекательная завязка, чарующія картины природы до такой степени поглощаютъ вниманіе читателя, что онъ не можетъ оторваться отъ чтенія романа.

Уч. К. М. Н. Пр. ДОПУЩЕНО въ безпл. нар. библ. и чит.

Сочиненія А. КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

Приключенія и подвиги бригадира Жерара. Большой историческій романъ изъ эпохи Наполеона I. Около 500 стр. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб., въ изящномъ переплетѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 35 коп.

Романъ этотъ долженъ быть причисленъ къ лучшимъ историческимъ романамъ изъ эпохи Наполеона. Бригадиръ Жераръ—историческое лицо; его подвиги и приключенія положительно поразительны.

Приключенія Шерлока Холмса. Въ 4 томахъ. Свыше 1000 стр. Цѣна 2 р., въ изящномъ переплетѣ 2 р. 50 к.

Настоящее изданіе «Приключеній Шерлока Холмса» является однимъ изъ самыхъ полныхъ.

Новыя разсказы. Большой томъ въ изящномъ переплетѣ 618 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

Оглавленіе. Тайна клуббера. Тронный экстренный поѣздъ. Берегъ-любитель. Жертва Монморанси. Кто убилъ. Женитьба бригадира Жерара. Убійство расцвѣтовъ. Черный Петръ. Въ мрачныхъ. Дипломатическая побѣда. Берилловая корона. Обезьяньи лапы. Чудесное открытіе. **Новыя воспоминанія о Шерлокѣ Холмсѣ:** Новый Бенсингтонъ. Кровавое пятно. Серебряное зеркало. Человѣкъ съ часами. Какъ сидеръ Лонгфордъ потерялъ свою службу. Роковой выстрѣлъ. «Черномазый докторъ». Возвращеніе на родину, или ставка на Дерби. Призовой конь. Коллекціонеръ бабочекъ.

Трагедія съ кораблемъ „Корсика". Романъ. Съ 8 рисунками. 114 стр. Цѣна въ роскошн. переплетѣ на веленевой бумагѣ 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

Сила въ захватывающей увлекательности произведеній К. Дойля заключается именно въ томъ, что онъ никогда не отрывается отъ реальной жизни. У Конанъ-Дойля событія развиваются одно за другимъ совершенно естественно; не чувствуется никакой натянутости, выдуманности. Конанъ-Дойлъ положется своимъ изумительнымъ даромъ, какъ мастеръ своего дѣла, сапожникъ. Жизнь положительно не выдумываетъ для этого исключительно сложныхъ. Самыя загадочныя преступленія онъ просто разгадываетъ, опираясь на острый, проницательный глазомѣръ; онъ ходитъ въ сторону, настойчиво вырываетъ завѣсы невѣдомого, которая недостижимо мелькнуть его глазамъ, но и сжимаетъ въ душѣ его острый сильнаго ужаса, такъ что къ концу повѣсти у читателя уже не остается ничего неизвѣстнаго.

БОРЬБА МІРОВЪ.

Замѣчательный романъ *Герберта Уэльса* с оригинальными иллюстраціями. Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп., въ изящномъ переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Романъ въ настоящее время является одним изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокомысленныхъ фантастическихъ произведеній, такъ называемый романъ «борьба міровъ», произведеніе не всѣ европейскіе [illegible] считается [illegible] произведеніемъ. Въ [illegible] глубокого [illegible] мысли [illegible] и нашего времени, доказывающая уничтожение дикарей [illegible] прогресса и цивилизаціи. [illegible] скомнымъ альбомомъ [illegible] художника [illegible] Кораса, [illegible] изданіе въ художественномъ [illegible] [illegible]

ТАЙНА ОКЕАНА.

Романъ. Съ рисунк. *П. И. Пакова.* Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп., въ переплетѣ 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Авторъ разсказываетъ въ живой увлекательной [illegible] [illegible] корабле-крушенія на необитаемомъ островѣ.

Издательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

Безплатное приложеніе къ журналу «Н. П. С.» № 1 [illegible] на 1916 годъ.

Тип. П. П. Сойкина.

Новое
Собраніе сочиненій
Лес. Ив.
Немировича-Данченко

ПОНТІАКЪ,
ВОЖДЬ ОТТАВОВЪ.
Романъ Э. Эллиса, съ 8 рис., 142 стр.
Въ роскошн. перепл. на велен. бумагѣ.
Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.
Авторъ описываетъ здѣсь одинъ изъ эпизодовъ вѣковой борьбы бѣлыхъ, съ прежними обитателями Америки—индѣйцами. Разсказъ изобилуетъ многими любопытными приключеніями; главный герой—историческое лицо.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
ПТР., Стремянная, 12.

дала, съ толкомъ читайте, я потомъ обо всемъ у васъ выспрошу, какъ и что... Чтобы каждый сумѣлъ разсказать мнѣ.

— Повидимому, вы совсѣмъ довольны своимъ положеніемъ?—спросилъ ее Анисимовъ.

— Да еще бы... Если бы вы знали, какой это славный народъ! Цѣлая семья у меня.

— Не скучаете?

— О, нѣтъ, некогда. И какіе есть способные между ними. Какъ пріятно учить ихъ.

— Никто васъ не обижаетъ здѣсь?

— Нѣтъ, пока все хорошо.

— Не ухаживаютъ за вами?—И Анисимовъ засмѣялся.

Засмѣялась и покраснѣвшая дѣвушка.

— Есть этотъ грѣхъ. Какъ я пріѣхала, такъ и молодые конторщики стали красные и зеленые галстуки носить, а въ праздникъ подъ моими окнами разсядутся—и давай на гитарѣ играть!..

— Испанцы!

— Смѣшные ужасно... Одинъ даже стихи мнѣ написалъ. Другой гораздо практичнѣе — ходитъ на охоту и съ охоты мнѣ пропасть дичи носитъ. Зайцевъ... Разъ даже чью-то домашнюю утку пристрѣлилъ и прислалъ мнѣ.

— Ну, я очень радъ за васъ.

— Да... И всѣмъ этимъ я вамъ обязана! Что же я держу васъ здѣсь — пойдемте наверхъ ко мнѣ. Чѣмъ прикажете угощать?

— Дайте мнѣ чаю, если васъ это не стѣснитъ!

— Сейчасъ... Марья... Марья!

Изъ какой-то боковушки выползла толстая дѣвка съ ужасно глупымъ и удивленнымъ лицомъ, похожимъ на то, если бы на пяткѣ нарисовать глаза, носъ и ротъ.

— Поставь самоваръ, да поскорѣе.

— Чай будете пить, что ли?

— Разумѣется... И подай ко мнѣ наверхъ.

Комнаты Анны Егоровны—у нея ихъ было три наверху—

щеголяли чистотою. Нѣсколько книгъ лежало на столахъ, цвѣты на окнахъ съ красными занавѣсками.

— Что вы улыбаетесь, глядя на эти занавѣски? Это Доримедонтовъ навѣсилъ. Дѣвицѣ, говоритъ, надо красное. Даже какихъ-то картинъ для стѣнъ принести хотѣлъ. Самъ, говоритъ, вырѣзалъ изъ «Нивы», но я убѣдила его не хлопотать.

Анисимова очень удивляла перемѣна, совершившаяся съ его Беллиніевскою мадонной. Она теперь была совсѣмъ не тою робкою и молчаливою дѣвушкою, какую онъ видѣлъ еще нѣсколько недѣль назадъ. Теперь это былъ человѣкъ, стоящій на своихъ ногахъ и уже не краснѣющій отъ каждаго взгляда. Выраженіе какой-то дѣловитости лежало на ея красивомъ лицѣ, даже пріучилась она озабоченно сдвигать брови.

— Я вѣдь съ вами проститься пріѣхалъ!..

— Какъ проститься?—вздрогнула она. — Въ Петербургъ ѣдете опять?—Она попробовала улыбнуться, но улыбка ей не удалась.

— Дальше!

— Куда же?.. Не скоро увидимся, вѣрно, теперь?—спросила она упавшимъ голосомъ.

— Въ Кишиневъ поѣду, въ армію.

— Это на войну?

— Да...

Она вся поблѣднѣла. Невольно глаза ея, съ выраженіемъ безконечной печали, остановились на его лицѣ. Она даже на ногахъ не устояла и сѣла возлѣ на стулъ.

— Дай вамъ Богъ вернуться цѣлымъ.—И крупныя слезы показались на ея глазахъ. Она хотѣла скрыть ихъ, и отвернулась.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за эти слезы!..

— Такъ это я... Глупая...—Она отошла къ окну.

Анисимовъ взялъ ея руку въ свои. Рука дрожала. Горячая волна искренняго чувства точно хлынула ему къ самому сердцу. Онъ потянулъ ее за руку къ себѣ, но въ эту минуту послы-

шался глухой и тягучій ударъ колокола... Еще и еще... Голоса какіе-то. Очевидно, народъ бѣжалъ куда-то...

— Въ набатъ ударили? Что такое?

Словно, чтобы скрыть то, что дѣлалось съ нею, она торопливо откинула занавѣску и отшатнулась.

— Пожаръ!

Анисимовъ взглянулъ. Прямо передъ школою была церковь. Ея темный силуэтъ рѣзко вырисовывался на огромномъ заревѣ, разомъ охватившемъ горизонтъ. Тонкая колокольня казалась совсѣмъ черною. Только вверху, гдѣ одно противъ другого были пробиты въ ней окна, свѣтилось багровое пламя.

— Пожалуйста, сидите тутъ... Не выходите. Очевидно, пожаръ далеко, и до васъ не дойдетъ. Я пойду и узнаю обо всемъ.

Анисимовъ накинулъ на себя дорожный полушубокъ и, не простясь, отправился туда, куда стремглавъ, перегоняя его, бѣжали рабочіе и бабы: первые—молчаливо и сумрачно взглядывая на него мимоходомъ, вторыя—съ криками и причитаніями.

— Ваше превосходительство!—нагналъ его Доримедонтовъ.

— Что у васъ тамъ творится?

— Бѣда. Заовражье наше горитъ. Стомысково-то наше раздѣляется на два села собственно—на Стомысково здѣсь и на Заовражье тамъ... Недавно только и построилось Заовражье это!.. И какъ вспыхнуло—съ разныхъ сторонъ. Никакъ иначе, что поджогъ былъ. Шалятъ у насъ. Надо правду сказать. Это рабочіе съ чужихъ заводовъ. Тутъ Ивашовскіе заводы около. Пьянство у нихъ безпросыпное, а мы вотъ платись.

XXII. Пожаръ.

Анисимовъ вмѣстѣ съ другими сбѣжалъ въ засыпанный снѣгомъ оврагъ и живо поднялся на ту его сторону, гдѣ огонь уже бушевалъ во-всю. Чернѣя въ его багровомъ заревѣ, стояли переднія избы. Красные языки пламени, окутанные клубами дыма, уже лизали ихъ стѣны. Какіе-то огненные хлопья срывались съ пожарища и неслись на кровли этихъ домовъ, курившіяся отъ нихъ. Трескъ и шумъ стояли позади. Здѣсь пока

еще была тишина, но тишина зловѣщая... Коробился тесъ, щелкали и трещали лопавшіяся на жарѣ доски. Вотъ изъ одной крыши ни съ того ни съ сего выкинуло, точно золотое знамя, громадное полымя. Выкинуло и опять спрятало, только дымъ заклубился оттуда... Вонъ въ дыму этомъ уже бѣгутъ и завиваются золотыя змѣи... Сцѣпляются, сливаются и уже однимъ большимъ огнемъ охватываютъ кровлю... Анисимову бросилось въ глаза, что никто и ничего здѣсь не дѣлаетъ. Беременная баба съ образомъ на рукахъ стоитъ у своего дома, точно заслоняя отъ другихъ, горѣвшихъ около, а заборъ уже занимается, и по его верхушкамъ зловѣщій дымъ начинаетъ куриться, подползая все ближе и ближе къ избѣ.

— Разбирай заборъ, братцы, да живо! — крикнулъ Анисимовъ.

Народъ было кинулся и назадъ отпрянулъ.

— Куда вы... Ироды, оглашенные!—махнула на нихъ иконою баба.

— Что же вы, ребята?..

— Позволю я рушить мое добро!

Но Анисимовъ началъ; вмѣстѣ съ нимъ принялись за дѣло и другіе. Въ черныхъ массахъ дыма, возносившихся къ темному небу, въ которомъ, точно отсвѣтъ пожара, стояло розовое зарево, неслись порою точно огненные платки, неслись и пропадали. Порою слышался сквозь свистъ пламени грохотъ разваливающейся избы, и кверху поднимались снопы яркихъ искръ. Пламя иногда вырывалось кверху длиннымъ и прямымъ столбомъ.

— Чью-либо душу уноситъ!—толковала толпа, глядя на это.

Сбитыя съ толку, растерявшіяся бабы волокли всякую мелочь, никуда не нужную... И тутъ же, валя это на землю, принимались кричать: «Охъ, моченьки нѣтъ... Гдѣ Митенька... Митенька! Митеньку-то оставила тамъ»... И опять бѣжала къ пожарищу, хотя тотъ же Митенька торопился за нею, хватаясь за ея поняву слабѣющими съ испугу ручонками. Анисимовъ уже не смотрѣлъ больше. Онъ работалъ на самомъ пожарищѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими парнями, совсѣмъ забывшими опасность,

грозившую имъ отовсюду. Двѣ или три трубы напрасно боролись съ пламенемъ. Отъ струй воды, выбрасываемыхъ ими, огонь не унимался вовсе. Онѣ даже не достигали его, обращаясь въ паръ, и сизыми облаками подымались все къ тому же темному, равнодушному небу. По ту сторону оврага, вся розовая, стояла церковь, вырисовываясь изъ темныхъ рядовъ молчаливыхъ избъ.

— Ваше превосходительство!—наткнулся среди пожарища на Анисимова какой-то знавшій его конторщикъ.—Пожалуйте отсюда... Васъ задавитъ.

Дѣйствительно, сверху то и дѣло валились громадныя бревна, казавшіяся золотыми отъ охватившаго ихъ пламени. Но Анисимову хотѣлось отстоять крайніе дома, и ему съ нѣсколькими помощниками удалось сдѣлать кое-что. Доримедонтовъ организовалъ цѣлую артель другихъ, которые помогали Анисимову, и дѣло шло на ладъ. Только Сергѣй Николаевичъ чувствовалъ, что дышать становится почти невозможно. Крымскій барашекъ его полушубка курился уже, смардная вонь тлѣвшаго мѣха била ему въ носъ, и онъ поневолѣ задыхался. И не разъ горящіе уголья падали на него, на шапку, на платье, но ему было не до этихъ мелочей. Онъ стойко боролся; мигомъ понимая, куда направлялась главная сила врага, онъ и самъ бросался туда со своими. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ трубамъ, чтобы онѣ его облили водою, но въ огнѣ высыхалъ тотчасъ же. Часто въ наиболѣе опасномъ мѣстѣ приходилось бороться, зажмурясь, потому что иначе искры могли бы ослѣпить его. Его спокойствіе и отвага мало-по-малу одушевили и остальныхъ. Вся громадная толпа начала работать. Много горѣвшихъ избъ было уже рушено внизъ, и онѣ лежали колоссальными грудами угля, развѣвавшаго надъ собою точно красныя хоругви жаднаго пламени. Анисимовъ не чувствовалъ усталости. Точно какая-то нечеловѣческая сила одушевляла его. Онъ бросался въ простѣнки между двумя занявшимися избами, чтобы вытащить оттуда какую-нибудь глупую бабу, растерявшуюся до оцѣпенѣнія; разбиралъ коровникъ, откуда слышалось мычаніе коровъ, и заборъ, за которымъ ржали лошади; выводилъ дѣтей, запутавшихся между головнями и уже начинавшихъ безсмысленно кру-

житься, прежде чѣмъ упасть въ огонь; взбирался на кровлю и рубилъ тамъ устои, разматывая ихъ солому, обнажая ребра черныхъ балокъ и жердей, и вновь спускался внизъ, замѣчая сверху, что лукавое и злобное пламя, побѣжденное въ одномъ мѣстѣ, бросается въ другое, облизывая новыя стѣны, коробя тесъ еще уцѣлѣвшихъ домовъ и осыпая искрами ихъ сухія кровли... Такъ продолжалось часа три... Въ минуты, рѣдкія минуты устали Анисимовъ только пилъ воду, которую подносили ему, и сейчасъ же уходилъ опять на дѣло.

Еще черезъ часъ, пожертвовавъ одною изъ ближайшихъ, уже занявшейся отовсюду, избою, Анисимовъ увидѣлъ, что остальныя спасены, и только что хотѣлъ домой, какъ прямо на него кинулась ошалѣлая баба.

— Батюшка-баринъ, Ванюшку-то моего, Ванюшку-то...

— Гдѣ твой Ванюшка?

— Кричитъ... Ишь кричитъ!

Прислушался Анисимовъ: дѣйствительно, со стороны слышался хриплый крикъ ребенка.

— Это тамъ, съ задворковъ,—оторопѣло пояснили ему.

Онъ бросился туда и увидѣлъ въ одной избенкѣ, кровля которой уже горѣла—въ боковушкѣ, сквозь крошечное окно—мальчугана лѣтъ четырехъ, въ одной рубахѣ, бѣгавшаго безсмысленно вокругъ. Ужъ дымъ наполнялъ крошечную свѣтелку—дверь ея вела въ охваченную огнемъ половину дома; окно было слишкомъ мало, чтобы туда можно было влѣзть.

— Топоровъ!.. Скорѣй давай топоровъ!..

Несмотря на то, что съ крыши сыпались искры и горѣвшіе уголья, что свистъ пламени, торжествующій и свирѣпый, уже разносился кругомъ, точно оно праздновало свою жестокую побѣду надъ этими, неутомимо боровшимися съ нимъ, людьми, топоры застучали быстро, торопливо... Скоро уже окно было увеличено на столько, что ребенокъ могъ пролѣзть туда.

— Ванюшка, ступай сюда живо!—кричали ему.

Но ребенокъ попрежнему только безсмысленно кружился по комнатѣ.

— Ванюшка! Тебѣ говорятъ!

— Боюсь, дяденька... боюсь!—повторялъ онъ, не подходя къ окну.

Еще нѣсколькими сильными ударами топора Анисимовъ увеличилъ отверстіе, едва влѣзъ въ него, схватилъ барахтавшагося ребенка на руки и подалъ его ждавшимъ людямъ.

— Батюшка-баринъ,—заныл все тотъ же глупый бабій голосъ,—въ углу-то, въ углу сарафанъ виситъ новый.

Но тутъ вдругъ вся толпа отшатнулась съ ужасомъ.

Подъ тяжестью кровли, надвинувшейся на нее, такъ какъ капитальныя стѣны избы уже сгорѣли по ту сторону, боковушка рухнула внизъ. Анисимова окурило дымомъ, пришибло какою-то тяжестью; руки его безсильно опустились, ноги невольно подогнулись...

— Выручай, ребята!—крикнулъ какой-то молодой голосъ.

Толпа, на мгновеніе оцѣпенѣвшая, бросилась, какъ одинъ человѣкъ.

Мигомъ разобрали кровлю. Къ счастью, она упала угломъ и только чуть-чуть задѣла Анисимова.

Когда его вытащили снизу и привели въ себя, онъ попросилъ пить.

— Не тронуло ли васъ?—заботливо освѣдомился Доримедонтовъ.

— Не знаю... Ничего не знаю. Воды, ради Бога.

Опираясь на плечо его, онъ пошелъ внизъ.

— Кажется, цѣлъ... Помяло только немножко, и страшно усталъ... Гдѣ бы мнѣ переночевать тутъ?

— Я бы къ себѣ васъ, да живу далеко... Версты за четыре, и лошадей теперь не найти... Къ попу нашему—у него тѣсно: своячиница съ мужемъ пріѣхали, да жена родила только что... Одно, что къ учительницѣ.

— Ее обезпокоишь.

— Нѣтъ. У нихъ три комнаты наверху.

Все такъ же опираясь на плечо Доримедонтова, Сергѣй Николаевичъ прошелъ мимо розовой, подъ огнемъ пожара, церкви. По улицѣ бродила какая-то женщина. Она бросилась къ нимъ.

— Это вы, Сергѣй Николаевичъ?

— Я... Усталъ ужасно. Позвольте отдохнуть у васъ, Анна Егоровна.

— Васъ ушибло или обожгло?..

— Нѣтъ, усталъ только. Смертельно усталъ.

— Я хотѣла пройти туда—не пустили...—И, поддерживая его съ другой стороны своими нѣжными руками, она помогла Доримедонтову ввести Сергѣя Николаевича на лѣстницу.

— Я ужъ къ вамъ на постель положу его...

— Пожалуйста, я лягу въ другой комнатѣ на диванъ.

— Не нужно ли чего?—спрашивалъ Доримедонтовъ раздѣтаго имъ Анисимова, но тотъ, укрытый и согрѣтый, уже спалъ.

XXIII. Нежданно не гадано.

Несмотря на усталость, Анисимовъ проснулся рано. Ночь еще царила кругомъ. Только на востокѣ мерещились блѣдные тоны тяжело рождавшагося зимняго дня. Сергѣй Николаевичъ не чувствовалъ себя ни разбитымъ, ни больнымъ. Очевидно, вчерашній случай не причинилъ ему никакого зла. Вмѣстѣ съ отдыхомъ къ нему явились утраченныя силы, и онъ долгое время, не открывая глазъ, лежалъ въ постели и прислушивался къ дыханію дѣвушки по ту сторону деревянной перегородки, отдѣлявшей одну комнату отъ другой. Онъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы. Было половина шестого. Въ это время у его брата уже вставали, а Ѳеня обыкновенно приносила къ нему чай. Онъ опять прилегъ, но ему не спалось. Онъ сталъ думать о дѣятельности, ожидавшей его далеко отсюда, объ этомъ мирномъ краѣ вѣчнаго труда,—краѣ, который едва ли ему придется видѣть еще разъ, и опять началъ прислушиваться къ ровному дыханію дѣвушки за стѣною... И ея не придется ему видѣть,—ея, которая все время такъ незамѣтно и въ то же время такъ постоянно влекла его къ себѣ. Несмотря на его увлеченіе Нѣжиной, эта кроткая и чистая дѣвушка постоянно становилась между Софьей Васильевной и имъ, заслоняя первую. Онъ вспомнилъ, какъ, цѣлуя Нѣжину, въ темнотѣ тѣснаго куше, онъ

представлялъ себѣ Анну Егоровну съ ея тихо и робко опущенными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ ему свѣтили такіе ясные глаза... Она пошевелилась въ постели. Онъ услыхалъ это. Она повернулась—дыханіе ея сдѣлалось громче... Что-то такое она проговорила во снѣ.

Анисимову стало жарко.

Онъ сбросилъ съ себя одѣяло. Сѣрый и тусклый разсвѣтъ уже смотрѣлъ въ его окно. Вотъ она, эта перегородка, за которой спитъ теперь его Беллиніевскій оригиналъ... Его потянуло туда, къ ней.

Но онъ разомъ совладалъ съ собою. Какая глупость! Именно теперь—наканунѣ отъѣзда? Что будетъ съ нею... Э, да развѣ онъ не можетъ устроить ее, какъ можно лучше. Ему стоило большого труда успокоиться. Кровь стучала въ виски, голову кружило. Онъ задыхался, точно въ комнатѣ было мало воздуха... Ему хотѣлось облиться холодной водой. Онъ одѣлся и сошелъ внизъ, но боковушка, гдѣ спала Марья, была заперта—нигдѣ не оказалось ни души. Онъ поднялся къ себѣ опять. Онъ боялся шумѣть и ходилъ на цыпочкахъ, чтобы не разбудить Анну Егоровну. Ему и больно, и сладко было думать, что она вотъ тутъ, около него; онъ приложилъ щеку къ самой перегородкѣ и слышалъ шорохъ ея локтя. Каждое легкое движеніе ловило его чуткое ухо. Онъ тихо подошелъ къ двери—она оказалась безъ замка. Это была простая створка, которую безъ всякихъ ручекъ устраиваютъ въ мезонинахъ деревенскихъ домовъ. Вѣроятно, по ту сторону былъ прибитъ къ ней гвоздочками шнурокъ. Стоило толкнуть ее, чтобы она отворилась. Анисимовъ еще разъ отошелъ назадъ, но это чистое личико со свѣтлыми и довѣрчивыми глазами, съ такою любовью останавливавшимися на немъ, дразнило его неотступно, безотвязно. Онъ приложилъ горячій лобъ свой къ стеклу окна и сталъ смотрѣть передъ собой. Бѣлый силуетъ церкви, пустыя улицы... За оврагомъ черныя полуобгорѣвшія избы. Дымъ отъ нихъ, сажа курится... Отчего народъ не просыпается?.. Онъ вспомнилъ, что его часы шли на полчаса впередъ... Вѣроятно, сейчасъ ударятъ къ заутренѣ... И опять дразнящее, всѣ нервы его подымающее дыханіе за стѣною...

«Люблю ли я ее?—думалъ онъ, не отрываясь отъ окна и ничего ужъ не видя передъ собою.—Люблю ли я ее?.. Не знаю, только меня тянетъ къ ней, тянетъ такъ, какъ ни къ кому и никогда... Что же, лучше, если она достанется кому-нибудь изъ этихъ невѣроятныхъ конторщиковъ съ зелеными галстуками?.. Фу, какая гадость... Я знаю, что и она меня любитъ... Разумѣется».

Онъ опять тихо подошелъ къ двери и слегка толкнулъ ее. Она отворилась безъ шума. Онъ заглянулъ въ ту комнату и увидалъ у самой деревянной перегородки широкій диванъ. На диванѣ, очевидно, наскоро была устроена постель. Дѣвушка лежала, едва прикрывшись своимъ пальто. Пальто было коротко. Анисимовъ увидалъ ея ногу, высунувшуюся изъ-подъ полы. Плечи Анны Егоровны едва отдѣлялись отъ подушки, споря съ ея наволочкой своей удивительной бѣлизной... Головка была обернута къ стѣнѣ. Онъ видѣлъ отсюда только затылокъ съ бѣлокурыми косами и мелкими завитками волосъ на шеѣ... Разрѣзъ рубашки былъ разстегнутъ, и молодая грудь, мѣрно вздымавшаяся и опускавшаяся, была полуоткрыта.

— Какъ хороша!—Онъ почувствовалъ, что полъ точно колышется подъ его ногами. Онъ тихо подошелъ къ дивану. Рука дѣвушки откинулась... Красивыя очертанія ея кидались въ глаза... Рѣсницы, длинныя и темныя, точно бросали тѣнь на личико Торацкой.

— Анна Егоровна... Аня! Милая!

Она, точно испуганная птичка, разомъ поднялась, широко открывая глаза... инстинктивнымъ движеніемъ руки схватила рубашку и сжала ее у горла... Но было уже поздно... Анисимовъ сѣлъ на диванъ и, охвативъ ея станъ, еще трепетавшій и теплый, привлекъ къ себѣ.

— Сергѣй Николаевичъ... Что вы дѣлаете... Господи... Уйдите...—едва лепетала она, вся залитая румянцемъ и отводя отъ него свои глаза.

Но, не выпуская ея стана, другою рукою онъ взялъ ея голову за затылокъ и привлекъ къ себѣ. Она зажмурила крѣпко свои глаза. Анисимовъ видѣлъ, какъ сквозь ихъ рѣсницы про-

ступили слезы. Полуоткрытый ротъ ея вздрагивалъ, когда онъ коснулся его своими губами. Онъ слегка ослабилъ свою руку, опустилъ ея голову на подушку и самъ наклонился за нею. На второй поцѣлуй онъ почувствовалъ, что ея губы отвѣтили ему тѣмъ же, и когда онъ хотѣлъ подняться, она потянулась за нимъ...

— Аня, милая, любишь? Да?

Не раскрывая глазъ, она обвила его шею своей рукой и прижалась къ нему.

Было десять часовъ, когда онъ проснулся.

Въ двери къ нему давно стучали.

— Это вы со вчерашней устали-то заспали!—привѣтливо говорила Марья, внося самоваръ въ комнату.

— Я вовсе не усталъ вчера.

— Ужъ управляющій съ докторомъ пріѣзжали. Да докторъ сказалъ—пущай спитъ, и будить не надо. Сномъ все пройдетъ.

— Умный человѣкъ твой докторъ, вотъ что!..

— Еще бы не умный. Сколько ученъ-то!.. Поди, бою-то одного сколько перенесъ.

Когда Марья ушла, Анна Егоровна не выходила изъ своей комнаты.

Сергѣй Николаевичъ самъ пошелъ туда и засталъ ее сидящей неподвижно у стола.

— Что съ тобой?

Она вспыхнула и потупились.

Анисимовъ взялъ ее за руки и притянулъ къ себѣ... Сѣлъ и посадилъ ее къ себѣ на колѣни и началъ гладить ея русую головку.

Она, наконецъ, улыбнулась, поднявъ на него свои кроткіе глаза.

— Такъ лучше, милая, хорошая!..

Какія-то сани подъѣхали, скрипя по окрѣпшему за ночь снѣгу.

— Вѣрно, за мной... Надо ѣхать... Завтра я пріѣду къ тебѣ, и мы переговоримъ, какъ намъ устроиться...

Онъ взялъ ее за голову и сталъ цѣловать, медленно, страстно, ничего не видя, кромѣ ея счастливыхъ глазъ, ничего не слыша, кромѣ ея порывистаго дыханія и робкаго шопота...

— Вотъ и я... Не ждалъ?—громко и весело послышалось въ дверяхъ.

Анисимовъ и Анна Егоровна вскочили, но было уже поздно.

Въ комнатѣ, совсѣмъ оцѣпенѣвшая при видѣ ихъ, стояла Софья Васильевна Нѣжина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА КРОВАВОЙ НИВѢ.

I. На кровавой нивѣ.

Точно огнистымъ заревомъ охватило сегодня западъ. На безоблачномъ небѣ едва-едва мерещился чуть проступавшій тонкій серпъ молодой луны; солнце, заходившее за горы, заливало все оттуда своимъ прощальнымъ золотымъ блескомъ. Только однѣ эти горы смѣло вырѣзывались мрачными синими силуэтами. На нихъ незамѣтно было ущелій; не видать отроговъ, выступавшихъ отъ этихъ величавыхъ массъ въ долину. Все сливалось, и только вершины рисовались отчетливо, иззубренныя обвалами, утесами, обнажившимися каменными выступами, похожими на чудовищныя ребра. Долина вся уже была окутана сумерками и туманомъ. Точно море, волновался онъ на всемъ ея просторѣ, и изъ-подъ него только кое-гдѣ вырывались тонкіе минареты старыхъ молчаливыхъ мечетей да стройныя вершины тополей. Ни жизни, ни движенія не было замѣтно подъ этою мглою, такими же мертвыми казались и синія горы. День умиралъ среди торжественнаго молчанія притаившейся природы, и зловѣщая ночь, словно крадучись, все длиннѣе и шире раскидывала съ востока свои мало-по-малу сливавшіяся тѣни. Когда за зубчатою стѣною горъ уже почти отгорѣло золотистое пламя заката, и робкія звѣзды замигали на темной синевѣ бездоннаго неба, а серпъ молодого мѣсяца уже ярко вырѣзался въ его безднѣ—далеко-далеко пронесся какой-то странный гулъ, точно разомъ вздохнули каменныя нѣдра этихъ горъ. Съ другой сто-

роны и въ другихъ уже горахъ послышался и замеръ такой же отзывъ. Еще черезъ нѣсколько времени вспыхнула гдѣ-то въ туманѣ трескотня сухихъ, во всѣ стороны, точно воробьи съ нивы, разлетавшихся выстрѣловъ, и затѣмъ ночь разомъ вступила въ свои права. Уже ни одинъ звукъ не нарушалъ ея благоговѣйной тишины...

Изъ самой темени горнаго ущелья, по дну котораго змѣился между скалами весь бѣлый отъ пѣны потокъ, въ туманъ, клубившійся на днѣ долины, выѣхало нѣсколько всадниковъ. Неказистыя, но сильныя донскія лошадки чутко поводили ушами, увѣренно ступая въ засыпанную щебнемъ рытвину. Впереди ѣхало двое, далеко отдѣлившись отъ остальныхъ, но не говоря ни слова. Казалось, и ихъ охватило это безмолвіе южной ночи. Кое-гдѣ путь былъ засыпанъ снѣгомъ, надолго удерживавшимся на этихъ откосахъ. Оба зорко смотрѣли впередъ и по сторонамъ, точно допрашивая у тумана: какую тяжелую и мрачную тайну онъ окуталъ собою?.. Только стукъ отъ копытъ, тамъ, гдѣ тропинка поворачивала на выступы дикаго камня, раздавался порою, да изрѣдка звонъ шашки о стремя или едва замѣтный шорохъ сдвигавшихся и сталкивавшихся всадниковъ нарушалъ задумчивую тишину...

— Петръ Ѳедоровичъ!—обратился, наконецъ, одинъ изъ ѣхавшихъ впереди къ своему товарищу.—А вѣдь вчерашній болгаринъ былъ правъ.

— Пока, ваше превосходительство, да!

— Вонъ видите—и обрывы эти... Да, именно... Переходятъ въ оврагъ. Теперь нужно посмотрѣть, куда именно идетъ онъ. У меня есть уже планъ... Если завтра меня убьютъ, вы примите начальство и исполните его. Слышите?

— Ну, вотъ, убьютъ! — съ неудовольствіемъ проговорилъ первый.

— Что же, и вы, какъ мои солдаты, вѣрите, что я заколдованъ?

— Нѣтъ... Только вѣдь на васъ лежитъ все дѣло, значитъ, вамъ слѣдуетъ беречь себя.

— Зачѣмъ это? Я вѣдь не даромъ долго прожилъ на востокѣ. Кысметъ—судьба! Она есть. Назначено мнѣ быть убитымъ, такъ за перевязочными пунктами найдетъ меня какой-нибудь глупый осколокъ гранаты; нѣтъ—первымъ въ редутъ брошусь—штыки скользнутъ мимо... Все это, душа моя, такъ.

Онъ задумался, потомъ поднялъ голову и заговорилъ съ оживленіемъ:

— Знаете... въ началѣ боя еще что-нибудь значитъ вождь,—а потомъ стихійныя силы дѣйствуютъ. Бросай только во-время поддержку... Сами онѣ сдѣлаютъ все... Этотъ психологическій моментъ подготовленнаго ранѣе боя надо угадать—и тогда уже иди самъ навстрѣчу смерти. Нуженъ показъ солдату. Ему легче умирать, когда онъ тебя видитъ передъ собою. Вы это помните... у меня оно врѣзалось въ памяти.

...Здѣсь нѣтъ вождей,
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди,
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій
Сокрыты цѣли...
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной.
Пойми, что свыше лозунгъ данъ,—
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ, какъ нѣкій ураганъ...

— Какъ вы это все помните!

— Еще бы... Постойте... Замѣчаете, что оврагъ измѣняетъ свое направленіе... Спустимтесь и поѣдемъ по его дну.

Они дождались казаковъ, ѣхавшихъ позади, и вмѣстѣ повернули въ оврагъ. Было круто. Лошади, тяжело дыша, сползали внизъ, выпрямляя переднія и почти сѣвъ на заднія ноги... Нѣсколько разъ звякнули шашки о камни, кто-то слетѣлъ съ сѣдла и покатился внизъ, ругаясь вполголоса... Здѣсь снѣгу было уже больше, и конямъ случалось попадать въ него по самое брюхо.

— Пѣхота пройти отлично можетъ...

Добравшись до дна оврага, проѣхали по немъ и часа черезъ полтора убѣдились, что онъ сворачиваетъ прямо въ середину долины.

— Ну-съ, Петръ Ѳедоровичъ?

— Все вѣрно.

— Такъ вотъ видите ли... завтра я думаю сдѣлать рядъ атакъ на ихъ лѣвый флангъ, пусть они всѣ бросятся туда, а оврагомъ я проведу большую часть отряда сюда и неожиданно ударю въ центръ ихъ позиціи... Поняли вы мою мысль?.. Теперь мы можемъ вернуться... Когда туманъ къ ночи разсѣется совсѣмъ—мы по линіи ихъ огней увидимъ, какъ они расположились... А теперь назадъ.

Когда они выбрались изъ оврага и въѣхали на большой холмъ, туманъ, дѣйствительно, порѣдѣлъ. Во мглѣ его большими желтыми пятнами чудились костры. Всадники двигались вдоль линіи, занимаемой огнями. Скоро оврагъ уже былъ далеко.

— Теперь я вамъ предложу вотъ что: насъ здѣсь не ожидаютъ, но ночью все равно узнаютъ, что нашъ отрядъ спускается внизъ. Намъ удастся незамѣтно проскочить мимо ихъ пикетовъ, но авангардъ непремѣнно будетъ встрѣченъ огнемъ... Воспользуемся остаткомъ тумана и вѣроятною безпечностію не ожидающаго насъ непріятеля. Видите, какимъ угломъ выдались впередъ ихъ аванпосты; если хотите, мнѣ даже кажется, судя по густотѣ, что тутъ сосредоточены ихъ главныя силы... Поскачемъ насквозь.

— Позвольте...

— Впередъ слышу ваше возраженіе. Но помните, что не всегда съ осторожностью уѣдешь далеко. Надо быть боевымъ психологомъ. На восточныхъ враговъ европейскіе пріемы не особенно дѣйствуютъ. Напротивъ, ихъ слѣдуетъ поразить неожиданностью, бить на ихъ воображеніе. Если мы это сдѣлаемъ сегодня, половина успѣха готова. Они потеряютъ духъ, измучатся ожиданіемъ нападенія за ночь и завтра будутъ далеко не такъ энергичны... Помните наши прежніе походы?

— Мольтке говоритъ...

— Ну-съ, я вамъ дарю вашего Мольтке! По его словамъ, зимою Балканы здѣсь непроходимы... А мы, слава Богу, перешли, да еще какъ—въ рваныхъ шинелишкахъ и безъ сапогъ. Чего нѣмцу нельзя, то намъ можно! Зато—я вамъ напомню примѣръ американскихъ войскъ—вы не забыли рейды южанъ,

и каково было ихъ вліяніе на духъ войска сѣверныхъ штатовъ? Быстрота и неожиданность!.. Вотъ и все.

— Насъ мало.

— Ночью, со-слѣпу, имъ покажется Богъ знаетъ сколько... Да, наконецъ, что невозможно для большой массы, легко для ничтожныхъ отрядовъ. Мой планъ таковъ. Раздѣлимся на три части. Я съ двадцатью казаками брошусь направо, вы ударите въ центръ, тоже съ двадцатью, а остальные съ хорунжимъ Чудаковымъ (онъ, знаете, глупъ, но храбръ, а для этого дѣла ему ума не надо) пойдутъ налѣво... Какъ можно тише подберемся, но когда будемъ проскакивать черезъ ихъ лагерь—шумѣть вовсю; гиканье, крики ура, выстрѣлы—и насквозь. По ту сторону долины соединимся. Вы ее теперь хорошо знаете? Не заблудитесь?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Къ утру будетъ готовъ разсказъ, что громадный кавалерійскій отрядъ ударилъ на нихъ, а главное—всю ночь они не сомкнутъ глазъ и къ завтрашнему дню будутъ измучены. Поѣзжайте же и сообщите казакамъ, что имъ дѣлать.

Сергѣй Николаевичъ Анисимовъ остановилъ коня. Онъ теперь былъ одинъ лицомъ къ лицу съ этою ночью. Ея безмолвіе охватывало его, онъ точно прислушивался къ ней и ждалъ, что она ему скажетъ. Вонъ впереди послышался какой-то шумъ... Топотъ нѣсколькихъ коней... Да, именно, подъѣзжаетъ кто-то. Анисимовъ попробовалъ, легко ли вынимается револьверъ изъ кобуры, отстегнулъ его и спокойно остался выжидать. Во мглѣ смутно обрисовывались силуэты нѣсколькихъ всадниковъ. Онъ счелъ ихъ... Трое... Они тихо проѣхали, не замѣтивъ его. Вѣроятно, Сергѣй Николаевичъ сливался съ холмомъ, у котораго стоялъ онъ. Когда стукъ копытъ замеръ вдалекѣ, позади послышался шумъ приближавшагося отряда. Онъ уже раздѣлился на три части.

— Ну, готовы? — обернулся Анисимовъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Ты, Трофимовъ? Полковникъ уже двинулся? Да?..

— Точно такъ-съ...

— И хорунжій вашъ тоже? Ну, отлично. Теперь, ребята, замри и не дыши пока. Минуемъ аванпосты (они не ждутъ гостей)—тогда ура, стрѣляй, коли, но не останавливайся—лети вихремъ за мной... Убьютъ у кого лошадь—на спину къ коню товарища мигомъ. Помни—кто упалъ, пропалъ. Подбирать будетъ некогда!.. Слышите?

— Рады стараться, ваше превосходительство!—тихо отвѣчили ему.

— Ну, вотъ... Сколько у васъ георгіевскихъ кавалеровъ?

— Пятеро!—отвѣтилъ Трофимовъ.

— Георгіевскіе кавалеры впередъ. Показывай примѣръ товарищамъ... За мной, братцы, и не отставать.

Еще нѣсколько времени слышался вдали легкій шорохъ двухъ другихъ маленькихъ отрядовъ и скоро замеръ. Казаки подтянули шашки—теперь трудно было на близкомъ разстояніи различить стукъ копытъ ихъ коней о мягкую, снѣгомъ занесенную землю. Когда они были уже близко отъ турецкихъ аванпостовъ, поднялся вѣтеръ, погнавшій передъ собою не слежавшійся снѣгъ. Теперь Анисимовъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ задуманнаго имъ дѣла. Свистъ вѣтра, унылый и тоскующій вблизи, отзывавшійся какимъ-то стихійнымъ гуломъ въ ущельѣ, мѣшалъ разслышать шорохъ приближавшагося отряда, а легкія облачка снѣга, срываемаго тѣмъ же вѣтромъ съ земли, не давали возможности различить казаковъ, медленно и осторожно подвигавшихся впередъ... Кстати, небольшая тучка заслонила молодой мѣсяцъ... Зато нашимъ хорошо были видны костры турецкой цѣпи... Въ промежутокъ между двумя такими и направились донцы.

— Стой!—скомандовалъ тихо Анисимовъ.—Изготовься!

Казаки сняли шапки и крестились, шопотомъ повторяя про себя слова молитвы.

Сергѣй Николаевичъ выѣхалъ далеко впередъ. Онъ чувствовалъ, какъ сильно билось его сердце,—не отъ страха, нѣтъ!

Ему въ одно и то же время было и жутко и весело. Онъ ощущалъ уже первую волну тѣхъ дорогихъ ему впечатлѣній, которыми онъ жилъ въ послѣднее время. Онъ чувствовалъ въ такія минуты каждой фиброй своего организма. Онъ зналъ, что на немъ лежитъ отвѣтственность и за исходъ самаго дѣла и за чужую жизнь, и умѣлъ въ критическій моментъ соединять отвагу съ осторожностью и вниманіемъ. Онъ всегда былъ впереди, точно его собственная совѣсть была спокойнѣе, когда на себя онъ принималъ первые удары, грозившіе слѣдовавшимъ за нимъ людямъ. Его отрядъ ужъ поравнялся съ аванпостами— другіе два вѣрно тоже находятся рядомъ съ ними... Замѣть его теперь—все могло бы быть потеряно. Къ счастью, одинъ изъ его казаковъ, славившійся своею ловкостью, не ожидая приказа, сошелъ съ сѣдла, отдалъ поводъ товарищу, а самъ проползъ впередъ и одиноко стоявшаго между двумя звеньями цѣпи турецкаго часового, какъ выражались въ отрядѣ, снялъ съ поста, т. е. совершенно неожиданно поднялся передъ нимъ и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ крикнуть, задушилъ его.

— Спасибо, Лѣсаковъ!—шепнулъ ему Анисимовъ, проѣзжая мимо.

Онъ теперь былъ весь вниманіе. Тогда какъ его казаки пропадали въ темнотѣ, онъ видѣлъ у костровъ направо и налѣво смутные, почти сливавшіеся съ сумракомъ, силуэты стоявшихъ настороже черкесовъ. У одного изъ нихъ лошадь заржала. Казаки мигомъ наклонились къ своимъ и начали ихъ гладить, боясь, чтобы какая-нибудь не отвѣтила также. Но «степнячки» двигались молча, только поводя ушами и наклоняя ихъ впередъ, точно давая знать, что и они понимаютъ хорошо, въ чемъ дѣло. Анисимовъ черезъ нѣсколько минутъ оглянулся. Костры уже были позади, теперь опасность оттуда миновала. Какъ бы только не наткнуться на разъѣздъ или на случайно проходившихъ изъ цѣпи въ лагерь турецкихъ солдатъ. Но за исключеніемъ тѣхъ, которые остались позади, кругомъ все спало.

Еще нѣсколько минутъ наши ѣхали тихо. Тотъ же Лѣсаковъ, шедшій впереди, остановился и, когда его нагнали, объявилъ:

— Здѣсь...

Рѣшено было ждать, чтобы отрядъ Чудакова ударилъ первымъ—только по этому сигналу два остальныхъ должны были кинуться тоже. Впереди на большомъ пространствѣ видны были турецкія остроконечныя палатки и какія-то кучи земли—очевидно, наскоро сложенныя землянки, гдѣ находились солдаты. Вотъ печальная пѣсня слышится въ тишинѣ ночи. Не запѣлъ ли ее угрюмый обыкновенно арнаутъ, стоящій насторожѣ у орудій, или смуглый сиріецъ вспомнилъ теплыя звѣздныя ночи своей родины, ея зеленыя чащи и благоуханные сады, золотые пески ея пустынь и какую-нибудь черноокую красавицу, для него одного откидывавшую бѣлое покрывало со своего нѣжнаго личика... Напѣвъ какъ нежданно вспыхнулъ, такъ же и погасъ... И опять ночь точно прислушивается, и опять только робкія звѣзды мигаютъ, да еще не успокоившійся вѣтеръ тамъ и сямъ взрываетъ полосками снѣгъ, и чудится, глядя на нихъ, что съ тихой долины подымаются внезапно какія-то бѣлыя привидѣнія, высоко поднимаютъ бѣлые рукава своихъ савановъ и снова падаютъ въ ту же землю, откуда ихъ разбудилъ случайно налетѣвшій вихрь...

Анисимову не терпится. Онъ весь перешелъ въ слухъ. Онъ такъ чутко прислушивается, что въ самомъ ухѣ его рождаются какіе-то странные фантастическіе звуки. Мгновенія вырастаютъ въ минуты, минуты — въ часы... Каждый стукъ сердца точно ударъ, медленный ударъ маятника, тяжело отсчитывающаго время. Анисимовъ даже привсталъ на стременахъ и полуобернулся налѣво,—туда, откуда долженъ былъ кинуться на турокъ Чудаковъ.

— Что же онъ?—нетерпѣливо повторялъ про себя Анисимовъ и злился.—Какъ можно было поручать ему?—каялся онъ, покусывая усы. Но въ ту минуту, когда онъ совсѣмъ, казалось, потерялъ терпѣніе—долина точно вздрогнула отъ залпа, разомъ разбудившаго задумчивую ночь. Ея молчаніе усиливало каждый звукъ—и въ первый моментъ Анисимову почудилось, что передъ нимъ со стихійнымъ трескомъ разсѣлась земля...

— Впередъ, ребята, за мной... Ура!

Онъ совершенно безсознательно, но и безжалостно вмѣстѣ съ тѣмъ, вонзилъ шпоры въ бока своему коню; тотъ слѣпо кинулся впередъ, и казаки, точно вихрь, съ гикомъ и крикомъ ворвались въ мирно спавшій лагерь...

II. Грозой прошло.

Трудно себѣ представить даже, какая суматоха поднялась у турокъ.

Съ трехъ сторонъ ворвавшіеся къ нимъ крошечные отряды произвели настоящую панику. Изъ землянокъ и палатокъ въ слѣпомъ ужасѣ выскакивали несчастные, попадая подъ казацкую шашку или на остріе казацкой пики. Другіе бѣжали стремглавъ, куда глаза глядятъ, посѣвая еще большій ужасъ въ остальныхъ своими отчаянными криками. Стрѣляли безцѣльно, поражая своихъ же, набрасывались въ темнотѣ другъ на друга. Отрядъ черкесовъ, вскочившій на коней, растопталъ турокъ больше, чѣмъ порубили ихъ казаки. Страхъ распространялся все больше и больше, когда врагъ уже былъ далеко, очень далеко. Анисимовъ, летя впередъ на закусившемъ удила конѣ, зорко всматривался въ лагерь. Онъ сообразилъ все: и насколько густо нарыты землянки, и поскольку низама и редифа выбѣгаетъ изъ этихъ норъ, какія и гдѣ стоятъ орудія, какими зигзагами выведены и куда именно обращены траншеи... Казаки его казались бѣшеными. Чувство страха, жуткое, нераздѣльное на первыхъ порахъ съ ощущеніями человѣческими, уже улеглось въ нихъ. Они скакали впередъ вовсю, понукая и безъ того зарвавшихся коней... и пики работали сами собою, точно будто всадники не принимали въ этомъ никакого участія. Часто обезумѣвшіе и растерявшіеся турки неслись прямо на нихъ, попадая между ихъ коней и ложась въ растоптанную и мягкую землю съ раскроенными черепами и глубокими ранами въ плечи, въ шею... Уже не одинъ безобразный крикъ слышался въ нашемъ крошечномъ отрядѣ казаковъ, оправившіеся люди посмѣивались и шутили... «Ишь гололобый!» кричалъ одинъ, уложивъ подъ своего коня

полуодѣтаго турецкаго офицера. «Пошла душа въ рай и хвостикомъ завиляла!» отзывался ему другой... Часто казаки спотыкались, случалось, падали съ коней и тотчасъ же опять вскакивали на сѣдла. Болѣе предпріимчивые донцы отбивались въ стороны—одинъ, напримѣръ, стремглавъ направился къ большой палаткѣ съ зеленымъ верхомъ и гикнулъ такъ, что оттуда выскочилъ какой-то изъ видимо крупныхъ офицеровъ турецкихъ и юркнулъ назадъ. Казакъ соскочилъ—и за нимъ. Донской конь остался одинъ, не трогаясь съ мѣста. Черезъ нѣсколько мгновеній хозяинъ его опять вернулся, неся уже на рукахъ великолѣпное турецкое сѣдло, отдѣланное золотомъ, бирюзой и сердоликами, и богато оправленную шашку. Вскочивъ въ сѣдло и положивъ всю эту добычу передъ собою, онъ поскакалъ дальше на голоса своихъ товарищей. Смятеніе позади все разрасталось и разрасталось, и когда, окончивъ свой рейдъ, казаки съ Анисимовымъ уже на противоположной сторонѣ проскочили черезъ растерявшіеся турецкіе аванпосты, турецкій лагерь былъ уже весь на ногахъ. Конные разъѣзды кинулись во всѣ стороны, унылые рожки подавали сигналы тревоги, и наши были уже совсѣмъ въ безопасности, когда позади послышались торопливые залпы.

— Экъ они!—обратился одинъ казакъ къ другому —Своихъ же, должно быть.

— Теперь у нихъ до утра кутерьма пойдетъ.

Анисимовъ остановился.

— Трофимовъ!

Передъ нимъ выросъ бородатый старый казакъ.

— Есть потери?

— Двухъ лошадей убили.

Анисимовъ зорко вглядѣлся. Дѣйствительно, въ двухъ мѣстахъ сидѣли на крупахъ коней подвое всадниковъ.

— А людей не тронуло?

— Пятерыхъ малость поцарапало, да ничего, въ говядину, саше превосходительство... Всѣ сидятъ въ сѣдлахъ, значитъ, кости не тронуло!

— Слава Богу!..

И онъ задумчиво поѣхалъ впередъ, соображая и расположеніе лагеря, и силы, съ которыми утромъ ему придется имѣть дѣло, направленіе нарытыхъ вокругъ траншей. Въ четырехъ-пяти пунктахъ онъ замѣтилъ редуты... Они тянулись вдоль горъ — очевидно, защищали доступъ къ лагерю со стороны долины... Дальше линія ихъ вѣрно продолжается.

— Трофимовъ,—позвалъ онъ опять старика,—ты не видалъ, кого у нихъ больше: редифовъ или низамовъ?..

— Редифовъ больше. Тѣ самые, что лѣтомъ на горы къ намъ лѣзли! Знаю я эти таборы, былъ тамъ.

— Сколько ты у нихъ замѣтилъ орудій?

— Да десятковъ восемь будетъ...

— Вѣрно—съ этой стороны.

И онъ замолчалъ опять, соображая про себя всѣ детали завтрашняго дня.

На полпути къ отряду присоединился Чудаковъ.

— Ну?

— Я, ваше превосходительство, приказалъ снять мимоходомъ звено одно съ аванпостовъ. Наткнулся—нельзя было.

— Гдѣ они?

— Здѣсь трое. Два черкеса и пѣхотинецъ ихній.

— Спасибо, Чудаковъ, я даже не ожидалъ отъ васъ... чтобы вы сообразили!

— Отчего же, ваше превосходительство? Я думалъ, что пристрѣлить ихъ и потомъ могу безъ шуму.

— Пожалуйста, не мясничайте. Разспросимъ лучше... Еще разъ, очень, очень вамъ благодаренъ.

Еще черезъ часъ отрядъ съѣхался съ остальными казаками.

Ночь была уже свѣтла.

Туманъ разсѣялся, и только въ горныхъ ущельяхъ лежалъ сѣрыми однообразными клубами. Яркія звѣзды разгорались во всю, тучки давно сползли, и золотой серпъ луны словно замеръ посрединѣ неба. Позади, въ турецкомъ лагерѣ, все еще слышались сигналы тревоги, рокотъ барабановъ и періодически повторявшіеся залпы по воображаемому непріятелю.

— Экъ ихъ!—съ неудовольствіемъ заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Пускай, пускай!—засмѣялся Анисимовъ.—Чѣмъ больше будутъ шумѣть за ночь, тѣмъ болѣе устанутъ къ утру...

— Мои молодцы положили ихъ много. Мы прямо въ кучу попали. Видимое дѣло, только что пришелъ какой-то таборъ и улегся прямо на землѣ, безъ палатокъ... Ну, мои и наскочили.

— Что кашу мѣшали!—разсмѣялся казакъ позади.

Анисимовъ поморщился.

— За что они легли?.. Поди, и вовсе не желали войны... Сидѣли у себя въ Анатоліи гдѣ-нибудь. Теперь у нихъ остались семья, дѣти... Подлое дѣло!..

Полковникъ улыбнулся. Анисимовъ замѣтилъ это.

— Чего вы смѣетесь, Петръ Ѳедоровичъ?

— Вы позволите сказать?

— Пожалуйста. Вѣдь мы друзья.

— Въ васъ два человѣка сидятъ. Одинъ, коли рѣзни нѣтъ, скучаетъ, изъ себя выходитъ, выдумываетъ экспедиціи поопаснѣе. А другой, какъ кончится дѣло, сейчасъ же сентиментальничать начинаетъ! Соединеніе Сида Кампеадора съ кающеюся Магдалиной.

Анисимовъ засмѣялся.

— Слишкомъ ужъ распустилъ я васъ всѣхъ! — пошутилъ онъ.—Что вы видѣли у нихъ—сообщите мнѣ все.

Полковникъ началъ разсказывать. Анисимовъ сопоставлялъ со своими свѣдѣніями и соображалъ молча.

Ущелья синихъ горъ были ужъ близко.

Сюда, къ ѣхавшимъ по этому направленію казакамъ, доносился оттуда какой-то странный гулъ. Точно сверху внезапно вздувшійся отъ дождей потокъ заполнялъ съ глухимъ шумомъ ихъ прохладныя рытвины. Анисимовъ скомандовалъ «стой» и самъ сдержалъ коня... Наконецъ, онъ снялъ шапку и перекрестился.

— Слава Богу! Вѣдь это наши!

— Да. Головная колонна сошла часа три назадъ. Судя по шуму, это ужъ отрядъ спускается.

— Отлично. Солдаты у меня до утра и отдохнуть успѣютъ...

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ ущелью, шумъ, раздававшійся тамъ, все росъ и росъ. Слышался уже звонъ орудій, скоро стали попадаться отдѣльныя кучки людей, посланныхъ, видимо, на развѣдки, или неудержимо скатывался горный обвалъ. Анисимовъ останавливался, разспрашивалъ, какого полка или дружины, всѣ ли люди спустились съ горъ?.. Получивъ утвердительные отвѣты, онъ ѣхалъ дальше. Вотъ въ туманѣ ущелья померещились желтыя пятна костровъ.

«Кашу варятъ», соображалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Я попрошу васъ всѣхъ полковыхъ командировъ и дружинныхъ пригласить ко мнѣ къ шести часамъ утра.

— Гдѣ вы будете?

— У самаго устья ущелья. Знаете скалу эту, отъ которой мы свернули въ долину?

— Слушаю-съ.

— А теперь разошлите приказъ людямъ отдохнуть хорошенько. Сегодня холодно—скажите имъ, что я завтра ихъ согрѣю.

III. При свѣтѣ костра.

Гдѣ-то разгоралась перестрѣлка. Сухое щелканье ружейныхъ выстрѣловъ подхватывали горныя ущелья и долины, повторяя его сотни разъ все глуше и глуше. Ущелье и долины эти были теперь наполнены говоромъ и шумомъ спускавшихся внизъ батальоновъ. Звукъ орудій, звяканье штыковъ о штыки, стихійный сплошной шорохъ тысячей ногъ, свистъ и шипѣніе сырого дерева въ сотняхъ костровъ, разбросанныхъ по сторонамъ, стукъ топоровъ, валившихъ въ стороны старые буки и дубы, кое-гдѣ замирающая пѣсня и изрѣдка веселый смѣхъ,—все это смѣшивалось вмѣстѣ съ крикливою командой офицеровъ, распоряжавшихся повсюду, съ перекличкой солдатъ, отставшихъ и отыскивавшихъ свои части, съ хрипѣніемъ раненыхъ лошадей, бившихся кое-гдѣ на откосахъ, и со свистомъ вѣтра, опять поднявшагося здѣсь и слегка шевелившаго засыпанныя снѣгомъ безлистыя деревья..

Солдаты, подходя, дорывались до земли, оттребали снѣгъ и раскладывали всюду костры.

— Здорово, братцы,—обходилъ ихъ Анисимовъ.—Устали, чай?.. Ну, да ничего — завтра еще поработаемъ вмѣстѣ. Правда?

— Правда, ваше превосходительство,—слышалось кругомъ.

— Спросите-ка, ребята, у моихъ казаковъ, какого мы сегодня трезвону задали туркамъ... Раками ползли они отъ насъ. Завтра, какъ налетятъ на нихъ такіе орлы, какъ вы, совсѣмъ пардону запросятъ... Вѣрно?

— Чего лучше!—засмѣялись кругомъ.

— Ну, вотъ. Говядина есть у насъ?

— Есть.

— Спирту вамъ тоже выдали. Поѣшьте да ложитесь спать, на чемъ стоите. Спите спокойно, ребята. Я за васъ спать не буду и, когда надо будетъ, разбужу завтра... Слышите?

И онъ шелъ дальше къ шумнымъ и говорливымъ толпамъ, собравшимся у костровъ.

Только часа черезъ два ему самому можно было успокоиться.

Онъ отправился къ скалѣ, гдѣ на землѣ была для него разостлана попона; тутъ же ярко горѣлъ костеръ... Онъ легъ лицомъ къ огню и задумался. Направо, совсѣмъ было замолкшая, опять загорѣлась перестрѣлка. Слышалось точно обрывками, какое-то «ура» и опять ружейные выстрѣлы... Ближе хрипѣла и билась умиравшая лошадь. Въ небольшомъ свѣтломъ кругу отъ огня костра виднѣлись озаренныя его багровымъ отблескомъ лица двухъ офицеровъ. Дальше стояла тьма и туманъ.

— Максутовъ!

Къ генералу подошелъ молоденькій офицеръ.

— Поѣзжайте сейчасъ же къ Липинскому, гдѣ стрѣляютъ, и узнайте, сколько онъ встрѣтилъ тамъ турокъ. Держатся упорно; можетъ-быть, ихъ много и надо будетъ послать кого-нибудь съ ротой поддержать нашихъ.

Тотъ откозырялъ, сѣлъ на коня, бывшаго около, и поѣхалъ.

Сергѣй Николаевичъ закрылъ глаза; ощущеніе тепла пріятно охватывало его, но ему не спалось совсѣмъ. Онъ переживалъ

ощущенія минувшаго дня, соображая все имъ видѣнное и слышанное, и мало-по-малу въ мысляхъ его складывался планъ завтрашняго боя... «Послѣдняго, можетъ-быть, въ эту войну,— думалъ онъ,—послѣдняго и самаго славнаго!..» Въ его воображеніи проходили теперь всѣ эти бодрыя и усталыя, печальныя и веселыя, блѣдныя и румяныя лица его солдатъ, только что имъ видѣнныхъ, то прятавшіяся въ темнотѣ, то освѣщенныя пламенемъ костра. Сколько ихъ останется завтра живыми?.. А за ними позади... и ему чудились засыпанныя снѣгами русскія равнины съ незамѣтно затерявшимися среди ихъ голаго простора деревнями и селами... Жалкія душныя избы, сиротѣющія семьи— этихъ завтрашнихъ мучениковъ и жертвъ великаго дѣла... Великаго ли? Что толку Россіи во всемъ этомъ?.. И онъ самъ на себя разозлился. Опять этотъ разъѣдающій, обезсиливающій анализъ, опять это ковырянье. Еще бы не великаго! Пошли освобождать другихъ—и назадъ вернемся уже не тѣми, какими пошли... И ему уже чудилось, какая колоссальная, титаническая работа закипитъ дома, когда всѣ эти «уцѣлѣвшіе» возвратятся. Да, разумѣется, его родина—цѣной невѣроятныхъ жертвъ, цѣной этихъ безчисленныхъ затратъ, этой пролитой крови — купитъ себѣ право быть счастливой и сильной... Счастливой прежде всего. Иначе и все его дѣло не имѣло бы никакого смысла. Разумѣется... Даемъ другимъ свободу и жизнь, неужели же сами мы останемся такими, какъ и были?..

Сухое дерево, пылавшее въ кострѣ, треснуло. Анисимова осыпало искрами и горящими угольями.

Онъ открылъ глаза и встрепенулся.

Синій дымокъ сквозь пламя подымался и обвивалъ еще не охваченные огнемъ сучья, наваленные усердною солдатской рукой въ костеръ. Сучья эти, словно отъ боли, трескались, выпрямлялись и снова сгибались. Старые засохшіе листья, попадая въ пламя, казались на мгновеніе совсѣмъ золотыми, потомъ истлѣвали и осыпались внутрь, въ ту раскаленную массу ярко горѣвшаго угля, по которой пламя пробѣгало змѣистыми изгибами, капризно вырываясь снизу и снова уходя внизъ.

— Семенъ!—крикнулъ Анисимовъ.

Къ нему подошелъ казакъ, служившій ему здѣсь.

— Ты меня сегодня угостишь чаемъ или нѣтъ?

— Сейчасъ готово будетъ.

И опять молчаніе, и опять Сергѣй Николаевичъ, задумавшись, смотритъ въ костеръ, и опять въ его думы прокрадываются мрачныя сомнѣнія.

— Великіе подвиги! А стоятъ ли они всей этой крови, всѣхъ этихъ страданій?..

По другую сторону костра, не замѣчая генерала, шелъ усталый, совсѣмъ зеленый, больной солдатикъ... Увидѣвъ огонь, онъ остановился, протянулъ руки къ нему. Пахнуло на него соблазнительнымъ тепломъ; солдатъ привалился къ огню...

— Куда ты?.. Не видишь генерала!—наскочилъ было на него казакъ.

— Оставь его, Семенъ... Лежи, лежи...—устало проговорилъ Анисимовъ.—Тепло тебѣ здѣсь?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Молодецъ! Затомился, вѣрно?

— Орудія таскали. На коняхъ не можно было — руками больше.

— Чаю хочешь?

Солдатъ колебался, нерѣшительно поглядывая на кипѣвшій въ сторонѣ самоваръ.

— Семенъ, налей ему да прибавь коньяку. — Очень ты усталъ?

— Точно такъ...

— А завтра молодцомъ будешь?

— Мы и теперь готовы, ваше превосходительство.

— Какой ты губерніи?..

— Рязанскій...

— Рязанцы—проломанныя головы... Есть семья?

— Нѣтъ, я за брата, потому братъ у меня женатый.

— Первый разъ будешь въ дѣлѣ?

— Никакъ нѣтъ!—обидчиво проговорилъ солдатъ. И только теперь, всмотрѣвшись, Анисимовъ различилъ у него на груди два георгіевскихъ креста.

— Э, да ты у меня изъ настоящихъ орловъ. За Плевну, должно быть?

— За восемнадцатое и за тридцатое, вашество,—повеселѣлъ солдатъ.

— Ну, милый, пей чай. Семенъ, дай ему побольше коньяку. Пускай отогрѣвается георгіескій кавалеръ. Ѣсть хочешь? Дай ему, что тамъ есть у насъ. Это изъ моихъ, изъ надежныхъ... Вотъ, братъ, завтра намъ нужно большое дѣло сдѣлать, и ужъ какъ кончимъ, такъ и пошабашимъ, назадъ въ Россію тогда...

— Сдѣлаемъ... Съ вами — сдѣлаемъ. Такого дѣла нѣтъ, чтобы не сдѣлать.

«И, дѣйствительно,—пришло въ голову Анисимову,—нѣтъ такого дѣла, чтобы не сдѣлать его... Съ этими все дѣлать можно... Вотъ онъ сидитъ теперь, чай пьетъ, радуется теплу, а завтра, можетъ быть, будетъ исходить кровью, пробитый насквозь и оставленный гдѣ-нибудь на боевомъ полѣ!.. Чѣмъ ему заплатить за все это... за всѣ страданія... Нѣтъ такой платы... такой награды и не придумано еще... Нѣмцы, говорятъ, хороши. А попробуй-ка нѣмца — этакъ, въ ободранной шинели, да безъ сапогъ, черезъ недоступныя горы протащить зимой... Да еще и безъ хлѣба. Потому что выдали этому рязанцу пятидневный запасъ сухарей—выдали да велѣли ему растянуть его на десять дней... А седьмой день придетъ—пожалуй, и еще на пять дней растянуть придется».

— Тебѣ когда выдали сухарный запасъ?

— Шестой день, вашество.

— На пять дней выдали, а потомъ сказано было еще на пять растянуть?

— Точно такъ...

Генералъ потупился. Онъ наскоро допилъ свой стаканъ.

«Этотъ ровъ кстати подвернулся! — думалъ онъ уже про себя.—Кстати очень. А все-таки надо будетъ и въ лобъ ударить, чтобы обмануть турокъ. Ничего не возьмемъ этой атакой—вѣрныя жертвы, зато онѣ другимъ дадутъ побѣду»...

— Эй, Семенъ! Тамъ въ мѣшкѣ у тебя книга есть... Дай ее сюда.

Ему подали. Книга оказалась разборомъ партизанской войны, которую испанскіе мужики вели противъ войска Наполеона.

«У этихъ не мѣшаетъ поучиться,—думалъ Анисимовъ:—ихъ атаки и неожиданные рейды еще получше, чѣмъ у меня сегодня была. Они да южныя войска въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—мастера на такіе неожиданные удары»...

IV. Послѣдній ударъ.

Побѣда была уже внѣ сомнѣній. Теперь шелъ тотъ періодъ боя, когда, по убѣжденію Анисимова, трудно уже было направлять солдатъ, можно было только поддерживать ихъ и показывать примѣръ. Планъ его удался какъ нельзя лучше. Благодаря оврагамъ, большую часть своего отряда онъ перевелъ въ центръ непріятельскихъ позицій и, обманувъ турокъ безпрестанными атаками на ихъ лѣвый флангъ, самъ ударилъ въ редутъ, который считалъ ключомъ всей мѣстности...

Солнце, яркое и горячее сегодня, было еще высоко. Голубое безоблачное небо, несмотря на зиму, поражало своей темною синевою. Горы, засыпанныя снѣгами и обнажившіяся отъ нихъ, рисовались на немъ такъ красиво и чисто, что въ другое время не отвелъ бы отъ нихъ взгляда. Снѣга въ долинѣ начали таять, и вся даль ея горѣла при этомъ освѣщеніи опаловыми отблесками. На югѣ она тоже была заслонена уже болѣе мягкими и нѣжными отрогами горъ, казавшихся скорѣе холмами... Прислонясь къ нимъ, стоялъ, стройно поднявъ свои изящные минареты, турецкій городъ, не пощаженный, очевидно, врагами. Въ разныхъ мѣстахъ его горѣло тусклое, желтое подъ этимъ солнцемъ, пламя пожара, и черные клубы дыма, порою обвиваясь вокругъ тонкихъ минаретовъ, медленно уносились въ высоту...

Анисимовъ видѣлъ, что моментъ рѣшительнаго удара насталъ.

У него подъ руками было два свѣжихъ полка, стоявшихъ уже фронтомъ, обращеннымъ къ зловѣще темнѣвшему вдали

редуту. Молчаніе царило въ рядахъ солдатъ,—молчаніе, прерывавшееся только стонами падавшихъ раненыхъ да отвратительнымъ визгомъ гранатъ, пролетавшихъ надъ ними, и трескомъ шрапнелей, разрывавшихся надъ головами. Передъ длинными рядами солдатъ молча сидѣлъ на конѣ Сергѣй Николаевичъ, зорко глядя по сторонамъ и передъ собою. На него были направлены выстрѣлы выдвинутой впередъ турками цѣпи надежныхъ стрѣлковъ, но Анисимову было не до этихъ свинцовыхъ шмелей, кружившихся вокругъ его головы. Онъ наблюдалъ, ждалъ и разсчитывалъ... Чутко и нетерпѣливо ждалъ, когда справа послышатся выстрѣлы съ той стороны, куда онъ послалъ въ обходъ небольшую колонну. Онъ, мучившійся еще ночью, теперь уже спокойно смотрѣлъ на корчи раненыхъ, оставленныхъ на равнинѣ; стоны ихъ не возбуждали въ немъ уже ни сомнѣній, ни колебаній, ни раздумья. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ — спокойный, равнодушный, увѣренный. За сегодняшнюю онъ отмучился въ безсонную вчерашнюю ночь—теперь его пристальный, нѣсколько мрачный взглядъ изъ-подъ сдвинутыхъ бровей уже не выражалъ нерѣшительности. И весь онъ сталъ какимъ-то желѣзнымъ. Въ немъ замерло все человѣческое. Онъ помнилъ только, что судьба этого дня на его отвѣтственности, что побѣда нужна, какою бы цѣною она ни досталась—и посылалъ на смерть полкъ за полкомъ, дружину за дружиною... Они таяли на его глазахъ, но на смѣну имъ сейчасъ же, по его указаніямъ, двигались другіе. Даже, когда ординарецъ съ разстроеннымъ лицомъ и глазами, полными слезъ, подскакалъ къ нему и прерывающимся голосомъ, чуть не рыдая, сообщилъ:

— Ваше превосходительство... Осколкомъ гранаты... убило...

— Кого еще?..—сдвинулъ еще больше брови Анисимовъ.

— Петра Ѳедоровича...

И молодой офицеръ, наклонясь къ лукѣ сѣдла, безмолвно заплакалъ, Анисимовъ, лучшимъ другомъ котораго былъ этотъ Петръ Ѳедоровичъ, снялъ шапку, перекрестился и тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ голосомъ приказалъ:

— Полковникъ Слѣпцовъ... Примите на себя командованіе лѣвой колонной. Петра Ѳедоровича убили! Ну, голубчикъ, те-

перь не время плакать. Успѣемъ завтра!—мягко проговорилъ онъ, обращаясь къ ординарцу.—Возьмите у меня взводъ солдатъ и выбейте всю эту сволочь, что засѣла за тѣмъ холмомъ ьа выборъ бьетъ оттуда.

И опять молчаніе вокругъ него, и опять онъ ждетъ и думаетъ, и зорко смотритъ направо, гдѣ сейчасъ же должно, по его разсчету, грянуть «ура» обходной колонны.

А свинцовые шмели кружатся около; съ дикимъ вздрагивающимъ свистомъ несутся глупые чугунные осколки разорвавшихся бомбъ... «Ой, больно мнѣ, Господи!—захрипѣлъ кто-то рядомъ.—Смерть моя!..» Громадный, рослый и бородатый казакъ валится съ сѣдла безсильно, что мѣшокъ, ничѣмъ не поддерживаемый. Осколокъ выхватилъ бокъ, и кровь, хлынувшая оттуда, залила и сѣдло и лошадь... Анисимову некогда... Что-то почудилось ему въ сторонѣ—не начинается ли?.. Нѣтъ... Опять тамъ стало тихо... зловѣще тихо... Онъ вынулъ часы и тихо обратился къ офицеру рядомъ:

— Вы увѣрены, что имъ оставалось пройти не болѣе пяти верстъ?

— Совершенно убѣжденъ въ этомъ.

— Странно. Уже десять минутъ, какъ они должны были кинуться туда.

— Да вѣдь зато и полкъ самый лучшій изъ моихъ...—Не закрывая часовъ, онъ соображалъ. Послышался какой-то странный шлепокъ. Шальная пуля ударила въ голову его коня. Конь весь дрогнулъ, качнулся впередъ, назадъ и валится на сторону...

Къ Анисимову подлетѣли, но онъ уже былъ на ногахъ самъ.

— Дмитрій!..—обратился онъ къ казаку позади. — Запасную. Чего же ты смотришь?

Пересѣлъ и даже не взглянулъ на любимую лошадь, хрипѣвшую и бившуюся рядомъ, какъ-то странно поводя ногами и взмахивая головой, точно ей хотѣлось что-то сбросить съ себя, мѣшавшее ей...

Но вотъ какой-то гулъ направо... Трескотня поспѣшныхъ оторопѣлыхъ залповъ... Видимо, непріятель что-то увидѣлъ неожиданное, къ чему еще не успѣлъ приготовиться, и сослѣпу на-

чалъ безцѣльную стрѣльбу... Вспыхнуло тамъ стройное «ура»... Эти знаютъ, зачѣмъ кричатъ и кому...

— Еще пять минутъ!.. — Анисимовъ обернулся къ солдатамъ.

— Наши орлы отозвались, братцы!—радостно крикнулъ онъ имъ.—Ну, боевые товарищи, видите сами, назадъ въ эти горы, по которымъ мы спустились вчера, пути нѣтъ. Намъ нужно или побѣдить или умереть,—слышите? Смерть насъ не испугаетъ, на то мы русскіе... Правда, ребята?

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство!.— загудѣло кругомъ.

— Ну, вотъ, только умирать намъ не придется... Слышите по залпамъ, какъ тамъ оторопѣли турки. Наша взяла! Помните, братцы,—всю эту войну сдѣлалъ я съ вами. Каждый день былъ я въ вашихъ рядахъ; мы и голодали и холодали вмѣстѣ—смотрите же, не выдайте меня сегодня—помните, я буду впереди васъ. Не тратьте огня даромъ—врага пулей за брустверомъ не нащупаешь. Штыкомъ его ищите—дойдешь, навались разомъ и коли. Не пугайся ничего. Пули да гранаты шумятъ много, зато штыкъ настоящую работу исполняетъ... Ну, ребята, да благословитъ Богъ!..

Шорохъ послышался повсюду. Хмурые солдаты снимали шапки и крестились. Точно вѣтеръ пробѣжалъ по лѣсу, всколыхнувъ листву.

— Музыканты впередъ!—бодро и радостно крикнулъ Анисимовъ, разомъ мѣняя серьезный тонъ.—Карлъ Карловичъ!—обратился онъ къ толстому нѣмцу-капельмейстеру.—Много у васъ трубъ раненыхъ?

— Три.

— Отлично. Значитъ, не помѣшаютъ... Ну-ка, братцы, нашъ плевненскій славный маршъ. Знамена впередъ!

И подъ стройные звуки музыки, со знаменами впереди, полки, разомъ охваченные какимъ-то восторженнымъ настроеніемъ, такъ красиво и стройно двинулись по ровной поверхности долины, что ни одному офицеру не пришло въ голову сойти

съ коня и стать въ ихъ ряды... Анисимовъ со своимъ штабомъ ѣхалъ впереди.

— Точно соколъ!—кивнулъ на него восхищенно солдатъ товарищу, старавшемуся шагать, какъ на парадѣ.

— За нимъ, братъ, и умирать легко!.. Онъ не хоронится. Отъ его, братъ, не уйдешь, потому онъ самъ впереди!

— Одно слово—налетъ.

Турки на минуту оторопѣли; очевидно, звуки музыки смутили ихъ. Анисимовъ видѣлъ, какъ цѣпи стрѣлковъ, разбросанныя ими по долинѣ, снимались со рвовъ и выемокъ, гдѣ онѣ лежали, и, отстрѣливаясь, двинулись назадъ.

— Молодцами отступаютъ!—замѣтилъ онъ.—Неторопливо, безъ суматохи... Съ ними будетъ возня.

Бѣлые клубки дыму вспыхивали теперь по всей долинѣ. Отступающіе сдвигались мало-по-малу и выбирали себѣ новыя прибѣжища и прикрытія, изъ-за которыхъ могли опять посылать выстрѣлы въ стройные ряды мало-по-малу надвигавшагося на нихъ врага. Знамена батальоновъ двигались ровно и не колыхались вовсе. Въ безвѣтріи полотнища ихъ опустились и повисли, и только на крестахъ золотились солнечные лучи... Красиво двигавшіеся полки оставляли позади, на снѣгахъ долины, раненыхъ и умирающихъ солдатъ. Чѣмъ ближе было къ редуту, тѣмъ раненыхъ становилось меньше... Очевидно, сидѣвшіе за его стѣнами турки стрѣляли по прежнему прицѣлу... Но вотъ вдали, въ амбразурахъ редута, блеснули какіе-то огненные снопы, направленные впередъ; тяжелыя темныя облака дыма поднялись надъ ними, и новыя шрапнели полетѣли на нашихъ, разсѣкая воздухъ, точно стальной бичъ...

Первый залпъ, взятый уже въ упоръ, грянулъ съ тѣхъ же брустверовъ...

— Не выдавай, братцы! За мной, боевые товарищи!

И Анисимовъ слѣпо ринулся впередъ, давъ шпоры своему коню.

Цѣлый адъ кипѣлъ кругомъ. Казалось, каждый атомъ воздуха обратился въ горячій свинецъ; пули прорѣзывали во всѣхъ направленіяхъ это пространство, наполненное ихъ жужжаніемъ,

свистомъ и визгомъ. Какими-то снопами неслись на нашихъ жадныя гранаты, лопаясь въ самыхъ рядахъ солдатъ и вынося ихъ изъ строя. Никто только не слышалъ этого, потому что стихійное «ура» покрывало всѣ звуки битвы. Казалось, желѣзныя груди выкрикивали его—до того оно было могуче, до того охватывало отвагой и какимъ-то заразительнымъ безуміемъ за минуту самыхъ робкихъ... «Ура» это подхватывалось на другихъ концахъ боевого поля, перекидывалось въ резервы, изъ резервовъ—на перевязочные пункты, гдѣ раненые, подымаясь съ носилокъ на локтяхъ, подхватывали его, поддаваясь на мгновеніе радостнымъ ожиданіямъ близкой побѣды... Даже въ горахъ отдалось оно—въ толпахъ нестроевыхъ командъ, спускавшихся теперь съ обозами и мулами, нагруженными всякаго рода запасами.

Анисимовъ съ разлету увидалъ прямо передъ собою амбразуру редута. Лошадь его сорвалась внизъ, въ ровъ, стоявшій подъ самымъ брустверомъ. Весь въ грязи поднялся оттуда генералъ и, даже не оглядываясь, полѣзъ, на противоположный скатъ. Нѣсколько солдатъ уже были тамъ... «Ура» рвалось повсюду, точно на пожарищѣ непрестанно вспыхивающее пламя рвалось торжествующее, опьяняющее, кружащее голову...

Турецкіе артиллеристы торопливо возились у орудія.

— За мной, ребята!—хрипло крикнулъ своимъ Анисимовъ и ринулся впередъ.

Прямо, кажется, въ лицо ему вырвался изъ мѣднаго жерла снопъ яркаго пламени, металлическая грудь орудія оглушительно ахнула, но Анисимовъ уже врубался въ сгустившуюся вокругъ толпу.

— Съ побѣдой дозвольте поздравить! — весело кинулъ ему солдатикъ со вздернутымъ носомъ и тотчасъ же откинулся назадъ, нелѣпо взмахнувъ руками. Смуглый низамъ не далъ ему докончить, вонзивъ штыкъ прямо въ грудь несчастному и сейчасъ же самъ падая подъ неожиданнымъ ударомъ.

«Да, теперь кончено!.. Кончено!» радостно пѣло что-то въ душѣ Анисимова.

V. Побѣда.

Штыковый бой, молчаливый и безпощадный, еще длился, когда къ Анисимову подскакалъ ординарецъ, весь въ пыли и крови.

— Флагъ... Бѣлый флагъ... подняли! — только и имѣлъ силы сказать онъ и, показавъ по направленію къ сѣверу, медленно скатился съ сѣдла на руки подхватившаго его казака.

— Вы ранены?

— Нѣтъ, я усталъ...—И онъ заснулъ тутъ же, среди боевого поля, когда около еще дрались, и шрапнели трескались въ разгоряченномъ звуками битвы воздухѣ.

— Побереги его!—приказалъ Анисимовъ казаку, а самъ поскакалъ впередъ, сопровождаемый нѣсколькими офицерами.

— Ваше превосходительство! — нагналъ его съ боку драгунскій офицеръ.—Шесть таборовъ турецкихъ бросились бѣжать туда, за горы.

— Попросите отъ моего имени генерала Дятькова съ двумя казацкими полками кинуться наперерѣзъ и захватить ихъ.

На пути нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ шли, сопровождаемые нашими солдатами и офицерами. Одинъ изъ плѣнныхъ упалъ. Солдатъ ударилъ его прикладомъ.

— Мерзавецъ! — наскакалъ на него взбѣшенный Анисимовъ. — Негодяй ты, а не честный солдатъ. Разъ сдался тебѣ врагъ—дороже онъ тебѣ друга и брата. Я прикажу разстрѣлять тебя.

И онъ чуть не растопталъ его копытами своего коня.

— А вы чего смотрите!—набросился онъ на офицера.—Погоны долой за это... Война—не варварство... Какъ ваша фамилія?

Тотъ, весь блѣдный, сказалъ.

— Ну, мы съ вами сочтемся!

Онъ ѣхалъ дальше, переходя отъ одного ощущенія къ другому. Еще недавняго спокойствія какъ будто и не бывало. Побѣда разомъ вернула и радость и смятеніе этому окаменѣвшему

было человѣку. Онъ скакалъ впередъ—и задыхался. Казалось, на всей этой равнинѣ было мало воздуха ему. Онъ шпорами дралъ бока своему коню, чтобы тотъ летѣлъ скорѣе. Онъ перегонялъ уже бѣгущихъ турокъ, не рѣшавшихся выстрѣлить въ эту горсть офицеровъ, бѣшено мчавшихся по одному съ ними направленію. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ кидались на колѣни и въ слѣпомъ ужасѣ бросали на землю свое оружіе, а другіе падали навзничь, притворяясь мертвыми. Наконецъ, вдали показалась какая-то странная толпа, выѣзжавшая изъ небольшого редута, осѣдлавшаго холмъ. Надъ редутомъ безсильно повисло полотнище большого бѣлаго флага, бѣлый флагъ былъ и въ рукахъ у ѣхавшаго впереди толпы офицера.

— Ваше превосходительство!..

— Что вамъ? — оглянулся Анисимовъ, поворачиваясь въ сѣдлѣ, но не останавливая скакавшаго коня.

— Мы одни, здѣсь кругомъ турки!

— Они умнѣе, чѣмъ вы думаете... Вѣдь они окружены отовсюду нашими войсками.

Выѣхавшіе изъ редута офицеры и наши стали сближаться.

Анисимовъ сильнымъ движеніемъ остановилъ коня и съ раздувавшимися ноздрями, полный волненія, ожидалъ, тяжело дыша. Глаза его горѣли. Это былъ торжествующій боецъ... Грязь облѣпила весь мундиръ, комокъ ея засохъ на георгіевскомъ крестѣ, висѣвшемъ у него на шеѣ. Съ бедра, оцарапаннаго пулей, сочилась кровь. Съ той стороны медленно подъѣзжалъ турецкій генералъ, окруженный своимъ штабомъ. Солнце теперь освѣщало ихъ красныя фески и рыжей верблюжьей шерсти кафтаны. Чудесные кони, видимо, останавливаемые сильной рукой, горячились и закусывали удила... Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ непріятельскихъ выѣхалъ впередъ по направленію къ Анисимову.

— Генералъ Амедъ-паша сдается вамъ со всей арміей,—на чистомъ французскомъ языкѣ проговорилъ онъ, дѣлая обычный селямъ.

— Какъ сдается? На условіяхъ? — сурово и отрывисто спросилъ Анисимовъ.

— На великодушіе побѣдителя.

— А!—просвѣтлѣлъ онъ.—Это дѣло другое.

Подъѣхавшій старикъ-генералъ подалъ Анисимову свою саблю. Тотъ ея не принялъ.

— У храбрыхъ не отнимаютъ оружія! Переведите ему.

И онъ подалъ старику руку.

— Русскіе братаются со сдавшимся врагомъ... Вы помѣститесь у меня, ваша свита—у моихъ офицеровъ. Плѣнники-солдаты будутъ разобраны полками и станутъ кормиться изъ ротныхъ котловъ. Сдѣлать сейчасъ же распоряженіе, чтобы ничья рука, подъ страхомъ разстрѣлянія, не смѣла коснуться имущества плѣнныхъ.

Тотъ же офицеръ, который переводилъ нашѣ французскія фразы Анисимова, перевелъ ему и русскія.

Рыжій капитанъ, ѣхавшій за Анисимовымъ, нагнулся къ генералу.

— Имѣю честь донести... Этотъ турецкій офицеръ знакомъ мнѣ... Онъ изъ поляковъ-эмигрантовъ.

— А вамъ что за дѣло?—нахмурился генералъ.

— Онъ бѣжалъ изъ Варшавы, я знаю-съ.

— Да вы кто? Вы—русскій офицеръ, которому сдается теперь врагъ «на великодушіе», понимаете!..—И Анисимовъ окинулъ его мрачнымъ, горѣвшимъ отъ негодованія, взглядомъ.—Полковникъ Соловцовъ... Прошу васъ отчислить капитана отъ моего штаба!.. Мнѣ сыщиковъ не надо!—процѣдилъ онъ сквозь зубы...

— Всѣ ли войска сдаются?—круто обернувшись, спросилъ онъ турокъ.

— Всѣ!

— Господа, прикажите бить отбой. Полкамъ собираться сюда, къ этому редуту. Можете ѣхать. Я съ полковникомъ Соловцовымъ и турками поѣду въ этотъ редутъ.

— Ваше превосходительство! вы вдвоемъ...—испуганно замѣтилъ ему молодой адъютантъ.

— Да! Отправляйтесь передать мое приказаніе.

И онъ ему ласково улыбнулся; потомъ, отпустивъ своихъ,

въѣхалъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба въ сплошную массу турокъ и, окруженный ими отовсюду, двинулся къ редуту.

— Дѣйствительно!—нѣсколько упавшимъ голосомъ проговорилъ Соловцовъ.—Если они теперь бросятся на насъ...

— Какой вы плохой психологъ...

— А что бы вы сдѣлали на ихъ мѣстѣ?

— Я?..—засмѣялся Анисимовъ.—Сейчасъ же ударилъ бы въ шашки.

Сумрачные и печальные ѣхали кругомъ турки.

— Ваше превосходительство!—подъѣхалъ къ генералу понимавшій по-русски офицеръ.

— Что вамъ угодно?

— Я хотѣлъ узнать, какая судьба меня ожидаетъ.

— Что за вопросъ! Вы военноплѣнный.

— Я — полякъ, бѣжавшій изъ Россіи послѣ шестьдесятъ третьяго года.

— А мнѣ какое дѣло... Какъ васъ зовутъ теперь?

— Аминъ-беемъ.

— Ну, и оставайтесь Аминъ-беемъ. Да не откровенничайте... Мы не полицейскіе здѣсь, а солдаты. Впрочемъ, если хотите, я доложу о васъ великому князю. Ручаюсь, что преслѣдовать васъ не будутъ...

VI. Голосъ съ Патмоса.

Усталый и разбитый послѣ всѣхъ только что пережитыхъ впечатлѣній, Анисимовъ лежалъ у себя—въ большой и чистой комнатѣ отведеннаго ему турецкаго дома. Онъ позволилъ себѣ, послѣ нѣсколькихъ дней нечеловѣческой устали, отдохнуть часа два-три, не больше. Завтра отрядъ его выступалъ далѣе, и цѣлый вечеръ надо было посвятить всевозможнымъ приготовленіямъ. Мысль его невольно унеслась въ прошедшее. Ему чудились то сожженныя солнцемъ песчаныя степи Средней Азіи, то Алтайскія горы, неодолимыя, какъ казалось, но побѣжденныя имъ когда-то, то сумрачный и развратный Петербургъ, гдѣ испорченная дурнымъ воспитаніемъ, его натура невольно опу-

скалась, и всѣ его скверные инстинкты разнуздывались. И теперь, еще недавно!.. Онъ съ отвращеніемъ вспоминалъ свои похожденія съ Софьей Васильевной, и чувство ноющей боли проникало въ его сердце, когда передъ нимъ проносился кроткій, ласковый и грустный образъ Беллиніевской мадонны—этой Анны Егоровны, бѣдной и тихой дѣвушки, такъ грубо имъ поруганной. Именно грубо и подло. Онъ злился самъ на себя; ему казалось уже невозможнымъ повтореніе той ночи, когда такъ варварски, такъ звѣрски набросился онъ на беззащитное созданіе. Теперь, когда онъ былъ на дѣлѣ! Неужели же стоитъ только кончиться этому дѣлу, чтобы опять въ немъ проснулся безсовѣстный и распущенный эгоистъ, не думающій нимало ни о чужомъ счастіи, ни о чужой жизни?.. Онъ вспомнилъ ея грустныя заплаканныя очи—и она такимъ живымъ укоромъ стояла передъ нимъ въ эти минуты, что ни радостное сознаніе большой одержанной имъ побѣды, ни усталь, которая, казалось, убила въ немъ все, кромѣ желанія отдыха и покоя, не могли заглушить безпощадныхъ голосовъ, звучавшихъ изъ глубины его же собственнаго сердца. Да, это было ужасно... Поправить—какъ и чѣмъ? Жениться на ней?.. Но брошенная имъ на произволъ судьбы дѣвушка не пойдетъ за него сама, а къ тому же эта женитьба убьетъ все, на что онъ разсчитывалъ, къ чему стремился... Съ такой кроткой и чудной женой, положимъ, для тихой и мирной дѣятельности средней руки—ничего нельзя и желать лучшаго, но въ немъ зрѣли широкіе планы, подымались яркія мечты. Счастливый дорого доставшимся ему успѣхомъ, онъ ни на минуту не успокаивался. Это была станція, съ которой ожидала его еще болѣе трудная и далекая дорога... Не она ли поможетъ ему? Лишнее ядро на ногахъ, цѣпь, которая скрутитъ его, пока онъ не разорветъ ея. И опять—это воспоминаніе о Порожневѣ съ его вкрадчивой и такъ великолѣпно взнуздавшей его красавицею. Нѣтъ, лучше ужъ остаться такъ, пережить эти нравственныя муки, опять быть свободнымъ, чтобы гибнуть или возноситься на недосягаемую высоту...

Вѣдь не для себя же онъ старается, не для личнаго своего

я хочетъ дойти до самаго верха горы. Что ему! Какъ всѣ глубокіе и богато одаренные эгоисты—онъ общее благо связывалъ со своимъ возвышеніемъ. Ему казалось, что только онъ одинъ можетъ вести за собой другихъ, и только съ нимъ однимъ эти другіе будутъ свободны, счастливы. Что же, если для этого придется пожертвовать многимъ. Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ, и безъ жертвъ не достается никакое дѣло. Кто это сказалъ, что только «на напоенной кровью землѣ хорошо принимаются посѣвы», какой-то поэтъ?.. Не Боделэръ ли?.. Во всякомъ случаѣ, это ему по-душѣ...

Дать ей денегъ, устроить ея личное положеніе... А развѣ тогда она не швырнула съ негодованіемъ деньги, предложенныя ей?.. У него до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ ея дрожавшій и проникнутый такой сердечною мукой голосъ: «Развѣ это покупается?..» Она не продалась, а отдалась ему... Вѣрно, и теперь работаетъ тамъ, учительствуетъ, думая о немъ и не смѣя писать къ нему въ одно и то же время. Что молится она за него—ему даже снилось это не разъ. Не ея ли чистыя уста, такъ же нѣжно улыбающіяся Богу, какъ они улыбались ему, вымолили ему жизнь посреди ада, посреди этого ликующаго истребленія, среди котораго онъ уже жилъ нѣсколько мѣсяцевъ?

И онъ сталъ перебирать въ памяти эти мѣсяцы.

День за днемъ! Какъ тяжело было начинать. Да, онъ никому не обязанъ, все самъ взялъ съ бою! Ему не улыбнулась здѣсь судьба съ перваго раза. Ему не только не давали назначенія,—на него косились, ему чуть не въ глаза говорили: «Зачѣмъ ты здѣсь—мнѣ тебя не нужно!» Героямъ парадовъ такъ легко казалось однимъ кончить эту кровавую эпопею. Онъ, стиснувъ зубы, съ болью терпѣлъ и ждалъ. Онъ зналъ, что первый же боевой ударъ измѣнитъ все и выдвинетъ его впередъ. Имъ ли, этимъ пестрымъ штабнымъ павлинамъ, было дѣлать настоящее дѣло!.. Да, онъ дорого заплатилъ за право быть полезнымъ, за право ежедневно подставлять свой лобъ подъ пули, показывая всѣмъ и каждому примѣръ не только какъ побѣждаютъ, но и какъ презираютъ опасность...

Онъ хорошо помнитъ тотъ вечеръ—въ совѣтѣ, собравшемся у его начальника.

Слушая чужія мнѣнія, Анисимовъ злился. Всѣ они были разсчитаны на личное отличіе и всѣ одинаково никуда не годились... Онъ не выдержалъ и вмѣшался... На него подняли глаза и потомъ обмѣнялись улыбками.

— Всѣ сюда приглашены не для совѣтовъ!—сказали ему.— Въ нихъ здѣсь никто не нуждается. Турки—не халатники, которыхъ вы били въ Средней Азіи на... бумагѣ! — съ тонкой улыбкой замѣтили Анисимову.—Самое лучшее — ступайте и ждите приказаній.

Онъ пережилъ и это—пошелъ и ждалъ приказаній. Но онъ запомнилъ это. Слова эти огненными буквами врѣзались въ его сердцѣ, чуткомъ на обиду. Онъ никогда не забывалъ ихъ, никогда... А потомъ, въ первомъ бою — когда онъ видѣлъ, что ошибка совершается за ошибкою,—онъ долженъ былъ молчать и исполнять, что ему приказывали.

И Анисимовъ, вскочивъ съ дивана, прошелся по комнатѣ. Онъ задыхался, вспоминая пережитыя оскорбленія.

— Какъ только хватило терпѣнія, не знаю. Нужно было слишкомъ любить свою родину, чтобы вынести все это и все-таки остаться служить ей. Положимъ, все это измѣнилось—теперь ихъ не знаютъ, зато знаютъ меня.

Къ нему въ двери постучали.

Войдите.

— Къ вамъ письмо съ газетами.

— Письмо дайте... Что такое?.. Неужели отъ брата? Отъ отца Никодима—да! И онъ отозвался изъ своей далекой пустыни!

Большой конвертъ былъ запечатанъ громадною печатью, изображавшею монастырь на скалѣ, съ надписью кругомъ: «Единымъ Господомъ держуся». Адресъ былъ написанъ крупнымъ и рѣзкимъ почеркомъ—видно, сильная и увѣренная рука ставила эти буквы отдѣльно одна отъ другой, насквозь прорывая плотную бумагу.

— Отъ него!..

Анисимовъ нетерпѣливо распечаталъ. Письмо было написано на большомъ и плотномъ писчемъ листѣ.

«Милый братъ и о Христѣ сынъ мой Сергѣй!

«Не удивись письму сему отъ инока, рѣдко посылавшаго тебѣ и Петру вѣсти о своей незамѣтной и въ ничтожествѣ протекающей жизни. Но слава подвиговъ твоихъ нынѣ такова, что даже мое, отринувшее соблазны міра сего, сердце взыграло, и почувствовалъ я въ душѣ великое желаніе послать тебѣ братскій привѣтъ мой и пастырское благословеніе. Премного радуетъ меня, что ты на бранныхъ поляхъ столь самоотверженно служишь своей отчизнѣ, какъ служили ей наши отецъ и дѣдъ, что, яко рабъ лѣнивый, не зарываешь ты талантовъ, врученныхъ тебѣ, въ землю. Мои иноки въ малоуміи стали было даже именовать тебя архистратигомъ, но я имъ внушилъ, сколь сіе дерзостно и легкомысленно, зато вмѣстѣ съ ними соборнѣ мы уже не разъ служили какъ за тебя, такъ и за все православное воинство молебны съ водосвятіемъ. Самъ я, грѣшный инокъ, молюсь за тебя часто и, переносясь мысленно къ тебѣ, жалѣю, что тѣлесные недуги не даютъ бодрости духу моему проявить себя иначе. Объясню тебѣ: собирался я самъ послужить воинству съ иноками и поѣхать къ вамъ въ качествѣ братьевъ милосердія. Даже было въ семъ смыслѣ подано мною въ Синодъ прошеніе, но прошеніе сіе оставлено безъ отвѣта, а меня ревматизмы удержали дома въ кельѣ, изъ коей духовно я непрестанно слѣдую за тобою... Паче всего умоляю тебя, милый братъ мой и о Христѣ сынъ, въ тревогахъ бранныхъ не ожесточи сердца своего,—да бьется оно у тебя любовію къ ближнему. Жалѣй солдата и сострадай плѣнному. Ради тлѣнныя славы не жертвуй напрасно жизнію тѣхъ, кои въ твоей власти находятся и за коихъ ты дашь великій отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Не отступая отъ необходимыхъ потерь, береги и блюди свое стадо, какъ я берегу и блюду здѣсь мое. И помни еще одно—нынѣ время разрушенія, и въ этомъ разрушеніи ты являешься силою. Богъ опоясалъ тебя мечомъ, дабы ты разилъ, но когда мечъ этотъ будетъ отъ тебя отнятъ, когда война смѣнится миромъ,—помни, что ты вмѣстѣ

съ другими будешь призванъ къ дѣлу созиданія. Умѣй не только наносить удары, но по минованіи надобности и исцѣлять ихъ. А вижу я отсюда, что наше отечество будетъ именно послѣ этой войны нуждаться въ строителяхъ и свѣточахъ духовныхъ. Не увлекись гордыней—помни, что, когда умрешь, все твое величіе умѣстится въ шестифутовомъ деревянномъ ящикѣ, и черви станутъ ѣсть тебя такъ же, какъ и смиреннѣйшаго изъ твоихъ воиновъ... Духорадостно было бы для меня увидѣть тебя послѣ войны, и если бы ты посѣтилъ мою скромную и смиренную обитель, великое тѣмъ бы доставилъ удовольствіе всей братіи. Полагаю, что и небезполезно было бы для тебя сіе, потому что лично ты убѣдился бы, что и въ смиренномъ отцѣ Никодимѣ Анисимовская порода не пропала. Думаю, что и я потрудился, какъ всѣ мы. Вотъ нынѣ на нашемъ островѣ поставили мы доки и будемъ сооружать во славу Бога живого суда для лова рыбы и чинить пароходы, пристающіе къ намъ съ богомольцами. И еще завелъ я здѣсь механическую мастерскую и разныя прочія сооруженія, въ коихъ братія въ мирѣ и любви труждается неустанно—и въ то самое время, какъ вы тамъ, на бранныхъ поляхъ, разите и разрушаете, мы здѣсь растимъ и созидаемъ. Правду говоря, не знаю, что я могъ бы сдѣлать здѣсь безъ явной помощи Божіей, ибо по вступленіи моемъ сюда нашелъ я обитель піяною и лѣнивою, но овыхъ тунеядцевъ я смирилъ, а овыхъ разогналъ, и теперь, хотя и путемъ непрестанной строгости, но достигъ я благолѣпія иноческаго. Къ прискорбію своему, скажу я тебѣ, что отъ козлищъ, изгнанныхъ мною отсюда, получилъ я наименованіе Никодима Грознаго, но я не падаю духомъ и, какъ братъ нашъ Петръ у себя, такъ и я здѣсь, не отступая, шелъ къ своей цѣли, смиряя жестоковойныхъ и ободряя смиренныхъ. Еще скажу тебѣ одно—по-братски готовъ я помочь твоимъ приснымъ, т. е. сослужащимъ съ тобой. Если окажутся искалѣченные или по болѣзнямъ неспособные ни къ чему воины, то снабди ихъ своими письмами и по окончаніи войны пришли ихъ ко мнѣ. Всѣмъ найдется у насъ пріютъ и дѣло, паче же всего полезны они будутъ намъ, ибо, привыкнувъ къ слѣпому повиновенію, и зло-

правнымъ инокамъ дадутъ примѣръ таковаго же... А мы нынѣ думаемъ приступить къ большому предпріятію—пробить главную скалу нашу подземной жилой къ водѣ, и такъ какъ находящійся у насъ въ послушаніи братъ Аѳанасій зѣло механикой умудренъ, то онъ намъ по сей жилѣ соорудитъ водопроводъ по собственному своему изобрѣтенію»...

Анисимовъ съ улыбкой прочелъ это письмо.

«Да,—думалъ онъ про себя,—Анисимовская порода во всѣхъ насъ сказалась. Они—созидатели, я пока разрушитель, но всѣ мы впереди, и если еще не на верху горы стоимъ, то, во всякомъ случаѣ, и не внизу... Чѣмъ-то кончимъ?.. Хорошо ему говорить—«созидать надо»—каждому свое».

— Эй, вѣстовой... коня мнѣ.

Анисимовъ торопливо одѣлся. Ему хотѣлось объѣхать своихъ солдатъ и навѣстить раненыхъ въ госпиталяхъ, уже устроенныхъ въ занятомъ городѣ.

Когда онъ выбрался, ему навстрѣчу попался какой-то толстякъ, при видѣ котораго Анисимовъ даже уздечку опустилъ отъ изумленія.

— Бухмановъ!.. Вы какъ сюда попали?—и онъ, наклонясь съ сѣдла, протянулъ ему руку.

Бухмановъ сіяющими отъ радости глазами такъ и впился въ Анисимова.

— Такъ вотъ онъ какой!..

Потомъ, точно вспомнивъ что-то, онъ снялъ шапку и низко поклонился генералу.

— Чего вы?

— Отъ всей земли русской!..

— Ба!.. По перевязи Краснаго Креста вижу—вѣрно, вы въ качествѣ уполномоченнаго...

— Какъ же, лазареты устраиваемъ здѣсь...

— Созидаете разрушаемое нами? —вспомнилъ Анисимовъ письмо брата.

— Да, именно созидаемъ и исцѣляемъ... Сергѣй Николаевичъ, доставьте мнѣ удовольствіе...

— Какое же?

— Посмотрѣть мой лазаретъ. Мы только что пріѣхали съ сестрами милосердія, не вполнѣ еще устроились, но все-таки...

— Хорошо... Куда ѣхать?

— Вотъ сейчасъ здѣсь... Въ закоулочкѣ. Тамъ, знаете, большой домъ муллы. Самъ онъ бѣжалъ; ну, мы и воспользовались.

— Что же, вы приняли раненыхъ?

— Какъ же-съ. У насъ уже сорокъ пять человѣкъ вверху, да двадцать раненыхъ турокъ внизу. А какія у меня сестры! Подлинно святыя дѣвушки. Вѣдь мы ужъ шестой мѣсяцъ за вами слѣдуемъ... Только въ другихъ отрядахъ все.

Узенькая, чисто-восточная уличка извивалась зигзагами между слѣпыми стѣнами. Изрѣдка только какое-нибудь окно выходило сюда, да и то было закрыто ставнемъ. Крупные булыжники служили вмѣсто мостовой. Въ крошечныхъ калиткахъ, куда входить надо было, сгибаясь въ три погибели, не оказывалось никого. Противъ одной калитки побольше остановился Бухмановъ и, полуотворивъ ее, крикнулъ:

— Свиридовъ!..

Лохматый какой-то парень выбѣжалъ на улицу.

— Прими у генерала лошадь...

Анисимовъ сошелъ и, нагнувшись, переступилъ черезъ порогъ.

— А помните послѣднее наше свиданіе?..—спросилъ его лукаво Бухмановъ.—Я вѣдь еще на васъ претензіи имѣю.

— За что это?

— Зачѣмъ вы увезли Софью Васильевну.

— Ну, вотъ! — съ неудовольствіемъ прервалъ его Анисимовъ.—А, кстати, гдѣ теперь Нѣжина?

— Не знаю. Слышалъ только, что она опять играла гдѣ-то... Потомъ сумасшествовала, ни съ того ни съ сего поѣхала было въ армію и вернулась назадъ. Разсказывали мнѣ—не знаю, насколько вѣрно,—что она увлеклась потомъ какимъ-то турецкимъ плѣннымъ.

Анисимовъ уже его не слушалъ.

Очевидно, сегодня было моментомъ самыхъ неожиданныхъ встрѣчъ.

Но послѣдней онъ ужъ никакъ не могъ предвидѣть.

— Послушайте... Почудилось мнѣ или это дѣйствительно... Впрочемъ, нѣтъ... Я это такъ...—безсвязно ронялъ онъ, мало заботясь о томъ, насколько это кажется страннымъ Бухманову.

Анисимовъ быстро направился въ домъ.

Дѣло въ томъ, что на крыльцо его вышла было и сейчасъ же вернулась опять сестра милосердія, въ которой Анисимовъ узналъ Анну Егоровну Торацкую. Бухмановъ едва поспѣвалъ за нимъ по лѣстницѣ, ведшей вверхъ. Генералъ живо прошелъ одну палату—и въ другой, дѣйствительно, увидѣлъ знакомую дѣвушку, о чемъ-то разспрашивавшую раненаго.

Она подняла голову; глаза ея расширились. Отшатнулась даже. Вспыхнула, потомъ вся кровь отлила, и, уже мертвенно блѣдная, она ожидала Анисимова, не сводя съ него пристальнаго, показавшагося ему больнымъ, взгляда.

XII. Объясненіе.

Анисимовъ скоро совладалъ съ собою. Онъ до боли закусилъ себѣ губу и употребилъ страшное усиліе; но когда онъ заговорилъ съ Анной Егоровной, голосъ его уже былъ спокоенъ, и лицо—еще недавно нервное и сумрачное—улыбалось.

— Здравствуйте, Анна Егоровна! Вотъ ужъ именно васъ не ожидалъ здѣсь видѣть!..

Онъ протянулъ ей руку, она машинально подала свою. Ея рука показалась ему холодной. Она слегка дрожала.

— Давно ли вы здѣсь?—и онъ, не выпуская ея руки, всматривался въ ея блѣдное личико, въ большіе синіе глаза.

— Ужъ семь мѣсяцевъ,—за нее отвѣтилъ Бухмановъ.—И какъ работаетъ. Ужъ именно умираетъ въ госпиталѣ. Тифъ вынесла, опять вернулась... Надо правду сказать и въ глаза и за глаза, наши солдаты боготворятъ ее: «матушка наша святая!» Такъ они, кажется, называютъ васъ?

А Анисимовъ все пристальнѣе всматривался въ нее.

— Какъ вы перемѣнились. Какой серьезной стали...

И дѣйствительно, на ея лицѣ лежалъ отсвѣтъ какого-то невыразимаго страданія. Такіе глаза, мерцающіе изнутри, бываютъ только у тѣхъ, которые пережили тайное горе, никому не сказавъ о немъ и похоронивъ его внутри себя. Ихъ сердце стало могилой съ дорогимъ покойникомъ. И, оставаясь одни, они молятся надъ этою могилой...

— Какъ вы перемѣнились!..—повторилъ онъ, совсѣмъ о другомъ думая и мысленно глазами допрашивая ее о чемъ-то иномъ.—Вы давно оттуда?—спросилъ онъ, наконецъ, когда Бухмановъ зачѣмъ-то отошелъ въ сторону.

— Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись.

И вдругъ краска залила все ея лицо. Она только теперь опомнилась и отдернула свою руку.

— Какъ же братъ васъ выпустилъ?

— Напротивъ, онъ былъ за меня. Ѳеня только уговаривала остаться, а Петръ Николаевичъ даже образомъ благословилъ.

— И вы не писали мнѣ ничего!

— Какъ же бы я могла? Вы бы должны первый сдѣлать это. Иначе мое письмо могло бы показаться вамъ навязчивостью. Наконецъ, о чемъ же писать... Я знала о васъ все... И...—она опять вспыхнула вся, — и гордилась вами. Черезъ мои руки прошло много вашихъ солдатъ. Ихъ разсказы—не реляціи!

— Что же они говорили вамъ? — засмѣялся онъ, радуясь тому, что подмѣтилъ теплое чувство въ ея словахъ.

— Я говорю, что послѣ ихъ разсказовъ и я гордилась вами, генералъ.

Онъ опять пожалъ ея руку.

Бухмановъ въ эту минуту вернулся опять.

— Вы меня подождите, Анна Егоровна. Я давно не видѣлъ васъ, и мнѣ обо многомъ надо поговорить съ вами.

И онъ пошелъ вдоль двойного ряда кроватей, на которыхъ лежали раненые. Узнавая генерала, они старались подняться—нѣкоторые сами заговаривали съ нимъ.

— Завтра, братцы, привезу вамъ георгіевскіе кресты!.. Ну, что, Софроновъ, легче?

— Гдѣ легче. Мозжитъ. Она, ваше превосходительство, въ самой кости засѣла.

— Вынуть...

— Отчего не выпуть,—вынуть.

— Хорошо еще, что мы съ вами — отзывался другой солдатъ.—Теперь мнѣ завтра будутъ ногу рѣзать, а я и знаю, что хоть буду калѣкой—меня генералъ мой не оставитъ.

Слезы навернулись на глаза Анисимову.

— И не оставляю, и... Вообще,—громче заговорилъ онъ, садясь на кровать къ одному раненому,—нечего вамъ, братцы, за себя мучиться. Помните,—ну, кого Богъ захочетъ посѣтить несчастіемъ—потеряетъ онъ руку или ногу—всѣмъ у меня или у моихъ братьевъ кусокъ хлѣба найдется. Всѣмъ рѣшительно.

Черезъ нѣсколько времени Анисимовъ въ другой палатѣ дошелъ до солдата, которому осколкомъ гранаты раскололо черепъ, и который умиралъ тяжело, въ страшныхъ мученіяхъ, никого не узнавая. Голова его была охвачена перевязкой... Онъ метался, кричалъ отъ страшной боли.

— Мой, изъ плевненскихъ!—замѣтилъ Анисимовъ, останавливаясь надъ нимъ.

— Горитъ... горитъ...—устремилъ на него умирающій свой воспаленный взглядъ.

— Онъ ничего не понимаетъ,,—подошелъ докторъ.

— Что, онъ долго будетъ такъ?..

— Можетъ быть, до вечера, а, можетъ быть, и нѣсколько дней.

— Горитъ, братцы, горитъ!—кричалъ солдатъ.

— Выздоровленіе невозможно?

— Какое, помилуйте, въ двухъ мѣстахъ черепъ треснулъ.

— Развѣ нельзя чего-нибудь дать этому несчастному?.. Вѣдь спасти уже нельзя.

— Ни одинъ изъ врачей не сдѣлаетъ этого...

— Ваше превосходительство! — позвалъ его со слѣдующей койки тяжело раненый солдатъ.

— Что тебѣ, милый?

— Въ нашей ротѣ у ефрейтора Алексѣева моихъ три рубля... Послать бы ихъ женѣ—потому я ужъ не жилецъ.

— Скажи мнѣ, гдѣ твоя жена, я все сдѣлаю... что ей надо.

— Хозяйство у нея малое. Побираться пойдетъ.

— Не думай объ этомъ—даю тебѣ слово, что я пошлю ей денегъ купить, что надо, чтобы она работать могла... Да и съ чего ты-то умирать вздумалъ?

— Не... я ужъ не жилецъ. Меня пулей въ животъ прошибло. Чувствую, къ самому сердцу подошло...

Больные и раненые разговаривали мало. Они и не любятъ, когда ихъ тревожатъ разспросами. Надъ однимъ изъ нихъ молоденькая сестра читала евангеліе. Онъ слушалъ, закрывъ глаза, и когда Анисимовъ проходилъ мимо, тотъ, полуоткрывъ ихъ, проводилъ его равнодушнымъ взглядомъ. Что ему было уже за дѣло на рубежѣ жизни до этого генерала?.. Выйдя опять на крыльцо, Анисимовъ увидѣлъ Анну Егоровну, ожидавшую его.

— Бухмановъ, вы у меня сегодня обѣдаете. Да?—пожалъ ему руку Сергѣй Николаевичъ.

— Да, если позволите.

— Что еще за позволеніе?

— Поговоримъ о Петербургѣ.

— Только не о немъ, ради Бога. У меня мало хорошихъ воспоминаній объ этомъ гнѣздѣ. А теперь—до свиданія. Въ шесть часовъ, значитъ, я васъ жду.

— Какъ я радъ, какъ я радъ васъ видѣть...—торопливо заговорилъ онъ съ Анной Егоровной.—Если бы вы только знали, какъ часто я думалъ о васъ и какъ много. И какъ мнѣ больно и тяжело было сознавать себя виноватымъ передъ вами... Я нисколько не преувеличу, если скажу вамъ, что все время вы точно укоръ совѣсти передо мною. Ни одной минуты я не могъ бы быть спокоенъ.

Анна Егоровна слушала его, просвѣтлѣвъ вся.

— Я давно забыла о томъ!.. То есть не забыла, если хотите, но въ моихъ воспоминаніяхъ о васъ нѣтъ горечи...

— Значитъ, вы... вы не были злы на меня, вы меня простили?

— Мнѣ васъ прощать!—и она подняла на него восторженные глаза.

— Да, именно вамъ. Кому же другому? Относительно кого же другого я былъ виноватъ такимъ образомъ?..

И онъ именно въ эту минуту чувствовалъ, что опять она становится дорогой ему, эта слабосильная дѣвушка, такъ робко идущая рядомъ съ нимъ. Онъ украдкою смотрѣлъ на нее, тогда какъ она не осмѣливалась поднять на него своихъ тоскливыхъ и ласковыхъ глазъ. Онъ видѣлъ только, что она то краснѣла, то блѣднѣла. Кровь переливалась у нея подъ кожей, заливая ей лицо и шею и оставляя блѣднымъ только ея чистый и красивый лобъ.

— Знаете, что,—остановился онъ подъ наплывомъ страннаго ему самому умиленія.—Когда кончится война—не откажите мнѣ въ одной милости.

— Въ какой это?

— Выйти за меня замужъ.

— Мнѣ быть вашей женой?..—и она даже отшатнулась отъ него.—Никогда... Никогда. Видитъ Богъ, я люблю и всегда любила васъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы меня подняли на улицѣ, жалкую и умирающую отъ голода... Но быть вашей женой... вы сами не знаете, что вы сказали. Да развѣ это возможно?.. Да вы меня черезъ нѣсколько дней же возненавидите. Не скажете, разумѣется. Развѣ вамъ, именно вамъ, можно связывать себя такой женщиной... Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ... Вы должны быть свободны... Да вы бы почувствовали себя скованнымъ колодникомъ. Вы бы не нашли въ себѣ прежнихъ силъ. О, знаете ли вы, отъ чего я отказываюсь въ эту минуту, какое счастіе гоню отъ себя—но этому не бывать никогда, никогда. Лучше ужъ какъ тогда, чѣмъ сознавать, что отняла у васъ всю будущность. Вѣдь за васъ теперь вся Россія молится, вѣдь на васъ великія обязанности лежатъ—вамъ нельзя останавливаться ни на минуту, ни на секунду. Вамъ надо идти впередъ... Развѣ вы не знаете насъ, женщинъ?..

И она опять вся покраснѣла и заволновалась.

— Развѣ мы умѣемъ возвышаться до васъ? Напротивъ, лучшія изъ насъ только низводятъ мужей съ головой въ обыденную

пошлость. Нѣтъ, ни за что и никогда. Не для васъ, Сергѣй Николаевичъ. Вы должны быть велики,—а для того, чтобы быть великимъ, прежде всего надо быть одинокимъ!..

— Все это не то!—заговорилъ было онъ, но потомъ самъ же вспомнилъ, что еще недавно думалъ то же самое.—Что же съ вами будетъ?..

— Со мной? Ничего, разумѣется... Я напала только теперь на свою настоящую дорогу. Сестра милосердія — развѣ этого мало? Да вѣдь въ этомъ вся жизнь, полная интереса.

— И подвига!

— Во всякомъ случаѣ, то, о чемъ я и мечтать не смѣла недавно.

— А если, разбитый и больной, утратившій всѣ свои надежды, я приду къ вамъ и повторю опять то, что сказалъ теперь?

— Ни разбитый, ни больной вы не будете. Не для того рождаются Анисимовы!.. Вы знаете, вы для меня стали культомъ, вѣрою... И точно такъ же смотрятъ на васъ теперь милліоны людей.

— Да, я знаю это.

И ему страшно стало.

«А что, если я окажусь ничѣмъ, если эти милліоны ошибутся и потомъ отвернутся отъ меня съ презрѣніемъ... О! не дай мнѣ судьба пережить такую минуту».

VIII. Одна!

Простившись съ Анисимовымъ, который умолялъ ее не отказывать ему видѣться иногда съ нею, Анна Егоровна пошла къ себѣ. Она могла отдохнуть еще нѣсколько минутъ—потомъ ее ждали раненые: перевязки, чтеніе имъ книгъ, писаніе писемъ домой,—все, что могло показаться другому такъ скучно, а ей наполняло весь день трогательной суетою, которой она отдавалась всѣмъ своимъ, полнымъ любви и состраданія, сердцемъ. Слова Анисимова глубоко потрясли дѣвушку. Счастіе—и какое счастіе!—о какомъ она не смѣла и мечтать, было такъ близко

и такъ возможно. Слезы приступали къ ея глазамъ, и длинныя рѣсницы ихъ невольно опускались, чтобы никто не замѣтилъ этого. Душа ея была полна смятенія. Неужели она сама, сама отказалась отъ него, бывшаго для нея единственною вѣрой?.. Но въ то же время она ощущала и первый приливъ тихаго счастія... Да, онъ самъ, самъ сказалъ ей, что любитъ ее до сихъ поръ, и не такъ любитъ, какъ любилъ ту, другую, какъ любилъ, вѣроятно, многихъ. Тѣмъ же не предложилъ онъ того, о чемъ молилъ ее—и не для одной только фразы, не для одного утѣшенія. Нѣтъ, она сама чувствовала, какъ дрожалъ его голосъ; видѣла, какъ мѣнялось его лицо, когда онъ говорилъ съ нею... Такъ не лгутъ, такъ не успокаиваютъ... Въ сознаніи того, что она сама оттолкнула отъ себя это благополучіе, что отъ нея зависѣло взять его—но она сама отказалась—было что-то въ одно и то же время и грустное и радостное. Она понимала, что воспоминаніе о нынѣшнемъ днѣ освѣтитъ всю ея жизнь, и когда она впослѣдствіи услышитъ о немъ, о новыхъ его дѣлахъ—ея сердце подскажетъ, что именно ей обязанъ онъ этимъ. Не отринь она его сегодня—ничего этого не было бы. Онъ бы облѣнился, будничная среда и будничныя заботы захватили бы его въ свою удушающую атмосферу... «Да, такъ лучше для него и для меня!» въ сотый разъ повторяла она себѣ, поднимаясь въ свою комнату, гдѣ жила вмѣстѣ съ другою сестрой, тоже молоденькою и тоже со всѣмъ пыломъ отдававшеюся новымъ своимъ обязанностямъ. Она застала ее дома плачущей.

— Что ты, Лиза?

— Послушай, Аня, ты знаешь, Рубцовъ едва ли переживетъ нынѣшній день.

— Тебѣ кто сказалъ объ этомъ?

— Нашъ докторъ.

— Что же дѣлать!

— «На то и война», и ты готова, кажется, повторить эту глупую фразу, которою они меня всѣ утѣшаютъ. Мнѣ его жаль потому, что я знаю бѣдную старушку, мать его. Она вѣдь только и жила надеждами на сына. Что она будетъ дѣлать теперь?..

И Лиза опять заплакала; ей, впрочимъ, некогда было отда-

ваться своимъ личнымъ чувствамъ или горю—за нею пришли изъ лазарета, и она должна была итти туда.

Анна Егоровна осталась одна. Она заперла за собою двери—и тутъ уже, никого не стѣсняясь, бросилась на стоявшую въ сторонѣ софу и заплакала. Что-то ей подсказывало: теперь еще не поздно, ты увидишься съ нимъ, и все устроится къ лучшему. Но она сама понимала, что этого лучшаго она не допуститъ, что она не пойдетъ на то счастіе, которое онъ предложилъ ей. Разумѣется, ей будетъ тяжело, очень тяжело—но благодарные взгляды выздоравливающихъ, горячая молитва умирающихъ, развѣ это не оправдывало ея?.. Развѣ это не могло внушить ей силу пережить все и честно пойти по тому пути, по которому разъ она уже пошла?.. Тотъ же монашескій обѣтъ и, разумѣется, не она его нарушитъ. Только въ этомъ она и нашла смыслъ своей жизни; неужели же ради личнаго счастія—уйти на другіе пути!..

Есть благородныя натуры,—и между женщинами онѣ встрѣчаются чаще—для которыхъ самопожертвованіе является великою потребностью. Въ той обстановкѣ, гдѣ другія считали бы себя несчастными, эти находятъ полноту и смыслъ жизни. Скептическій поэтъ назвалъ ихъ чувства сладострастіемъ страданія; я думаю, что тутъ нѣчто иное. Не знающая, къ чему приложить свои руки, находитъ вдругъ живое и свѣтлое дѣло, какъ разъ по ея сердцу, полному любви и всепрощенія, и понятно—чѣмъ больше встрѣчается при этомъ трудностей, чѣмъ тяжелѣе подвигъ, тѣмъ лучше ей, въ краткія минуты отдыха, когда ея сознаніе охватываетъ все сдѣланное до тѣхъ поръ. Жажда не только «быть», но и дѣйствовать, служить чьему-нибудь счастію или умиротворенію—является при этомъ вполнѣ удовлетворенной. Чистой душѣ часто надо пройти чрезъ испытанія и муки, и чѣмъ они труднѣе, тѣмъ бодрѣе становится женщина, тѣмъ свѣтлѣе разгораются ея глаза и легче дышитъ грудь. Кто видѣлъ нашихъ подвижницъ и страстотерпицъ—сестеръ милосердія—въ послѣднюю войну, тотъ вполнѣ согласится съ этимъ. Въ царствѣ страданій, голода, устали, тифа, уже сознавая въ самой себѣ неотвратимую болѣзнь, онѣ со святою улыбкой сто-

яли надъ умирающимъ солдатомъ, отдавая ему тѣ сокровища любви и утѣшенія, которыя такъ долго сокрытыми кладами лежали въ ихъ сердцахъ... Анна Егоровна именно была такою. Выплакавшись теперь, она встала гораздо болѣе сильной, чѣмъ до этого новаго, посланаго ей, испытанія. Побѣда надъ самой собою будто дала ей новую энергію и бодрость. Въ эти часъ-два, оставаясь одна, точно пережила она кризисъ и встала совершенно здоровой. Только между бровями легла складка, да глаза глядѣли какъ-то глубже и серьезнѣе... Я думаю, что именно такою встаетъ съ каменныхъ плитъ собора только что постриженная монахиня,—монахиня, убѣжденная, по вѣрѣ и сердцу произнесшая свои обѣты отреченія. До сихъ поръ былъ искусъ, теперь начинается подвигъ, и на этотъ подвигъ-то именно она несетъ всю свою, свободную отъ разрѣшенныхъ привязанностей и отринутыхъ надеждъ, душу... Новые горизонты—безграничные и переполненные свѣтомъ—открываются передъ нею, и, вспоминая узкія заботы и крошечныя волненія вчерашняго дня, она прощается съ ними кроткою улыбкой.

Къ ней вошли въ комнату. Она поднялась.

— Что съ вами?—съ участіемъ спросила ее старшая сестра.

— Ничего, такъ...

— Горе старое сказалось?—ласково припала та къ ней.— У кого его нѣтъ. Да оно и нужно. Какъ въ картинѣ тѣнь... Пойдемте лучше къ нашимъ страдальцамъ, тамъ все забудете, и личная мука ваша замретъ. Тамъ терпятъ больше...

Она вышла, взявъ съ собою Анну Егоровну.

Въ большихъ комнатахъ дома турецкаго муфтія, занятыхъ теперь походнымъ лазаретомъ, было уже темно. За окномъ дневной свѣтъ еще боролся съ сумерками, но, побѣждаемый ими, замиралъ, охватывая послѣдними своими золотистыми отблесками и стройные минареты мечетей, и черепичныя кровли домовъ, и вершины горъ, со всѣхъ сторонъ окаймлявшихъ эту долину.

— Сестрица... сестрица...—послышался ей голосъ молодого солдатика, котораго только сегодня доставили въ лазаретъ. Онъ нѣсколько дней пролежалъ въ снѣгахъ глубокаго рва, гдѣ его настигла шальная пуля, и только теперь его подобрали слу-

чайно наткнувшіеся на него товарищи. Онъ не подавалъ голоса, боясь попасть въ руки турокъ, и внутренній жаръ утолялъ, глотая комки снѣга.

— Что тебѣ, родимый?

— Пить бы... Горитъ у меня... Сердце горитъ.

Она подала ему воды. Изъ словъ доктора она уже знала, что бѣднягѣ не пережить сегодняшнюю ночь. Его даже не тревожили ни перевязками, ни операціями.

— Спасибо... Господь тебѣ...—И онъ не кончилъ, утомленный, только продолжалъ глядѣть на нее благодарнымъ взглядомъ.

Она сѣла около и положила руку ему на голову.

— Хорошо... Хорошо такъ... Сестрица, когда завтра генералъ кресты пришлетъ, приколи мой—вотъ сюда...—И онъ показалъ на стѣну передъ собою.—Въ деревню вернусь кавалеромъ,—оживился онъ и даже попробовалъ приподняться на локтѣ, да захрипѣлъ и опять безсильно упалъ на подушку.

— Не... не могу... Силы нѣтъ еще!..

Чтобы онъ самъ не говорилъ ей болѣе, она стала ему разсказывать о томъ, что скоро войнѣ конецъ, что всѣхъ ихъ, раненыхъ, первыми отправятъ въ Россію, и онъ увидитъ родныхъ... И подъ ея шопотъ ему уже стало чудиться посреди зеленой равнины родное село. Дымъ клубится изъ его трубъ. Вотъ и ветхая церковь... звонъ колоколовъ слышенъ ему. Онъ уже подходитъ къ ней... Навстрѣчу бѣгутъ свои, любуясь на него и на честно заслуженный крестъ... Марья выйдетъ. Обѣщалась ждать, раскраснѣется вся... И умирающему чудились ея ласковыя привѣтствія... Родная изба, широкій дворъ, заставленный санями и телѣгами. Буреная, поди, узнаетъ его, повернетъ къ нему голову и замычитъ. А Шарикъ-то—прямо подъ ноги къ нему съ радостнымъ лаемъ бросится...

И когда послѣднія искры жизни догорали въ его тѣлѣ, борясь, какъ умирающій день съ сумерками вѣчной ночи, онъ все еще слышалъ ласковый голосъ «сестрицы» и подъ его звуки засыпалъ навсегда со свѣтлою и счастливою улыбкою...

Черезъ полчаса подошелъ докторъ, взялъ за руку его, пощупалъ...

— Вѣчная память!

— Умеръ?—тихо спросила сестра, роняя на недвижныя и заострившіяся черты молодого солдата невольную слезу.

— Да... Готовъ.

Но ей некогда было поддаваться сожалѣніямъ объ этой такъ безвременно погасшей жизни: рядомъ уже звалъ ее другой солдатъ.

— Голубушка ты моя, болѣзная. О чемъ я хотѣлъ просить тебя.

— Что тебѣ, сердечный?

— Напиши мнѣ письмо въ деревню. Мать у меня тамъ...

И она садилась и писала... Кончала съ этимъ—другой просилъ ее: «почитай въ газетѣ что-нибудь про насъ». И она прочитывала, къ величайшему удовольствію больныхъ, корреспонденціи съ войны. «Это объ насъ», переглядывались они. А тамъ начались перевязки, принесли ужинъ—надо было раздать его. Послѣ ее позвали въ другую камеру, гдѣ умирало тоже нѣсколько человѣкъ—ея кроткая улыбка и ласковый голосъ нужны были имъ; и когда, уже поздней ночью, она пришла къ себѣ и, не раздѣваясь, бросилась въ постель—ни малѣйшаго сожалѣнія о прошломъ не шевельнулось въ ней; у нея была полнота жизни, у нея было дѣло. Усталь давала ей крѣпкій сонъ, крѣпкій сонъ давалъ силы на новое утомительное «завтра».

IX. Ловцы.

«Что же, можетъ быть, такъ и лучше,—думалъ Анисимовъ, идя домой по улицамъ опустѣвшаго турецкаго города.—Въ самомъ дѣлѣ—какой я семьянинъ, что бы изъ меня вышло?—загубилъ бы и себя и ее». Солдатъ его отряда попался ему съ какимъ-то красивымъ флакономъ въ рукахъ.

— Что у тебя?

— Въ пустомъ домѣ нашелъ... Масло, сказываютъ.

— Ну, да, розовое масло... Зачѣмъ же оно тебѣ?

— Сапоги смазывать, вашество!

Анисимовъ усмѣхнулся. Дальше ему попался другой солдатикъ; у того въ рукахъ былъ цѣлый ворохъ турецкихъ алыхъ фесокъ.

— Ты куда тащишь эту дрянь?

Солдатикъ, чтобы откозырять, бросилъ ихъ на землю и, приложа руку къ кепкѣ, таращилъ глаза на генерала.

— Куда ты это, зачѣмъ тебѣ фески?

— Гусарамъ на штаны, вашество!

— Что такое? Ничего не пойму.

— Потому какъ у нихъ за походъ штаны продрались, такъ для починки.

— Такъ... Молодецъ!

— Радъ стараться.

Анисимову почему-то стало свѣтло и весело на душѣ. Онъ глядѣлъ на голубое небо, безоблачное сегодня. Его темная синева невольно манила къ себѣ взглядъ сѣверянина. Бѣлые дома такъ красиво рисовались на этомъ чистомъ фонѣ, и торжественная мрачная мечеть передъ Сергѣемъ Николаевичемъ казалась такой величавой... «Какъ хорошо!—пришло ему въ голову.—И изъ-за чего люди дерутся, губятъ другъ друга... Нѣтъ, развѣ не лучше уйти въ какой-нибудь уголокъ и скоротать тамъ въ тишинѣ и неизвѣстности, безъ волненій и заботъ, всю жизнь... Да, только подъ этимъ небомъ, подъ этимъ солнцемъ». На одну минуту всѣ его честолюбивые планы показались ему безуміемъ. Тамъ, далеко отсюда, надъ Средиземнымъ моремъ, есть чудные уголки. Онъ вспомнилъ поѣздку въ Италію. Между Салерно и Амальфи построить себѣ виллу крошечную, чтобы вся она пряталась въ тѣни ярколистныхъ магнолій и тополей, обвить ея мраморныя колонны отовсюду плющомъ и виноградомъ... наполнить комнаты картинами, книгами и статуями...

— Ваше превосходительство!—догонялъ его кто-то.

Онъ обернулся.

— А, полковникъ! Вы это откуда?

— Изъ штаба.

— Ну, что тамъ, довольны мною?

— Нѣтъ, на васъ гроза идетъ; говорятъ, что мы нарочно опоздали, что днемъ раньше могли бы вступить въ бой.

— Да вы что же молчали—вѣдь вы же видѣли нашъ походъ?

— Не даютъ рта разинуть...

— Такъ, узнаю я эту петербургскую отрыжку на боевомъ полѣ! Ахъ, какъ мнѣ всѣ эти интриги надоѣли!.. А, впрочемъ, чортъ съ ними. Я не для крестовъ и отличій служу и работаю. Имъ меня не понять, и, разумѣется, ужъ никакъ не ихъ лаврамъ я завидую. Наши дороги различны!

Онъ съ видимымъ раздраженіемъ вернулся назадъ и пошелъ къ себѣ. Ему стало опять тяжело. То же чувство, которое такъ было ему знакомо въ первый періодъ войны. Еще бы! Тогда его просто презирали, теперь ему завидовали и его ненавидѣли. Онъ зналъ это—онъ съ боя бралъ право быть полезнымъ своими талантами и свѣдѣніями. Онъ хорошо помнилъ, что у него отнимали когда-то даже право подставить свой лобъ подъ непріятельскую пулю. Онъ былъ слишкомъ впечатлителенъ, и часто ему казалось, что одолѣть эту вражду окружающихъ невозможно. Легче казалось умереть, и онъ искалъ смерти подъ залпами вражьихъ таборовъ, нарочно подъѣзжая къ нимъ, и... возвращался назадъ цѣлымъ! Злой и взбѣшенный, онъ вошелъ къ себѣ.

У него сидѣлъ гость. Анисимовъ на первыхъ порахъ поморщился, но быстро совладалъ съ собой и подалъ пріѣхавшему руку. Онъ былъ съ нимъ на «ты», какъ былъ на «ты» со всѣми своими нынѣшними врагами. Онъ зналъ хорошо цѣну этого товарищескаго «ты». Его нельзя было обмануть этимъ.

— Ну, зачѣмъ пожаловалъ ко мнѣ?—рѣзко обернулся онъ къ товарищу.

— Что это съ тобой?.. Кажется, слѣдовало бы прежде всего обѣдомъ накормить.

— Это само собою разумѣется. Даже бутылка-другая вина найдется. Только ты мнѣ скажи откровенно, съ чѣмъ тебя послали?

— Кто?

— Это я знаю—кто. Слѣдствіе надо мной производится—

будто бы я опоздалъ днемъ выйти съ горъ. Такъ вотъ неугодно ли тебѣ прочесть записку главнокомандующаго. «Если вы пятнадцатаго выйдете, я буду очень радъ»... А я вышелъ четырнадцатаго... Ну!

— Почему ты думаешь, что мнѣ даны такія порученія?

— По рожѣ вижу. Меня не надуешь... Вотъ вы, господа, «мирныхъ побѣдители» ужъ хватали бы себѣ ордена, золотыя сабли и чины. Богъ съ вами. Только бы не мѣшали намъ дѣлать дѣло...

— Послушай... Я еще разъ тебя не понимаю... Какіе у тебя милые подчиненные!

— А что?

— Да тутъ хорунжій какой-то толкался,—должно-быть, при тебѣ состоитъ,—Чудаковъ?

— Да.

— Сунулся я было къ нему, да такъ ни съ чемъ и отъѣхалъ. Какъ онъ меня отбрилъ!—и штабный гость расхохотался неискреннимъ, дѣланнымъ смѣхомъ.

— Послушай, не отклоняйся отъ объясненій. Мы были товарищами когда-то, позволь же спросить тебя по-старому, откровенно: зачѣмъ вы тормозите мнѣ дѣло? Вѣдь не круглые же дураки вы, вѣдь понимаете, что вы являетесь сюда дилетантами только, на дѣло, гдѣ я десятью головами васъ выше,—на мое дѣло. Вѣдь поймите жъ, великіе ловцы орденовъ передъ Господомъ, что эта война, которая даетъ вамъ средства выслуживаться, для меня является великою, полною смысла и сама по себѣ цѣлью. Ну, такъ ужъ подѣлимся. Мнѣ съ моими не надо ничего того, что надо вамъ. Нѣтъ, я тебя прямо уполномочиваю заявить тамъ всѣмъ, понимаешь—всѣмъ, что генералъ Анисимовъ называетъ это рѣшительно подлостью. Кто будетъ обиженъ—мнѣ все равно. Я знаю, что всегда люди головой выше толпы возбуждали сначала общую ненависть, но не въ такія минуты, понимаете ли вы, когда и силы и таланты должны быть на счету. Мнѣ надо отъ васъ немного—не мѣшайте мнѣ, вотъ все, что я требую.

— Никто и не думаетъ.

— Эхъ, не знаете вы, къ несчастью, ни своего народа, ни своего солдата. Вѣдь съ этимъ матеріаломъ чудеса можно сдѣлать, истинныя чудеса... Если бы вы только не тормозили... Нѣтъ, уйду я отъ васъ.

— Куда уйдешь?—улыбался тотъ.

— А вотъ кончится война—той же Болгаріи понадобятся люди.

— Не въ князья ли ты мѣтишь?

— Я не изъ вашихъ, соображаешь ли ты это?..

— Да я, собственно, не понимаю, чего ты тутъ бьешься. Состояніе у тебя громадное, ты молодъ, красивъ, въ двадцать восемь лѣтъ уже генералъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ давно плюнулъ на все.

— Вотъ въ этомъ-то и бездна между нами. Мнѣ надо дѣлать дѣло, а вы, кромѣ карьеры, господа, не понимаете ничего. Такъ знайте, что я не по вашей дорогѣ. Кончится война—и я уйду въ отставку!.

— Не уйдешь...

— Почему это?

— А потому, что l'appetit vient en mangeant! Дали тебѣ палецъ въ ротъ—ты норовишь по локоть отхватить.

— Такъ развѣ вы мнѣ помѣшаете въ этомъ, вы? Да вы вѣдь—щепки подъ ногами, а вовсе не камни, ужъ если на то пошло!

Онъ постоянно уже сталкивался съ этимъ офиціальнымъ, враждебнымъ ему міромъ. Точно онъ долженъ былъ искупить право подвига и самоотверженія, точно за возможность честно умереть надо было еще выстрадать такъ много отъ явной и тайной вражды и злобы!.. Пріѣхавшій изъ штаба его пріятель слѣдилъ за нимъ любопытнымъ взглядомъ, всякій разъ опуская его внизъ и притворяясь равнодушнымъ, когда Анисимовъ подходилъ къ нему. Въ концѣ-концовъ онъ понялъ по-своему волненіе генерала и, внутренне радуясь своей находчивости, со счастливою улыбкой сообщилъ:

— Я собственно не понимаю, чего ты волнуешься. Вѣдь

тебѣ все-таки за послѣднее дѣло рѣшено дать... Не помню что, а рѣшено.

Сергѣй Николаевичъ изумленно посмотрѣлъ на него и, разведя руками, отошелъ прочь.

X. Старшій Анисимовъ въ бѣдѣ.

Какъ ни ненавидѣлъ Петербургъ старшій Анисимовъ, а ему все-таки пришлось туда ѣхать.

Къ Рождеству положеніе его заводовъ стало критическимъ. Рабочіе ждали расплаты, потому что привыкли ему вѣрить: двадцать лѣтъ отъ трудился съ ними и на ихъ глазахъ. Сверхъ того, изъ лавокъ, принадлежащихъ заводамъ, отпускали имъ хлѣба и всякаго рода запасы. Пока они не нуждались, но приходилъ праздникъ, и нужно было нѣсколько сотъ тысячъ рублей народу. Война не остановила дѣятельности заводовъ. Разумѣется, Анисимовъ могъ бы сократить ихъ обороты, но тогда часть кормившихся на его дѣлѣ осталась бы безъ хлѣба. Спроса не было— амбары, сараи и кладовыя наполнялись всякаго рода издѣліями. Въ первый разъ за послѣдніе годы Петръ Николаевичъ почувствовалъ свое положеніе шаткимъ. Онъ бросился къ людямъ, знавшимъ его. Въ уѣздѣ, въ другомъ и третьемъ—ничего нельзя было найти...

— Пусть рабочіе подождутъ!—говорили они.

— Какъ это? Анисимовское дѣло можетъ не оправдать себя? Да, послѣ того, какъ же я въ глаза имъ смотрѣть буду!..

— Нѣсколько недѣль—не велика важность.

— Нѣтъ. Этого не могу допустить...

У него явилась отдаленная надежда найти средства, нужныя ему, въ Петербургѣ.

Свои бы, впрочемъ, еще ждали, но при заводахъ была масса чужихъ, которые воспользовались бы случаемъ побуйствовать. Они и безъ того были недовольны тѣмъ, что, по недостатку спроса за время войны, рабочія цѣны упали, и по-своему, разумѣется, объяснили это хозяйской жадностью.

И свои и чужіе одинаково мелькали въ памяти Анисимова старшаго, когда онъ подъѣзжалъ къ Петербургу. Ему стоило закрыть глаза, чтобы онъ увидѣлъ передъ собою эти тихія пока толпы, собиравшіяся всегда у подъѣзда въ ожиданіи его выхода, этихъ бабъ съ дѣтьми на рукахъ, провожавшихъ его острымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ!

Въ Петербургѣ онъ остановился въ какой-то гостиницѣ и, привыкнувъ не терять времени, переодѣлся и поѣхалъ къ властному человѣку, отъ котораго зависѣло теперь поддержать его дѣло. Въ пріемной у того толпился уже народъ—какіе-то звѣздоносцы, не отводившіе глазъ отъ завѣтныхъ дверей и необыкновенно ласковымъ взглядомъ провожавшіе молодого чиновника, состоявшаго при особѣ. Этотъ, тоже, сознавая свою важность, окидывалъ ихъ бѣгло, сверху внизъ, и, недоступно сжимая губы, не говорилъ, а объяснялся только междометіями.

— Кто это?—обратился Анисимовъ къ сосѣду.

— Дежурный чиновникъ... Но состоитъ при особѣ его высокопревосходительства... что хотите! Онъ хотя и губернскій секретарь, а все-таки тайные-то совѣтники передъ нимъ...

— На резиновыхъ шинахъ.

— Точно что!.. Иногда и отъ того дѣло зависитъ, какъ вотъ этотъ подсосокъ доложитъ!

Но Анисимовъ уже не слышалъ. Онъ мысленно соображалъ, какъ онъ разскажетъ о положеніи дѣлъ своихъ, какъ сообщитъ, что ему нужна поддержка на какіе-нибудь два-три мѣсяца, поддержка на государственное дѣло, потому что его заводы кормятъ сотни тысячъ населенія... Онъ предвидѣлъ, какія возраженія можетъ онъ встрѣтить, и придумывалъ отвѣты на эти возраженія. Ему казалось дикимъ и невозможнымъ предположеніе, что онъ встрѣтитъ отказъ. Не могло этого быть; ему было хорошо извѣстно, какъ изъ того же источника получали несравненно болѣе крупныя суммы люди, стоявшіе во главѣ гораздо болѣе мелкихъ и имѣющихъ уже, несомнѣнно, частный характеръ предпріятій. Князю Нахалъ-Текинцеву, послѣ чудовищнаго проигрыша, выдали нѣсколько сотъ тысячъ якобы на развитіе его заводскаго дѣла, которое существовало только на бумагѣ; графу Оболтусъ-

Оболтовскому дали тоже, когда онъ ѣхалъ за границу и разводился съ женой; прогорѣвшему генералу Собачевскому не отказали якобы для «оживленія края». Не было никакого основанія отказать ему.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я двадцать лѣтъ народъ кормилъ...—чуть не вслухъ уже защищался онъ отъ воображаемыхъ возраженій особы.—Въ эти двадцать лѣтъ сколько было голодовокъ, но правительство гроша не истратило на мой районъ. Я построилъ свою желѣзную дорогу, свои телеграфы.

— Господинъ Анисимовъ!—процѣдилъ сквозь зубы чиновникъ и, увидѣвъ того, кого вызывалъ, замѣтилъ ему:

— Развѣ вы не знаете, что являются во фракѣ?

— Предлагайте совѣты тѣмъ, кто въ нихъ нуждается... Я не служу-съ, я явлюсь въ томъ, въ чемъ хочу и могу.

— Но простая вѣжливость... Вы не у себя... Здѣсь всѣ такъ.

Анисимовъ покраснѣлъ. У него лицо приняло непріятное выраженіе, брови сдвинулись, но чиновникъ все-таки не унимался.

— Помилуйте, это Богъ знаетъ что такое...

Пріемъ его высокопревосходительства былъ заго удивительно ласковъ и утонченно вѣжливъ.

— А!.. Привѣтствую кормильца и поильца земли русской!—началъ онъ довольно высокопарно, подымаясь и такъ энергически пожимая руку Анисимова, что даже эполеты министра разболтались во всѣ стороны.—Садитесь и курите. Чѣмъ я могу служить вамъ?

— Дайте мнѣ денегъ.

— Кратко, но неясно. Сколько и зачѣмъ?

— Война пристукнула—нечѣмъ рабочихъ разсчитать, нужно восемьсотъ тысячъ рублей. У меня товара заготовленнаго лежитъ на пять милліоновъ. Къ Рождеству я долженъ разсчитаться. А денегъ нѣтъ.

— И у насъ денегъ нѣтъ, тоже война пристукнула!

— Вашему превосходительству извѣстно, что...

— Постойте, я за васъ скажу, и вы увидите, что положеніе

вашихъ дѣлъ мнѣ отлично извѣстно. Я знаю, что вы въ краѣ, гдѣ народъ чуть не умиралъ съ голоду, развили баснословную дѣятельность. Я знаю, что у васъ не слышали двадцать лѣтъ, что такое нужда, что вы сберегли правительству десятки милліоновъ. Знаю-съ и все-таки скажу вамъ—денегъ у меня нѣтъ... Меня теребятъ отовсюду; вы знаете, что война родитъ потребности неотложныя. Я не могу отказать имъ. А не отказывая имъ, я долженъ всѣмъ другимъ повторять: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!» Да знаете ли что,—и онъ еще ласковѣе наклонился къ Петру Николаевичу:—вы уже слишкомъ широко раздвинули дѣла. Россія—страна земледѣльческая, и заводы въ ней—дѣти незаконнорожденныя. Предоставьте ихъ иностранцамъ и не отнимайте у земли ея оратая! (Этотъ выспренній оборотъ очень понравился особѣ). Она, земля-то, нуждается въ работничкѣ. Вмѣстѣ съ заводскимъ дѣломъ вы вводите въ среду народную, вмѣсто смиренныхъ добродѣтелей, порокъ, преступленіе и недовольство... Вы...

— Позвольте,—вспыхнулъ Анисимовъ. — Какъ же это у насъ будутъ сѣять хлѣбъ, когда земля и не родитъ-то, почитай, ничего? На нашихъ пескахъ вырастили бурьянъ одинъ и колючку-съ. Да это все не то. Мнѣ теперь — петля-съ. Я нигдѣ не могу достать,—торопился онъ.—Если вы не дадите мнѣ — я пропалъ, и всѣ эти двѣсти-триста тысячъ человѣкъ останутся на произволъ судьбы. Вѣдайтесь съ ними тогда, какъ хотите... Я не для себя... Если бы я заботился о мамонѣ—мнѣ бы ничего не стоило ликвидировать все или и не начинать, а проживать свое состояніе гдѣ-нибудь здѣсь у васъ, въ вашемъ Петербургѣ, или за границей, въ благодатной Италіи, какъ дѣлаетъ это мой двоюродный братецъ!

— И отлично дѣлаетъ!—улыбнулась особа.

— У всякаго свой вкусъ и свои понятія объ обязанностяхъ!

— Вы, говорятъ, у себя коммуну завели.

— Какъ это коммуну?

— Такъ, народъ у васъ не проситъ, а требуетъ работы.

Сановникъ, какъ видите, весьма оригинально опредѣлялъ понятіе о коммунѣ.

— Нѣтъ, но онъ знаетъ, что, пока я живъ, ему работа будетъ, потому и идетъ ко мнѣ.

— Да!.. Но я все-таки рѣшительно, рѣшительно ничего не могу сдѣлать!.. Рѣшительно. Въ другое время—не теперь—съ охотой. Вы болѣе, чѣмъ кто-нибудь имѣете право на это.

— Какъ же, ваше высокопревосходительство, не дальше, какъ двѣ недѣли назадъ, было выдано шестьсотъ тысячъ князю Лухманову, якобы для завода, вотъ ужъ двѣнадцать лѣтъ не дѣйствующаго.

— Выдано! И много выдано—только вы знаете, по чьему приказанію? То-то-съ.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Не иначе, какъ къ нѣмцу итти!

— Да вѣдь пустить нѣмца въ мое дѣло—это значитъ подорвать усилія двадцати лѣтъ... Двадцать лѣтъ упорнаго труда—и зачѣмъ? Вѣдь нѣмецъ поѣдомъ съѣстъ и меня и мою, какъ вы выражаетесь, коммуну.

— Ну, не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ,—это разъ; а во-вторыхъ, кончится война, начнется дѣло у васъ опять, и вы легко выплатите все это!

— Итакъ, вы не можете помочь?

— При всемъ желаніи...

— Знаете!.. Не помню я еще случая, когда бы офиціальная Россія пришла на помощь къ Россіи настоящей въ дѣйствительной, а не призрачной нуждѣ... Слуга покорный!

И, откланявшись, Анисимовъ поѣхалъ къ себѣ въ гостиницу.

XI. Нынѣшнее всемогущество.

Его биржевое величество—«берлинскій баронъ» и дѣйствительный статскій совѣтникъ Карлъ Ѳедоровичъ Гольденбаумъ—только что вернулся къ себѣ домой въ самомъ розовомъ настроеніи духа. Сегодня ему улыбалось все. Во-первыхъ, княгиня Свя-

тобогъ-Шуйская, дѣлавшая за послѣднее время и тепло и холодъ, знакомства съ которой Карлъ Ѳедоровичъ добивался всевозможными путями, написала ему записку, приглашая его вечеромъ въ свой интимный кружокъ. «Любопытенъ я знать—во сколько мнѣ это обойдется», мелькнуло на одно мгновеніе въ головѣ Гольденбаума. Но онъ тотчасъ же сообразилъ, что черезъ Святобогъ-Шуйскую въ его рукахъ окажется устройство новаго проектированнаго займа и еще кое-что. Во-вторыхъ, генералъ Сластеновъ, не поддававшійся ни на какія удочки и довольно равнодушный къ искательству Карла Ѳедоровича, написалъ ему очень милое письмо, въ которомъ просилъ ссудить дней на десять двадцать тысячъ рублей. Гольденбаумъ по ошибкѣ послалъ двадцать пять и считалъ дѣло съ Засѣцко-Кроменской желѣзной дорогой оконченнымъ; въ-третьихъ, модная артистка Караваева, увѣрявшая, что отъ отдаленныхъ предковъ Гольденбаума чеснокомъ пахло, назначила ему завтра пріѣхать къ ней ужинать; въ-четвертыхъ, сегодня онъ узналъ, что представленію его къ ордену св. Владиміра на шею за содѣйствіе, оказанное имъ распространенію христіанства на Кавказѣ, данъ ходъ; въ-пятыхъ, ему удалось переманить къ себѣ на министерское жалованье знаменитаго повара Николая отъ свѣтлѣйшаго князя Вестфалена, слѣдовательно—всѣ вліятельные столичные gourmands у него въ столовой и въ рукахъ... А въ-шестыхъ, ему, наконецъ, удалось на берлинской биржѣ спустить злополучный русскій рубль еще на полмарки, что, въ виду ожидаемаго имъ повышенія того же русскаго рубля, на дѣлѣ дало ему возможность отлично пристроить свое золото съ сибирскихъ заводовъ. Короче сказать, для благополучія господина барона ничего не недоставало. Въ его конторахъ служили прекрасные молодые люди, хотя и родившіеся въ Дерптѣ и Либавѣ, но учившіеся житейской мудрости въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Проходя мимо нихъ, сопровождаемый ихъ почтительными поклонами, онъ сознавалъ себя главнокомандующимъ, стоящимъ во главѣ великолѣпно дисциплинированной арміи, съ которой можно легко ограбить все человѣчество самымъ лойальнымъ образомъ и даже получить за

это графское австрійской имперіи достоинство... Личный штатъ его состоялъ изъ людей, носившихъ очень громкія фамиліи. Ему такъ пріятно было отдавать приказанія:

— Князь Славнобубенскій... Что же вы не смотрите, у меня вышли всѣ сигары. Съѣздите въ Тенкате и возьмите.

И его сіятельство ѣхалъ и бралъ.

— Графъ Петръ Васильевичъ! Я васъ посылаю сегодня съ букетомъ къ Караваевой. Купите браслетъ и положите въ цвѣты.

И графъ бралъ букетъ, покупалъ браслетъ и отправлялся къ Домнѣ Никитичнѣ Караваевой съ дарами.

— Скажите генералу Любоносову, чтобы онъ присмотрѣлъ мнѣ хорошаго верхового коня у Таузига.

И его превосходительство летѣлъ щупать бабки, смотрѣть зубы и съ значительной миной испытывать крупъ какого-нибудь вороного жеребца, самой судьбой предназначеннаго возить на себѣ Карла Ѳедоровича. Но не было послѣднему удовольствія выше, когда, развалясь въ креслахъ, онъ имѣлъ право стоящему передъ нимъ графу, князю или генералу отчитывать:

— Позвольте, ваше сіятельство. Вѣдь вы мнѣ совсѣмъ не нужны. Вѣдь я васъ, графъ, только изъ милости держу. Не нравится, генералъ, убирайтесь на всѣ четыре стороны, пока я васъ не прогналъ. Что вы думаете, да я каждый день получаю десятки писемъ: ко мнѣ просятся на службу почище васъ... У князя Остолопъ-Тараканова фамилія получше вашей. Вѣдь онъ изъ Рюриковичей... У генерала Ехиднова не ваша станиславская лента черезъ плечо—у него анненская. Да-съ!..

И, насладившись робкой растерянностью и остолбенѣлымъ хлопаньемъ слезливыхъ глазъ князя, графа или генерала, онъ зажмуривался и черезъ пять минутъ снова взглядывалъ на нихъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Чего вы торчите здѣсь... Убирайтесь къ себѣ... Вы думаете, мнѣ очень пріятно смотрѣть на васъ... Ваше превосходительство, подайте мой платокъ... Вонъ на томъ столѣ... Фу, какія у васъ руки. Вы бы ихъ мазали, право, чѣмъ-нибудь. Это скучно!..

И, читая отчаяніе въ помертвѣлой душѣ князя, графа или генерала, онъ съ удовольствіемъ протягивалъ ноги на chaise-longue и погружался въ область сладкихъ трезъ и сновидѣній.

Чего ему недоставало, въ самомъ дѣлѣ? Сегодня его биржевое величество было въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Онъ даже нарочно уронилъ нѣсколько золотыхъ на полъ, и когда генералъ Ехидновъ, отъ усердія растянувшійся на животѣ посреди комнаты, поднялъ ихъ и подалъ ему, Карлъ Ѳедоровичъ даже удостоилъ его шуткой.

— Сколько здѣсь?..

— Восемь золтыхъ.

— А я уронилъ одиннадцать. Найдите еще три и возьмите ихъ себѣ.

Онъ зналъ, что ихъ всего было восемь, и что его превосходительство напрасно, ерзая по ковру на тучномъ брюхѣ своемъ, ищетъ еще три, но онъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ и даже ободрялъ: «кажется, вотъ подъ то кресло закатилось... Нѣтъ, нѣтъ, генералъ, мнѣ кажется, вотъ подъ софу»... Генералъ въ потѣ лица своего сдвигалъ кресла, софу и, разумѣется, не находилъ рѣшительно ничего, а подымаясь, весь красный въ чаяніи немедленнаго визита кондрашки, видѣлъ своего патрона хохочущимъ отъ души.

Анисимову сообщили, что, кромѣ Гольденбаума, онъ нигдѣ не найдетъ денегъ.

Петръ Николаевичъ поѣхалъ къ нему. Благополучный баронъ, какъ доложили знаменитому заводчику, находился у себя и изволилъ кушать. Анисимовъ послалъ ему свою карточку. Баронъ даже вспыхнулъ отъ радости. Гордый, никогда и никому не одолжавшійся Анисимовъ—у него. И «онъ» пріѣхалъ къ нему съ поклономъ! Анисимовъ—свой со всею знатью, не являвшійся ко двору, но все-таки занимавшій тамъ высокое положеніе... Да, кромѣ того, и Анисимовское дѣло всегда казалось Гольденбауму золотымъ дномъ, пустили бы только одно щупальце забросить туда, въ это дѣло, и эта всемірная пьевра—Карлъ Ѳедоровичъ—живо прибралъ бы его къ рукамъ. Только бы палецъ въ ротъ

дали, а онъ уже по локоть отхватилъ бы! Онъ уже не разъ мечталъ войти въ какое-нибудь подобное предпріятіе и пріобрѣсти его потомъ мало-по-малу за безцѣнокъ.

— Просить, просить...—даже покраснѣлъ онъ отъ удовольствія.

Анисимовъ, озабоченный, вошелъ къ нему.

— Вы не повѣрите, какъ я счастливъ, какъ я радъ,—жалъ онъ руки Анисимову.—Генералъ Ехидновъ, чего жъ вы смотрите и не подадите кресла... Князь Славнобубенскій—у меня тамъ, въ правомъ отдѣленіи бюро, въ серебряномъ ларцѣ сигары... Подайте...

И онъ протягивалъ ему ключъ, глядя на висѣвшее напротивъ зеркало, чтобы его сіятельство не переложилъ нѣсколькихъ сигаръ къ себѣ въ карманъ.

— Графъ—огня Петру Николаевичу... Вы не повѣрите,—обращалась пьевра къ Анисимову,—какъ я давно хотѣлъ познакомиться съ вами и выразить вамъ свое удивленіе... Сто пятьдесятъ заводовъ въ одной чертѣ... Господи, Господи... бываютъ же такіе люди!—и онъ слезящимися радостными глазами, моргая и щурясь, смотрѣлъ на Анисимова и сжималъ ротъ не то сердечкомъ, не то тѣмъ, что у курицы принято называть архіерейскимъ кусочкомъ. — Не правда ли, генералъ, я еще на-дняхъ говорилъ: сколько бы я былъ счастливъ, если бы мнѣ познакомиться съ такимъ достойнымъ человѣкомъ, какъ Петръ Николаевичъ.

— Да-съ, именно!—И генералъ тоже смотрѣлъ на Анисимова умиленно.—Третьяго дня, баронъ, вы изволили говорить такъ.

— Ну, вотъ...—восхищался и Гольденбаумъ.—Что я на прошлой недѣлѣ говорилъ вамъ, графъ?

Но графъ, менѣе сообразительный, поправляя свой капуль, напрасно старался додуматься до того, что угодно его патрону.

— Я не помню... Насчетъ госпожи Караваевой...

— О, нѣтъ... какъ вы глупы!.. Я говорилъ, что Петръ Николаевичъ для меня настоящій идеалъ... О, вы для меня идеалъ...

Не хотите ли этого вина? Вы знаете? Я купилъ его изъ распродававшихся запасовъ короля ганноверскаго... А король имѣлъ вкусъ.

— Я бы съ вами хотѣлъ поговорить по дѣлу.

Гольденбаумъ мгновенно пробѣжалъ по его лицу острымъ взглядомъ, замѣтилъ его озабоченное выраженіе и, сладко зажмурясь, проговорилъ съ какою-то уже истомою:

— Все дѣла, дѣла!.. Вотъ это скучно!.. Но я весь вашъ,— къ вашимъ услугамъ...

Онъ строго посмотрѣлъ на своихъ придворныхъ, и они вышли въ противоположную залу.

— Ну-съ, я васъ слушаю.

Анисимовъ хорошо зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и, нисколько не стѣсняясь, поставилъ вопросъ прямо.

— Имѣю ли я у васъ кредитъ?

Гольденбаумъ восторженно наклонился и похлопалъ его по колѣнямъ своей красной ладонью.

— Мнѣ нужно восемьсотъ тысячъ!..

— Только... О, вы ихъ, разумѣется, достанете... Кто же вамъ откажетъ въ этомъ?. Никто—помилуйте.

— Вотъ поэтому-то именно я обратился къ вамъ...

— О, я вамъ могу дать совѣтъ,—еще слаще улыбнулся Гольденбаумъ.

— Мнѣ нужны не совѣтъ, а деньги. Я именно и пріѣхалъ къ вамъ просить васъ выручить меня.

— Разумѣется... Я бы съ удовольствіемъ, но съ этимъ помѣщеніемъ займа я, ей-ей, не знаю... найдется ли у меня теперь свободною и четверть необходимой вамъ суммы. Я даже убѣжденъ, что нѣтъ... Да, да... увѣренъ, что нѣтъ... Но вы можете обратиться къ Зильбергрошу, Тукманову, въ комерческое общество...

— Въ вашихъ указаніяхъ я не нуждаюсь. Я вамъ повторяю: можете вы мнѣ помочь—помогите, а нѣтъ...

— Постойте, постойте,—точно чего-то испугался Гольденбаумъ.—Куда же вы... je ne dis pas non... je ne demande

pas mieux. Но у меня теперь нѣтъ. Впрочемъ, чтобы оказать вамъ услугу и доказать, какъ я васъ уважаю, я за васъ это обдѣлаю съ Дорфельдомъ... Онъ большой мерзавецъ, прижимистый варваръ—этотъ Дорфельдъ, но я думаю, что для меня онъ это сдѣлаетъ.

Анисимовъ зналъ, что Дорфельдъ просто на жалованьи у Гольденбаума.

— Разумѣется, если бы у меня были деньги, я далъ бы ихъ вамъ сейчасъ же и безъ всякихъ условій; ну, а Дорфельдъ захочетъ гарантій, пожалуй, даже участія въ самомъ предпріятіи.—И Карлъ Ѳедоровичъ пытливо заглянулъ ему въ глаза.

— Это онъ напрасно. Въ свое дѣло я не пущу никого. И это рѣшительно вы можете сказать Дорфельду.

— Я попробую... Вы можете ждать до завтра? Завтра я буду у васъ, и мы все устроимъ...

По выходѣ Анисимова Гольденбаумъ, несмотря на свое брюхо, сдѣлалъ даже какое-то антраша передъ зеркаломъ отъ радости.

На другой день, очень рано, Карлъ Ѳедоровичъ явился къ Анисимову. Лицо барона было торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально.

— Ну, я съ своей стороны устроилъ все, что могъ, все... Хотѣлъ бы я знать: кто другой могъ бы такъ окончить все это. Только подлецъ Дорфельдъ ставитъ одно условіе—это послать на заводы, въ ихъ администрацію, своего человѣка для полученія съ доходовъ занятой суммы.

— Какъ это глупо. Вѣдь я же не пущу его ни во что вмѣшиваться.

— Все равно. Онъ будетъ тамъ сидѣть, смотрѣть и писать къ своему довѣрителю. Срокъ—восемь мѣсяцевъ, и за нимъ десять процентовъ.

— Это варварское условіе.

— Что хотите—война. Нигдѣ не найдете теперь денегъ. У кого онѣ есть—тѣ ихъ спрятали; у кого онѣ были, какъ у меня, тѣ ихъ роздали...

Послѣ недолгихъ переговоровъ дѣло было кончено со стороны Анисимова, но Гольденбаумъ еще медлилъ, видимо, желая приступить къ самому настоящему, что его занимало.

— Я имѣю къ вамъ теперь уже свою личную просьбу.

— А именно?

— Вѣдь это вашъ родной братъ—герой, которымъ всѣ мы, настоящіе русскіе,—подчеркнулъ онъ,—гордимся какъ нашею общею славой?

— Да, Сергѣй—мой братъ.

— Вы знаете—у меня его портретъ виситъ и въ конторѣ и въ спальнѣ!.. Какъ жаль, что я самъ не военный.

И Карлъ Ѳедоровичъ горестно задумался.

— Но если я не военный, то мой кузенъ, харьковскій банкиръ Валенштейнъ—военный!..

— Въ какомъ онъ полку?

— Онъ не въ полку. Онъ членъ товарищества. У него дѣла съ компаніей Грегеръ, Горвицъ и Коганъ. О, онъ настоящій военный!..

Петръ Николаевичъ едва могъ скрыть улыбку.

— Ну, видите ли, я хотѣлъ просить васъ, чтобы вы написали своему брату. Генералъ Анисимовъ—о, это наша русская гордость!..—почему-то очень недоволенъ моимъ кузеномъ. Что тамъ случилось—я не знаю, только онъ недоволенъ, совсѣмъ недоволенъ, и даже приказалъ не пускать его въ свой отрядъ. Мой кузенъ, пока былъ съ генераломъ Трахтенбергомъ, получилъ Анну съ мечами и надѣялся на Владимира съ мечами у Анисимова, а вмѣсто того вашъ братъ сдѣлалъ ему большую, очень большую непріятность, и даже мой кузенъ могъ бы жаловаться и сдѣлать генералу большой скандалъ, но онъ такъ его уважаетъ, такъ его уважаетъ, что рѣшился смотрѣть на это дѣло вотъ такъ.

И Карлъ Ѳедоровичъ растопырилъ передъ своимъ носомъ выхоленные пальцы въ перстняхъ.

— Напишите вашему брату чтобы онъ не притѣснялъ бѣднаго Валенштейна. Это вы можете, и онъ насъ послушаетъ.

— Не могу, и не послушаетъ!

— Какъ?

— Очень просто. Если бы онъ сталъ мѣшаться въ мои дѣла, я бы тоже сказалъ ему, что это не его забота, и попросилъ бы его не указывалъ мнѣ, что я долженъ дѣлать. А, во-вторыхъ, Валенштейнъ, вѣроятно, доставилъ гнилые припасы.

— То-есть не то что гнилые, а, знаете, такъ себѣ... попорчены... Война вѣдь, что есть—то и берутъ. Разсуждать некогда!

— Ну, вотъ. Я слышалъ это... Кажется, офицеры изъ штаба невѣжливо обошлись съ нимъ...

— Я вамъ говорю—непріятность была. Но мой кузенъ совсѣмъ не сердится, совсѣмъ. Онъ только хочетъ знать, какъ помириться съ генераломъ Анисимовымъ. Потому ему очень больно, что онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ такимъ героемъ.

— Ну, вы меня извините. Въ этомъ дѣлѣ я вамъ не помощникъ.

И Анисимовъ простился съ Гольденбаумомъ.

XII. Приготовленія.

Бухмановъ только вечеромъ попалъ къ Анисимову младшему. На толстомъ петербургскомъ денди былъ безукоризненно сшитый сюртукъ, въ петличкѣ котораго уже болтался Владиміръ съ мечами; громадная шашка висѣла черезъ плечо; рукоять ея была въ богатой серебряной оправѣ, такъ же, какъ и ножны. Къ каблукамъ оказались привинченными шпоры — но, какія! Очевидно, Бухмановъ нарочно выбиралъ такія въ Бухарестѣ. Онѣ звенѣли столь неистово при каждомъ движеніи «уполномоченнаго» Краснаго Креста, что ихъ можно было принять за вздрагивающій звонъ бубенцовъ, когда застоявшіяся лошади нетерпѣливо потряхиваютъ головами и постукиваютъ копытами, въ ожиданіи, когда зашедшій на постоялый дворъ кучеръ приберетъ вожжи и, слегка шевельнувъ ихъ, кинетъ: «Ну, родимыя!..» Костюмъ Бухманова заставилъ изумиться даже Анисимова.

— Зачѣмъ это вамъ такая шашка?

— Да вѣдь намъ нынче полагается,—сказалъ онъ и соврал.—Военное время, вы сами знаете.

Но Анисимовъ только покачивалъ головою.

— И шпоры! Въ неистовство нервнаго человѣка привести можно.

Бухмановъ добродушно улыбался, оглядывая себя.

— Вы ужъ бы снялись въ такомъ видѣ, чтобы увѣковѣчить себя.

— Я это и сдѣлалъ, и даже послалъ въ «Иллюстрацію». Тамъ помѣстятъ... Тамъ теперь все помѣщаютъ! У нихъ такая рубрика завелась: «Герои!» — съ наивною радостью прибавилъ онъ.

Сергѣй Николаевичъ откровенно расхохотался, глядя на него.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы не смотрите, что я въ черномъ сюртукѣ. Я хотѣлъ даже волонтеромъ поступить...

— Въ казаки?

— Да... нѣтъ... Почему въ казаки?. Вообще, разумѣется, только чтобы не пѣшкомъ, я вѣдь у Фалье учился верхомъ ѣздить, не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ вотъ хотѣлъ, но—представьте—столько дѣла, столько дѣла, всегда было некогда. Теперь возьмите хининъ или хлороформъ, сколько у насъ изъ-за него переписки, или—еще лучше—бинты, вѣдь что такое бинты?! А то еще хирургическіе приборы—и все это я...—путался онъ, широко раскрывая изумленные глаза.

Анисимовъ уже хохоталъ безъ всякой церемоніи.

— Такъ вамъ хотѣлось бы испытать боевыя ощущенія, если я васъ понялъ?

— Помилуйте, разумѣется. Вѣдь вы знаете, мой отецъ былъ убитъ при штурмѣ Карса въ 1855 году, а старшій братъ военный тоже,—это у насъ въ крови.

— Да? Ну, такъ не безпокойтесь. Я вамъ доставлю это удовольствіе. Эй... кто тамъ?

Вошелъ изъ другой комнаты хорунжій Чудаковъ.

— Къ вечеру завтрашняго дня рекогносцировка за Малые

Балканы, слышите? Поѣдете вы, и полусотня со мною. Я васъ тоже приглашаю,—обратился онъ къ Бухманову. — Слышите, Чудаковъ, устройте все, выберите людей самыхъ надежныхъ, на которыхъ можно положиться, побольше гееоргіевскихъ кавалеровъ. Завтра мнѣ трусовъ не надо. Со мною ѣдетъ Бухмановъ—вы вѣдь его не знаете. Онъ молодецъ. Видите, какая у него шашка? У васъ, Чудаковъ, я думаю, никогда такой шашки не было.

— И не будетъ ваше превосходительство.

— Почему это?

— Потому что это ребятамъ тѣшиться. Я знаю, они эту шашку въ Кишиневѣ купили.

— Да,—изумился Бухмановъ,—дѣйствительно... Почему вы это угадали?.. Именно въ Кишиневѣ, двѣсти пятьдесятъ рублей далъ.

— Еще бы, у кривого армяшки Карапета... Этой шашкой вы и гуся не зарѣжете!

— А какъ вы думаете, Чудаковъ, можно позволить Бухманову ѣхать на рекогносцировку въ этихъ шпорахъ?

— Никакъ нѣтъ,—понялъ тотъ шутку.—Они своимъ звономъ тревогу подымутъ. Турки всполошатся.

— А развѣ тамъ будутъ турки?

— А вы думали—кто же? Китайцы, что ли?

— Нѣтъ, я такъ,—довольно тревожно заерзалъ на стулѣ Бухмановъ.—Я думаю... И стрѣлять будутъ?

— Да. Еще бы. Ну, вѣдь васъ не удивишь. Вы вѣдь молодецъ. У него,—обратился Анисимовъ,—отца при штурмѣ Карса убили, слышите, Чудаковъ? Вы не смотрите, что онъ штатскій: у него вѣдь уже и Владиміръ съ мечами красуется. А портретъ его скоро на геройскомъ шоколадѣ будетъ.

— Это еще что такое?—широко раскрылъ глаза Бухмановъ.

— Какъ, вы не знаете, Бухмановъ, что такое геройскій шоколадъ? Вотъ это мило! Это новѣйшій пантеонъ россійской славы... Купецъ Абрикосовъ, кондитеръ и пряничникъ, выпустилъ геройскій шоколадъ по восемьдесятъ копеекъ за фунтъ.

Каждая шоколадинка въ бумажкѣ, и на каждой бумажкѣ герой. Вотъ и вы тамъ будете. Герой Бухмановъ. Въ бою второго января, на Малыхъ Балканахъ, турецкая граната, пролетая, сорвала голову герою Бухманову, но, не взирая на то, онъ продолжалъ итти впередъ и кричать ура...

Всѣ расхохотались, Бухмановъ первый.

— Нѣтъ, ей-ей, это удивительно... Этакій человѣкъ и вдругъ носитъ штатское платье, а мы съ вами, Чудаковъ, военное. Справедлива ли судьба послѣ этого, я васъ спрашиваю? Нѣтъ, Бухмановъ, кромѣ шутокъ, вы знаете, что завтра очень, очень опасно. Такъ опасно, что я даже колеблюсь. Такъ вы приготовьте завѣщаніе тамъ, что ли...

Бухмановъ все добродушнѣе и добродушнѣе улыбался.

— А вотъ я вамъ, генералъ, за это не дамъ того, что хотѣлъ дать.

— А именно?

— У меня былъ для васъ ящикъ такого краснаго вина, что...

— Красное вино—и онъ молчитъ! Да васъ, по законамъ военнаго времени, разстрѣлять мало. Эй, Семенъ, отправься сейчасъ же вотъ съ ними и спроси у ихъ человѣка ящикъ съ краснымъ виномъ... Нѣтъ, знаете,—шутя обратился Анисимовъ къ окружающимъ:—иногда и уполномоченные Краснаго Креста бываютъ полезны.

— Нѣтъ, ужъ тогда я самъ пойду лучше,—вскинулся Бухмановъ.—А то вмѣстѣ съ краснымъ виномъ у меня и ящикъ съ коньякомъ утащатъ.

— Я вижу, что на вашу квартиру нужно учинить правильный штурмъ.

Бухмановъ ушелъ. Онъ не больше получаса пробылъ въ отсутствіи, но когда вернулся—у Анисимова была полная, что называется, перемѣна декорацій. Всѣ были серьезны... На Бухманова и его вино не обратили ни малѣйшаго вниманія. Анисимовъ велъ какіе-то переговоры съ полковникомъ генеральнаго штаба, щеголеватымъ и отлично вымытымъ малымъ.

— Что случилось?

— Сейчасъ выступаемъ!—шепотомъ сообщилъ ему Чудаковъ.

— Какъ сейчасъ, куда?.. Помилуйте, все было такъ хорошо и весело.

— Ну, Бухмановъ... Я получилъ кое-какія свѣдѣнія; если вашъ геройскій духъ еще въ томъ же градусѣ и желаніе попасть на шоколадъ неизмѣнно, то садитесь на коня и присоединяйтесь къ намъ.

— Куда, что такое?

— Въ горы, все туда же!..

— И будетъ бой?

— Генеральное сраженіе!—расхохотался Анисимовъ.—Съ моей стороны—полусотня казаковъ, а съ ихъ—полтора башибузука.

Въ эту минуту явился къ генералу какой-то приземистый и широкоплечій болгаринъ съ круглою, какъ шаръ, головою, на которой щетиною стояли коротко обстриженные сѣдые волосы. Проницательные спокойные глаза его обвели всѣхъ присутствовавшихъ; сѣдые хохлацкіе, какъ у Шевченко, усы пошевелились.

— Къ генералу Анисимову... Я Славейковъ.

— А, радъ, очень радъ. Я давно знаю васъ по вашей славѣ, какъ перваго болгарскаго поэта и патріота.

Славейковъ улыбнулся застѣнчиво и, перетянувъ широкій поясъ изъ шали, поправивъ румелійскую куртку на себѣ и широкіе штаны въ видѣ мѣшка, остановился въ нерѣшительности.

— Что значитъ вашъ костюмъ?

— Я, генералъ, для васъ собиралъ свѣдѣнія—тамъ!—указалъ онъ по тому направленію, гдѣ должны быть Малые Балканы.

— Спасибо, большое спасибо вамъ. Вы ѣздили сами?

— Да. Со вчерашняго дня—сейчасъ только вернулся. Имѣю передать вамъ важныя вещи.

— Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ. Вы не обѣдали?

— Нѣтъ.

— Приготовьте обѣдъ г. Славейкову. Пожалуйте.

И Анисимовъ ушелъ съ нимъ къ себѣ. За дверями съ полчаса слышался мѣрный голосъ Славейкова и изрѣдка короткіе вопросы генерала.

Когда они вышли, лицо Анисимова было очень серьезно. Онъ обратился къ Славейкову и еще разъ поблагодарилъ его. Бухмановъ вспомнилъ о своемъ красномъ винѣ, но Сергѣй Николаевичъ съ недоумѣніемъ повелъ на него глазами. Всѣ бывшіе здѣсь почувствовали, что дѣло становится важно, и замолкли. Анисимовъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Прикажите Егорову съ его полкомъ быть наготовѣ. Какъ называется это село?—обернулся онъ къ Славейкову.

— Яблоница.

— Проводники знаютъ?

— Да.

— Пусть онъ направится туда и къ утру расположится въ Яблоницѣ. Двумъ болгарскимъ дружинамъ направиться налѣво въ Столѣшницу...

— Ваше превосходительство!.. Развѣ мы не дадимъ знать сначала и не подождемъ приказаній?—спросилъ полковникъ генеральнаго штаба.

Анисимовъ поморщился.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный!.. Завтра, когда все будетъ кончено, тогда пошлемъ реляцію... Вотъ—укажите гдѣ-нибудь спокойный уголокъ г. Славейкову отдохнуть. Часа четыре у васъ есть. Вы можете выспаться... Кстати. Вы много потрудились—потратили время... Позвольте мнѣ вознаградить васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, генералъ,—вспыхнулъ старикъ.—Ради Бога. Я не профессіональный шпіонъ. Я болгаринъ и рискую головой для того, чтобы помочь освободителямъ моей родины, а не изъ-за денегъ.

Генералъ пожалъ ему руку, потребовалъ себѣ карту и ушелъ съ нею въ кабинетъ.

— Что же, состоится сегодня что-нибудь? — спрашивалъ Бухмановъ.

— Непремѣнно, и если хотите принять участіе въ экспедиціи, то совѣтую вамъ вооружиться.

— Револьверами?

— Нѣтъ, коньякомъ. Пожалуйста, во всѣ кобуры. Ночь будетъ холодная и сырая...

— Вы все шутите, господа!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Бухмановъ.

— Помилуйте, какія же шутки съ коньякомъ! Напротивъ.

— Ну, ладно!..

XIII. Ночной походъ.

Ночь задумчиво молчала, словно прислушиваясь къ замирающему говору занятаго непріятелемъ города, когда небольшой отрядъ съ Анисимовымъ во главѣ подъѣзжалъ уже къ отрогамъ Малыхъ Балканъ. Подъ луною ярко свѣтившею сегодня, далеко на голубоватую поверхность снѣговыхъ полей ложились черные силуэты казаковъ и ихъ лошадей. Тѣни эти сливались, мѣшались и раздѣлялись опять. Какъ ни старались наши скрыть свое движеніе, но въ такую ясную ночь мудрено было сдѣлать это. Тишина здѣсь, у горъ, стояла такая, что малѣйшій звукъ копытъ о вырѣзавшійся изъ-подъ снѣга камень, звяканье шашки о стремя, глухой шорохъ медленно подвигавшейся впередъ полусотни—слышались далеко. Впереди на небольшомъ лошакѣ ѣхалъ одѣтый въ свой турецкій костюмъ Славейковъ, за нимъ, завернувшись въ бурку, Анисимовъ и въ какомъ-то необыкновенно странномъ плащѣ Бухмановъ.

— Нѣтъ, что же... Ничего, Сергѣй Николаевичъ, нѣтъ... То есть ничего опаснаго, все отлично...

— Вотъ, погодите... Влѣпятъ вамъ пулю въ глазъ.

— Развѣ они всегда въ глазъ?

— Да ужъ такой подлый обычай.

Бухмановъ безпокойно обернулся на сѣдлѣ.

— Зачѣмъ вы это, генералъ, ѣдете впереди?

— А что?

И онъ далъ шпоры коню, заставляя Бухманова догонять себя.

— Я думаю, что еще лучше было бы послать впередъ казаковъ.

Анисимовъ расхохотался и ничего не отвѣчалъ, только еще далѣе проѣхалъ впередъ, увеличивая разстояніе между собою и казаками.

Тутъ начинались первые взъѣзды на Малые Балканы, какое-то мѣсиво каменистаго щебня, скалъ, земли и снѣга. Часто слышался въ тишинѣ говоръ ключа, прорывающагося гдѣ-то; иногда онъ едва замѣтною въ ночи влагой расползался по голому камню и съ выступовъ его падалъ мелкими струйками внизъ. Тутъ копыта лошадей скользили и слышалась энергическая казацкая ругань.

Очень встревоженный шутками Анисимова, толстый Бухмановъ замѣшался между казаками и старался прислушаться къ тому, о чемъ они говорятъ, но тоже ничего не понялъ.

— Ты говоришь, вдарило...

— Въ мякоть.

— Чего лучше!.. Вотъ тебѣ и сладкая фрухта.

— А то еще, сказываютъ, есть такой—коноплянъ, который отъ всего сдѣйствуетъ. Но только надо, охъ, какъ подумавши!

— Она ему съ радостью, а онъ ей прямо сапогомъ въ морду... Получай свое продовольствіе.

— А то еще какъ. Вотъ те и фуражъ!

— Одно гуманство—что и говорить. Тоже и нашъ сотникъ: позвалъ Трофимова и давай гуманничать! Всю нагайку ободралъ. А нагайка-то была хорошая, Бѣдокуровская!

— Сотникъ какъ увидалъ Тришку-то, — сейчасъ его въ карцыю!

Какъ ни старался Бухмановъ понять, что интересуетъ его товарищей,—все-таки не могъ ничего добиться. Онъ обратился къ одному изъ казаковъ, ѣхавшихъ рядомъ съ нимъ.

— Что, тебѣ не страшно?..

— Никакъ нѣтъ-съ. Чего же можно страшиться? Намъ страшиться не полагается.

— Ну, а непріятель?

— Про то, господинъ, про непріятеля, не наша забота, про то генералъ знаетъ. Это ему уже думать.

— А намъ что,—намъ приказано!

— Вотъ именно—приказано, мы и идемъ. Иначе никакъ невозможно. Коли бы намъ еще при этомъ случаѣ и думать—хоть не живи.

— Бухмановъ, гдѣ вы?—послышался веселый голосъ Анисимова.

Бухмановъ подъѣхалъ къ нему.

— Хотите, оставимъ казаковъ и поѣдемъ вдвоемъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Гдѣ это?

— А у турокъ... Вдвоемъ лучше. Больше шансовъ на успѣхъ...

— Я, знаете, ваше превосходительство, совсѣмъ не любопытенъ.

Сергѣй Николаевичъ расхохотался и подъѣхалъ съ какими-то разспросами къ Славейкову.

Въѣздъ на Малые Балканы мало-по-малу суживался, пошелъ по карнизу покатой горы и, наконецъ, зазмѣился по дну безлюднаго ущелья. Тутъ было еще тише. Мѣсяцъ съ высоты вырѣзывался ярко надъ пустынными скатами и гребнями.

Бухманову было жутко. Онъ проклиналъ себя, что поѣхалъ. Ему такъ заманчива казалась его крошечная комнатка, отведенная въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщался походный лазаретъ,—его постель, самоваръ, книга, оставшаяся недочитанною...

«А что, если бы я теперь вернулся назадъ... Впрочемъ, что подумаетъ Анисимовъ. А что мнѣ за дѣло до его думанья... У меня свое дѣло на рукахъ. Нужно—прямо, безъ всякихъ церемоній».

И онъ подогналъ коня, чтобы опять поровняться съ Анисимовымъ.

— Знаете, генералъ, что я надумалъ?

— Что?

— Я усталъ очень и думаю вернуться. Къ тому же я забылъ,

что рано утромъ мнѣ нужно будетъ кое-чѣмъ распорядиться по лазарету.

— Что же вамъ угодно? Вѣдь я проводниковъ вамъ дать не могу.

— Я и самъ найду дорогу. Это еще вовсе не такъ далеко.

— Дѣлайте, какъ хотите. Мнѣ не до васъ теперь.

— Такъ я поѣду,—нерѣшительно опять проговорилъ Бухмановъ.

— Съ Богомъ.

— Вы не думайте, чтобы я боялся.

— Нѣтъ, я вовсе этого не могу думать. Назадъ вѣдь страшнѣе ѣхать одному, чѣмъ впередъ съ нами.

— Почему страшнѣе, вѣдь мы же никого не встрѣтили?

— Никого! Если одиночные турки сидятъ въ засадахъ за скалами—такъ, вы думаете, они сейчасъ же начнутъ навстрѣчу намъ выскакивать,—«здравствуйте де, мы здѣсь, стрѣляйте въ насъ?..» Ну, а когда вы одни назадъ поѣдете—иное дѣло!

— Что же тогда?

— Ничего... Я не желаю васъ путать. Хотите ѣхать—до свиданія. Они, вонъ, изъ живыхъ людей ремни вырѣзываютъ... Ну, съ Богомъ, до свиданія, Бухмановъ.

— Нѣтъ, знаете, что же... Я раздумалъ. Я лучше ужъ съ вами...

И они опять молча поѣхали дальше; ущелье змѣилось то вправо, то влѣво... Стѣны его суживались, въ тишинѣ ночи чудился порой какой-то шорохъ по сторонамъ... Правая была освѣщена луною, лѣвая уходила въ зловѣщій мракъ... Бухмановъ уже сталъ дремать на сѣдлѣ. Славейковъ тихо разсказывалъ Анисимову о турецкомъ отрядѣ, стоявшемъ по ту сторону... Даже говоръ между казаками сталъ утихать. Всѣ поддались очарованію этой ночи... Вдругъ отрядъ невольно пріостановился... Въ темной лѣвой полосѣ горнаго ущелья прорѣзалась и разомъ погасла огненная струйка... Гулъ выстрѣла, сотни разъ повторяемый зигзагами ущелья, точно все его наполнилъ собою... «Я вамъ говорилъ,—повеселѣвъ, обратился Анисимовъ къ Бухманову.—Вы

видите».—И не успѣлъ онъ сказать, какъ изъ того же самаго мѣста второй снопъ огня мелькнулъ на мгновеніе, и второй выстрѣлъ разнесся во всѣ стороны... Всѣ точно воскресли. Сознанія опасности недоставало для оживленія отряда.

— Тимоѳеевъ... Соловцовъ... Кто еще хочетъ... Снять надо этихъ!..

И Анисимовъ даже не досказалъ своей мысли, его поняли и такъ.

Шесть казаковъ, отдавъ повода своихъ лошадей товарищамъ, спѣшились и поползли вверхъ—туда, откуда звучали выстрѣлы. Прошло еще двѣ-три минуты. Тишину теперь уже не нарушало ничто. Только Бухмановъ чувствовалъ, какъ шибко бьется его сердце. Глаза его точно хотѣли впиться въ то темное пятно, откуда сейчасъ, вотъ, можетъ быть, вылетитъ предназначенная ему, Бухманову, пуля. И почему-то въ это самое мгновеніе, точно укоръ совѣсти, предстало передъ нимъ опять воспоминаніе объ уютной комнатѣ турецкаго дома и о книгѣ, недочитанной имъ. И на какомъ интересномъ мѣстѣ остановился онъ... совершенно ни съ того, ни съ сего пришло ему въ голову. Онъ сталъ вспоминать объ этомъ мѣстѣ. Да, именно, Наташа Ростова только что узнала о томъ, что раненый Андрей Болконскій ѣдетъ съ ними. Это бѣгство изъ Москвы—какъ удалось Льву Толстому... И цѣпь воспоминаній и мыслей нежданно порвалась.

Огоньки засверкали въ томъ черномъ пятнѣ, послышались выстрѣлы, безпорядочные, наудачу, со страху,—выстрѣлы и крики, стоны какіе-то и опять полныя бѣшенства восклицанія...

— Ахъ вы, гололобая сволочь!..—вырѣзалась громкая ругань, и слова ея покрыла трескотня безцѣльнаго сослѣпу огня... Огонь становился все тише, шумъ схватки, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, замиралъ мало-по-малу.

— Тимоѳеевъ, сколько ихъ тамъ?—громко крикнулъ Анисимовъ.

— Четверо б ы л о̀, ваше превосходительство.

И опять тишина,—тишина, теперь точно полная какой-то страшной тайны. «Неужели тамъ было совершено убійство?—

задается вопросомъ Бухмановъ.—Неужели ни одного живого изъ тѣхъ четырехъ нѣтъ?»—Но вотъ изъ тишины слышится какой-то шорохъ. Взбиравшіеся туда недавно казаки спускаются, тихо садятся на коней... Остановившійся отрядъ двигается опять... А ночь и горы молчатъ тяжело, зловѣще...

- Покончили?—спрашивалъ чей-то робкій голосъ, но такъ тихо, что нужно было все возбужденіе Бухманова, чтобы различить его.

— Готово!—еще тише отвѣтилъ казакъ.

— Шашками зарубили?.. Всѣхъ?..

— Какъ въ мѣшокъ попали... Никуда имъ пути не было... Я одного полоснулъ... Здоровый!.. Сипягинъ руками задушилъ тоже такого.

— Довольны вы, Бухмановъ?—обращается къ нему Анисимовъ.

— То есть чѣмъ же это?..

— Какъ же вы видѣли... Погодите, перевалимъ ущелье—еще будетъ.

XIV. Занятая деревня.

Бухмановъ, усталый и непривыкшій къ длиннымъ переѣздамъ верхомъ, то засыпалъ, то опять просыпался, и насколько въ дремѣ онъ прямо и прочно сидѣлъ въ сѣдлѣ, настолько, очнувшись, въ первыя мгновенія чувствовалъ себя неувѣренно и готовъ былъ упасть вправо или влѣво. То ему казалось, что подпруга ослабла и сѣдло сползаетъ подъ нимъ, то лошадь уходитъ изъ-подъ сѣдла куда-то, и, пробудившись, онъ хватался за ея гриву... То ему чудилось, что самъ его конь куда-то падаетъ, и онъ невольно высвобождалъ ноги изъ стремянъ, чтобы тяжесть лошади не раздавила его... Ему теперь уже не было страшно. Одно ощущеніе безконечной устали охватывало всего Бухманова. Величайшимъ блаженствомъ казалось ему теперь приворотить куда-нибудь, куда бы то ни было, хоть въ пустую и оставленную болгарскую землянку, и заснуть тамъ на голой землѣ, съ сѣдломъ подъ головой...

— Ишь какъ барина-то раскачало.—сочувственно говорили казаки.

— Сломило! Непривычный, должно быть. По своей охотѣ ѣдетъ, сказываютъ...

— Ну!.. По своей охотѣ! Чего же ему?..

— Пусти-ка меня теперь заснуть,—зѣвая, проговорилъ казакъ,—да въ хорошую постелю, да въ теплую комнату—Господи, ужъ я спалъ бы да спалъ бы,—кажется, пять денъ бы спалъ.

— Вотъ-вотъ... Такъ тебя и пустятъ.

— Вѣрно говорю. Пять денъ на парей!

— Не жрамши?..

Просыпаясь и очнувшись совсѣмъ, Бухмановъ прислушивался къ разговору и несказанно удивлялся. Ничего воинственнаго, героическаго не было во всемъ этомъ. Онъ ожидалъ воспоминаній о прежнихъ подвигахъ, боевыхъ разсказовъ, а вмѣсто этого вдругъ ни съ того, ни съ сего доносилось къ нему:

— И вотъ, братцы, какъ онъ схватитъ мой гашникъ и къ себѣ. Я—не будь дуракъ—по скулѣ его. А онъ, не взирая, обѣими руками за гашникъ; я еще по скулѣ. Что жъ бы ты думалъ, вѣдь разодралъ, подлецъ, гашникъ-то!..

— Ни себѣ, ни собакамъ!—сочувственно отзывался другой.

— И какой гашникъ-то былъ! Въ станицѣ у насъ вязанъ. Здоровый...

И Бухмановъ засыпалъ опять, и опять сползалъ съ коня, просыпаясь...

— Я ему и говорю: такъ этого невозможно, чтобы за вутку и вдругъ рупь... А онъ мнѣ—за меньше не отдамъ. Пойми ты, расподлецъ, что за рупь по нынѣшнему военному времю не токма вутку, а цѣлую овцу купишь. Ничего не подѣлаешь—лопочетъ что-то по-своему и держится за вутку.

— Что же ты? Отнялъ бы.

— Пробовалъ. Крѣпокъ, да и вутка вужзитъ—невозможно! Ну, сорвалъ я съ него шапку, хорошая шапка, баранья! Вотъ тебѣ за вутку, говорю... Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Ущелье уже давно оставалось позади. Отрядъ выѣзжалъ на

крутой взлызень одиноко стоявшей горы. Вершина ея, вся освѣщенная мѣсяцемъ, высилась передъ Бухмановымъ. Одинокое дерево стояло на самой ея плѣшинѣ. Онъ видѣлъ, какъ по ярко озаренной тропинкѣ, помогая лошаку колѣнями и ерзая по его хребту, точно желая придать его движеніямъ болѣе быстроты, ѣхалъ впереди старикъ Славейковъ. Задумавшійся Анисимовъ—должно быть, ему жарко стало—спустилъ съ себя бурку. На золотѣ его погоновъ горѣло также сіяніе мѣсяца. Крупныя звѣзды высыпали по небу. Менѣе яркія звѣздочки свѣтились на остріяхъ казацкихъ пикъ.

— А попадья эта самая наскрозь человѣка видитъ!—слышалось Бухманову.—Взяла она свово попа и держитъ. Ты, говоритъ, у меня даромъ что благословенный, но я тебя всегда могу собственною властью...

— Что за чепуха?—усиливается понять что-нибудь Бухмановъ, разжимая слипшіеся глаза.

— Какая попадья?—ни съ того, ни съ сего спрашиваетъ онъ у сосѣда.

— Самая эта...

— Ну, и что же?

— Ничего больше, что смирила она его.

Бухмановъ въ упоръ смотритъ, ничего не понимая, и опять дремлетъ...

А отрядъ уже въѣзжалъ на вершину горы.

Отсюда была видна далеко мѣстность, вся затопленная лунным свѣтомъ. На днѣ долинъ и ущелій уже клубится туманъ, поверхность котораго, мѣнявшая свои очертанія, казалась похожею на медленно колышущееся море. Ярко освѣщенныя вершины горъ подымались изъ него, точно острова. Тихій вѣтеръ слегка вѣялъ здѣсь на высотѣ. Его меланхолическое посвистываніе уносилось въ пространство. Большое и одинокое дерево наверху слегка шелестѣло, точно отзываясь вѣтру. Отъ темнаго ствола дерева разомъ отдѣлилась какая-то тѣнь и, отдѣлившись, отбросила на свѣтлую поверхность земли другую тѣнь. Обѣ направились навстрѣчу къ отряду.

— Эй, Станчо!—крикнулъ Славейковъ.

— Азъ!—послышалось въ отвѣтъ.

— Гдѣ турци-тѣ?

— Сички сбѣгали... Спалили село и сбѣгали въ Юнакову-планину.

— Добре!

И Славейковъ съ Анисимовымъ стали вглядываться по его указанію. Въ одномъ мѣстѣ, дѣйствительно, сквозь серебристый туманъ прорывались сѣрые клубы дыма и изрѣдка, точно догоняя ихъ, взрывался за ними красный языкъ пламени.

— Порѣзали малко?

— Хубово!—односложно отвѣтилъ болгаринъ.

— А, что?—вскрикнулъ, внезапно проснувшись, Бухмановъ.

— Ничего! Мы отовсюду окружены турками; вотъ они прислали къ намъ съ предложеніемъ сдаться.

— Я не хочу!—приходилъ въ себя толстякъ.—Я не желаю сдаваться, я хочу домой...

Но тутъ общій хохотъ покрылъ его слова.

— Васъ не спросятъ, дорогой мой!..

И не успѣлъ еще Бухмановъ прійти въ себя, какъ отрядъ съ освѣщеннаго луною пространства спустился внизъ.

Казаки ѣхали крупною рысью. Тутъ ужъ бѣдному Бухманову нельзя было дремать. Вѣтерокъ, чуть слышавшійся вверху, дулъ и здѣсь, нанося порою на ѣхавшихъ запахъ гари. Скоро ихъ обвѣяло уже клубами дыма, и вдали въ туманѣ они увидѣли красные языки пламени, сливавшіеся въ какія-то багровыя пятна. По пути попадались жители, бѣжавшіе въ слѣпомъ страхѣ. Они бросались къ казакамъ, цѣловали имъ руки и стремена и просили защитить ихъ. Даже удивленнаго Бухманова атаковала одна болгарка, схвативъ его за ноги и умоляя прогнать турокъ.

— Хорошо, хорошо, непремѣнно... Qu'est-ce qu'elle veut de moi?—плачевно обращался онъ къ Анисимову, но тотъ, уже не слушая его, скомандовалъ что-то, не разслышанное Бухмановымъ, и казаки понеслись за нимъ вихремъ. Бухмановъ хо-

тѣлъ тоже присоединиться къ нимъ и далъ было шпоры коню, но когда тотъ, закусивъ удила, бросился впередъ, бѣдный толстякъ мгновенно обнялъ шею лошади и прижался къ ней, ища защиты. Въ концѣ-концовъ умный конь, почувствовавъ, что всадникъ уже не въ сѣдлѣ, а виситъ у него на шеѣ, храпя, остановился и началъ бить копытами въ землю... Бухмановъ осторожно, не выпуская поводьевъ, подошелъ къ сѣдлу и попробовалъ было сѣсть опять, но лошадь, понявъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, отскочила въ сторону. Бухмановъ подошелъ къ ней съ другого бока—то же самое. Тогда онъ покорился своей участи и, не выпуская повода, отправился въ горящую деревню, ведя лошадь за собой. Ей, очевидно, это понравилось, потому что она теперь игриво забѣгала впередъ, дергала головой и вообще дѣлала со своей стороны все, что могло нанести какую-либо непріятность Бухманову. Его положеніе было еще болѣе затруднительнымъ, потому что болгары окружили его толпой и, видя въ его лицѣ залогъ своего спасенія, слѣдовали за нимъ.

— У васъ есть домъ, гдѣ можно выспаться?—спрашивалъ онъ у нихъ.

Тѣ качали головой, очевидно, не понимая его.

— Понимаете, ну, какъ это... Домъ... вотъ, имѣете домъ... цѣлый... безъ пожара.

Но ему цѣловали руки, хлопали его по плечу, бормотали ему, тоже что-то непонятное и нисколько не разрѣшавшее его вопросовъ. Вдали замиралъ отголосокъ бѣшеной скачки небольшого отряда. Свистъ пожара звучалъ ближе.

— А, чортъ возьми!—безсильно опустилъ онъ руки, изъ которыхъ выскользнулъ поводъ.

Конь, почувствовавъ, что послѣдняя связь его дружбы съ Бухмановымъ прервана, мгновенно задралъ хвостъ, радостно заржалъ и бросился со всѣхъ четырехъ ногъ въ сторону. Бывшіе кругомъ болгары кинулись его ловить, и Бухмановъ скоро увидѣлъ себя одного, въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ.

А Анисимовъ между тѣмъ уже далеко оставилъ за собою болгарскую деревню. Мимо скакавшихъ казаковъ не больше,

какъ въ теченіе одной минуты, мелькали горѣвшія избы и ярко, со свистомъ, пылавшіе снопы старой прошлогодней соломы—а затѣмъ они спустились въ прохладную и сырую лощину, проскакавъ которую, вынеслись на ровное, далеко, подъ свѣтомъ мѣсяца, простиравшееся пространство.

Славейковъ кинулъ Анисимову: «Вотъ она, Юнакова-планина» и, крѣпко держась на своемъ бодромъ лошачкѣ, старался не отстать отъ отряда...

Сергѣй Николаевичъ даже не объяснилъ своимъ, зачѣмъ онъ торопится. Ему хотѣлось наказать башибузуковъ за все, что они здѣсь надѣлали. Казаки прекрасно поняли это и тоже хлопотали объ одномъ, чтобы имъ какъ-нибудь не упустить этихъ грабителей и убійцъ. Они на своемъ бѣшеномъ скаку успѣли замѣтить лежавшихъ въ сторонѣ зарѣзанныхъ женщинъ и дѣтей. Одинъ недорѣзанный мальчикъ ползалъ еще, подымаясь на рукахъ и ногахъ, въ то время, какъ изъ широкой раны на горлѣ текла кровь. Старые донцы только заскрипѣли зубами...

Послѣ того понятно что случилось, когда отрядъ увидѣлъ вдали шедшихъ въ разбродъ турецкихъ мародеровъ. Анисимовъ даже не командовалъ. Его не ждали. Моментально все бывшее кругомъ—шашки вонъ — помчалось на неожидавшихъ этого башибузуковъ, и только немногимъ изъ послѣднихъ удалось уйти изъ-подъ смертельныхъ ударовъ. Казаки не слушали криковъ «аманъ», не видѣли кидавшихся на колѣни горбоносыхъ и смуглыхъ турокъ. Передъ мстителями точно стояли, заслоняя отъ нихъ все остальное, только что видѣнныя распластанныя на землѣ женщины и дѣти, и руки работали сами собою, не спрашиваясь у сердца и не ожидая, чтобы въ душѣ заговорила жалость къ этимъ растерявшимся людямъ, бросавшимъ въ знакъ покорности свое оружіе. И все это случилось какъ-то до такой степени быстро, на ходу, что Анисимовъ даже не могъ дать самъ себѣ отчета, что дѣлается и что сдѣлано. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ все кругомъ было тихо, и только нѣсколько недорубленныхъ башибузуковъ тихо стонали и корчились на землѣ, у копытъ уже собиравшагося отряда...

— Спасибо, молодцы!—какъ-то формально, точно, чтобы что-нибудь сказать только, проговорилъ Анисимовъ.

— Рады стараться!—тихо отвѣтили казаки.

— Ну, теперь впередъ!

И отрядъ двинулся дальше.

Часа черезъ полтора на Юнаковой-планинѣ показалась длинная линія турецкихъ огней.

Взъѣхавъ на одинъ изъ холмовъ, Анисимовъ внимательно вглядѣлся въ нихъ, оцѣнивая, какія выгоды для нападенія представляетъ окружающая мѣстность. Потомъ онъ, по своему обычаю, поѣхалъ прямо на турецкую цѣпь и, замѣченный ею, подъ ея огнемъ направился вдоль аванпостовъ... У него сложился уже планъ будущаго боя.

«Этотъ долженъ закончить войну! Послѣ такого удара турецкая армія будетъ уничтожена совсѣмъ... А, главное, сотни тысячъ мирныхъ жителей будутъ спасены».

Еще бы! Промедли еще, не нанеси рѣшительнаго удара теперь же и не займи быстро всю эту мѣстность, такъ чтобы ея жители не успѣли и опомниться,—черезъ недѣлю все измѣнится. Армія станетъ отступать, мирное населеніе, подъ вліяніемъ своихъ муллъ и въ паническомъ страхѣ, бросаться прочь, оставивъ насиженныя мѣста. А тамъ—разрушеніе, нищета и гибель...

Обдумывая свои планы, онъ тихо подвигался назадъ по знакомому уже пути.

— Это что еще?..

Прямо на него ѣхалъ какой-то всадникъ, который, замѣтивъ русскихъ, попробовалъ было умчаться въ сторону, но мигомъ развернувшіеся вѣеромъ казаки настигли его и поймали.

— Кто ты?—спрашивали его.

— Болгаринъ, Станко Рачіевъ.

— Зачѣмъ же ты отъ насъ бѣжалъ?.. Это лошадь Бухманова? Кажется, Бухманова!..

— А вотъ, ваше превосходительство, сейчасъ узнаемъ.—Говорившій это казакъ полѣзъ въ кобуры и вытащилъ оттуда бутылку коньяку.

— Его самого... Бухманова-съ!—безошибочно отвѣтилъ онъ.

— Откуда ты досталъ лошадь?.. Неужели убилъ Бухманова?—И кровь бросилась въ лицо Анисимову.—Славейковъ, допросите его...

Но узнать ничего не удалось. Болгаринъ показывалъ, что онъ поймалъ невѣдомо чью лошадь и на ней поѣхалъ себѣ дальше.

Отрядъ прибавилъ шагу и уже на разсвѣтѣ добрался до сгорѣвшаго села. Толпа болгаръ, попрежнему не понимая, чего ему нужно, окружала ругавшагося Бухманова.

— Помилуйте,—визжалъ онъ со злости.—Поймали мою лошадь, при мнѣ же продали ее одному изъ своихъ, подѣлили деньги... Нѣтъ, ужъ больше въ ваши экспедиціи я, слуга покорный, больше не ѣзжу. Можете обходиться и безъ меня.

XV. Камень подъ ноги.

Всѣ эти дни Анисимовъ работалъ безъ отдыха.

Онъ до малѣйшихъ подробностей обдумалъ будущее дѣло. Каждое утро являвшіеся къ нему болгары передавали новыя и новыя свѣдѣнія о турецкомъ отрядѣ. Къ себѣ Сергѣй Николаевичъ теперь стягивалъ все, что только могъ стянуть отовсюду. Ударъ задумывался рѣшительный и послѣдній...

Часто, засыпая поздно ночью, онъ черезъ полчаса вскакивалъ, точно отъ нежданнаго толчка. Въ мысляхъ его являлась еще одна подробность, до тѣхъ поръ не приходившая ему въ голову. Онъ рылся въ своихъ замѣткахъ, книгахъ; въ примѣрахъ прошлаго искалъ указаній настоящему и, придумавъ, проработавъ до утра, вносилъ еще одну черточку въ общій планъ... Мало было уничтожить отрядъ—надо было въ то же время такъ сберечь солдатъ, чтобы со свѣжими силами пойти дальше, вездѣ по пути вооружая болгаръ, увеличивая дружины... Ему не хотѣлось обращаться туда, откуда не разъ его останавливали—и какъ останавливали! Онъ готовился подъ рукою: скупалъ муловъ и ословъ, забиралъ вездѣ вьюки, которые можно

было достать, придумывалъ особенныя приспособленія для пушечныхъ лафетовъ, чтобы ихъ быстро можно было переносить на самыхъ невозможныхъ дорогахъ. Всѣ бараньи шкуры, которыя только были у крестьянъ кругомъ, пріобрѣли и шили изъ нихъ что-то въ родѣ полушубковъ для солдатъ.

— Вы вошли въ мою мысль?—съ жаромъ объяснилъ онъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ.—Надо поставить дѣло такъ, чтобы, ни въ чемъ не нуждаясь, мы могли докатиться до Константинополя. Ни въ чемъ не нуждаясь, какъ бы у насъ вовсе не было тылу. Понимаете? Бой—самое послѣднее дѣло. Съ такими солдатами нечего думать о немъ. Вся задача—въ организаціи похода!..

И переодѣтый, вмѣстѣ съ болгарами, онъ исчезалъ изъ своего отряда дня на два. Возвращался усталый и измученный, и изъ разсказовъ болгаръ оказывалось, что онъ съ ними побывалъ за мѣстоположеніемъ турецкаго лагеря, верстъ этакъ за сто семьдесятъ—восемьдесятъ... Послѣ такихъ поѣздокъ на немъ лица не было, но часа черезъ четыре онъ выходилъ изъ кабинета, опять возбужденный въ работѣ, нервно и нетерпѣливо торопясь укрѣпить въ памяти все, что онъ видѣлъ, все, что ему надо было не упустить въ будущемъ походѣ. Онъ высматривалъ своихъ офицеровъ, впередъ распредѣляя между ними роли, подготовлялъ ближайшихъ къ нему людей на тотъ случай, чтобы они могли окончить его дѣло, если онъ будетъ убитъ до рѣшительнаго момента. Онъ дѣлался раздражителенъ, переставая интересоваться чѣмъ-либо другимъ... Всю свою боевую опытность онъ хотѣлъ вложить на этотъ разъ въ славное предпріятіе...

— Я дорого стоилъ Россіи,—говорилъ онъ.—Очень дорого. Я созданъ цѣною двухъ войнъ и десятковъ тысячъ жизней. Нужно же показать, что я стою такой цѣны.

Теперь онъ уже ничего не боялся. Онъ зналъ, что его солдаты плохо одѣты и обуты, но помимо интендантства, ничего почти не дѣлавшаго для арміи, онъ находилъ средства все купить, достать и сдѣлать. Ему присылали приказанія, шедшія въ разрѣзъ со всѣмъ, что онъ задумывалъ, — онъ ѣздилъ самъ,

устраивалъ, убѣждалъ, а когда ему это не удавалось—прямо не исполнялъ ихъ.

— Пусть меня предадутъ военному суду. До слѣдующей недѣли не успѣютъ, а потомъ будетъ поздно и невозможно

— Ахъ, нужно торопиться, ахъ, нужно торопиться... Какъ бы мнѣ не помѣшали только.

И онъ лихорадочно спѣшилъ закончить все, что могъ.

— Вы не пошлете ли предварительно туда плановъ и программы дѣйствія?—спрашивали его.

— Помилуйте, когда же? Надо одно—или дѣйствовать или писать. Я предпочитаю дѣйствовать...

Наконецъ, все было готово.

Наканунѣ Анисимовъ заснулъ тревожнымъ, поминутно прерывавшимся сномъ. Только подъ утро онъ пересталъ просыпаться. Въ полкахъ, уже поднявшихся, шла неустанная дѣятельность, все готовилось выступить вечеромъ этого дня, чтобы незамѣтно перейти Малые Балканы, захватить безъ большихъ потерь турокъ и затѣмъ двинуться дальше.

Анисимова не будили. Любимый адъютантъ его, мальчикъ еще, Хоминскій, стерегъ его двери, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ ему спать; въ комнатахъ толпились люди, ожидавшіе его пробужденія, но тотъ понималъ, что часъ лишняго сна дастъ на весь день силы и бодрости генералу... Онъ огрызался на самыхъ надоѣдливыхъ и отмалчивался отъ тѣхъ, отъ кого могъ отмолчаться.

— Это кто еще?—подошли къ окнамъ офицеры.

Подбѣжалъ и Хоминскій.

— Такъ и есть, это генералъ Селиверстовъ... Что ему надо?

Всѣ знали, что Селиверстовъ—злѣйшій врагъ Анисимова, что всюду, гдѣ могъ, онъ только вредилъ ему. И умѣлъ вредить такъ, какъ никто.

Полный и красивый генералъ этотъ, весь вымытый, чистенькій, съ иголочки одѣтый, необыкновенно любезный, поднялся наверхъ со своими адъютантами.

— Что Сергѣй Николаевичъ?—кротко спросилъ онъ.

— Спитъ. Прикажете разбудить?

— Нѣтъ, отчего же. Пусть спитъ,—еще кротче и необыкновенно пѣвуче протянулъ онъ.—Дайте мнѣ пока чаю.

Но Анисимовъ уже проснулся.

Узнавъ, что у него Селиверстовъ, онъ поморщился.

— Эта змѣя недаромъ, что-нибудь да случилось... Дайте мнѣ мундиръ.

Селиверстовъ былъ гораздо старше; надо, значитъ, оказывать ему всякое уваженіе. Когда Анисимовъ вышелъ, Селиверстовъ горячо его обнялъ и расцѣловалъ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ. Теперь намъ придется ужъ служить вмѣстѣ, не разставаясь!—сладко заговорилъ онъ, даже щурясь отъ удовольствія.

— Мы и до сихъ поръ вмѣстѣ служимъ, кажется.

— Да, но со вчерашняго вечера... Вы знаете уже вѣрно?..

— Что такое?.. Пока ничего.

— Вѣдь вчера состоялось распоряженіе. Вашъ отрядъ входитъ, вмѣстѣ съ отрядомъ Салтыкова, въ составъ моего!..

Анисимовъ поблѣднѣлъ и даже закачался на ногахъ, но тотчасъ же оправился и почтительно поклонился Селиверстову.

— Сочту за честь...

— Мы будемъ друзьями, я это знаю...

— Мнѣ, въ такомъ случаѣ, надо доложить вашему высокопревосходительству о томъ, что именно у меня задумано рѣшительное движеніе противъ отряда, занимающаго Юпакову-планину... Не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ мой кабинетъ.

Оба генерала вошли туда и заперлись. Часа два они оставались тамъ. Когда двери снова открылись—Селиверстовъ вышелъ, не умѣя скрыть торжества въ выраженіи своего лица. Анисимовъ шелъ за нимъ блѣдный и убитый.

— Полковникъ,—обратился онъ къ одному изъ бывшихъ здѣсь,—сдѣлайте распоряженіе о пріостановкѣ всего, надъ чѣмъ мы такъ долго и такъ много работали. Его высокопревосходительство находитъ мое предпріятіе...

— Я ничего не имѣю противъ. Какъ все, что вы задумы-

ваете,—оно прекрасно. Но ваши полки устали, вашимъ солдатамъ нуженъ отдыхъ еще, а мои свѣжи... Я самъ это сдѣлаю съ моими, разумѣется, нѣсколько видоизмѣнивъ все... Напротивъ, я вамъ такъ обязанъ за то, что вы подготовили вьючный обозъ и всѣ припасы... и все,—путался онъ.—Я доложу объ этомъ... Напротивъ, я радъ, очень радъ.

Анисимовъ не выдержалъ, круто обернулся и, не прощаясь, ушелъ въ кабинетъ.

— Что же это значитъ?—вошелъ къ нему Хоминскій, чуть не плача.—Что же это значитъ?.. Для чего же ваше превосходительство работали?

Анисимовъ нервно ходилъ изъ угла въ уголъ, кусая усы.

— Вѣдь, знаете что,—вдругъ остановился онъ.—Если бы они сумѣли сами исполнить мое дѣло—честью клянусь, я бы не мучился. То обидно, больно—тоска душитъ, когда вспомнишь, что все испортятъ, ничего не кончатъ, а потеряютъ сколько солдатъ при этомъ!.. Ахъ, какъ тяжело, какъ тяжело... Нѣтъ, тутъ никакой силы не хватитъ. Тутъ другое надо, совсѣмъ другое.

Въ тотъ же вечеръ Сергѣй Николаевичъ взялъ нѣсколькихъ казаковъ и отправился еще разъ за Малые Балканы. Ему хотѣлось движенія, огня, чтобы нѣсколько успокоить свои разволновавшіеся нервы. Онъ мчался впередъ во весь карьеръ, такъ что донцы едва поспѣвали за нимъ. Анисимовъ безжалостно шпорилъ своего коня, точно онъ былъ виноватъ во всемъ случившемся. Вѣтеръ свисталъ мимо его ушей... На одномъ изъ поворотовъ его встрѣтило нѣсколько болгаръ, и еще издали они стали что-то кричать ему. Сначала онъ хотѣлъ проѣхать мимо, потомъ остановился.

Старый круглоголовый мужикъ подошелъ къ нему и, снявъ шапку, заявилъ, что дальше ѣхать нельзя.

— Почему еще?

— Что такое случилось?

— Тамъ турки показались!—махнулъ онъ рукою впередъ.

— Э!.. Все равно!.. Пустяки...

И Анисимовъ опять понесся впередъ во-всю.

Дорога шла капризными зигзагами... Уже нѣсколько ихъ миновалъ Сергѣй Николаевичъ, но на одномъ вдругъ раздался какой-то трескъ, лошадь его взвилась на дыбы, и во-время подскакавшіе казаки едва успѣли подхватить на руки генерала.

— Все равно... Все равно,—повторялъ онъ.

Сукно у самаго плеча его точно дымилось. Въ сюртукѣ оказалась пробитой небольшая дыра... Скоро сквозь нее показалась кровь, и въ то время, какъ донцы съ шашками наголо бросились впередъ, очнувшійся Анисимовъ съ усиліемъ приподнялъ голову и улыбнулся.

— Самое лучшее умереть теперь!

Хоминскій, рыдая, наклонился надъ нимъ.

— Да,—упорно повторялъ Сергѣй Николаевичъ, — самое лучшее и самое честное!.

XVI. Въ картонномъ царствѣ.

Режиссеръ Сиволдаевъ, малый растрепанный и «за многочисленностью занятій» немытый, молча стоялъ посреди грязной сцены провинціальнаго театра, глядя на плотниковъ, возившихся съ кулисами, и на суфлера, который задремалъ въ углу дивана, стоявшаго тутъ же. Около суфлера, точно шмель, возился комикъ, не потрудившійся даже смыть съ лица вчерашнія румяна (все равно, говорилъ онъ, по готовому фону рисовать буду!). Онъ распорядился, чтобы ему изъ буфета принесли коньяку, и теперь забавлялся, поднося рюмку къ самому носу спавшаго. Суфлеръ во снѣ, чувствуя знакомый запахъ, вкусно чмокалъ губами и улыбался, къ величайшему удовольствію мальчика Мишки, стоявшаго тутъ же съ подносомъ. Наконецъ, когда сонный раскрылъ ротъ, комикъ безъ церемоніи опрокинулъ въ себя рюмку и, шлепнувъ одной рукой суфлера по носу, другой вылилъ ему оставшіяся капли на лысину.

— Что это такое?—вскочилъ тотъ, съ недоумѣніемъ оглядываясь.

— Ничего... Для ращенія волосъ—отлично. Не только вырастутъ, но и дыбомъ вставать будутъ.

— Ты бы, Кузьминъ, шелъ мазаться. Опять задержишь!—недовольно замѣтилъ режиссеръ, ни разу не улыбнувшись.

— Вона, я во второмъ актѣ занятъ. Ну, что, наша королевишна явилась?

— Какъ же. Давно. Тащи, тащи скорѣй!—крикнулъ онъ на возившихся за кулисами рабочихъ.

— Да чего ты торопишься?

— А это слышишь?—И онъ указалъ на занавѣсъ, гдѣ росъ уже топотъ и говоръ людей, наполнявшихъ раекъ, пробныя повизгиванья скрипокъ, точно струны ихъ жаловались на зубную боль, и недовольное ворчаніе контрабаса вмѣстѣ со свиставшею будто съ перепугу флейтой.

— Ну, что же слышу. Подождутъ. Надъ ними не каплетъ, а и каплетъ,—такъ оботрутся.

— Тебѣ это чудесно разсуждать. Сегодня, какъ и всегда, когда она поетъ, полный сборъ. Заставь-ка ее лишніе полчаса подождать—такую революцію подымутъ, хоть изъ театра бѣги. Не тебя, дурака, оштрафуетъ нашъ азинусъ, а меня.

— Ты чего же, умница, ругаешься?

— А надоѣли мнѣ всѣ вы! — и режиссеръ отмахнулся отъ комика.

— Да ты что это, въ самомъ дѣлѣ?..

— Съ вами взбѣсишься. Теперь сама какія претензіи заявляетъ, послушай-ка!—махнулъ онъ головой по направленію одной изъ уборныхъ.—А попробуй-ка, не исполни. Всѣ въ ея кулакѣ зажаты... Да что ты, скотина,—налетѣлъ онъ на плотника съ азартомъ:—ты куда ее подвѣшиваешь-то? Куда?.. Сказано тебѣ—направо!.. Ахъ, черти, прости Господи...

— А сама-то готова?

— А я почемъ знаю! Сунься-ка къ ней не во-время!..

— Я сунусь!

— Ну-ну...

— А вотъ сейчасъ...

И комикъ рѣшительно направился къ одной изъ уборныхъ и постучался въ двери. Оттуда слышался хохотъ; очевидно, его стука не различили. Комикъ толкнулся вторично.

Горничная полуотворила дверь.

— Это Кузьминъ, барыня.

— Пьяный?—послышалось оттуда.

— Трезвый, Софья Васильевна, трезвый.

И онъ вошелъ въ уборную, гдѣ тотчасъ же принялъ почтительную позу.

— Ваше превосходительство, благодарю,—не ожидалъ!

И, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ и торчкомъ стоящія сѣдины короткихъ волосъ, онъ приподнялъ кончиками пальцевъ фалды сюртука и сдѣлалъ глубокій реверансъ, а потомъ по-балетному, на носочкахъ, подбѣжалъ къ Нѣжиной, поцѣловалъ ей руку и какъ бы нечарочно упалъ у ногъ высокаго геморoидальнаго господина со звѣздой на фракѣ, со снисходительною улыбкой смотрѣвшаго на его шутовство.

— Ахъ, какой пассажъ!—пискливо вскрикнулъ онъ и, сдѣлавъ изъ ладоней горсточки, подошелъ къ нему, точно подъ благословеніе.

— Полно вамъ, Кузьминъ,—морщилась Нѣжина.

— И вѣдь вѣчно юнъ! Онъ ужасно напоминаетъ Жюто. Тому тоже шестьдесятъ лѣтъ,—а прыгаетъ!—одобрилъ звѣздоносецъ.

— Нельзя, ваше-ство, намъ за это деньги платятъ.

— А вѣдь на васъ жалоба, Кузьминъ. Мнѣ сегодня полицмейстеръ докладывалъ. Что это вы у меня купца Свирѣпова простудили?

— По собственному его желанію...

— Что такое?—вмѣшалась Нѣжина.

— Помилуйте, эти господа,—Кузьминъ и другой вашъ, какъ его? Остобленѣловъ, что ли,—убѣдили молодого Свирѣпова, что въ него ужасно влюблена ваша хорошенькая Мартынова, но что она маменьки боится... Тотъ дуракъ повѣрилъ и согласился сѣсть въ корзину, которую они привязали на веревку, веревку

закинули за перила балкона, а конецъ ея взяли себѣ. Увѣрили его, что они такимъ образомъ подымутъ его къ балкону, дверь котораго откроетъ ему сама Мартынова. Ну, понятно, сажени на двѣ подняли, потомъ конецъ веревки привязали къ фонарному столбу, а сами ушли домой.

— Нѣтъ, не домой, ваше превосходительство.

— А куда же?

— Мы сейчасъ же подняли шумъ, что воры лѣзутъ къ Мартышечкѣ. Дали знать въ полицію и перебудили сосѣдей.

— Не угодно ли!

— Чѣмъ же все кончилось?

— А видите ли, Софья Васильевна: Мартышкина мать, въ чемъ была, выскочила на балконъ съ умывальникомъ и стала съ одной стороны визжать со страху, а съ другой—поливать Свирѣпова. Потомъ прибѣжали городовые. Свирѣповъ просится: «Спустите вы меня», а они говорятъ: «Нельзя безъ квартальнаго; какъ, говорятъ, онъ придетъ—тогда мы тебѣ руки и скрутимъ!..»

— А сегодня утромъ въ нашей газетѣ по этому случаю замѣтка: «Воздухоплаваніе слона».

— Да что вы, пьяны были?—спросила Нѣжина.

— Нѣтъ, знаете... Прочли это вчера телеграмму о новой побѣдѣ Анисимова. Ну—вѣдь патріоты! Нельзя же—сердце не камень. Отъ восхищенія и побезобразничали...

— А я вотъ всѣхъ васъ за это на гауптвахту посажу...

— Невозможно!

— Какъ невозможно? Отдамъ приказаніе полицмейстеру—завтра же будете наслаждаться прелестями уединенія.

— Вы забываете, кто я сегодня? — выпрямился комикъ, гордо глядя на него и закладывая руку за бортъ сюртука.

— Ну-съ?—прищурился тотъ.

— Le roi Bobeche!.. Дорогу королю!—и онъ величественно вышелъ изъ уборной, сдѣлавъ въ ея дверяхъ царственный жестъ вмѣсто поклона.

— Вотъ шутъ тороховый! — засмѣялся губернаторъ.—Ну, что съ этакимъ подѣлаешь?..

— А когда-то большой талантъ былъ! Такая профессія у насъ скверная. Всѣ мы Каинова племени! Я пробовала, бросала все это, нѣтъ, тянетъ опять въ этотъ затхлый міръ. Вѣдь, кажется, чего хуже. Пыль, картонные люди, картонныя чувства, ходули, а все не дышится, какъ слѣдуетъ, безъ этого.

— Какъ же вы пробовали бросить? Ахъ, впрочемъ, виноватъ, забылъ. Это когда вы турецкаго офицера въ христіанство обращали?

— Ну, слушайте!.. Вы знаете. За это!—и она чуть не разбила свой перламутровый вѣеръ, ударивъ его по рукамъ.

— Что же, я вѣдь сказалъ правду.

— А все-таки, — расхохоталась она, — онъ хорошенькій былъ. И ужъ во всякомъ случаѣ интереснѣе всѣхъ васъ. Вѣдь я не прячусь совсѣмъ и не скрываю. Я вовсе не разсчитываю на райскій вѣнецъ и не думаю ради него солить свою добродѣтель, нѣтъ... Но сплетничали на меня даромъ. Съ моимъ Абдулкой у меня даже этого не было — и она, зацѣпивъ зубы ногтемъ, разомъ отдернула его.—Онъ наивный варваръ. Мнѣ нравилось болтать съ нимъ, и только... Да и вы хорошо знаете,—и злая улыбка мелькнула на ея губахъ,—вѣдь я его сейчасъ же вашей женѣ передала. Теперь она доканчиваетъ его обращеніе...

Губернаторъ нахмурился и замолчалъ.

— Что, не нравится?

— Вы знаете, что меня очень мало интересуетъ, что дѣлаетъ моя жена.

— Такъ, что, если она вздумаетъ изъ любознательности поѣхать въ Турцію потомъ...

— Скатертью дорога...

— Послушайте, какъ вамъ приходится Анисимовъ?

— Онъ мой кузенъ. Наши отцы были женаты на родныхъ сестрахъ.

— Вы съ нимъ дружны?

— Очень... А что?

— Такъ, у меня есть планъ. Потомъ я сообщу вамъ его. Мои счеты съ Сергѣемъ Николаевичемъ не кончены.

— Какіе же у васъ счеты?

— Большіе.

— За нимъ или за вами?

— Теперь за мною, и много,—ну, да я заплачу.

— Удареніе на *а* или на *у*?

— На *у*! А у него будетъ на *а*.

Губернаторъ, какъ будто нечаянно, взялъ ее за руку и началъ цѣловать, подымаясь все выше и выше—къ локтю.

— На сколько градусовъ можно сегодня?—спросилъ онъ ее.

— Ну, убирайтесь... Мнѣ пора выходить скоро... Да вытрите фракъ. Онъ у васъ моими бѣлилами замазанъ... Вы ему пишите или нѣтъ?—остановила она его у самыхъ дверей.

— Какъ же, не часто, а пишу. Я получилъ его послѣднее письмо три дня назадъ.

— Отлично. Еще не отвѣчали?

— Не отвѣчалъ.

— И того лучше. Пріѣзжайте завтра ко мнѣ, у меня и набросаете отвѣтъ ему.

— Зачѣмъ это?

— Я вамъ говорю—у меня свой планъ. Я даже сама буду диктовать вамъ... На этотъ разъ я буду вашимъ правителемъ канцеляріи!—расхохоталась она.

— Вы, кажется, часу безъ злости пробыть не можете.

— Полноте, кто же любитъ добрыхъ. Пробовала я—была и доброй. Избави Господи! Впередъ закаялась.

— Софья Васильевна, вы готовы?—постучался къ ней режиссеръ.

— Ну, убирайтесь, убирайтесь... До завтра, помните же, не забудьте!

И, выпроводивъ губернатора, она живо окончила свой туалетъ.

XVII. Цѣнители и судьи.

Въ антрактѣ губернаторъ уже не показывался въ уборной у Нѣжиной. Но, все равно, кругомъ нея была пропасть народу. Устало лежа въ креслѣ въ своемъ пестромъ костюмѣ и равнодушно глядя на всѣхъ, Софья Васильевна зѣвнула, потянулась и закрыла глаза.

— Что это, вы бай-бай хотите?

— Еще бы, съ вами заснешь, — откровенничала она. — Этакихъ скучныхъ людей я еще не видала.

— Нечего сказать, любезно!—смѣялись кругомъ.

— Вотъ что, господа, убирайтесь вы всѣ вонъ... Слышите, мнѣ скоро переодѣваться надо. Останьтесь только вы, г. Охлестышевъ, да Цюцькинъ! Фу, какая у васъ фамилія—вы бы ее перемѣнили.

— Помилуйте. Еще хуже бываютъ!—обидѣлся тотъ, не выносившій такихъ шутокъ.

— Ну, если бываютъ, тѣмъ для васъ лучше.

Охлестышевъ и Цюцькинъ были критики двухъ мѣстныхъ газетъ, отличавшихся непомѣрной безграмотностью и злостью. Они съ необычайно гордымъ видомъ смотрѣли на выходившихъ вонъ поклонниковъ опереточной дивы, а Цюцькинъ даже заперъ за ними дверь и, принявъ безцеремонную позу своего человѣка, заложилъ руки въ карманъ и засвисталъ что-то.

— Ахъ, какъ отлично это Герстеръ пѣла у насъ здѣсь! Да, такой пѣвицы мы уже не услышимъ.

— Однако... Въ моемъ присутствіи, господа!..

— Вы въ другомъ жанрѣ! У васъ есть свои достоинства, божественная...

— Да, да, именно свои, несравненная,—подтвердилъ Охлестышевъ.

— Во-первыхъ, красота... Властительная красота!

— Грація! И какая грація, своеобразная.

— Шикъ! Ни одна француженка...

— Развязность: я видѣлъ Тео, Жюдикъ, Граньс... Куда же, помилуйте!

— Что-то демоническое!—старались они наперерывъ, перебивая другъ друга.

— Скучно!—оборвала она ихъ.—Будетъ съ васъ. Надоѣлъ вы мнѣ, такъ что я очень рада, что скоро оставляю сцену.

— Какъ? Когда, зачѣмъ?.. Божественная, за что же...

— Искусство погибнетъ безъ васъ, несравненная...

Но Софья Васильевна, точно ненаракомъ откинувъ разрѣзъ платья, выставила свою красивую и стройную ножку въ розовомъ трико и медленно водила носкомъ по ковру.

— Да, господа... Скоро, очень скоро. Какъ только кончится война.—И она вздохнула.

— При чемъ тутъ война?

— До сихъ поръ это было секретомъ, но теперь я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ даетъ мнѣ право объявить объ этомъ всѣмъ и каждому. Вы, Охлестышевъ, кажется, корреспондируете въ петербургскія газеты?

— И я тоже! — обиженно завизжалъ Цюцькинъ. — И я тоже—въ московскія!

— Ну, вотъ... Вы даже написать объ этомъ можете.

— О чемъ же именно?

— Да вѣдь я невѣста!.. Развѣ вы ничего не слышали?

— Нѣтъ, ничего. Чья? Вотъ новость-то!.. Божественная замужъ выходитъ.

— Но, надѣюсь, что несравненная при этомъ не оставляетъ сцену, нѣтъ?.. И, главное, какъ это вдругъ... Ахъ, какія у васъ ножки!

— Послушайте, Цюцькинъ вы совсѣмъ разсовались...

— Что же это у васъ—сразу?

— О, нѣтъ. Это было давно рѣшено, но, знаете, его служебное положеніе, семейные предразсудки, все это мѣшало.

И ногой въ розовомъ трико она отбросила прочь какую-то тряпку, валявшуюся на полу.

— Кто онъ? Кто этотъ счастливецъ?—пристали къ ней.

— Скажу вамъ, такъ вы изумитесь. Впрочемъ, онъ мнѣ писалъ на-дняхъ, чтобы теперь я даже, напротивъ, старалась при-

дать этому возможную гласность. Вы даже можете въ газеты его пустить, особенно въ столичныя...

— Я сейчасъ, божественная.

— Это мы въ минуту, несравненная. — И Цюцькинъ гнилыми зубами ткнулся ей въ руку.

— Завтра же.

— Хотите, телеграфирую, если угодно... Но кто, кто?

— Анисимовъ!

Охлестышевъ и Цюцькинъ ахнули, разинули рты и уставились на Софью Васильевну. Та скромно улыбалась и совершенно спокойно начала покрывать пудрой плечи и шею.

— Чего-съ?.. Это тотъ, который...

— Именно.

— На войнѣ что?..

— Ну, да!.. Вонъ, онъ...

И она бросила имъ бывшую у нея всегда съ собой карточку Анисимова.

— Невозможно, божественная...

— То есть это сказка какая-то...

— Отчего же сказка? Что съ вами сдѣлалось? Чего вы глаза таращите?.. Какой вы смѣшной, Охлестышевъ... Точно баранъ.

— Нѣтъ, позвольте, Софья Васильевна, какъ же это... Вы насъ морочите, что ли? Положимъ, соблазнъ великъ,—и онъ скользнулъ взглядомъ по обтянутой въ трико ногѣ...—Я согласенъ. Ничего лучше не найдешь... Но Анисимовъ!..

— Что же, показать вамъ его письма?

— Нѣтъ, помилуйте, мы и такъ вѣримъ. Поздравляю.

— Поздравляю...

И оба кинулись цѣловать ей руки.

— Мы это сейчасъ же въ газету...

— Только, пожалуйста, и въ Петербургъ, и въ Москву... Пріѣзжайте ко мнѣ чай пить послѣ спектакля, я разскажу вамъ всѣ подробности, рѣшительно всѣ... Вы узнаете, въ чемъ дѣло...

— Божественная!.. Я сейчасъ телеграмму...

— И я... и я телеграмму...

— Нѣтъ, телеграммъ не надо, вы сдѣлаете это, какъ я хочу... А теперь andate al diavolo!.. Мнѣ сейчасъ выходить... Слышите? Жанета, гони ихъ вонъ...

— Барыня,— нерѣшительно спросила ее горничная, когда тѣ вышли,—что же это такое?.. Развѣ правда, что Сергѣй Николаевичъ...

Нѣжина, глядѣвшая въ зеркало, повернула назадъ къ ней голову и расхохоталась.

— Разумѣется, неправда!.. Понятное дѣло, неправда...

— Что же это вы такое дѣлаете?

— Хочу, чтобы его превосходительство посумасшествовалъ отъ злости нѣсколько дней. Въ самомъ дѣлѣ—ему, лавровѣнчанному, и вдругъ супруга изъ «цыганскихъ пѣсенъ». Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ,—стиснула она зубы, — наши счеты далеко еще не кончены, и если вы платите по своимъ, такъ и я тоже исправная плательщица... А смѣяться-то какъ буду потомъ!.. Жанета, меня наша портниха одѣнетъ, а ты послѣ театра сейчасъ же поѣзжай домой и приготовь мнѣ ужинъ, и чтобы шампанское было. Слышала?.. Тебя, впрочемъ, нечего учить, ты знаешь сама, какъ это дѣлается... Ха-ха-ха... Хотѣла бы я видѣть въ эту минуту того, который и проч., и проч., и проч., именно въ первую минуту. Бѣдные адъютанты, какъ имъ достанется-то... Чего ты-то большіе глаза дѣлаешь?.. Будущая генеральша Анисимова—тру-ля-ля! Ну, пожалуйста, не серьезничай... Не качай головой. Не первый разъ мнѣ дѣлать глупости, да и не въ послѣдній... Особенно теперь это кстати. Недавно газеты сплетничали насчетъ меня и этого турка Абдулки.

— Вѣдь ничего не было, барыня!—вспыхнула Жанета.

— Еще бы было! А я нарочно подавала поводъ думать, что было. Пускай думаютъ... Вѣдь ты знаешь—до него все это дошло!.. Все.

Софья Васильевна точно ожила. Она никогда не чувствовала себя такъ весело, какъ послѣ этой бесѣды съ музыкальными критиками. Она играла, какъ никогда. Театръ дрожалъ отъ аплодисментовъ и крика сумасшествовавшей публики. Купецъ Свирѣповъ, забывъ свое вчерашнее воздухоплаваніе, сорвался

съ мѣста, какъ бѣшеный, бросился къ ювелиру—и, увидя, что магазины всѣ заперты, укралъ у сестры бриллiантовый браслетъ и швырнулъ его на сцену Нѣжиной.

— Вотъ мы какъ!—побѣдоносно оглядывался онъ.—Аль у насъ денегъ нѣтъ... Ничего не жалѣю.

Въ райкѣ даже, когда она съ разыгравшагося комика носкомъ ноги сбросила корону, въ которую былъ вправленъ огарокъ стеариновой свѣчки, закричали ура!.. Потомъ подносились цвѣты и вѣнки; недоучившіеся гимназисты бросали сверху безграмотные стихи и сами были готовы послѣдовать за ними вверхъ ногами.

Наскоро переодѣвшись въ палевый пеньюаръ свой, Нѣжина сѣла въ карету и поѣхала домой.

Охлестышевъ и Цюцькинъ были уже тамъ.

— Божественная... Несравненная!—встрѣтили они Софью Васильевну.—Вы, ей Богу, не шутили намъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?..

— Да съ какой стати я шутить буду. Что вы? Помилуйте...

— И вы оставляете сцену, разумѣется?

— Зачѣмъ?.. Я ему поставила условіемъ, что выхожу замужъ, но остаюсь артисткой. Я ни для кого не откажусь отъ искусства.

— Знаете, мы сейчасъ напишемъ...—вскочилъ Цюцькинъ.

— А у меня уже готово. Хотите, прочту?—предложилъ ей Охлестышевъ.

— Пожалуйста. Когда вы успѣли?

— Въ послѣднемъ антрактѣ я ушелъ въ буфетъ и уже не слушалъ оперетку вовсе... Знакома! Да и у васъ, божественная, тамъ мало... Вотъ послушайте: «Случевскъ (корреспонденція «Часового»). Тутъ, знаете, сначала будетъ нѣсколько словъ о нашемъ театрѣ... Постойте. Кузьминъ... очарователенъ въ партіи... Ну, это не о васъ... Вотъ: «что касается до нашей божественной дивы, Софьи Васильевны Нѣжиной, то всякій разъ, когда я принимаюсь писать о ней, мнѣ кажется—слово человѣческое блѣдно, чтобы достойно изобразить эту очаровательницу... Вы уже знаете ее. Вы раньше насъ сходили съ ума по ней лѣтомъ... Вы помните ее и въ «Цыганскихъ пѣсняхъ», и въ

«Корневильскихъ колоколахъ», и въ «Боккачіо». Вы помните, какъ она неподражаемо поетъ: «такъ холить надо почку», или, какъ граціозно и съ такимъ шикомъ приподымаетъ платье въ предѣлахъ, установленныхъ цензурой, въ аріи: «Смотрите здѣсь, смотрите тамъ»... Вы, разумѣется, не забыли, какъ въ опереткѣ «Утка о трехъ носахъ» она кудахтаетъ и бьется руками, какъ крыльями. Ея «кудъ-куды, кудъ-куды», разумѣется, стоитъ серебряныхъ трелей Патти... О, «кудъ-куды... кудъ-куды!..» Куда ты, въ какой волшебный міръ заносишь насъ? Можемъ увѣрить васъ, столичныхъ зрителей, что мы не только такого исполненія не знали до сихъ поръ, но болѣе—въ нашемъ Случевскѣ еще и не видѣли такихъ красивыхъ женщинъ. Какой бюстъ, какія ноги!.. Во время спектаклей воздухъ пышетъ тропической жарой отъ поцѣлуевъ, мысленно посылаемыхъ публикою этой сиренѣ. Такого изумительнаго колѣна, такихъ художественныхъ икръ мы даже не считали возможными. Въ одной ея спинѣ больше поэзіи, чѣмъ во всѣхъ стихахъ современныхъ поэтовъ... И въ какой спинѣ! Кто не помнитъ этихъ покатыхъ и круглыхъ плечъ, этой шеи, такъ гордо стоящей на бѣломъ и изящномъ тѣлѣ. Мы не разъ присутствовали, когда г-жа Нѣжина одѣвалась въ уборной, и можемъ засвидѣтельствовать, что оно вовсе не нуждается въ бѣлилахъ и притираніяхъ даже на сценѣ. Это—снѣгъ по бѣлизнѣ, шелкъ по нѣжности и блеску; на-дняхъ наша божественная выступаетъ въ отечественной опереткѣ «Хватай за хвостъ», написанной мѣстнымъ поэтомъ Пархатовымъ и положенной на музыку г. Васюкинымъ, нашимъ собратомъ по музыкальной критикѣ. Въ опереткѣ «Хватай за хвостъ», больше чѣмъ гдѣ-нибудь, наша публика оцѣнитъ очаровательницу, потому что тамъ, кромѣ трико, вмѣсто всей одежды ей полагается только поясъ, въ родѣ тѣхъ, которые носятъ дикіе на островахъ Южнаго океана...

«Но, увы, на свѣтѣ не все розы; мы только что узнали очень важную новость и спѣшимъ подѣлиться ею со всѣми, кому дорого искусство. Госпожа Нѣжина—эта идеальная Серполета, Стеша, и проч., и проч., и проч.—выходитъ скоро (по окончаніи войны) замужъ. И за кого же!.. Держу пари, что самый

проницательный читатель не угадаетъ, а, узнавъ отъ насъ объ этомъ, не повѣритъ. Но мы это слышали изъ устъ самой божественной,—изъ устъ, на которыя мы готовы летѣть, какъ мотыльки на огонь... Да, Софья Васильевна Нѣжина выходитъ за славнаго генерала Анисимова, въ послѣднюю войну сдѣлавшагося гордостью Россіи и ея вѣрнымъ щитомъ. Союзъ Марса съ Венерой! Какъ это прекрасно... Но не плачьте вы, кому дорого искусство. Софья Васильевна поставила непремѣннымъ условіемъ герою—что она остается на сценѣ. Герой будетъ рѣзать и покорять, а божественная попрежнему станетъ очаровывать наши взоры прелестью своихъ тѣлодвиженій и чарами своего голоса»...

— Хорошо? Неправда ли, хорошо? — радовался Охлестышевъ своему кабацкому, безцеремонному языку.

— Великолѣпно!—хвалилъ его Цюцькинъ.—Только у меня будетъ еще лучше.

— Вѣдь наша публика какая! «Чтобы ей угодить, веселѣй надо быть, чтобы ей угодить, веселѣй надо быть!»—запѣлъ онъ.

— Отлично... Недостаетъ только одного.

— Чего, чего? Приказывайте, божественная.

— Прибавьте, пожалуйста, вотъ что: «Въ виду свадьбы своей Нѣжина разсталась даже съ пріютившимся было у нея турецкимъ плѣннымъ Абдуломъ, славившимся своею красотою. По поводу этого Абдула здѣсь ходили даже самыя невѣроятныя сплетни, но, не зная, насколько онѣ вѣрны, мы можемъ сказать только, что хорошенькія женщины и артистки имѣютъ свои права, нѣсколько расходящіяся съ условною моралью»...

— Если вамъ угодно! — и изумленный Охлестышевъ приписалъ это.—Я еще прибавлю фразу: «Во всякомъ случаѣ, предавъ забвенію всѣхъ этихъ Абдуловъ, мы не можемъ не сознаться, что Софья Васильевна Нѣжина есть прекраснѣйшее изъ завоеваній Анисимова, и что въ данномъ случаѣ нашъ герой еще разъ побѣдилъ... турокъ!..»

— Браво, браво!..—точно взвился съ мѣста Цюцькинъ.— Браво, браво!—поводилъ онъ носомъ, точно ощущая издали аппетитный запахъ шантажа.

— Собственно говоря, за послѣднюю остроту слѣдовало бы вамъ нарвать уши... Ну, да ужъ такъ... Оставьте, Богъ съ вами. Когда будетъ напечатано, пожалуйста, доставьте мнѣ пятьдесятъ экземпляровъ. Такъ, значитъ, «чтобы ей угодить, веселѣй надо жить»?.. Такъ, Охлестышевъ?

XVIII. Опереточная месть.

— Скажите, пожалуйста, въ какихъ отношеніяхъ вы съ вашимъ кузеномъ Анисимовымъ?—спрашивала Нѣжина на другой день у завтракавшаго у нея губернатора.

— То есть такъ, знаете... Вообще...

— Если «вообще»—слѣдовательно, далеко не дружескія.

— Вообще, очень близки мы съ нимъ никогда не были. Мы его, знаете, считали всегда пустымъ малымъ.

— Да?—загадочно улыбалась Нѣжина, смотря на узкій и покатый лобъ своего собесѣдника.

— Для насъ, для умовъ государственныхъ, Анисимовы являются, разумѣется, шарлатанами, иногда необходимыми и полезными, но всегда подозрительными и опасными. Мы, видящіе далеко и разсчитывающіе впередъ, разумѣется, не должны отказываться отъ услугъ такихъ кондотьери, какъ мой героическій кузенъ, но въ то же время мы вполнѣ понимаемъ необходимость держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Иначе... Иначе...

— Что иначе?..

— Иначе эти господа могутъ надѣлать такой кавардакъ... Талантовъ я въ немъ тоже не признаю никакихъ. Ну, помилуйте, я съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ часто встрѣчался въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, разумѣется, таланты не развиваются. Это кутила, развратникъ, человѣкъ, не признающій ничего, отрицающій семью, семью—вы понимаете, семью, этотъ краеугольный камень общественнаго устройства, эту ячейку, изъ которой...

Но Софья Васильевна долѣе не могла выдержать. Она откровенно расхохоталась.

— Чего вы?—поднялъ брови его превосходительство.

— Да какъ же, помилуйте... Это вы... Вы о семьѣ?

— Я, именно. Я признаю семью какъ общественное учрежденіе. Я...

— Полноте, пожалуйста! У кого она нынче, эта семья!.. Впрочемъ, вы относительно Анисимова въ одномъ не правы. Вовсе онъ не такой ужъ врагъ семьи, какъ вамъ кажется.

— Ну, ужъ позвольте мнѣ знать это. Я не даромъ съ нимъ прожигалъ жизнь вмѣстѣ. Мы не одну тысячу вдвоемъ спустили.

— Да, и тѣмъ не менѣе—Анисимовъ женится.

— Хотѣлъ бы я видѣть его невѣсту! — засмѣялся губернаторъ.

— Вы ее знаете...

— Я?..

— Да, вы именно... Эта невѣста—я... Чего вы?.. Я не шучу. Увѣряю васъ, я не думаю шутить. Еще надняхъ онъ писалъ мнѣ... Вы, пожалуйста, не дѣлайте такихъ минъ... Что же, по-вашему, отчего онъ не можетъ на мнѣ жениться?.. Что я, глупѣе вашихъ дамъ?.. Или развратнѣе ихъ, что ли?..

— Не то... Но вы идете своей дорогой...

— О, дороги скрещиваются, сходятся...

— И расходятся.

— И расходятся... въ тѣхъ случаяхъ, когда жена этого желаетъ.—Она при этомъ посмотрѣла на губернатора съ нескрываемой насмѣшкой.—Мужья, знаете, не всегда разрываютъ съ нами тогда, когда мы хотимъ разрыва. Чаще они все терпятъ, даже обращеніе въ христіанство турка Абдула... Пожалуйста, не сердитесь. Вы скажете, что ваше служебное положеніе мѣшаетъ вамъ принять энергическія мѣры и вызвать скандалъ—до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Рѣшительно никакого. Вы за свое положеніе боитесь, другіе — за свои нервы, третьи — за привычки; только мы, женщины, ничего не боимся и дѣлаемъ все, что намъ угодно, да-съ, все, что намъ угодно... «Рога мужчину украшаютъ, рога даютъ мужчинѣ видъ!»—смѣясь, запѣла она.—И къ вамъ они такъ же идутъ, какъ и къ другимъ. Самые

благоразумные изъ васъ—не ожидая, чтобы надъ ними другіе смѣялись — начинаютъ смѣяться первыми. Вы къ благоразумнымъ не принадлежите...

— Мнѣ рѣшительно все равно, что тамъ дѣлается... Вы знаете, я въ васъ влюбленъ.

— Merci... А семья, краеугольный камень, эта ячейка... и т. д.

— Семья!.. Ея внѣшній декорумъ и соблюдается. Я воленъ имѣть какія мнѣ угодно религіозныя убѣжденія, но для соблюденія престижа церкви, какъ начальникъ губерніи, посѣщаю храмъ...

— Ну... замололи, ваше превосходительство... Хотите доставить вашему кузену очень непріятную минуту? Я вижу, что вы къ нему нѣжныхъ чувствъ не питаете,—засмѣялась она.— Признайтесь, что не очень ужъ вы къ нему привязаны.

— Разумѣется. Помилуйте, всѣ кричатъ — талантъ, талантъ, а какой же это талантъ, когда онъ всю свою жизнь за юбками гонялся.

— Вы ихъ не любите зато...

— Кого?—не понявъ ее, захлопалъ глазами начальникъ губерніи.

— Юбокъ—или женщинъ, что ли.

— Я въ видѣ отдыха отъ государственныхъ занятій. Въ Петербургѣ всѣ наши, напримѣръ, въ балетъ ѣздятъ, почему? Потому что иначе и отдохнуть негдѣ. Не надо ни шевелить мозгами, ни...

— Погодите, ваше превосходительство, не о томъ теперь. Я васъ попрошу вотъ о чемъ: когда вы будете писать Анисимову, спросите его съ добродѣтельнымъ ужасомъ (вспомните семью, камень, ячейку и т. д.), неужели это правда, что онъ женится на мнѣ. Скажите, что вы слышали, будто мы обручены, что я даже показывала всѣмъ его кольцо, ношу его на рукѣ, вотъ оно—видите? Можете снять. Посмотрите, что внутри написано: «Сергѣй». А у него: «Софья». Повѣрили?

— Ничего не понимаю. Дѣйствительно! — изумлялось его превосходительство.

— Понимать вовсе и не нужно. Тутъ дѣло въ другомъ совсѣмъ. Предупредите его, что онъ дѣлаетъ ужасную вещь. Что всѣ изумлены и всѣ надъ нимъ «смѣются» или «жалѣютъ» его. Не забудьте: «смѣются или жалѣютъ». Потомъ распишите мои похожденія. Объ Абдулѣ не забудьте.

— Да вѣдь съ Абдуломъ-то ничего у васъ не было!

— Правда! А вы все-таки напишите. Напишите, что я чуть съ театральными ламповщиками не связывалась, и что цѣна на меня упала до двадцати пяти рублей...

— Послушайте... Я никогда не напишу ничего подобнаго.

— А я вамъ говорю: напишите!—И она положила на его руки свои и горячими, полными страсти глазами взглянула прямо въ его тусклые и лишенные рѣсницъ глаза.

— Ну, положимъ, напишу. Что же изъ этого? Зачѣмъ, почему? Какія ваши цѣли?

— А это ужъ не ваше дѣло. Но вы это сдѣлаете сегодня же... Или... или и не показывайтесь мнѣ совсѣмъ. Да еще какъ— написавъ письмо, пришлите его ко мнѣ, я прочту и сама отправлю: почта противъ меня. Слышите? Это будетъ сдѣлано?

— Да развѣ можно не исполнить чего-нибудь, что вы себѣ забрали въ голову?

— Какъ это вѣжливо! За это можете поцѣловать мнѣ руки...

— На обѣ корки, какъ говоритъ вашъ Кузьмичъ?

— Да! только вытрите губы. Почему это, право, у всѣхъ у васъ онѣ мокрыя всегда?

— Послушайте, Софья Васильевна, когда же вы перестанете меня мучить?

— То есть какъ? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Ну, когда же, когда—вы не будете такъ отъ меня далеко? Когда вы будете моей?

— Хотите знать это?

— Еще бы!

— Когда вы разрушите свою «ячейку»... Какъ это по-вашему: семья—ячейка!—засмѣялась она.—Ну, вотъ, когда вы

разойдетесь изъ-за меня формально съ Надеждой Викентьевной—такъ, кажется, зовутъ вашу жену?.. Что это, какъ ей не стыдно—бѣлые шерстяные чулки носить. Садится она сегодня въ карету. Вся обвязана—и бѣлые шерстяные чулки, чортъ знаетъ что... А Абдулъ ее подсаживаетъ, уперся, знаете, въ нее растопыренными ладонями и облегчаетъ восхожденіе на подножки... И вдругъ двѣ толстыя ноги въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ! Скажите, пожалуйста, отчего у нея всегда такіе скверные корсеты? Всегда каймой верхней наружу, точно у нея трудъ на блюдѣ лежитъ... И что это за манера горбиться. Совсѣмъ, простите меня, индюшка, замаравшая лапы въ известкѣ. Потомъ этотъ красный носъ и батровый цвѣтъ лица! Богъ знаетъ, что такое! Развѣ вамъ такая нужна жена? Вы съ большой будущностью—и вдругъ у васъ въ салонѣ такая кувалда...

— Послушайте!—кривлялся, какъ береста въ огнѣ, возмущенный сановникъ.

— Погодите, дайте мнѣ кончить. Вамъ нужна красавица, умная, вамъ нуженъ такой огонекъ, на который бы всѣ государственные мотыльки летѣли! А то! И хорошъ французскій языкъ вашей супруги! Про своего папашу говоритъ: il est mouru. Великолѣпно! Вмѣсто я спала — j'ai couché... Еще лучше!.. Развѣ у васъ глазъ нѣту, развѣ вамъ это нужно?

— Экая вы... язва!

— Ну, представьте меня у васъ въ салонѣ. Пріѣхалъ бы къ вамъ министръ—и ужъ я бы заставила его пріѣхать. Что же вы думаете, не опалилъ бы онъ своихъ крылышекъ?..

— Дда!.. Пожалуй...

— Такъ вотъ, ваше превосходительство, разойдитесь съ женой—и я ваша.

— Зачѣмъ вамъ это?—удивился онъ.

— Потому что я женю васъ на себѣ.

— При живой женѣ! Этого я даже и не слыхалъ

— Это устроимъ, не безпокойтесь. Только дураки не видятъ исхода... Не ваше горе будетъ заботиться объ этомъ.

— Вы, разумѣется, шутите, Софья Васильевна, а Анисимовъ? Женихъ-то вашъ какъ же?

— А Анисимовъ тогда останется при пиковомъ интересѣ. И стоитъ—подѣломъ вору и мука будетъ.

— Вы—демонъ, а не женщина! Вы можете до преступленія довести человѣка.

— Э, полноте, только что не дура. И себя продешевить не желаю. Вы со мной, посмотрите, какимъ умнымъ человѣкомъ прослывете! Сами на себя не нарадуетесь... А письмо вечеромъ привезите непремѣнно, слышите? Пріѣзжайте ужинать ко мнѣ; не морщитесь, борзописцевъ не будетъ. Это васъ коробитъ, что я васъ тогда съ Охлестышевымъ познакомила... Вы знаете—печать сила великая,—смѣялась она. — А пока что—посовѣтуйте генеральшѣ не носить шерстяныхъ, да еще бѣлыхъ чулокъ. Вотъ видите — какъ нужно? — И она протянула свою ногу...—И гдѣ она башмаки такіе беретъ? Или нога у нея четырехугольная, что ли?

А сама она такъ и дразнила губернатора своей, дѣйствительно, изящно одѣтой и обутой, ножкой. Голубой ажурный чулокъ ея былъ внизу вышитъ красивою черною стрѣлкой, крошечныя туфли, шитыя золотомъ по голубому бархату, казалось, едва держались; она повела носками и сбросила ихъ.

— Хорошо?.. Гдѣ вы такой подъемъ видѣли?

— До свиданія!—и сановникъ вскочилъ, весь красный.—Съ вами совсѣмъ голову потеряешь... Чортъ знаетъ что такое!

«А въ самомъ дѣлѣ, отчего не выйти за него замужъ? — думала Софья Васильевна, оставшись одна.—Положимъ, онъ гадокъ и деревяненъ. Ну, да это ничего. Мы его обдѣлаемъ. И даже быстро».

И новые планы зашевелились въ ея хорошенькой головкѣ.

XIX. Анна Егоровна на своемъ дѣлѣ.

Когда Сергѣй Николаевичъ очнулся, въ комнатѣ было уже темно.

Въ плечѣ у него мозжило... Очевидно, онъ весь день пролежалъ въ бреду. Послѣднее, что онъ помнилъ, было удивленно-

встревоженное лицо Бухманова, наклонившееся къ нему. На этомъ кончалась дѣйствительность его воспоминаній. Потомъ изъ какого-то серебристаго тумана то выплывало, то опять пряталось въ него лицо Анны Егоровны. Онъ именно зналъ, что это было ея лицо—ея длинныя рѣсницы, ея кроткіе глаза... Почему только оно появлялось временами и потомъ опять исчезало?—Ему бы хотѣлось все время глядѣть на него. Теперь онъ хорошо понималъ, что это былъ бредъ. Мечта казалась дѣйствительностью. Теперь онъ лежалъ, не двигаясь. Послѣ всего пережитаго такъ пріятна была эта теплая комната, эта мягкая постель. Онъ боялся только одного: чтобы не скрипнула дверь, чтобы кто-нибудь не вошелъ нарушить этотъ царствовавшій вокругъ него торжественный покой. Откуда-то лился въ комнату тусклый свѣтъ. Онъ не видѣлъ—откуда, но этотъ свѣтъ не безпокоилъ глазъ его, онъ былъ ему пріятенъ. Въ этомъ свѣтѣ едва-едва выступали: противоположная стѣна съ повѣшенной на нее картою, столъ, прислоненный туда и заваленный бумагами... Сколько работы—и все даромъ, все Богъ знаетъ зачѣмъ. Чтобы другой воспользовался... Да еще не сумѣютъ воспользоваться... Погубятъ дѣло, для котораго онъ столько потрудился... Онъ зажмурился опять и хотѣлъ заснуть, но нервы расходились; ему было тяжело дышать. Чувствовалось, будто въ комнатѣ мало воздуха, безпредметная тоска давила его... Онъ хотѣлъ повернуться самъ, но въ плечѣ такъ заломило, что онъ громко простоналъ, и тотчасъ же подлѣ его кровати послышался шорохъ. Онъ посмотрѣлъ туда. Оказалось, позади, за его головою, сидѣла какая-то сестра милосердія. Неслышными шагами она подошла къ нему и наклонилась... Да, это ея рѣсницы, ея кроткія, грустныя очи... Неужели она уйдетъ опять въ этотъ серебристый туманъ, колышась, точно плавая въ немъ... Вотъ она все ниже и ниже наклоняется къ нему... Онъ чувствуетъ на своемъ лицѣ ея легкое дыханіе. Неужели это дѣйствительность? Онъ все-таки боится проговорить хоть одно слово, чтобы не спугнуть это видѣніе и не остаться опять одному...

— Не спите?—проговорила Анна Егоровна, наклоняясь къ нему.

Онъ смотритъ на нее молча; ея голосъ, ея взглядъ успокаиваютъ его, и въ плечѣ не такъ мозжитъ.

— Лучше вамъ? Не болитъ?

Онъ молча улыбается ей и видитъ въ ея глазахъ слезы.

— Это—вы? Какая вы добрая, какъ я благодаренъ вамъ. Какъ благодаренъ вамъ...

— Да, я съ вами останусь, пока вы не выздоровѣете.

— Счастливая рана!—И онъ опять молча смотритъ на нее, слѣдуетъ взглядами за нею. Она поправляетъ его одѣяло.

— Какъ похудѣла!—говоритъ онъ.—Ты себя замучила на работѣ? Да?

Она улыбнулась ему, и онъ видитъ, что ея улыбка безъ горечи... И ему самому становится отъ этого такъ ясно и тихо на душѣ.

— Я счастлива теперь!—говоритъ она.—Эта работа такъ наполняетъ жизнь. Не даетъ думать!

— Послушай. Если придутъ они, не пускай ихъ.—Онъ не зналъ, кто они, но онъ не хотѣлъ видѣть никого. Ему страшно было думать, что посторонніе могли нарушить это спокойное и тихое сознаніе ихъ близости, — сознаніе того, что онъ и она вдвоемъ здѣсь и одни, что никто не помѣшаетъ ему смотрѣть на нее, не заслонитъ отъ него этого блѣднаго личика, этой тоненькой фигурки...

— Кто они?—улыбается опять она, и такъ красиво улыбается. Этой благодарной улыбки онъ не видалъ у нея прежде.—Кто они? Докторъ? Онъ будетъ скоро. Ему нужно спросить у васъ—остаетесь ли вы здѣсь, или хотите отправиться въ Россію опять?

— Здѣсь, здѣсь!..—И новая волна иныхъ впечатлѣній на мгновеніе заливаетъ все остальное.—Здѣсь, здѣсь. Когда я буду здоровъ?

— Не раньше двухъ недѣль.

— Господи!.. Двѣ недѣли! Черезъ двѣ недѣли Константинополь былъ бы въ моихъ рукахъ... Двѣ недѣли! За каждый день изъ этихъ двухъ недѣль я бы заплатилъ годомъ остающейся мнѣ

жизни. Впрочемъ, что жъ... Вѣдь отрядъ мой у Селиверстова теперь. Что же я могъ бы сдѣлать?.. Разумѣется, ничего. Надо, значитъ, недѣли двѣ лежать. Нѣтъ, только не въ Россію. Я долженъ быть здѣсь. Здѣсь именно, только прошу тебя — ты не оставляй меня, пока... пока я безсиленъ.

— Это и лучше. Во время длиннаго переѣзда могло бы ухудшиться положеніе.

— Что сказалъ докторъ? Тронута кость? Только правду— мнѣ ничего не страшно.

— Нѣтъ, напротивъ. Ничего важнаго. Очень трудно было вынуть пулю, и вы мучились сильно... Потомъ бредъ начался. А теперь все пойдетъ лучше. Надо только избѣгать сильныхъ волненій и не думать ни о чемъ. У васъ, по словамъ его, организація богатырская, но нервы разбиты, какъ у женщины... А теперь, Сергѣй Николаевичъ, молчите. Если хотите, я стану вамъ читать что-нибудь...

И она сѣла у его кровати.

Онъ не различалъ словъ, когда она читала. Ему было пріятно слушать ея голосъ, смотрѣть на нее. Послѣ всей этой сумасшедшей дѣятельности минуты покоя наполняли его душу какою-то тихою радостью. Онъ думалъ и мысли его были далеки отъ великихъ и славныхъ цѣлей, еще недавно волновавшихъ его. Напротивъ, ему отрадно было мечтать, что удастся уйти съ нею куда-нибудь въ глушь, далеко-далеко. Туда, гдѣ голубое море ласково набѣгаетъ въ тихіе берега, развертывая на ихъ отмеляхъ пышныя кружева своей пѣны; гдѣ кипарисы и тополи точно рвутся изъ тѣсныхъ объятій роскошной зелени олеандровъ и туберозъ, гдѣ виноградъ перекидывается, точно паутиной, съ одного дерева на другое, и сѣти его тихо колышутся подъ шаловливо набѣгающимъ вѣтромъ. Онъ хорошо помнилъ и такое море и такіе сады... Далеко отсюда, на Средиземныхъ берегахъ, подъ горячимъ солнцемъ, раскинулись они, обступая бѣломраморныя виллы со стройными колоннами и плоскими кровлями... Въ самомъ дѣлѣ, къ чему еще дальнѣйшія разочарованія? Развѣ мало приходилось, скрѣпя сердце, дѣлать уступокъ, соглашаться на

невозможныя условія, разбивать всю свою жизнь, и къ чему все это! Чтобы, въ концѣ-концовъ, явился кто-нибудь со стороны, оттолкнулъ тебя локтемъ и сталъ за тебя портить твое дѣло. Нѣтъ, кроткая тишина тѣхъ садовъ, лазурь того моря, синева того неба—гораздо лучше. И эта измученная дѣвушка оправится и расцвѣтетъ подъ тѣмъ солнцемъ. Румянецъ выступитъ на ея блѣдныхъ щекахъ, глаза ея загорятся, и вся она оправится, сдѣлается сильнѣе, увѣреннѣе, счастливѣе. Скорѣй бы только...

А родина?.. И онъ нервно шевельнулся и застоналъ.

Какъ бросить ее—эту холодную и задумчивую страну, на загадочномъ просторѣ которой онъ считалъ себя однимъ изъ немногихъ избранныхъ бойцовъ? Уйти отъ ожидающихъ его битвъ съ неправдой и ложью, со всѣхъ сторонъ, словно тучи, окутавшихъ родину?.. Развѣ на эту войну онъ не смотрѣлъ только какъ на искусъ, послѣ котораго начнется настоящее большое дѣло? Онъ создалъ себѣ имя, теперь его знаютъ всѣ—и когда онъ вернется, ему ужъ не надо быть въ рядахъ другихъ, за нимъ пойдутъ тѣ, кто слабъ, кто нерѣшителенъ и робокъ. Уйти, потому что самолюбіе его оскорблено, потому что ему на шею посадили бездарность! Какое безсиліе, какую жалкую душонку нужно на это Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, что бы то ни было. Вынести все—пусть ему завидуютъ; теперь уже не придавишь, не уничтожишь его. Полная несправедливость къ нему—только еще выше подымаетъ его, всякій ударъ по немъ отзовется въ сердцахъ милліоновъ знающихъ и вѣрящихъ ему людей. Да, рано, рано отдыхать!.. То голубое море, тѣ бѣломраморныя виллы, та горячимъ солнцемъ взлелѣянная страна прекрасна, но прекрасна какъ мечта. Суровая дѣйствительность зоветъ его въ снѣжную родину, и ей онъ останется вѣренъ, именно ей.

И онъ опять сталъ прислушиваться къ чтенію

— Анна Егоровна!.. Бросьте книгу... Богъ съ нею... Давайте лучше говорить... Разскажите мнѣ, что вы дѣлали у брата?

— Мнѣ жаль вашего брата, Сергѣй Николаевичъ.

— Что такъ?

— Жаль его душевно!.. Мнѣ было больно видѣть, что тамъ дѣлалось, и слышать все... Онъ точно въ сказкахъ великанъ. Громоздитъ скалы на скалы, непомѣрной силой своей сворачиваетъ цѣлыя горы... А кругомъ... Вѣдь какъ его грабятъ! Знаете—если бы не случилось войны, я все же сбѣжала бы оттуда. Ни одной честной души кругомъ. Ни одной!..

— Я не совсѣмъ понимаю васъ.

— Такъ. Именно, одинъ въ полѣ не воинъ. Онъ думаетъ, что для народа? И народъ его любитъ, а пользуются всѣмъ его любимицы. Онъ, знаете, времени не имѣетъ присмотрѣться къ нимъ. Ему слишкомъ много надо думать и дѣлать,—ну, и довѣряется... А какіе это люди, о, если бы вы только видѣли!.. Одинъ въ полѣ не воинъ! Ничего, ничего и не сдѣлаетъ онъ. Единственная честная душа была тамъ—молодой учитель—не выдержалъ, ушелъ. Ему тяжело было видѣть всю эту мерзость.

— Братъ знаетъ, что его обманываютъ, но ничѣмъ въ немъ не истребишь этой вѣры въ людей.

— Не знаю, можетъ быть, такъ лучше...

И онъ опять сталъ смотрѣть на ея головку, освѣщенную свѣтомъ лампы изъ-подъ темнаго абажура... Когда пришелъ докторъ, онъ уже дремалъ со счастливымъ лицомъ, спокойный, даже во снѣ чувствуя ея присутствіе около себя.

Дни шли за днями. Къ Анисимову утромъ приходили его офицеры, знакомые; вечера зато онъ оставался одинъ съ нею, и ничего лучшаго ему не было нужно. Подъ вліяніемъ ли болѣзни, но въ немъ улеглись всѣ порывы, всѣ честолюбивыя желанія. Даже когда ему сообщали о глупостяхъ Селиверстова, онъ только улыбался снисходительно. Точно на него нашло какое-то просвѣтлѣніе, отчего всѣ огорченія представлялись ему мелкими и ничтожными.

— Оставьте его! Не передѣлаешь вѣдь. Ну, привыкъ человѣкъ такъ.

— Помилуйте, онъ портитъ все, что задумали вы. Какъ оставить—это ужасно. Сегодня, напримѣръ...

И вслѣдъ за этимъ начинался разсказъ о новыхъ дѣяніяхъ Селиверстова.

Но Анисимовъ, не дослушивая, задумывался совсѣмъ о другомъ. Ему даже странно было, какъ прежде—еще нѣсколько дней назадъ—все это могло до такой степени раздражать его,—все, казавшееся теперь такимъ малымъ и жалкимъ? Его точно на высоту подняло, откуда всѣ размѣры сократились, и даже все его прошлое казалось уже крошечнымъ. Раздвигались другіе горизонты, рождались идеи, какихъ онъ прежде не зналъ. развивались чувства, давно уже лежавшія въ его душѣ въ зародышѣ. Что же, пусть дѣлаютъ частныя ошибки—все равно, дѣло идетъ уже къ концу, и тотъ или другой изъ людей не измѣнятъ его результатовъ. Двумя-тремя блестящими дѣлами меньше, двумя-тремя глупостями больше—вотъ и все. А между тѣмъ что будетъ потомъ,—работа, которая ждетъ его у себя дома, представлялась ему гораздо болѣе важной. Это не было то изо дня въ день муравьиное труженичество, которое онъ видѣлъ у брата,—нѣтъ. Ему мерещилось, что родина уже теперь открываетъ сонныя очи свои и готовится сбросить съ себя апатію и недвижное спокойствіе, мало чѣмъ отличающееся отъ смерти. Ему чудилось, что сквозь ея ледяныя ризы уже просочились живые ручьи, и дыханье тепла мало-по-малу воскрешаетъ скованныя зимними стужами силы. Быть однимъ изъ рыцарей весны—вотъ что ждало его теперь... Это еще лучше, что онъ теперь прикованъ къ постели: можно, по крайней мѣрѣ, вдуматься въ свое прошлое и настоящее. За нимъ много того, что надо искупить, и прежде всего—эта чудная и милая дѣвушка, которая такъ много простила ему и первая послѣ того пришла служить ему...

Онъ уже чувствовалъ себя гораздо лучше. Раны его оказывались пустяками.

— Черезъ недѣлю, пожалуй, и на коня сядете!—утѣшалъ его докторъ, придя къ нему какъ-то утромъ.

— Пора, я уже усталъ лежать.

— Скучаете?

— Нѣтъ, отчего скучать? Только не слѣдуетъ баловаться слишкомъ.

Въ это именно утро ему было доставлено нѣсколько писемъ. Одно оказалось отъ его кузена. Съ первыхъ строкъ Анисимовъ удивился, потомъ расхохотался и, наконецъ, раздосадовалъ.

Ему писали о томъ, что въ Россіи ходятъ слухи о близкой женитьбѣ его на Софьѣ Васильевнѣ Нѣжиной; затѣмъ слѣдовали извѣстія о ней, изложенныя такъ именно, какъ хотѣлось этой предпріимчивой дѣвицѣ «изъ цыганскихъ пѣсенъ».

— Не хотите ли, Анна Егоровна, прочесть это?—протянулъ онъ ей посланіе своего двоюроднаго брата.

— Какая гадость!—вспыхнула она.—Кто это смѣетъ такъ шутить надъ вами?

— Это ея шутки. Той самой Нѣжиной. Я зналъ, что такъ все это не кончится.

И онъ замолчалъ, сообразивъ, что именно при Аннѣ Егоровнѣ нельзя говорить о томъ, что было между нимъ и Софьей Басильевной.

Черезъ нѣсколько дней еще ему была доставлена цѣлая пачка газетъ съ появившимися уже на ихъ страницахъ новостями о его предстоящемъ бракѣ. Все это, написанное тѣмъ кабацкимъ языкомъ, какимъ именно пишутся подобныя вещи, самою своею пошлостью раздражало его. За газетами явились безчисленныя письма отъ родныхъ и знакомыхъ: одни — съ поздравленіями, другія—съ вопросами, третьи—негодующія, четвертыя—съ дурно скрытою насмѣшкою. Анисимовъ, наконецъ, бросилъ читать ихъ.

— Сами собой сплетни эти рухнутъ! — говорилъ онъ.— Пусть ихъ! Кто меня знаетъ, тотъ этому не повѣритъ.

Но онъ ошибался и въ этомъ случаѣ.

Въ концѣ-концовъ онъ получилъ очень тревожное посланіе отъ своего брата Петра. Тотъ убѣждалъ его совершенно серьезно не губить своего будущаго и не связывать свою судьбу съ какой-то опереточною дивой и т. д.

— Они всѣ съ ума сошли! — крикнулъ онъ уже въ пароксизмѣ бѣшенства, и послѣ этого ему стало гораздо хуже.

Онъ чувствовалъ, что какое-то море пошлости неимовѣрной разливается вокругъ него, что тамъ, въ Россіи, гдѣ онъ еще недавно собирался работать и бороться, его имя связывается съ именами банальными, съ репутаціями оперсточныхъ дивъ, съ низменными сплетнями; что жизнь его каждому является открытою книгою, и не настоящая жизнь, съ ея думами, мечтами и стремленіями, а выдуманная, засиженная и загаженная всевозможною сволочью. Какія только грязныя руки не копаются теперь въ его душѣ, въ его прошломъ! Нервное состояніе, въ которомъ онъ находился все это время, еще сгущало краски всѣхъ этихъ, имъ самимъ представляемыхъ картинъ, усиливало впечатлѣнія. Онъ бѣсился, сознавая себя прикованнымъ къ постели...

— Что же вы могли бы сдѣлать?—просто спросила Анна Егоровна.

— Какъ что?

— Разумѣется. Есть ли возможность у васъ бороться тѣмъ же оружіемъ? Вѣдь не станете же вы печатать въ газетахъ опроверженіе слуховъ о вашей женитьбѣ? Это сдѣлало бы васъ еще смѣшнѣе!

Да, онъ чувствовалъ, инстинктивно чувствовалъ, что онъ смѣшонъ, именно смѣшонъ. Вчерашній герой, отнимающій у спереточнаго лупанара диву изъ «цыганскихъ пѣсенъ», чтобы прикрыть ее лучами своей собственной славы, побѣдитель турецкихъ армій, кончающій блистательною побѣдою надъ туркомъ Абдулкой, пользовавшимся ласками его будущей супруги! Онъ зналъ, какъ цѣпко держатся у насъ сплетни, какъ онѣ ширятся, точно круги на водѣ. Онъ зналъ, что даже тѣ, которые имъ не вѣрятъ, по подлой русской привычкѣ, будутъ съ наслажденіемъ повторять и разносить ихъ повсюду. Онъ зналъ, что эта женская, чисто женская месть сразу отнимаетъ значительную часть обаянія. Жди еще, пока опомнятся; жди, пока поймутъ, какъ все это пошло и гадко. Да и опомнятся ли? А его

враги, какъ они образуются всему этому! Даже здѣсь теперь— на сколько ладовъ все это толкуется и повторяется!..

Въ одну изъ минутъ, когда онъ волновался и мучился больше всего, къ нему пріѣхалъ одинъ изъ недруговъ.

— Генералъ Селиверстовъ!—доложили Анисимову.

— Чего еще этому нужно? Пускай идетъ къ чорту! Скажите, что не принимаю... Впрочемъ, нельзя... Обидится... Просите.

Сіяющій, съ румяными щеками и блестящей лысиной, съ нафабренными и зачесанными кверху усами—генералъ сегодня былъ радостенъ, какъ никогда. Блѣдный и мрачный Анисимовъ съ ненавистью посмотрѣлъ на него, свѣжаго и здороваго.

— Ну, что, вамъ лучше? Да? Если бы вы знали, какъ я радъ, какъ я радъ... Кстати, я получаю отдѣльный отрядъ, имѣющій особое назначеніе такъ, что вы, генералъ, теперь, по выздоровленіи, вступаете въ командованіе своимъ

Анисимовъ приподнялся даже на подушки.

— Только, знаете ли, какъ я тамъ ни защищалъ вашъ планъ окончательнаго удара турецкой арміи,—не хотятъ и слышать.

— Почему?

Селиверстовъ, негодуя, пожалъ плечами.

— Воображаю, какъ вы защищали!—не выдержалъ Анисимовъ.—Воображаю.

Генералъ обидѣлся и выпучилъ грудь колесомъ.

— Цѣлый день доказывалъ. И въ концѣ-концовъ приказано отрядъ передать вамъ съ тѣмъ, чтобы вы, ожидая приказаній, не предпринимали ничего. Впрочемъ, вы, все равно, теперь были бы не въ состояніи.

— Вы говорите о моей ранѣ?

— Да! Погорячились, батюшка.

— Она затянулась, но на-дняхъ я буду уже въ сѣдлѣ. Я позволю себя лѣчить, пока я не нуженъ.

— Кстати, можно васъ поздравить? Вчера тамъ всѣ говорили объ этомъ.

— О чемъ?—И Анисимовъ сжалъ зубы.

— О вашей женитьбѣ на... какъ это... Нѣжина. Молодые адъютанты тамъ хорошо знаютъ ее. Князь Балмошновъ разсказывалъ: каждый, говоритъ, вечеръ букетъ ей, а со Шлиттеромъ сколько разъ она ужинать ѣздила. Что дѣлать, батюшка, требованія сцены.

— Я, право, не знаю, о чемъ вы говорите.

И вдругъ нежданная мысль блеснула у него въ головѣ, и онъ улыбнулся.

— Я, дѣйствительно, женюсь... Только моя невѣста не такъ далека отъ меня... Если вашему превосходительству угодно познакомиться...

— Еще бы... Буду счастливъ даже.

— Вотъ моя невѣста! Анна Егоровна Торацкая. Генералъ Селиверстовъ.

И онъ указалъ на скромную и робкую сестру милосердія въ углу, которую тотъ не замѣтилъ даже.

Анна Егоровна, державшая въ рукахъ склянку съ лѣкарствомъ, уронила ее на полъ и разбила, переводя встревоженные и недоумѣвающіе глаза свои съ Анисимова на его гостя. Она вся поблѣднѣла и дрожала.

— Да-съ, вотъ моя невѣста, а вовсе не какая-то шлюха!—вырвалось у него.

— Поздравляю, поздравляю... Все-таки я кстати... Все-таки!—растерялся Селиверстовъ.—Я сегодня буду опять тамъ и объявлю объ этомъ, непремѣнно... непремѣнно... Такъ вотъ какъ... Не зналъ, не зналъ... Радъ, очень радъ познакомиться...

Когда онъ ушелъ, Анисимовъ, не замѣчая волненія дѣвушки, началъ хохотать отъ души.

— Послушайте, Сергѣй Николаевичъ, — подошла она къ нему:—что это?

— Какъ видите. Единственный способъ загладить прошлое и положить конецъ этой глупой сплетнѣ.

— Послѣднее—главное. И вы—она задрожала, слезы хлынули изъ ея глазъ,—вы думали, что я помирюсь съ тѣмъ, что

вы мною распоряжаетесь, какъ пѣшкой... Понадобилась я вамъ для того, чтобы положить конецъ сплетнѣ... Только. И вы берете меня; не было бы этого и... Это эгоизмъ, дурной эгоизмъ. Вы въ эту минуту взяли меня, какъ первую попавшуюся подъ руку подставку, не подумавъ, каково мнѣ...

— Анна Егоровна! Вспомните, вѣдь и ранѣе я вамъ говорилъ то же самое.

— Не будетъ этого никогда!

— Что же, я вамъ противенъ до такой степени?

— О, Господи!.. Какая это мука!.. Да узнайте же вы, наконецъ, что даже та Нѣжина была бы вамъ лучшей женой, чѣмъ я,—да, несомнѣнно, лучшей!.. Она могла бы быть лучшимъ товарищемъ—ваша жизнь еще велика, и хотите вы многаго. При чемъ же я буду?! О, какая тоска—вѣдь я даже понять не могу того, куда вы идете и къ чему стремитесь, а вы хотите, чтобы я стала вашей женой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нечего и толковать больше объ этомъ. Мнѣ надоѣло уже...

И онъ закрылъ глаза, чтобы не говорить больше.

XX. Встрѣча.

Голубыя волны Босфора; темно-синее небо опрокинулось надъ ними и словно въ самую глубь ихъ заглядѣлось. Вдали, далеко-далеко, налѣво — виднѣлся одинъ только уголокъ Стамбула. Какая-то фантасмагорія бѣлыхъ дворцовъ, бѣлыхъ мечетей, бѣлыхъ минаретовъ, словно заснувшихъ надъ своимъ поэтическимъ моремъ... По другую сторону — полувоздушные среди осіяннаго простора, будто сквозные, мерещутся Принцевы острова, и надъ чуть виднымъ прозрачнымъ азіатскимъ берегомъ повисла серебряная корона царственнаго Олимпа... Позади, тамъ, за тѣми негостепріимными горами, осталась зима съ ея холодами и туманами; здѣсь легкій вѣтерокъ дышитъ на васъ весеннею нѣгой, и сквозь ласковый шопотъ волнъ вамъ слышится тихое и спокойное дыханіе никогда не умирающей

природы... Высокіе кипарисы, точно молитвенно сложенныя ладони недвижно протянулись вверхъ, и вѣтеръ, слегка колышащій мелкую, хотя и вѣчную зелень миртъ, не осмѣливается шевельнуть ихъ торжественно неподвижныхъ вѣтвей... Тишина царитъ здѣсь такая—ее не нарушаетъ говоръ волнъ,—нѣтъ, онъ только дѣлаетъ ее замѣтнѣе, оттѣняетъ ее—тишина здѣсь стоитъ такая, что какъ-то даже странно слышать по дорогѣ, извивающейся вдоль моря, топотъ копытъ и голоса медленно подвигающихся впередъ вседниковъ. Еще бы не медленно. Они то и дѣло останавливаютъ коней и точно стараются не только охватить доступное взгляду, но и проникнуть дальше, туда, за эти горы, за эти выступы чудныхъ береговъ.

— Какъ хорошо! — обращается Анисимовъ къ своему адъютанту.

Сергѣй Николаевичъ уже давно оправился. Какъ онъ и думалъ, возвращеніе ему отряда вылѣчило его совсѣмъ. Вмѣстѣ со своими полками онъ въ нѣсколько переходовъ дошелъ до Константинополя, чтобы остановиться въ виду этого города.

— Какъ хорошо... Что же вы молчите, юноша?

— Не стихами же мнѣ говорить, ваше превосходительство!

— Мы въ ваши годы и стихами говорили!

— Нечѣмъ восторгаться... Вотъ стоишь тутъ въ грязи и въ жалкихъ лачугахъ, да издали только любуешься Константинополемъ. А тамъ всякая благодать...

— Да... Разумѣется... Это—позоръ.

И Анисимовъ, медленно подвигаясь, задумывался.

— Точно сказочная царевна...—заговорилъ онъ, немного погодя.—Идетъ къ ней витязь—все одолѣваетъ. И чудищъ всякихъ бьетъ; и рѣки, и горы, и моря переходитъ; а доберется—смотритъ только издали, какъ она ему улыбается.... И силы взять нѣтъ. Сила-то есть—духа не хватаетъ!.. Кажется, вотъ она—бросился бы, и была бы наша. Вѣдь тамъ, что ни говори, нужна она намъ или нѣтъ, но разъ мы столько пролили крови и принесли такія жертвы—какъ останавливаться, какъ отойти назадъ?.. И вѣдь что ужасно: исторія не прощаетъ ошибокъ.

Не войдемъ мы, откажемся отъ этой жемчужины—другіе возьмутъ ее, а намъ она вовсе не достанется. Мы не стоимъ—другіе окажутся стоящими.

— Вы знаете, ваше превосходительство, тамъ ужъ было и казармы намъ приготовили. Ожидали, никакого сопротивленія бы не оказали. Нѣтъ вѣдь, вотъ чего испугались!—съ негодованіемъ показалъ адъютантъ на едва-едва выступавшіе вдали силуэты англійскихъ военныхъ судовъ.—Какъ же не горько, всякій солдатъ чувствуетъ. Вѣдь это не тотъ пахотникъ, который еще недавно ничего не понималъ. Совсѣмъ не тотъ: время войны онъ кое-что понялъ и кое-чему научился.

— Полноте вамъ хулить—погодите... Можетъ быть, мы поправимъ все...

— Во всякомъ случаѣ не они,—махнулъ онъ рукой на бѣлѣвшееся впереди Санъ-Стефано.—Подите, поговорите съ ними... Они въ этомъ величіе находятъ: дошли де, могли бы взять, но великодушно останавливаемся.

— За чужой счетъ великодушничаютъ!

— Что?

— За счетъ солдата!..

— Суди меня Богъ и государь, а я, кажется, пойду со своими солдатами и возьму наше, не спросясь...

— И слѣдовало бы.

— Да!.. Что это за вѣчная боязнь отвѣтственности! Что бы мы ни сдѣлали...

Санъ-Стефано все вырастало и вырастало.

Скоро Анисимовъ въѣхалъ въ его переполненныя солдатами и офицерами улицы. Онъ повернулъ въ одинъ изъ переулковъ и остановился передъ высокимъ домомъ, занятымъ походнымъ лазаретомъ.

— Эй, возьми коня!—крикнулъ онъ вышедшему изъ дверей солдату.—Гдѣ тутъ сестры милосердія?

— Въ самый верхъ пожалуйте, ваше превосходительство.

— Что, скоро онѣ ѣдутъ?

— Которыя съ ранеными въ Рассею назначены—завтра.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

СТРЕМЯННАЯ, 12, СОБСТВ. Д.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ПИРОТЕХНІЯ.

Практ. руководство для изготовленія и спуска фейерверковъ. Изд. 2-е. Съ 35 рис. и чертеж., поясняющими пріемы изготовленія простыхъ и самыхъ сложныхъ фейерверковъ. Сост. *Д. Озерковъ*. **Ц. 50 к., съ пер. 65 к.**

Оглавленіе: Вещества, примѣняемыя въ фейерверочномъ искусствѣ. Гильзы и ихъ приготовленіе. О пиротехническихъ составахъ и ихъ приготовленіи. Смѣшиваніе веществъ. Набиваніе гильзъ и приготовленіе стопина, подмазки, палительныхъ свѣчей, фитилей и т. п. Простые, горящіе на мѣстѣ фейерверки (фигурныя свѣчи, фонтаны и форсы, саксонское солнце, вертящееся колесо, китайское колесо, мельница, букеты и составы для нихъ). Выбрасываемыя фейерверочныя фигуры (швермеры, пчелки и вихри, пчелиный рой, бураки, огненный горшокъ, звѣздочные составы, фугасные ящики, римскія свѣчи.) Самостоятельно взлетающія фейерверочныя фигуры (ракеты, р. съ выстрѣломъ, съ швермерами, съ звѣздами, съ короною, съ бенг. огнемъ, съ огненнымъ дождемъ. Фигуры изъ ракетъ: павлиній хвостъ, жезлъ Меркурія, ракета-телеграфъ, жаворонокъ). Неподвижныя и подвижныя декораціи (вѣеръ, крестъ, звѣзды, дерево, елка, пальма, неподвижное солнце, каскады, вензеля, рисунки, двойныя колеса, роза, мельница). Водяные фейерверки (дукоры, квекари, водяной бѣгунъ, водяной фонтанъ, съ швермерами или пчелками, помпфейерный фонтанъ, водяное колесо). Комнатные бенгальскіе огни. Молнія, составы для нея. Комнатные фейерверки (фонтаны-свѣчи, огненные колосья, фигурныя свѣчи, римскія свѣчи, швермеры, игрушечный буракъ, ракеты, американское солнце, водяной волчокъ, лягушка, шутиха, каминный огонь). Цѣны на вещества, необходимыя для приготовленія фейерверковъ

Натуралистъ на Ла-Платѣ.

Соч. *У. Хедсона*. Переводъ съ 3-го англ. изданія. Въ 2 частяхъ. Съ 36 рисунками. Изданіе 2-е. *Первое изданіе Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено.* **Цѣна за обѣ части 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.**

Оглавленіе: Пампасы. Пума или американскій левъ. Приливъ жизни. Любопытныя орудія животныхъ для защиты. Ощущеніе страха у птицъ. Инстинкты родителей и молодыхъ животныхъ въ первое время ихъ жизни. Хорекъ-вонючка. Подражаніе и покровительственная окраска животныхъ. Штормы изъ стрекозъ. Москиты и паразитизмъ. О шмеляхъ и по поводу шмелей. Благородная оса. Природные ночные огни. О свѣтлякахъ. О паукахъ. Мнимая смерть животныхъ. Птицы-мухи. Хохлатая Паламедея. Семейство древолазовъ. Музыка и танцы въ природѣ. Вискача, ея жизнь и нравы. Усыпальница гуанако. Странности инстинкта у животныхъ. Конь и всадникъ. Надежды и разочарованія натуралиста.

АСТРОНОМЪ-ЛЮБИТЕЛЬ.

Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіемъ. Съ 43 рисунками. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Сост. *Евгеній Предтеченскій*, членъ Французскаго Астрономическаго Общества (въ Парижѣ) и Русскаго Астрономическаго общества (въ Петроградѣ). **Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.**

Первое изданіе рекомендовано Уч. Комит. Мин. Нар. Просв.

Новое
Собраніе сочиненій
Вас. Ив.
Немировича Данченко

М. Н. АЛЬБОВЪ.

Глафирина тайна. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы. Около 400 стран. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 руб. 75 коп.

Содержаніе: Глафирина тайна.—Изъ старыхъ папокъ.—Кольцо и жолудь.—Знакъ отличія мистера Смита.—Послѣдній день Іуды.

Сирота. Эпизодъ изъ жизни одной человѣческой группы. 440 страницъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бурый домъ, его люди и нравы.—Старый хламъ.—И онъ тоже въ Аркадіи жилъ.—Грѣхъ.—Тайна безмолвныхъ терзаній.—Позорная ночь.—Зачало новаго дня.

„Глафирина тайна" и „Сирота" принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній недавно скончавшагося извѣстнаго беллетриста М. Н. Альбова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА.

(Петроградъ, Стремянная, 12).

— Значитъ, я во-время. Ну, юноша, вы меня подождите здѣсь. Я выйду скоро.

Анисимовъ взбѣжалъ наверхъ. На лѣстницу тутъ было двѣ двери полуотворенныхъ. Сквозь одну онъ увидѣлъ военнаго доктора, сидящаго верхомъ на стулѣ, опираясь локтями на его спинку. Сигара въ зубахъ, на лицѣ выраженіе полнаго благополучія. Очевидно, эскулапъ отдыхалъ послѣ трудовъ праведныхъ.

— Здравствуйте!—крикнулъ Анисимовъ.

— А... генералъ. Каково я васъ починилъ?.. Мастерская работа, безъ заплаты.

— Что вы дѣлаете?

— А вотъ видите, только что мясничать кончилъ; рѣзалъ, стригъ, потрошилъ, зашивалъ—теперь у меня кейфъ. А черезъ два часа опять мясничать пойду. Субъектики есть любопытные. Однѣхъ ногъ вчера отхватилъ двѣ дюжины. А ужъ резекцій я и не считаю. Это такъ, мелочь: по сорока на дюжину,—какъ рыбаки—самую крохотную рыбешку отпускаю. Нѣтъ, какіе случаи: одному пуля въ животъ засѣла, влѣзъ я ему туда...

— Послушайте, вы воображаете, что это ужасно интересно? Я ужъ на себѣ испыталъ, какъ вы это лазите, благодарю. Съ меня довольно. Скажите мнѣ, гдѣ Торацкая?

— А, Варвара великомученица!.. Должно-быть, тоже отдыхаетъ. Блюдетъ себя сія дѣвица неукоснительно. Сколько кавалеровъ было—ни-ни!

— Кто ее назначилъ въ Россію ѣхать?

— Такое ея счастіе. Да она и заслужила. Слава Богу, всю войну сдѣлала—два тифа вынесла. А ужъ работала-то какъ!..

— Я къ ней, проститься.

Докторъ засмѣялся.

— Чего вы это?

— Такъ, знаете... Сердце не камень. Всѣхъ вы, генералъ, разнесли и побѣдили, а ея не удалось! Слышали мы тоже!

— Что у васъ за пошлый взглядъ.

— Реальный-съ. Вѣдь никакихъ нѣтъ на ней іероглифовъ, да и вы не Шамполіонъ. Поправилась,—а дѣвица попалась несклонная и добродѣтельная. Хоть прописи съ нея пиши—и то впору. Совсѣмъ кишиневскій пряникъ. Въ ротъ возьмешь—зубы обломаешь, а прянику ничего...

— Довольно вамъ. Надоѣли вы мнѣ. Гдѣ Анна Егоровна?

— А вонъ видите дверь—потолцыте въ нее, и отверзется вамъ.

— Ну, до свиданія, мясникъ вы этакій.

— Сдѣлаешься мясникомъ, зато ужъ какимъ же и хирургомъ послѣ войны-то я буду! Практика-то—слава тебѣ, Господи, какая была. Пирогову одному только развѣ столько же приходилось. Вѣдь я сегодня четыреста седьмую операцію произвелъ.

— Даже и число помните!—поморщился Анисимовъ.

— Двѣсти тридцать ногъ отхватилъ, сто пятнадцать рукъ, двадцать...

Но Анисимовъ зажалъ себѣ уши и ушелъ къ другой двери, предварительно плотно затворивъ докторскую.

Когда Сергѣй Николаевичъ постучался, ему отворила какая-то толстая сестра милосердія.

— Анна Егоровна здѣсь?

— Анна, тебя зовутъ!—крикнула она въ другую комнату.—Сейчасъ выйдетъ, подождите.

Сестра съ любопытствомъ смотрѣла на Анисимова, очевидно, узнавъ его.

— Кто тамъ?—спросила изъ другой комнаты Торацкая.—Ты вѣдь знаешь, что мнѣ некогда.

— Ахъ ты, Господи!—заволновалась толстая сестра милосердія и пошла туда сама. Послышался шопотъ.

— Сергѣй Николаевичъ—вы?—крикнула Анна Егоровна.

— Онъ самый, выдьте скорѣе.

— Вотъ этого ужъ никакъ нельзя. Надо сначала привести себя въ порядокъ. У насъ сегодня столько работы было—просто ужасно. А завтра, знаете, мы ѣдемъ. До свиданія.

И ни малѣйшей горечи не слышалось въ звукахъ ея голоса

Даже весело крикнула она ему, немного погодя: «Пожалуй, больше и не увидимся».

— Ну, это мы посмотримъ.

— Забудете!.. Въ Россіи совсѣмъ иначе дѣла будутъ идти, до того ли вамъ? Тріумфаторомъ явитесь туда.

И она засмѣялась.

— Вы вѣдь, кажется, знаете мои намѣренія. Я не разъ вамъ говорилъ о нихъ.

— Знаю, да не вѣрю въ нихъ. Воздушные замки все. Я думала, что вы ужъ оставили все это. Нѣтъ, оказывается. Это дѣлаетъ честь вашей памяти.

И, немного спустя, вся раскраснѣвшаяся отъ усталости, она вышла къ нему.

Анисимовъ взялъ ее за руки и пристально всмотрѣлся на нее.

— Все такая же!.. Послушайте, такъ завтра вы ѣдете? На какомъ пароходѣ?

— «Генералъ Коцебу» ждетъ насъ.

— Помните, я долженъ знать, гдѣ вы находитесь.

— Вотъ этого-то и не будетъ. Россія велика, и я постараюсь тамъ затеряться...

— Вы вѣдь не оставите своей общины?

— Неизвѣстно.

— Зачѣмъ же это?

Лицо Анны Егоровны приняло серьезное выраженіе. Анисимовъ угадалъ въ ней теперь прежнюю любимую имъ дѣвушку. Тѣ же грустные глаза стали, даже рѣсницы по-старому опустились на нихъ, точно ей хотѣлось опять спрятаться и уйти въ себя.

— Я вамъ не нужна... Вы мною пользовались, какъ подставкой, какъ игрушкой, и какъ ни мала, ни слаба я, а даже любимому человѣку не позволю играть собою... Мнѣ было бы невыносимо потомъ! И чѣмъ выше вы становились бы, тѣмъ я бы все дальше отъ васъ была.

Чѣмъ болѣе говорила она, тѣмъ слабѣе и слабѣе становилась. Очевидно, ее тоска охватывала; очевидно, вовсе ей было не такъ легко, какъ она сама думала!

— Я лучше предпочту совсѣмъ не приближаться къ вамъ,

нумъ сдѣлаться близкой и въ то же время чужой женщиной. Да и вы сами—это вѣдь только такъ. Угаръ на васъ дѣйствуетъ. Среди боевыхъ впечатлѣній показалось вамъ, что я нужна... что вы... любите меня...

— Да, я люблю васъ...

Онъ притянулъ было ее къ себѣ за талію, но она увернулась отъ него и спокойно сѣла около.

— Неправда! Да и кромѣ того, Сергѣй Николаевичъ... Этого мало. Вашей любви мало еще. Надо...

И она, страшно поблѣднѣвъ, остановилась, даже глаза зажмурила.

— Что надо? Да говорите же, не мучьте.

— Надо, чтобы и я васъ тоже любила.

Она схватилась за сердце. Ей казалось, что оно разорвется у нея отъ горя. Она знала, что никого и никогда не полюбитъ, что онъ всегда будетъ для нея богомъ... Она знала, что ложью своей подписывала себѣ же приговоръ.

— Что, что вы сказали?

— Я не люблю васъ, совсѣмъ... Совсѣмъ не люблю...

— Какъ?.. Да вѣдь еще недавно...

— Да, мнѣ казалось... Я думала, но я провѣрила свои чувства и вижу теперь совсѣмъ другое.

Она боялась поднять на него глаза. Она знала, что, возьми онъ ее за руку, заговори съ нею искреннѣе—и все кончится: порывъ сильнаго чувства смоетъ все, и ея рѣшимость и ея притворство, а потому она скорѣе поспѣшила нанести ему и себѣ новый ударъ.

— Я думаю, что и прежде не любила васъ. Что жъ, я была неопытная дѣвченка... Чувство благодарности я приняла за другое.

А въ груди такъ поетъ... Что скажетъ онъ?.. Колеблется, должно быть, еще не вѣритъ... Неужели же разбито окончательно все—и даже надежда на будущее, отняла у себя право даже на его дружбу, на его участіе... Иначе нельзя... Она сжала зубы—одно мгновеніе, и она бы разрыдалась...

— Объясните мнѣ, что все это значитъ?

— Я... я люблю... другого!

Зачѣмъ она сказала эту страшную ложь? Сказала, и точно все у нея внутри упало. Бьется ли сердце, или замерло совсѣмъ?.. Скорѣй бы онъ ушелъ теперь...

— Вы, вы любите другого... Это ложь!

— Развѣ такъ лгутъ... Развѣ такъ выдумываютъ на себя...— все шире и шире рыла она бездну между нимъ и собою.

— Да... вотъ...—И онъ всталъ.

Она не видала, но слышала, что онъ пошелъ къ двери. Лишь бы не подалъ ей руки. Она боялась, что онъ коснется до нея, и тогда разомъ все, что творится въ ея душѣ, хлынетъ наружу.

— Да... вотъ... Прощайте, Анна Егоровна.

Какимъ упавшимъ голосомъ говоритъ онъ это!.. Ей становится страшно. Что она надѣлала!.. Что, если чувство его серьезнѣе, чѣмъ она думала?..

— Прощайте... будьте счастливы...

Дверь скрипнула. Неужели онъ, дѣйствительно, уходитъ... И ей вдругъ сдѣлалось душно... О, Господи, дай, чтобы онъ вернулся. Одна минута—и она бросится къ нему... «Не уходи, не уходи,—все громче звучитъ у нея въ груди.—Не уходи». Еще разъ скрипнула дверь... Какая мука!.. Смертный приговоръ подписанъ... Еще мгновеніе—и возврата не будетъ. Въ послѣдній разъ она слышитъ его.

— Прощайте, будьте счастливы...

Дверь затворилась... Его шаги тише... Лѣстница скрипитъ подъ ними... Все ниже и ниже... Она похолодѣла вся.

— Что съ тобой, Анна?—вернулась ея подруга.—Анна!— взяла она ее за плечо.

Но бѣдная дѣвушка, вмѣсто отвѣта, упала ничкомъ и забилась, рыдая...

— Кончено, все-все кончено... Навсегда!—повторяла она...

XXI. Въ гостяхъ у турокъ.

Бѣшено гналъ своего коня назадъ Анисимовъ, самъ не замѣчая, что рвалъ ему бока шпорами, ротъ—мундштукомъ. Молодой офицеръ едва поспѣвалъ за нимъ, недоумѣвая, что это сдѣлалось съ генераломъ. Ноздри Сергѣя Николаевича раздувались, вѣтеръ свисталъ въ уши; земля, кажется, уходила изъ-подъ копытъ его коня, вытягивавшагося до послѣдней возможности, а всаднику все было мало. Наконецъ, какъ разомъ онъ началъ свою сумасшедшую скачку, такъ же разомъ и остановилъ ее. Лошадь даже закачалась и стала тяжело дышать, втягивая бока, на которыхъ уже обозначались тонкія струйки крови. Адъютантъ не сумѣлъ остановиться и обскакалъ его.

— Куда мы ѣдемъ?—сурово взглянулъ на него Анисимовъ.

— Куда угодно вашему превосходительству.

— А, чортъ возьми. Что же мы дома станемъ дѣлать?.. Надоѣло мнѣ все это.

— Сегодня, ваше превосходительство, въ Санъ-Стефано спектакль.

— Что?—съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на него.

— Сегодня... русская труппа пріѣхала... Оперу даютъ.

— Гдѣ?.. Ничего не понимаю.

— Въ Санъ-Стефано.

— Вамъ хочется ѣхать туда? Поѣзжайте, юноша... Поѣзжайте, юноша... Поѣзжайте сейчасъ!

— А вы... Какъ же я васъ оставлю?

— Развѣ мнѣ нужна нянька? Отправляйтесь... Деньги у васъ при себѣ?

Офицеръ покраснѣлъ.

— Такъ и есть. Ничего? На-те вамъ—послѣ сочтемся.— Онъ вынулъ горсть золота изъ кармана.—Держите руки... Ну, прощайте.

— Куда вы?..

— Куда-нибудь; съ Богомъ, юноша!

И Анисимовъ опять далъ шпоры коню—и понесся, дѣйстви-

тельно, куда глядятъ глаза. Адъютантъ остолбенѣло посмотрѣлъ ему вслѣдъ и поѣхалъ. Ему страненъ казался его генералъ сегодня, но онъ скоро забылъ о немъ совсѣмъ. А Анисимову, чтобы забыться теперь, нужны были именно сильныя ощущенія. Онъ проскакалъ версты двѣ-три по совершенно пустыннымъ полямъ, окружающимъ Константинополь, изрытымъ рвами и оврагами и спаленнымъ солнцемъ, замѣтилъ вдали марево чуднаго города съ его стѣнами, тысячами пестрыхъ домовъ, минаретами и башнями. Онъ осадилъ коня. Солнце уже склонялось къ западу и золотистымъ блескомъ обливало эти застроенные дворцами и мечетями холмы, огнистыми искрами играло на ихъ позолотѣ и стѣнахъ и отбрасывало рѣзкія тѣни по пологой и безотрадной пустынѣ, начинавшейся у самаго Стамбула...

— Куда теперь?—самъ себя спросилъ онъ и, еще пристальнѣе оглядывая окрестности, замѣтилъ вдали какія-то чернѣвшія черточки.

Онъ старался не думать о томъ, что съ нимъ случилось почти сейчасъ. Но на душѣ у него ныло такъ, что самъ онъ проговорилъ:

— Въ изломѣ болитъ и долго болѣть будетъ.

Потомъ онъ сталъ пристально вглядываться въ эти черточки.

— Окапываться на всякій случай начали турки. Это они редуты и траншеи ставятъ вокругъ Константинополя.—И вдругъ что-то точно ударило его въ голову.—Поѣхать сейчасъ и посмотрѣть. Что за бѣда, что одинъ?.. По крайней мѣрѣ, опасность заставитъ замолкнуть въ его душѣ эту ноющую боль... Онъ тихо двинулся впередъ, стараясь занять свой умъ тѣмъ, что дѣлалось кругомъ, хотѣлъ искусственно заинтересовать себя этимъ. Вынулъ даже бумагу, бывшую всегда у него въ кобурахъ, и началъ набрасывать кроки строившихся турками укрѣпленій. Онъ старался сообразить, въ какомъ направленіи они тянутся, угадать назначеніе. По мѣрѣ того, какъ его лошадь подвигалась къ нимъ, интересъ этого дѣла охватывалъ его все больше и больше.

— Отъ этого редута повернули къ сторонѣ Санъ-Стефано, а тамъ къ св. Георгію... Значитъ, откуда бы ни ударили на нихъ,

они хотятъ быть готовыми встрѣтить!.. Такъ... А это что?—И онъ внимательно сталъ наблюдать за какими-то муравьями, копошившимися въ центрѣ всѣхъ этихъ работъ по холму, поднявшемуся выше другихъ... Муравьи прорыли спираль траншеи, уходившей въ высоту, гдѣ уже поднимались валы неоконченнаго редута. Косые лучи солнца золотили тамъ что-то.

— Не теряютъ времени. Еще не кончены укрѣпленія, а орудія уже привезены.

Онъ далъ шпоры коню и смѣло поѣхалъ къ занимавшему его холму.

«А если они будутъ стрѣлять?—думалъ онъ.—Что же? Если суждено сегодня—и стрѣлять не будутъ, лошадь споткнется, и разобьешь себѣ голову о придорожный камень... А не суждено—изъ тысячи смертей выберусь».

Уже совершенно спокойный лицомъ къ лицу съ опасностью онъ ѣхалъ прямо къ туркамъ...

Неровная почва останавливала шибкую и увѣренную рысь лошади; приходилось перескакивать черезъ трещины разрушившейся земли, объѣзжать какіе-то образовавшіеся въ ней провалы, точно все кругомъ было изуродовано землетрясеніемъ. Вотъ за тѣмъ валомъ показались турки; они его замѣтили, закопошились. Одинъ, съ феской на затылкѣ, поскакалъ куда-то, вѣрно, сообщить о немъ. Эти берутся за ружья... Спрятались за валъ, только дула ихъ ружей торчатъ наружу... Анисимовъ увѣренно ѣдетъ впередъ. Поровнялся съ валомъ, ударилъ коня нагайкой и перескочилъ прямо къ брустверу.

Недоумѣлыя лица подъ нимъ. Горбоносыя, смуглыя, точно обугленныя. Красныя фески... Турки дѣлаютъ ему селямъ. Онъ спокойно отдаетъ имъ честь и ѣдетъ дальше. Вотъ-вотъ—залпъ послышится прямо въ спину ему. Даже холодно становится! Что въ томъ, что перемиріе!.. Перемиріе еще не даетъ ему права соваться сюда... Нѣтъ, все тихо... Вонъ другой, должно-быть, турецкій офицеръ, мчится ему навстрѣчу... Маленькая быстрая лошадка собралась вся, точно клубкомъ катится, только облако пыли оставляетъ за собой, и заходящее солнце все это облако пронизываетъ своими золотыми лучами...

Турокъ подскакалъ, приставилъ ладонь къ сердцу, дотронулся до губъ и до лба...

— Меня,—заговорилъ онъ на чисто французскомъ языкѣ,—послалъ Амурадъ-паша узнать, какому именно поводу онъ обязанъ честью вашего посѣщенія?..

— Я заблудился и потомъ, сверхъ того, заинтересовался вашими работами... Вы уже вооружаете редуты орудіями?

— Да!—съ недоумѣніемъ замѣтилъ онъ.—Я не могу далѣе ѣхать съ вами... Я долженъ вернуться и сообщить ваше имя моему начальнику...

— Меня зовутъ Анисимовъ.

— Генералъ Анисимовъ! — вспыхнулъ вдругъ турокъ, и глаза у него загорѣлись.—Васъ знаютъ здѣсь всѣ и, удивляясь вашей храбрости, искренно любятъ васъ за милость, какую вы оказываете побѣжденнымъ. Мой дядя Амедъ-паша писалъ намъ, что когда онъ сдался вамъ, то генералъ Анисимовъ принялъ его, какъ брата, и пріютилъ у себя. Я прошу позволенія вернуться къ Амурадъ-пашѣ, чтобы доложить ему...

Анисимовъ кивнулъ головой, и когда тотъ поѣхалъ, онъ спокойно началъ осматривать мѣстность и—главное—крупный редутъ, сооружавшійся на холмѣ... «Хорошо работаютъ», подумалъ онъ, замѣчая, какъ изъ-за неоконченныхъ валовъ выбрасываются вверхъ лопатами невидимыхъ рабочихъ комки земли. Снизу, съ крикомъ и шумомъ, ввозили вверхъ орудія.

Онъ посмотрѣлъ дальше. Тонкая полоса полузаслоненнаго Константинополемъ Босфора, вся въ золотѣ заката, пышною лентой тянется на югъ. Олимпъ по ту сторону горѣлъ багровымъ пламенемъ, тогда какъ Принцевы острова, уже окутанные лазурными сумерками, были похожи на облачка, опустившіяся къ самой водѣ. Вотъ, подъ лучами догорающаго солнца, минареты св. Софіи кажутся сплошь изъ кованаго золота... Множество домовъ, дворцовъ и стѣнъ сливаются и скучиваются, и только верхушки ихъ рѣзко вырисовываются одноцвѣтною каймою... Гдѣ-то послышался сигнальный пушечный выстрѣлъ... Едва-едва донеслось съ ближайшаго минарета пѣніе муэдзина.

Навстрѣчу Анисимову ѣдетъ толпа блестяще одѣтыхъ всадниковъ. Впереди скачетъ тотъ же адъютантъ.

— Амурадъ-паша,—задыхаясь, сообщаетъ онъ, — проситъ сдѣлать ему честь, посѣтить его.

«Все лучше, чѣмъ скучать теперь дома!» думаетъ Анисимовъ и ѣдетъ впередъ, а синіи тѣни южной ночи стелются и крадутся за нимъ, сливаясь въ одни прозрачныя и таинственныя сумерки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОБРѢЗАННЫЯ КРЫЛЬЯ.

I. Отецъ Никодимъ—строитель.

Отецъ Никодимъ сегодня въ большихъ хлопотахъ.

Всѣ эти дни онъ былъ неспокоенъ, потому что недѣлю назадъ получилъ отъ брата Сергѣя вѣсточку о скоромъ пріѣздѣ его въ монастырь.

— Вотъ и наша обитель понадобилась!—говорилъ игуменъ отцу-казначею.—Сколько городовъ и земель онъ видѣлъ, въ тридцати бояхъ участвовалъ, а отдохнуть къ намъ торопится!

— Сказано—тихая и мирная пристань, всякая душа, покоя жаждущая, притекаетъ къ ней, какъ елень на источники водные.

— Да, вотъ сподобились и мы, грѣшные! Лавровѣнчанный герой вѣдь!

— Читали, отецъ-игуменъ, и мы въ газетахъ, какъ это онъ при полномъ парадѣ и на черномъ конѣ...

— Вчера депешу прислалъ, что сегодня будетъ.

— Съ пароходомъ, должно-быть. Я, отче, объ одномъ только волнуюсь, душа моя въ смятеніи пребываетъ.

— Чего еще?—насупился Никодимъ.

— Какъ бы имъ не показалось бѣдно у насъ: житіе—сами вы знаете—скудное, строгое.

— Знаетъ, куда ѣдетъ... Не танцы танцовать. Въ обителяхъ не веселія ищутъ. Обремененные и труждающіеся прибѣгаютъ къ намъ, дабы обрѣсти утѣшеніе... Да это что—не поживется,

мы вѣдь силой не держимъ. На всѣ четыре стороны дорога открыта. Куда хочешь, туда и поѣзжай.

— Келійку бы ему особливую.

— Кому ему?

— Имъ, то-есть генераламъ сугубымъ. Братцу вашему. Потому дѣло извѣстное: особа они ипостасная. Угожденіе любятъ, ну, и...

— Оставь,—прервалъ его Никодимъ.—Что за деликатности еще. Я приказалъ ему отвести въ гостиницѣ нашей обительской обыкновенную келью, малую. Пусть живетъ, какъ и всѣ. Что онъ мой братъ, такъ ужъ...

— Помилуйте, отче!.. Онъ вѣдь герой теперь!

— Какъ герою, ему смиреніе наипаче всего требуется. Сократить себя и добровольно унизиться—вотъ подвигъ, достойный людей превозношенныхъ.

— Извѣстно... Изъ устъ вашихъ медоносныхъ всякое поученіе сладко...—запѣлъ было отецъ-казначей, но игуменъ прервалъ его разомъ:

— Ладно. Не въ поученіи дѣло теперь. Колчевскіе крестьяне ходока прислали. Принялъ ты его?

— Принялъ, отче, принялъ!—горестно вздохнулъ отецъ-казначей.

— Чего вздыхаешь-то?.. Голодъ вѣдь у нихъ по всей волости.

— Сказываютъ! — и монахъ сокрушенно понурился.—Сказываютъ точно что.

— Знаю я колчевскихъ. Народъ вѣрный. Если сказываютъ, значитъ—правда. Ну, какъ распорядился?

— Вашего благословенія приказалъ испросить.

— Мое благословеніе будетъ—дать имъ четыреста мѣшковъ хлѣба до слѣдующаго года.

— Они и насчетъ денегъ...

— Ну, денегъ—это не ваше горе. У меня еще есть изъ грѣхъ, что благодѣтель нашъ Литвиновъ оставилъ на добрыя дѣла. Сотъ пять имъ требуется...

— Съ возвратомъ изъ проценту.

— Это въ тебѣ злоехидство твое сидитъ. Очнись, съ голыхъ брать! Коли мы съ нихъ станемъ и хлѣбомъ и деньгами получать—имъ вѣкъ не справиться. Слышишь? Процентъ! Развѣ намъ Иванъ Ареѳьичъ изъ процента давалъ? Сказано — на добрыя дѣла, и кончено. Будутъ у колчевскихъ залишнія, сами принесутъ—возьмите, дескать, отцы честные. Ну, а не будетъ, что жъ! Какъ становые, выбивать мы изъ нихъ станемъ?

— По крайности, пусть хоть на работы къ намъ ходятъ. Сами знаете, отче святой, нынѣ мы начнемъ въ лѣсъ дорогу прокладывать, опять же рѣчку Вычугу отводить къ мельницамъ нашимъ, да по лѣсопильному заводу.

— И на это колчевскихъ тревожить не слѣдъ! Не слѣдъ, слышишь...

— Слышу.—И отецъ-казначей низко поклонился.

— То-то. Имъ поправка большая требуется. Потому у нихъ неурожаи второй годъ! Коли они еще даромъ работать придутъ, такъ это и выйдетъ процентъ твой... А что же мы-то дѣлать станемъ?

— Сложа руки тоже не сидимъ.

— И хорошее дѣло. Отъ лѣности всякое зловредное желаніе рождается. Грѣхъ-то округъ лѣнивыхъ какъ ходитъ? Въ лучшемъ видѣ.

— Рукъ не хватитъ, къ тому я и говорю.

— Ничего. Семь часовъ въ день работали—станемъ десять тружаться. Мало будетъ этого—и четырнадцать можно!.. Все исполнимъ: и дорогу проведемъ, и рѣку обернемъ куда надо, да и лѣсопильни наши поправимъ.

— А молиться?..

— Во время работы станемъ псалмы пѣть, вотъ тебѣ и молитва. Иной-то трудъ на Бога—что твоя молитва, и пользительнѣе еще—ибо и монастырю, значитъ, дому Господнему, прибытокъ, да и умерщвленіе плоти. Анъ, глядишь, монахъ-то двухъ зайцевъ поймалъ.

— И то братія жалуется. Чайку испить некогда.

— И не надо. Я развѣ чай пью? Я работаю десять часовъ въ день, а не жалуюсь.

— Овому сила дана, а овому—двѣ.

— Ладно, помолимся, такъ у каждаго по три будетъ; ну, а не хотятъ—я силой не держу. Лѣнивому да празднословному ворота открыты. Хочешь въ міръ—уходи разстригой, а то въ другую обитель, гдѣ иноки животы растятъ себѣ да проценты берутъ... А у меня этого не будетъ. Слышишь, отецъ-казначей. Ни для кого... Я вѣдь не изъ бѣдности пошелъ сюда. Господь взыскалъ нашу семью, а вижу—надо работать и работаю. Позднѣе всѣхъ ложусь и раньше встаю.

— Извѣстно, вы у насъ, отче святой, что пѣтелъ во полунощи. Всѣ еще спятъ, а вы уже бодрствуете и на работу кличете...

— Ну, вотъ и вы сему поучайтесь. Не злое дѣло...

— Такъ насчетъ генерала никакихъ приказаніевъ не будетъ?

— Нѣтъ. Это ужъ мой гость, мнѣ о немъ и заботиться....

Отецъ Никодимъ пошелъ потомъ по монастырю.

Каждый разъ, когда онъ обходилъ его, сердце стараго монаха радовалось. Онъ вспоминалъ, какою онъ принялъ эту обитель и во что она разрослась подъ его властною, подчасъ тяжелою и всегда сильною рукою. Стоялъ небольшой корпусъ съ кельями, да каменная церковь, старая и холодная. Больше не было ничего. Отовсюду подступалъ лѣсъ, кромѣ той стороны, гдѣ была вода. Лѣсъ, казалось, хотѣлъ заглушить и задушить монастырь. Вѣтви старыхъ деревъ уже угрюмо стучали въ окна келій, словно грозя прятавшимся за ними монахамъ... Вода шумѣла у самаго храма, а въ бури, которыя на озерѣ были и часты и жестоки, пѣна отъ волнъ неслась въ открытыя двери храма, и гребни неугомонныхъ валовъ разбивались у самыхъ его ступеней... Отецъ Никодимъ помнилъ, какъ, еще молодымъ и богатымъ человѣкомъ, прибывъ сюда, онъ доходилъ до одури отъ шума лѣса съ одной стороны, гулкаго, однообразнаго и не прекращавшагося по цѣлымъ мѣсяцамъ, и отъ говора волнъ—съ другой... Онъ хотѣлъ бѣжать отсюда, но пересилилъ себя. Житіе монашеское было здѣсь скудное, порядка никакого. Вся-

кій инокъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: жилъ по недѣлямъ у крестьянъ на берегу, гостилъ «въ городу», а то такъ просто лежалъ у себя въ кельѣ, сложа руки да глядя въ потолокъ. Настоятель старый, болѣзненный, хилый, только о томъ и думалъ, какъ бы ему покойнѣе было... «Оставьте меня умереть въ мирѣ и кротости!» увѣщавалъ онъ тѣхъ, которые приходили ему жаловаться на дѣла обители. Никто не работалъ; дошло до того, что въ монастырѣ поселились бабы, трудившіяся за иноковъ.

Двадцать лѣтъ прошло — и какъ все неузнаваемо стало кругомъ!

Лѣсъ побѣжденъ. Съ топоромъ и пилою ворвался въ заповѣдное царство инокъ и отбросилъ дебрь далеко отъ своихъ келій. Теперь вонъ она гдѣ синѣетъ—вдали. Зеленая чаща отступила, открывъ просторъ для поля, нивы и завода, гдѣ распиливаются на свѣжія и бѣлыя доски смолистые великаны. Волны усмирены... Вонъ они, эти два мола, выдвинувшіеся далеко впередъ и образовавшіе искусственную бухту... Надъ каменной кладкой этихъ моловъ порою подымаются зеленые гребни волнъ—пѣна ихъ бѣлою каймой, словно разбрасываемая вѣтромъ грива, раскидывается надъ могучими стѣнами,—но буря не смѣетъ проникать за нихъ въ тихія и покойныя воды у монастыря. Тамъ, гдѣ между двумя молами виднѣется входъ, волны колышутся и бѣсятся, но имъ не переступить въ тихое и мирное царство иноческаго труда... Пристань выдвинулась изъ мелководья въ глубину, а здѣсь, на берегу, большой соборъ пятиглавый весело блеститъ золочеными куполами и стройно рисуется своими, гранитомъ обшитыми, стѣнами. Колонны изъ сердобольскаго камня подперли красивый фронтонъ. Хоть въ столицу—всюду красою будетъ эта каменная громада. Кругомъ изъ кирпича выведены четырехъэтажные корпуса келій подъ зелеными желѣзными крышами, далѣе—сараи, амбары, службы, кузницы, литейная, слесарная, столярная, и чего-чего нѣтъ здѣсь, въ этомъ прочно сложившемся царствѣ неустаннаго труда...

Когда-то монаховъ было здѣсь двадцать, теперь—болѣе трехсотъ. Они ловятъ рыбу на озерѣ, роютъ камень въ лѣсахъ этого острова, пасутъ коровъ въ его уединенныхъ захолустьяхъ, куютъ, льютъ, пилятъ, шьютъ, роютъ, грунтуютъ, строятъ; курятъ смолу, гонятъ деготь, солятъ, сѣютъ и жнутъ, косятъ и Богъ знаетъ чего еще не дѣлаютъ здѣсь... И ни въ чемъ не сталъ нуждаться монастырь, никому не приходится кланяться, напротивъ—ему самому кланяется все окрестное населеніе—благо, онъ выручалъ его не разъ въ годину бѣдствій и печалей... И благодѣтели не нужны теперь. Придетъ который—поможетъ, слава Богу. Монастырь всегда сумѣетъ распорядиться съ даяніемъ благимъ, но ему и безъ даяній живется недурно...

А все имъ сдѣлано... Имъ однимъ.

Когда прошли первыя острыя и болѣзненныя впечатлѣнія его знакомства съ монастыремъ, онъ началъ присматриваться къ его порядкамъ... Первое время, разумѣется, онъ не могъ дѣлать этого спокойно. Старое еще звало его къ себѣ, съ мірскою жизнью не все было покончено, и въ изломѣ долго «нудило», какъ выражались иноки. Потомъ и это прошло, и тяжелыя условія, въ какихъ билась обитель, выступили еще рельефнѣе. Онъ видѣлъ средства, какъ поправить дѣла, но напрасно сталъ бы совѣтовать ихъ старому настоятелю. Тотъ хотѣлъ только одного—умереть въ кротости и покоѣ, не руша сложившихся кругомъ него порядковъ и не возбуждая никого противъ себя. Не ему же было начинать трудную работу, требовавшую молодыхъ силъ и несокрушимой энергіи. Разумѣется, отцу Никодиму, тогда еще послушнику Симеону, легко было уйти въ другую обитель, гдѣ все шло лучше и стройнѣе, и такая была близко, но онъ твердо вѣрилъ, что если Господь привелъ его сюда—здѣсь онъ и долженъ былъ оставаться. Легче было бы часовому уйти со своего поста, чѣмъ ему... И потянулись длинные годы, и все кругомъ разрушалось и падало... Лѣсъ ворвался даже въ самый монастырь, потому что во дворѣ его поднялись крохотныя молодыя елочки, озеро стало под-

мывать самую церковь и съ главнаго входа въ нее нельзя было попасть, а нужно было итти боковыми. Ступени главнаго входа купались въ волнахъ, часто въ бурю уже стучавшихся въ самыя двери, точно требовавшихъ, чтобы и ихъ впустили внутрь на каменныя плиты, гдѣ стояли монахи.

А еще черезъ нѣсколько лѣтъ, когда его избрали игуменомъ, все измѣнилось.

И теперь, оглядываясь назадъ, отецъ Никодимъ видѣлъ ясно, что второй разъ такого подвига онъ бы совершить былъ не въ силахъ. Сколько ненависти, злобы и клеветы кругомъ него кипѣло, какъ эта буря людской вражды вздымала его на своихъ волнахъ, и въ какія глубокія бездны повергала опять, но онъ не даромъ былъ изъ Анисимовыхъ. Онъ только крѣпче стискивалъ зубы и рѣшалъ еще безповоротнѣе, ожесточеннѣе. По завѣту евангельскому онъ вырывалъ плевелы, чтобы спасти молодые и хорошіе корни... И эти корни скоро дали новые ростки... Онъ разогналъ старыхъ монаховъ, отъ которыхъ было все зло, и привлекъ сюда новыхъ, искавшихъ утѣшенія въ нуждѣ и лишеніяхъ... Его вызвали въ Петербургъ, у него грозили отнять обитель, сослать его въ другія дальнія, но отецъ Никодимъ не уступалъ ни пяди отвоеванной земли, не опускалъ рукъ, не шелъ на уступки... И мало-по-малу Господь благословилъ дѣла его. Дѣло строительское, созидающее!.. Благословилъ, и оно расцвѣло пышно.... И такъ расцвѣло, что теперь, казалось, устоитъ отъ всѣхъ невзгодъ и ударовъ.

Братъ Петръ у себя въ имѣніяхъ, онъ здѣсь—работали одинаково, созидая и рѣдко слыша другъ о другѣ. Сергѣй—тотъ выдался другою силою, силою неукротимою, разрушительною, бѣшеной... Но и ему готовитъ судьба, можетъ быть, иное, болѣе великое дѣло...

И отецъ Никодимъ тихо пошелъ къ пристани, заложа руки за спину и вдумчиво вглядываясь въ озерную даль... Онъ даже не замѣчалъ низкихъ поклоновъ встрѣчавшихся ему монаховъ, ихъ подобострастныхъ взглядовъ. Онъ привыкъ къ нимъ, и они

его уже не коробили, какъ коробили когда-то прежде... Только взойдя на пристань, онъ машинально попробовалъ ея перила... Они качнулись подъ его сильной рукой.

— Братъ Ѳедоръ!—крикнулъ онъ, не оглядываясь.

Маленькій монахъ, живой и юркій, точно выросъ у него за спиною.

— Что это?

— Расшатавшись...

— Самъ я вижу, что «расшатавшись». Да развѣ имъ такимъ слѣдуетъ быть?

— Къ вечеру будетъ готово... Потому это вчера—какъ таскали хлѣбъ заозерные крестьяне, ну и подалось... Благослови, отче!

— Богъ благословитъ... Иди.

Отецъ Никодимъ одинъ остался на пристани.

Передъ нимъ, вплоть до линіи моловъ, разстилалась неподвижная бѣлесоватая гладь, въ которой опрокидывалось тусклое сегодняшнее небо, съ жидкими и сквозными облачками, словно замиравшими среди его простора. Нѣсколько чаекъ съ пронзительнымъ крикомъ понеслись надъ самою водою. Издали казалось, что, опускаясь низко-низко къ ней, онѣ почти касались ея своимъ крыломъ. Двѣ или три лодки словно заснули посрединѣ; тамъ монахи въ бѣлыхъ балахонахъ ловили рыбу на удочки. Лодки эти отразились и въ водѣ, словно въ зеркалѣ, съ бѣлыми силуэтами иноковъ и тонкими лесами включительно. Только изрѣдка пробѣгалъ вѣтерокъ и морщилъ это зеркало; тогда очертанія лодки и монаховъ въ немъ вздрагивали, сливались, расплывались въ неопредѣленныя пятна, чтобы тотчасъ же выступить опять... А вдали, гдѣ между молами былъ промежутокъ, видѣлась точно сѣрая кайма съ постоянно измѣнявшимся гребнемъ. Тамъ колыхались волны, не смѣвшія войти сюда, въ это спокойное и недвижное царство монастырскаго плеса.

Позади въ соборѣ ударили въ колоколъ.

Отецъ Никодимъ тихо повернулся и пошелъ назадъ.

II. Въ тихой и мирной пристани.

Маленькій монастырскій работникъ, лѣтъ этакъ десяти, стремглавъ прибѣжалъ въ келью къ игумену и метнулся къ служкѣ. Крошечный мальчуганъ былъ уморителенъ въ своемъ черномъ подрясникѣ и черной старой скуфейкѣ, изъ которой, сквозь безчисленныя прорѣхи, во всѣ стороны торчала вата, точно ей тѣсно было въ скуфейкѣ, и она рѣшила во что бы то ни стало вырваться оттуда.

— Тебѣ чего, малышъ?—встрѣтилъ его громадный и суровый служка, которому гораздо болѣе присталъ бы къ лицу и фигурѣ кирасирскій мундиръ, чѣмъ полумонашеское платье.

— Братъ Серапіонъ... Видно!—И онъ задышалъ часто-часто, должно быть, со всѣхъ ногъ торопился сюда.

— Чего видно-то?

— Не знаю чего, а только видно. Отецъ Пименъ—«бѣги, говоритъ, къ брату Серапіону, чтобы доложилъ онъ отцу настоятелю, что видно»... А что не сказалъ...

— Должно, пароходъ... Ну, ладно...

Отецъ Никодимъ уже успокоился. Онъ хотѣлъ было сначала встрѣтить брата съ торжествомъ, какъ и подобало, но потомъ сообразилъ, что именно въ силу родства нельзя было чествовать Сергѣя. Пусть, какъ простой богомолецъ въ монастырѣ будетъ, по крайней мѣрѣ, и другимъ примѣръ и для него самого полезно—къ смиренію пріучится. Все же недурно будетъ! Для души-то главное, для души!..

Братъ Серапіонъ отправился на пристань, куда уже сошло нѣсколько монаховъ. Собрался бы и весь монастырь, да отецъ Никодимъ терпѣть не могъ, когда иноки были не при дѣлѣ. Въ праздникъ—другой обычай, а сегодня—будни, и каждый находился у своего рукомесла. Кто въ смолокурнѣ, кто въ кузницѣ, кто на заводѣ, кто въ слесарнѣ, а кто въ лѣсу за рубкой, либо у камней съ каменотесами—свободно было одно самое крупное начальство обительское, да и то стѣснялось и боязно посматривало назадъ—не вышелъ бы отецъ Никодимъ, да не

влетѣло бы... Ему что: оборветъ—и безъ васъ, скажетъ, есть кому встрѣтить... Братъ Серапіонъ, добравшись до пристани, воззрился: вдали, дѣйствительно, надвигался точно клубокъ какого-то дымка.

— Онъ самый, пароходъ!—всматривался сѣдой монахъ.—И шибко же качаетъ его.

— Сказано—стихія беззаконная.

— Ну, это ты врешь, Серапіонъ... Беззаконныхъ стихій у Бога нѣтъ; у него, братъ, всѣ стихіи—въ законѣ. На все свой порядокъ дѣйствуетъ.

— А все же сказано: «беззаконіе морю дано, дабы земля въ себѣ порядокъ держала».

— Гдѣ сказано?

— Въ книгахъ.

— Въ какихъ?.. Знаешь ли ты? Въ раскольничьихъ... А не въ нашихъ... Разбирать надо: въ иной книгѣ-то вмѣсто истины—лживые глаголы пребываютъ.

— Ну, тебѣ лучше знать, ты премудростью этой наполненъ, яко сосудъ.

— То-то! А глупостей не говори. Услышалъ бы отецъ Гермогенъ, такъ ли бы еще онъ тебя.

— Что говорить—старецъ строгій.

Клубокъ дыму росъ и подвигался... Скоро онъ ужъ помѣстился въ проходѣ между двумя молами. Здѣсь въ сѣрой массѣ дыма вырѣзался, казавшійся отсюда крошечнымъ, корпусъ парохода съ двумя мачтами. Когда онъ пробѣжалъ половину разстоянія между входомъ во внутреннюю бухту и монастыремъ, Серапіонъ, такъ же не спѣша, отправился доложить отцу настоятелю. Игуменъ выслушалъ его спокойно, перекрестился: «Ну, слава Богу!» приказалъ подать себѣ клобукъ и мантію и вышелъ изъ кельи... Онъ приближался къ пристанямъ именно въ то время, какъ пароходъ, пыхтя и хрипя и выбрасывая клубы пару, маневрировалъ, чтобы подойти къ сходнямъ, которыя уже держали въ рукахъ служки, готовясь бросить ихъ на бортъ. Вся палуба была залита народомъ, стоявшимъ безъ шапокъ и

крестившимся на золоченыя главы монастырскаго собора. Измученные качкой, совсѣмъ усталые люди, видимо, едва держались на ногахъ, наваливаясь всею тяжестью тѣла на барьеры, огораживавшіе борты парохода. Громадная черная труба уже вмѣсто дыма выпускала какую-то тонкую марь, колеса еще вращались, но медленно и неровно, вспѣнивая воду, шипѣвшую подъ ихъ ударами. Никодимъ зорко пробѣжалъ взглядомъ по палубѣ—и на самой кормѣ увидѣлъ высокаго и стройнаго еще Сергѣя... Братъ его былъ въ генеральскомъ сюртукѣ, съ бѣлымъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ тоже стоялъ безъ шапки, что очень понравилось Никодиму...

— Это онъ хорошо,—прошепталъ про себя игуменъ.—И тѣмъ бы слѣдовало!—неодобрительно взглянулъ онъ на другихъ «первоклассныхъ», не снявшихъ своихъ фуражекъ съ кокардами.—Чиновники!..—точно уронилъ онъ про себя.—Имъ и лба-то себѣ перекрестить некогда... Все торопятся. Отецъ Елезаръ!

Къ нему подбѣжалъ монахъ, заправлявшій въ гостиницѣ.

— Видишь тѣхъ-то... Съ кокардами...

— Вижу, отче.

— Ну, такъ посади ихъ въ тотъ номеръ, что на помойную яму выходитъ. Слышишь?

— А ежели жаловаться будутъ?

— Скажи, что всѣ заняты. Не нарочно же для этихъ оглашенныхъ гостиницу строить новую.

Сходни съ шумомъ были наброшены на бортъ парохода, и вся масса богомольцевъ, точно рѣка въ половодье, густо, чуть не ломая перила, заполонила пристань. Олонецкіе, вологодскіе и новгородскіе мужики истово крестились, многіе падали на колѣни и цѣловали землю, на которой стояли. Большинство робко озиралось на важныхъ молчаливыхъ монаховъ. Отецъ Никодимъ зорко смотрѣлъ на молодого еще генерала, шедшаго издали прямо къ нему. Игумену хотѣлось подойти и обнять его, но онъ помнилъ свой санъ, видѣлъ, что на него смотрятъ другіе монахи, и не поддавался чувству, которое охватывало его

все глубже и глубже. Казалось, и Сергѣй Анисимовъ понялъ это. За нѣсколько шаговъ до брата лицо его разомъ измѣнилось. Онъ точно совладѣлъ съ собою... Онъ видѣлъ, какъ глаза его брата покрылись слезами, но также видѣлъ и то, что онъ стоитъ и не двигается къ нему. Генералъ подошелъ къ игумену...

— Благослови, отче!..

Отецъ Никодимъ благословилъ его. Братъ поцѣловалъ ему руку.

— Ну, теперь обнимемся!—повеселѣлъ Никодимъ.—Слава тебѣ, Господи, что удостоилъ меня зрѣть брата моего живымъ и невредимымъ. Изъ тысячи смертей вынесъ Онъ тебя цѣлымъ. На великія дѣла, должно быть, еще бережетъ тебя!.. А теперь пойдемъ въ соборъ къ намъ. Самъ я отслужу молебенъ угодникамъ нашимъ!..

Монахи забыли совсѣмъ власть и строгость игумена.

Они окружили Анисимова и внимательно разсматривали его, а когда генералъ съ игуменомъ вошли въ церковь, вся она разомъ наполнилась иноками.

— Ты меня прости... Я тебя, для примѣру прочимъ, помѣщу на общемъ положеніи.

Сергѣй Николаевичъ засмѣялся.

— Это ты мнѣ говоришь, братъ! Да я привыкъ на землѣ спать подъ дождемъ.

Онъ прошелъ въ гостиницу, гдѣ монахъ-коридорный уже ждалъ его съ громаднымъ ключомъ въ рукахъ. Ключъ былъ настолько же громаденъ, насколько самая келья мала. Голыя выбѣленныя стѣны, узенькая желѣзная кровать, образъ въ углу надъ столомъ, передъ которымъ стоялъ табуретъ—вотъ и все убранство этого неприхотливаго угла... Денщикъ только носомъ повелъ на эту бѣдноту обстановки.

— Дворцы у васъ!—укоризненно замѣтилъ онъ монаху-гостинику.

— Да... Скудное, скудное житье, кавалеръ... Что дѣлать.

— То-то... Кажется, можно бы понять, какихъ господъ принимаете?

— Мы и понимаемъ... Правда, у насъ въ иноческомъ корпусѣ есть горницы и получше, но то для архіереевъ и прочихъ епископовъ.

— Да мой генералъ-то почище епископа. Что намъ архіереи... Коли онъ отъ кавалеріи!.. Да!.. Видали мы архіеревъ, слава Богу. Ну, а пища у васъ какая полагается?

— Пища постная!

— Такъ!—И онъ закрутилъ головою.—Попали мы теперича въ лабетъ! Нечего сказать. Отъ хорошаго питерскаго стола... Рыба?

— Два раза въ недѣлю рыба полагается. Въ воскресенье тоже.

— А въ другіе дни?

— Крупа... Ну, и разныя похлебки готовимъ. У насъ, кавалеръ, пища не обуреваетъ мыслями, но, напротивъ легкая.

— Чего легче. Но, впрочемъ, купить можно... Мяса, напримѣръ?

— Ни-ни. Негдѣ: у насъ и лавокъ такихъ нѣтъ.

— Нѣтъ?

Впрочемъ, самолюбію Семена очень польстило то, что ему рядомъ съ Анисимовымъ отвели точно такую же комнату, а когда монахъ гостиницы внесъ къ нему серебряный самоваръ, денщикъ вытащилъ изъ кулька, бывшаго съ нимъ, бутылку съ ромомъ и важно сѣлъ пить чай... Монаха онъ не посадилъ, наслаждаясь его почтительностью.

— Въ сраженіяхъ, поди, страшно?—нерѣшительно спросилъ послѣдній.

— Кому страшно, а кому нѣтъ. Намъ съ генераломъ весело.

— Вотъ какъ!

— Да, потому мы должны примѣръ имъ подавать. Иначе никакъ еройственнаго духа не поддержишь. Мы всегда впереди... Пули, значитъ, кругомъ, а мы впередъ.

— Скажите! Пуля, значитъ, взадъ летитъ?

— Она вездѣ. За ней не углядишь. Ее пустили—она летитъ.

— Для кровопролитія?

— Вотъ именно. Потому ей надо кокнуть въ живое мѣсто. Она свое дѣло знаетъ ловко тоже.

— Какъ васъ только Господь хранилъ, сколько вы теперича страховъ навидались.

— Всего было! Чаю хочешь?

— Нѣтъ, намъ воспрещено съ мірскими пить. Нельзя.

Сергѣй Николаевичъ въ то же самое время сидѣлъ въ кельѣ у брата.

Келья эта была такъ же проста, какъ и самъ игуменъ. Бѣлыя стѣны, некрашенный полъ, въ окнахъ ни одного цвѣтка, на столахъ ни одной книги. Только пообширнѣе братскихъ—вотъ въ чемъ было ея отличіе.

— Какъ у тебя непріютно.

— Мысли зато просторъ, не останавливаетъ ничто ее, она и стремится за предѣлы кельи.

— Развѣ ты не читаешь?

— Когда же читать-то... Была война, газеты читалъ. Ну, а теперь некогда, дѣла много!.. Едва успѣваешь къ концу привести все, что начато... Впрочемъ, всего не успѣешь!.. На меня тоже гроза идетъ.

И отецъ Никодимъ понурился.

— Какая гроза? Вотъ я и не думалъ, видя тебя такимъ спокойнымъ.

— Безпокиться нечего. Безъ Его воли ни единаго волоса не упадетъ... Сказано! Слѣдовательно, и волноваться не изъ чего. У насъ, у монаховъ,—улыбнулся онъ,—своя логика, удобная весьма къ успокоенію чувствъ...

— Ты все-таки не сказалъ, какая гроза...

— Да видишь ли ты. Двадцать лѣтъ тому, когда я пришелъ сюда, стоялъ на бережку здѣсь деревянный домъ для келій да церковь покосившаяся—вотъ тебѣ и вся наша обитель была. Ну, а за это время, съ помощью Божіей и молитвами нашихъ угодниковъ, ишь какія твердыни я поставилъ. По-Анисимовски ра-

боталъ. Созидая, не зналъ отдыха. Теперь во всей округѣ не найдешь ничего подобнаго. Одно слово—благодать на сихъ мѣстахъ почіетъ!.. Ну, вотъ сначала меня очень хвалили и даже поддерживали оттуда, ибо сотрудниковъ здѣсь у меня не было. Все противъ стояло, потому что лѣни да бездѣльничества я потворщикомъ никогда не былъ. Ну, а теперь, какъ я все поставилъ да машину завелъ—и у меня тамъ оказались враги суровые и даже неудобопонятные...

Онъ понуръ.

— Вѣдь вотъ,—нѣсколько спустя началъ онъ,—какія обвиненія слышать приходится. Зачѣмъ, вишь, я пустынножительство уничтожилъ. Въ первое время здѣсь иноки уходили въ лѣса, вырубали себѣ тамъ одинокія кельи и спасались въ пустынѣ. Другіе въ пещеры запирались—молчальники, третьи—прорицали, и народъ къ тѣмъ притекалъ во множествѣ. Ну, я сейчасъ же понялъ, что это гордыня одна, что подвигъ свой всѣ эти «свѣтильники» понимаютъ неправильно. Положимъ, что для поэзіи оно, дѣйствительно, лучше было—по дебрямъ въ одиночку спасаться. Но я какъ началъ всѣхъ за работу ставить—и пустынниковъ привлекъ. Кого на смолокурню, кого на лѣсныя порубки... Гвалтъ поднялся страшный. Меня было даже «къ князю власти воздушныя» приравняли. Совсѣмъ, вишь, въ дьявола я обратился. Оттуда мнѣ замѣтили, что сіе не совсѣмъ благосклонно встрѣчено. Не подлежаще де я поступаю. Что было дѣлать? Распустить опять по дебрямъ всю эту орду? Нельзя. Порядку никакого не будетъ, надзоръ невозможенъ, и соблазны на каждомъ шагу. Вотъ я и выстроилъ на горѣ-то—тутъ по серединѣ нашего острова есть такая—небольшой скитъ, далъ ему Аѳонскій уставъ, да еще самаго строгаго изъ тамошнихъ монастырей,—вѣчное молчаніе и внѣ храма Божьяго одиночество, да и говорю пустынножителямъ: милости просимъ, кто желаетъ спасаться. Только богомольцамъ туда—ни ногой! Желающихъ, разумѣется, нашлось мало. Кому охота! Съ тѣхъ поръ и пошло. Я, видишь ли, ради прибытка и хозяйства монастырскаго подвигъ уничтожилъ. Я, вишь, завидую вліянію пу-

стынножителей на народъ; одинъ даже писатель такой нашелся, пріѣзжалъ къ намъ, смотрѣлъ-смотрѣлъ, а потомъ и назвалъ нашу обитель арестантскими ротами синодальнаго вѣдомства!.. Чего-чего не было, ужъ меня и въ Аракчеевы записали и въ Фотіи... А теперь сказываютъ—новое горе ждетъ меня.

— Что еще?

— Хотятъ въ другую обитель подальше перевести.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно. Отъ нихъ станетъ. Слишкомъ, вишь, я неблагопотребенъ здѣсь и неспокоенъ. Я, на ноги поставившій все это кругомъ, теперь не нуженъ, иди вонъ въ другую бѣднѣйшую и пустыннѣйшую обитель!.. Разумѣется, я монахъ, я долженъ повиноваться и уйду... Только, значитъ, это меня къ смерти приговариваютъ. Потому не работать я не могу. Это все равно, что брату Петру сказать: иди и сложи руки и не трогайся съ мѣста. А работать, какъ прежде, я не въ силахъ. Ишь, я какое туъ рабочее царство создалъ. Развѣ мало моей мысли да силы убито на ней? Гдѣ я возьму еще...

— Пріѣзжай къ брату и живи у него.

— А это?—и Никодимъ взялъ себя за черную мантію.— Ты думаешь, даромъ я обѣты давалъ. Не для того же, чтобы нарушать ихъ, полагаю! Напротивъ... Чѣмъ хуже, тѣмъ болѣе стойко надо держаться. Не возвеселю сердца ихъ слабостію, понеже вѣрую и уповаю! А испытанія всякому посылаются. Съ ними совладать надо. А только вотъ что я скажу тебѣ: не время теперь на Руси для нашей Анисимовской породы.

— Какъ это?

— Такъ, не время.

— Куда же намъ дѣваться?

— Куда хочешь. Хоть умирай пока. Видишь, такіе люди, сильные духомъ и безповоротные, нужны были прежде. И очень даже. И ихъ цѣнили. А теперь другая пора настала. Нынѣ и Богу живому кланяйся, и тельца золотого уважай, и гога съ магогомъ тоже въ забвеніи не оставь. Вѣрно говорю тебѣ—

и дѣла ихъ отъ земли не видать—ну, какъ же намъ съ нашимъ Анисимовскимъ масштабомъ? Совсѣмъ не къ мѣсту...

И отецъ Никодимъ въ видимомъ волненіи всталъ и прошелся по кельѣ.

— Тѣхъ, которые умѣютъ хотѣть и исполнять свои хотѣнія, что идутъ прямо и всѣ преграды ломаютъ передъ собой, какъ легкія изгороди, у кого еще осталась сила,—не надо... Совсѣмъ не надо. Теперь время уступокъ. Щепочки послѣ большой строительной работы собираемъ, а что осталось недостроеннымъ, то валиться должно, потому что настоящихъ рабочихъ нѣтъ, дѣти одни кругомъ, да и дѣти-то лѣнивыя, злыя, праздношатающіяся. Вотъ, напримѣръ, у брата Петра—пелады все. И какіе пелады! Подъ корень топоромъ его рубятъ, а почему? Потому что и онъ ненадобенъ. Ни я, ни онъ... Я не ропщу,—опомнился Никодимъ,—я не ропщу. Испытаніе невѣдомо почему посылаетъ иной разъ Господь. Въ этомъ Его воля. Сверху-то Ему виднѣе, чѣмъ намъ. Можетъ быть, и такія эпохи нужны, какъ наша. Только ужъ очень тяжко видѣть все это. Все, чему вѣрилъ, для чего работалъ, должно рушиться!..

— Да, я видѣлъ въ прошломъ мѣсяцѣ брата Петра. У него тоже дѣла ужасны.

— Да кому нынче настоящая сила нужна?

— Никому... Ты правъ, братъ. Время среднихъ людей и маленькихъ дѣлъ! Во время войны былъ кризисъ,—ну, Петръ и влѣзъ въ западню къ разнымъ нѣмцамъ... Теперь, впрочемъ, онъ тебѣ самъ писать будетъ. Его энергію сломить мудрено, но теперь случаются минуты, когда и онъ опускаетъ руки!.

Браться простились. Отцу Никодиму надо было идти въ церковь. Сергѣю Николаевичу—къ себѣ въ келью.

— Ты, смотри же, въ трапезу къ намъ приходи. Накормимъ тебя, чѣмъ есть... У насъ скудно!—уже повеселѣвъ, провожалъ его игуменъ.—Пока я еще здѣсь хозяинъ.

III. На кладбищѣ.

Сергѣй Николаевичъ вышелъ отъ брата задумчивый и грустный.

«Да, онъ правъ,—думалъ про себя Анисимовъ: — теперь, дѣйствительно, такое время, именно время среднихъ людей. Послѣдній разъ вспыхнуло—въ прошлую войну. Сдѣлали мы все, что надо, а приводить въ порядокъ оставленное нами, организовать все, явились средніе люди, дальше нынѣшняго дня ничего не видящіе. Кажется, все на-нѣтъ сведутъ! Все на-нѣтъ... Цѣлое море крови пролитой, брошенные милліарды пропадутъ даромъ. Съ другой стороны придутъ крупные люди и большія силы и воспользуются всѣмъ этимъ. Ты сѣешь, а другой жнетъ».

Онъ шелъ по берегу.

Пароходъ, уже опустѣвшій, стоялъ у пристани. На палубѣ, выпятивъ подошвы громадныхъ сапогъ, прямо въ дыру, пробитую въ бортахъ, лежалъ какой-то матросъ и спалъ. Сидя на рулѣ, баба-экономка зѣвала и крестила ротъ, всякій разъ обмирая потомъ отъ лѣни; изъ небольшой верхней каюты капитана доносился сюда громкій храпъ. Очевидно, и онъ заснулъ себѣ— благо до завтра дѣлать было нечего. Даже вода спала. Утромъ она еще колыхалась порой, шлепая, словно ладонями, по нижней поверхности досокъ, изъ которыхъ была сложена пристань, а теперь же ни звука оттуда. Тишина такая кругомъ, что даже тихое пѣніе монаха, все еще удившаго рыбу посреди залива, доносилось сюда вмѣстѣ съ мѣрными ударами веселъ какой-то лодки, подвигавшейся къ выходу за молы... Далеко позади обители лѣсъ стоялъ неподвижною стѣной. У самой пристани росла тонкая березка. Листочки ея, словно вздрагивавшіе при малѣйшемъ колебаніи воздуха, теперь застыли и заснули на тонкихъ и гибкихъ вѣтвяхъ; только, когда суетливый щеголъ сѣлъ на одну изъ нихъ, она заколыхалась и зашумѣла подъ его тяжестью... На монастырскомъ кладбищѣ широкая листва темнозеленыхъ кленовъ стояла, точно изваянная; въ бѣлыхъ липахъ роились однѣ только пчелы, наполняя всю окрестность своимъ

однообразнымъ, дремотно охватывающимъ, шумомъ. Этотъ уголокъ, съ его тѣнью и прохладой, потянулъ къ себѣ Сергѣя Николаевича. Онъ пошелъ туда, отворилъ дверцы, переступилъ за ограду, и тотчасъ же ноги его ушли въ высоко разросшуюся между могилами траву, пестрѣвшую тысячами желтыхъ и красныхъ цвѣтовъ... Скромныя незабудки улыбались ему изъ своихъ тихихъ убѣжищъ, наглый и пышный макъ полымемъ вспыхивалъ повсюду; съ золотыми зубчатыми вѣнчиками курослѣпа и ромашки мѣшались слегка подернутые слабымъ румянцемъ лепестки шиповника, разливавшаго вокругъ свое тонкое благоуханіе. Вся опушенная душмянка порою струила свой густой и и тяжелый ароматъ, и въ воздухѣ застаивались бѣлые хлопья одуванчиковъ...

Тишина и миръ здѣсь царили нерушимые. Это дѣйствительно былъ «уголокъ мертвыхъ». Чѣмъ-то успокоительнымъ вѣяло отъ него, чѣмъ-то, отъ чего замирало все внутри и падали всякія огорченія, какъ подстрѣленныя птицы. Сергѣй Николаевичъ долго ходилъ отъ одной могилы къ другой. Всѣ онѣ были одинаковы. Горбина земли проросла травой и цвѣтами—вотъ и все. Ни памятниковъ, ни плитъ съ пышными надписями. Кое-гдѣ торчмя стояли кресты, опутанные отовсюду цѣпкою зеленью. Гдѣ не хватало зелени, тамъ работали пауки, охватывая отовсюду старое и прогнившее дерево своими тонкими и въ безвѣтріи колыхавшимися сѣтками. Птицы здѣсь пѣли громче, и многія тутъ же, надъ могилами, въ густыхъ кленахъ вили свои гнѣзда... Въ углу на одной изъ могилъ Сергѣй Николаевичъ замѣтилъ старика-монаха. Онъ, казалось, прислушивался къ чему-то и улыбался доброю, радостною улыбкой. Не успѣлъ Анисимовъ подойти къ нему, какъ онъ уже закивалъ ему головою.

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй.

И руку ткнулъ, закорузлую, черную. Пожми де...

— Послушать пришелъ?

— Чего слушать?

— Какъ чего... Ишь, покойнички-то въ могилкахъ гудутъ. Ты прислушайся... Здѣсь молчаніе краснорѣчивѣе. Сердцу гово-

ритъ оно. Во всѣхъ могилкахъ гудутъ. Сдѣлай, какъ я, приложись къ землѣ ухомъ. Не бойся, что козявка въ волоса заползетъ. Заползетъ и выползетъ, чего ей сидѣть-то тамъ, не ея это царство—а ты услышишь по крайности и узнаешь, какъ и самъ потомъ гудѣть станешь, какъ зароютъ тебя.

— Зачѣмъ же они гудутъ?—улыбнулся Анисимовъ.

— Чудакъ-человѣкъ... Да Богу молятся... лежатъ, склавши руки на груди, и читаютъ молитвы тутъ... Ну, а скрозь землю кажется, что гудутъ...

— А вы ихъ слышите?

— Какъ не слышать-то... Вотъ ты началъ говорить, я и не слышу. А когда никого нѣтъ, да вѣтеръ упадетъ, озеро наше тоже не шумитъ—ну, тогда все слышишь. И гудутъ они, другъ ты мой любезный, на разные гласы. Вотъ тамъ старецъ Виталій нашъ схороненъ, такъ онъ гудитъ тонко... Словно тебѣ шмель запутался въ рыболовной сѣти, что наши ловцы сушатъ на бережку; а отецъ Доримедонтъ вотъ тамъ—у него здоровая октава была. Всю жизнь онъ у насъ іеродіакономъ служилъ—ну, такъ онъ густо таково: «Господи, помилуй мя, грѣшнаго, по великой милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ». Да, вотъ... и вся недолга. Зарыли, землю сверху навалили кибиточкой, и пошла по ней травка-муравка всякая, цвѣточекъ поднялся красовитый да духовитый, и ничего больше нѣтъ отъ тебя; а мы-то стараемся, да печалуемся, да скорбимъ. Не стоитъ, милый... Особливо ваши скорби мірскія—ой, какія онѣ!.. Изжени ихъ изъ сердца; такъ же вѣдь, какъ эти, сложимъ руки крестомъ да гудѣть начнемъ: «помилуй мя, Боже»...

— И не дѣлать ничего?—усмѣхнулся генералъ, садясь рядомъ съ монахомъ.

— Отчего не дѣлать? Робить всякій долженъ. Тогда земля завоніетъ ко Господу... Она работы требуетъ. А только печаловаться да скорбѣть не надо.

— Что же по-вашему? Коли, напримѣръ, всю вашу работу другіе испортятъ, или вы ее кончите, а вдругъ вамъ на шею Богъ знаетъ кого посадятъ...

— Именно... Вотъ именно, ты невзначай сказалъ: «Богъ знаетъ», а оно вышло точно и премудро. Онъ знаетъ—вѣрно. И если приходитъ другой и работу твою портитъ, либо сдѣлалъ ты свое дѣло, а тебя подъ началъ къ врагу твоему, либо къ равнодушному какому человѣку—во всемъ этомъ смыслъ есть. Онъ-то, не безпокойся, Онъ-то—Отецъ нашъ небесный—знаетъ, зачѣмъ такъ дѣлаетъ. Ему-то сверху виднѣе... На горахъ ты бывалъ ли?

— Бывалъ!

— Ну, вотъ. Ходишь-ходишь по городу и не знаешь его— и понятія о немъ не имѣешь, какой онъ есть на свѣтѣ. Ну, а взошелъ ты на гору, либо на колокольню высокую—и все сейчасъ подъ тобою, какъ на ладони, явитъ себя. И видишь ты, какое зданіе выше, какое ниже, какая улица куда идетъ... Такъ и Ему сверху-то... А ты не ропщи... И ежели что горькое содѣлаютъ тебѣ—радуйся... Значитъ, Богъ тебя любитъ, что испытаніемъ посѣщаетъ. Кабы не любилъ—плюнулъ бы на тебя. Чортъ-де съ тобой — ходи вольно. А нѣтъ — такъ, значитъ, любитъ. Вотъ де—попытай-ка еще этого. Ну-ка... Какъ желѣзо, тебя въ огонь да подъ молотъ, чтобы все нечистое изъ тебя искрами выбило вонъ, и окрѣпъ бы ты... И будешь ты тогда орудіемъ Господнимъ, Его силою кованнымъ изъ настоящей крѣпкой стали... Люба ли тебѣ рѣчь моя? А?.. А и не люба—я все равно говорить буду, потому, по разумѣнію моему, я говорю тебѣ по правдѣ, а не то, чтобы на вѣтеръ. Ишь, у тебя крестъ бѣлый на шеѣ-то. Кавалерія это?

— Кавалерія.

— Ну, вотъ. Царь, значитъ, тебя любитъ... За что же это тебѣ дали?

— За войну.

— Ого!.. за войну. Бѣдовое дѣло — война-то!.. Бѣдовое. Поди, кровь человѣческую проливалъ.

— Проливалъ.

— И много?—заинтересовался онъ.

— Много...

— Нехорошо... Осуждать грѣхъ, а нехорошо..

— По присягѣ, отецъ святой...

— Точно, что присяга. А все лучше, кабы безъ крови. Пролить-то кровь легко, только на томъ самомъ мѣстѣ, охъ какой большой грѣхъ растетъ... Гдѣ она капнула, тамъ сейчасъ нищета, сиротство... Охо-хо-хо... Сиротиночки-голубчики. Кто-то васъ призрѣетъ, кто?

— А Богъ...

— Богъ... На Него одна надежда и есть... Горе сынамъ человѣческимъ, горе... И блудятъ, и убиваютъ, и образъ Его и подобіе унижаютъ... Гдѣ горе... Ты что жъ это къ намъ молиться пріѣхалъ?

— Да, къ брату.

— А братъ у тебя издѣсь?

— Игуменъ вашъ, Никодимъ.

— О!..—Монахъ немного отодвинулся и сбоку посмотрѣлъ на него.—Это, значитъ, ты самъ и есть Анисимовъ, который... Такъ... Читали намъ старцы про тебя, читали... А только ты этому не вѣрь. Не вѣрь, говорю... Они на Бога-то все валятъ... Людей убиваютъ—Богъ... Братія на братію съ оружіемъ идетъ—опять Богъ... Не вѣрь... Ты вотъ помолись-ка здѣсь, чтобы вразумило тебя... Грѣхъ, большой грѣхъ... Братъ тебѣ твой не скажетъ этого, потому онъ хотя и одѣлъ платіе иноческое, но сердцемъ въ міру пребываетъ. Ишь, какія громады воздвигъ на удивленіе. Коровники тоже тесомъ обшилъ... вольную воду заключилъ въ каменныя темницы и даже супротивъ Божьяго гнѣва желѣзныя иглы поставилъ... Вся эта прелесть мірская, суетная... Дана ему сила многая... Великая сила—до жестоковыйности доходящая... А онъ ее куда?.. Ну, Господь съ нимъ. Можетъ-быть, такъ и надо. Богу-то сверху виднѣе... Виднѣе, говорю, оттуда-то. Что мы, черви, понимаемъ... Богъ съ нимъ... Помремъ, тогда поймемъ и молиться станемъ до самаго страшнаго суда Христова...

— Что же, по-вашему, дѣлать надо?

— Въ мирѣ живите, въ мирѣ... Любите всѣхъ... Птицу уви-

дишь—птицу люби, врага—врага, все равно... Тамъ разберутъ, кто виноватъ... Не твое дѣло. А ты Богу подражай. Ишь, Онъ въ рабскомъ видѣ-то сквозь цѣлый міръ прошелъ. И мучили Его, и распяли, и убили... А Онъ одинъ все понялъ. «Не вѣдятъ бо, что творятъ». Воистину, не вѣдятъ. А въ этомъ немногомъ и смыслъ весь!.. Да... Не вѣдятъ! А ты открой свое око внутреннее и узришь, что все въ томъ и есть, чтобы другъ друга любить. И куда тебя ни поставятъ, а ты люби...

— И на войнѣ любить?

— Да, именно... Подошелъ ты къ врагамъ—да и скажи имъ: чего это, други мои, начнемъ мы палить другъ въ друга? Развѣ это порядокъ...

— Ваше превосходительство!—крикнули у калитки.

— Меня вы?—приподнялся Анисимовъ.

— Да... Скоро трапеза наша, пожалуйте... Съ дорожки-то привести себя въ порядокъ не требуется ли?.. Вы это съ отцомъ Аѳанасіемъ... Тронутый у насъ онъ, старецъ-то. Сидитъ цѣлые дни на кладбищѣ. Его и отецъ-игуменъ не приказалъ трогать, и на работу не назначаетъ, потому—тронутый старецъ. Не позовемъ его спать, и на ночь останется здѣсь. Мнѣ, говоритъ, съ упокойничками-то лучше. Для души его пользительнѣе...

IV. Письмо издалека.

«Пожалуй, онъ и правъ,—думалъ Анисимовъ, оставшись вечеромъ одинъ у себя, въ горницѣ монастырской гостиницы, и вспоминая сумасшедшаго монаха, встрѣченнаго имъ на кладбищѣ.—Пожалуй, онъ и правъ. Дѣйствительно, чего мы мучимся и волнуемся, когда, въ сущности, жизнь складывается такъ просто, и все сложное въ ней мы создаемъ сами. Уйти куда-нибудь въ глушь, въ тишину. Чтобы всѣ тебя забыли, и тратить день за днемъ—въ физическомъ трудѣ, не зная ни этихъ волненій, ни честолюбія, ни славы... Жениться... На ней, разумѣется, на Аннѣ»...

И ему вдругъ самому стало смѣшно.

Давно ли, кажется—еще и трехъ лѣтъ не прошло, какъ онъ ѣхалъ тогда въ ту сѣверную петербургскую ночь отъ Порожнева и негодовалъ на него за курятникъ, который тотъ себѣ устроилъ. А теперь, какъ жизнь помяла, какъ зависть и злоба омрачили ему минуты высочайшаго торжества, онъ уже, какъ о счастіи, думаетъ о такомъ же курятникѣ, съ нею, съ этою странною, на видъ такою кроткою и мягкою дѣвушкою, когда-то имъ спасенною и потомъ чуть не загубленною... Онъ вспомнилъ, что ея письмо еще лежитъ у него въ карманѣ. Онъ вспомнилъ ея самопожертвованіе, муки. Потомъ уже, послѣ войны, обнаружилось, что даже любовь она принесла въ жертву его счастью. Еще бы—въ тотъ тяжелый моментъ разлуки не она ли сказала ему, что «любитъ другого». Она—другого! И онъ тогда повѣрилъ... И долго старался не думать о ней, изгнать ея кроткій образъ изъ своей памяти. И все это потомъ оказалось обманомъ. Она нарочно сказала ему неправду, чтобы онъ забылъ о ней, пересталъ помышлять даже о далекой и тихой труженицѣ. Она знала, что разобьетъ себѣ сердце этимъ, но ни на минуту не поколебалась. Онъ получилъ письмо передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ обитель... Ему захотѣлось еще разъ пробѣжать эти «милыя строки». — «Милыя строки!.. И я становлюсь сентиментальнымъ,—и онъ разсмѣялся.—Этакъ, пожалуй, и стихи начнешь писать»... А самъ, между тѣмъ, уже развертывалъ тонкіе листики почтовой бумаги, которые были исписаны мелкимъ, такъ знакомымъ ему почеркомъ.

«Не могу выразить вамъ, далекій мой Сергѣй Николаевичъ, какъ меня обрадовало ваше письмо. Я получила его тогда именно, когда совсѣмъ не разсчитывала уже имѣть о васъ отъ васъ самихъ вѣсточку. Я подумала, что вы совсѣмъ позабыли меня—и, правду говоря, мнѣ это было очень и очень горько. Вы мнѣ очень дороги, и каждый шагъ вашъ или больно, или радостно отдается въ моемъ сердцѣ. Посудите же сами, какъ мнѣ было тяжело узнать, что вамъ теперь нечего дѣлать, что вамъ остается только сложить руки. Разумѣется, вы въ правѣ негодовать, вы въ правѣ требовать вниманія къ себѣ; но, про-

стите меня, по старой памяти, чего вы хотите теперь отъ нихъ? Чего вамъ нужно—мнѣ, съ моимъ маленькимъ умишкомъ, кажется, вы сами себѣ не уяснили этого. Сердцемъ мы, женщины, больше понимаемъ, чѣмъ головой,—и именно теперь, мнѣ кажется, настало такое время, когда вамъ и дѣлать-то было бы нечего. Къ чему бы вы приложили свои руки?.. Посмотрите, кто понадобился кругомъ, кого зовутъ—съ ними ли вамъ работать? И еще удивляюсь я вамъ! Неужели только и свѣта въ окошкѣ, что казенное дѣло. Развѣ вы, вы—Сергѣй Николаевичъ Анисимовъ—не найдете себѣ иного, или въ немъ ужъ весь свѣтъ клиномъ сошелся? Полноте?!.. Я уже не та, что была, я много переболѣла, передумала и теперь вижу вещи яснѣе, чѣмъ прежде. Вамъ именно надо начать такое дѣло, гдѣ бы вы были одни вверху и никому не подчинялись бы. Я сколько разъ видѣла, что необходимость давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ связываетъ васъ, обрѣзываетъ вамъ крылья... А развѣ мало такого дѣла—большого и настоящаго, за которое могли бы вы взяться? Сами же вы говорите—здѣсь дѣлать нечего, и я вѣрю вамъ. Но развѣ русское дѣло только въ одной Россіи сосредоточилось?.. Простите мнѣ, что я пишу вамъ въ такомъ тонѣ, но въ эти два года, какъ мы не видѣлись, я многому научилась и еще больше думала. У васъ, Сергѣй Николаевичъ, сила не для мирнаго дѣла. Въ спокойное время—вы мученикъ, и всѣ вокругъ васъ — мученики, потому что вы сумѣете сдѣлать ихъ жизнь невыносимою. Вамъ нужны тревоги, опасности, вамъ надо играть смертью, иначе... Впрочемъ, вспомните ваши разсказы о петербургскомъ періодѣ вашей жизни, и вы поймете, что я хочу сказать вамъ.

«Вы хотите знать обо мнѣ.

«Я устроилась, какъ мечтала, и именно для такого дѣла, къ которому подготовлялась долго и—смѣю думать—хорошо. Наша община помѣщается въ этомъ ненавистномъ вамъ Петербургѣ, только очень въ сторонѣ отъ тѣхъ его центровъ, къ которымъ вы до сихъ поръ питаете такую вражду. Она далеко-далеко, на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ самыхъ глухихъ его

улицъ. Мои подруги—сестры милосердія—всѣ прошли черезъ ту же школу, которая и мнѣ дала столько бодрости и любви къ своему дѣлу. Эти бѣдныя дѣвушки были во время войны въ разныхъ госпиталяхъ и походныхъ лазаретахъ и тамъ настолько освоились съ міромъ страданій, что оставить его, уйти къ счастливымъ и здоровымъ—имъ даже страшно. И въ самомъ дѣлѣ, отъ сердца надо оторвать это съ кровью. Тутъ и я. Дежурить мнѣ приходится три раза въ недѣлю, иногда и больше. Часто меня община посылаетъ къ стороннимъ больнымъ, и я работаю у нихъ... Я весела, счастлива, спокойна. А это много...

«Не хотѣлось бы мнѣ писать о томъ, о чемъ вы не должны были бы и думать.

«Я полагала, что вы давно выбросили это изъ головы... Я долго мучилась надъ этимъ и рѣшила его разъ навсегда. Зачѣмъ же возвращаться къ нему? Вы хотите яснаго и опредѣленнаго отвѣта. Извольте: вы знаете, какъ я къ вамъ отношусь. Вы—лучшее воспоминаніе моей жизни; для васъ всегда сердце мое будетъ биться тепло, я за васъ стану радоваться и мучиться. Вы, впрочемъ, и сами это отлично понимаете, но также увѣрьтесь разъ навсегда, что женой вашей я не хочу, не могу быть и никогда ею не буду. Слышите ли, Сергѣй Николаевичъ, никогда. Это было бы смертнымъ приговоромъ для меня и лишнимъ дурнымъ воспоминаніемъ и укоромъ совѣсти для васъ. Какая я вамъ жена, именно вамъ, и какой вы мужъ вообще? Вы бы возненавидѣли меня черезъ нѣсколько дней и не простили бы мнѣ никогда вашей же собственной ошибки и моего ничтожества. Помните ваше же выраженіе: жена—это слишкомъ дорого стоящее неудовольствіе! Зачѣмъ же вы непремѣнно хотите, чтобы я для васъ стала такимъ неудовольствіемъ... Оставимъ это. Вы спрашиваете, при какихъ обстоятельствахъ я могла бы сдѣлаться вашей женой? Отвѣчаю на это вамъ рѣшительно—ни при какихъ. Я слишкомъ васъ люблю для этого, слишкомъ... Скажу вамъ больше—я бы согласилась скорѣе быть для васъ любовницей, чѣмъ женою. Въ этомъ случаѣ я бы не связала васъ...

«Итакъ, оставимъ это, совсѣмъ...

«Кстати, знаете ли, кто у меня былъ на-дняхъ? Готова спорить, что вы не отгадаете.

«Не стану томить васъ больше: Софья Васильевна Нѣжина!

«Скажите, что это за человѣкъ? Разлетѣлась она ко мнѣ, разодѣтая такъ и въ такихъ брильянтахъ (это днемъ-то), что я даже сконфузилась—и за нее, и за себя. Первое впечатлѣніе, такимъ образомъ, было отвратительно. При другихъ она вела себя невозможно, говорила какъ-то глупо, прищурясь, свысока, окидывала меня почти презрительными взглядами. Но когда осталась со мною наединѣ, ни съ того, ни съ сего расплакалась, бросилась съ плачемъ ко мнѣ на шею, потомъ стала цѣловать мнѣ руки... И все это, ни слова не говоря. Когда я ее успокоила, она вдругъ задала мнѣ вопросъ:

«— Правда ли, что вы ему отказали?

«— Кому?

«— Ну, кому же другому, ему... генералу Анисимову, одинъ вѣдь у насъ богатырь-то.

«— Въ чемъ я ему отказала?

«— Я знаю, что онъ вамъ сдѣлалъ предложеніе. Я это знаю точно, изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

«— Неправда!—Я чувствовала, что краснѣю, говоря эту ложь, но нельзя же было мѣшать ее въ наши отношенія.—Неправда, вамъ солгали.

«— Нѣтъ, я знаю, знаю, знаю... И даже два раза вы ему отказали.

«— Что жъ вамъ-то до этого?

«— Мнѣ... мнѣ?.. Потому что я его люблю, потому что онъ мой и ничей больше, потому что я его и ненавижу до того, что сама своей рукой убью; не ручаюсь даже, что этого не случится со временемъ.

«— Я еще разъ вамъ повторяю, что Сергѣй Николаевичъ мнѣ не дѣлалъ никакого предложенія.

«Она разозлилась, и разозлилась до того, что подняла зонтикъ, очевидно, съ намѣреніемъ меня ударить—и, разумѣется, не только не ударила, а, напротивъ, упала на колѣни и стала

мнѣ каяться, какая она дурная и злая, и какъ, собственно говоря, всю жизнь ей не везло и проч., и проч., и проч... До того мнѣ все это надоѣло, что я отдѣлалась скорѣе, чѣмъ это было нужно даже. Сказала, что должна итти въ больницу дѣлать перевязки.

«— Если вы хотите, мы будемъ друзьями, — предложила мнѣ она.

«— Я ни съ кѣмъ не ссорюсь, у меня враговъ нѣтъ.

«— О, я знаю,—уже со злостью проговорила она,—я знаю. Вѣдь вы святая... совсѣмъ святая... Вѣдь и Магдалина стала святою, только она не была строгой... А вы не только святая, но и строгая... Прощайте.—И она вышла, даже не оглянувшись на меня и не сказавъ «прощайте». Только садясь въ свой экипажъ, вдругъ обернулась (я вышла ее проводить въ ворота):

«— Я васъ глубоко-глубоко ненавижу... И всегда буду ненавидѣть. Да!..

«Правду говоря, это произвело на меня очень непріятное впечатлѣніе, но что же было дѣлать!..

«Скажите мнѣ, что такое эта женщина? Рядомъ со свѣтлыми и честными порывами у нея уживаются самыя мелочныя и не совсѣмъ похвальныя выходки. Глубокое чувство и низость, великодушіе и подлость—нѣтъ такихъ крайностей и противоположностей, какія бы не укладывались въ этой странной натурѣ. У одной изъ нашихъ сестеръ есть братъ—извѣстный фотографъ. Софья Васильевна пріѣзжала къ нему и заказывала изобразить на одной и той же карточкѣ свой и вашъ портреты. Разумѣется, онъ отказалъ, потому что она способна на все. Мнѣ странно, какія права на васъ имѣетъ эта женщина?..»

Сергѣй Николаевичъ опустилъ письмо, не дочитавъ его.

— А ты не странная?.. — проговорилъ онъ вслухъ. — Пишешь, что тебѣ все равно; что я тебѣ близокъ только какъ другъ и братъ, а, между прочимъ, ревнуешь и ревнуешь въ каждой строчкѣ своего письма, ревнуешь въ своей ненависти къ той несчастной, ревнуешь даже въ этомъ вопросѣ: «какія права на васъ имѣетъ эта женщина?»

V. Расшаталось.

Ранѣе описываемыхъ нами событій за нѣсколько мѣсяцевъ Петру Николаевичу Анисимову еще разъ пришлось побывать въ Петербургѣ и при болѣе печальныхъ условіяхъ. Онъ думалъ, что послѣ окончанія войны заводы его оживутъ, и дѣла поправятся; онъ ждалъ заказовъ со всѣхъ концовъ Россіи; онъ лихорадочно готовился выполнить ихъ безъ задержки. Когда на югѣ дрались, умирали и шли впередъ,—въ его рабочемъ царствѣ кипѣлъ неустанный трудъ. Ни одинъ горнъ не былъ погашенъ, ни одна доменная печь, или домна,—какъ ее называли рабочіе— не охладѣла. Такъ же пыхтѣли паровики, съ глухимъ стихійнымъ шумомъ вращались маховыя колеса, въ кирпичныхъ утробахъ толстыхъ багранокъ кипѣлъ металлъ, стучали молоты, визжали пилы, скрипѣло подъ тысячами стальныхъ орудій дерево... «Всѣмъ будетъ работа, никто не останется безъ хлѣба», говорилъ Анисимовъ, загромождая кладовыя, сараи и склады всякаго рода чугунными и желѣзными предметами, стекломъ, хрусталемъ, фаянсомъ, машинами, выходившими изъ его заводовъ. «Богъ дастъ, война кончится—и все понадобится, все уйдетъ!» соображалъ онъ и, какъ часовой, стоялъ въ свѣжей бреши своего Малахова кургана, отстаивая свой трудовой Севастополь отъ нищеты, надвигавшейся на него отовсюду... Тяжело было Анисимову. Долги росли; сумма, занятая имъ въ Петербургѣ, оказалась слишкомъ незначительной: она удовлетворила потребности только первыхъ двухъ мѣсяцевъ. Заводы, какъ жадно раскрытая пасть громаднаго чудовища, требовали все новыхъ и новыхъ кусковъ, и подъ конецъ Анисимовъ швырялъ ихъ въ нее, уже не соображая ни о чемъ болѣе. Нужно было спасти свой Севастополь во что бы то ни стало. Теперь именно, когда онъ разсчитывалъ на заказы, на то, что его склады опростаются разомъ,—все прижалось и замерло. Денегъ не было ни у кого, онѣ шли невѣдомо куда и невѣдомо зачѣмъ. Всѣ жаловались, кредитъ упалъ—заводы всюду лопались, какъ мыльные пузыри, фабрики закрывались, и чуть ли не у каждаго

банкира былъ въ карманѣ, на всякій случай, заграничный паспортъ...

Въ нынѣшній пріѣздъ свой въ Петербургъ Анисимовъ нашелъ, что дѣло, предстоявшее ему, было гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ сначала. Куда онъ ни приходилъ—всюду слышались жалобы, и однѣ и тѣ же. Нѣтъ денегъ, неоткуда взять ихъ, все остановилось и все сложило руки, потому что... нѣтъ денегъ. Казалось, что особенное оживленіе на улицахъ Петербурга, весь этотъ грохотъ и шумъ извозчичьихъ пролетокъ и собственныхъ экипажей происходятъ оттого, что всѣ ѣздятъ, ищутъ денегъ. И этотъ моментъ засталъ совсѣмъ неожиданно. Именно явился, яко тать въ нощи. Вся провинція поднялась и пріѣхала въ Петербургъ за капиталами, точно всѣ разсѣянные строители башни вавилонской собрались опять назадъ къ ней же, въ чаяніи отъ нея великихъ и богатыхъ милостей. Всѣ они говорили на непонятныхъ другъ другу языкахъ, но у всѣхъ выходило одно общее—страшная нужда. Откуда и отчего она явилась разомъ—никто не понималъ. Были деньги, былъ кредитъ—не стало денегъ, не стало кредита, вотъ и все. Радовались только: щедринская торжествующая свинья своей невозбранности въ данную минуту да заложившій руки въ карманы еврей, который отлично зналъ, куда дѣвались и кредитъ и деньги. Но, разумѣется, не онъ бы открылъ бѣглецовъ и водворилъ на мѣстѣ жительства. Торжествующая свинья даже поздравляла съ наступленіемъ этой нищеты... «Авось, опомнятся,—хрюкала она.—Съ жиру-то вольнодумствовать стали, звѣзды съ неба хватать вздумали,—тутъ шалишь, наголодайся-ка да нахолодайся». И, съ своей стороны, торжествующая свинья была права, потому что для нея всегда было достаточно жолудей и помойныхъ ямъ. И всѣхъ, кто такія помойныя ямы не признавалъ за райское блаженство, ликующіе боровы кусали за икры и трепали... Никто ничего не понималъ до такой степени, что когда однѣ партіи разочаровавшихся добыть денегъ въ Питерѣ уѣзжали обратно—другія изъ тѣхъ же мѣстъ являлись сюда опять. Какъ нѣтъ денегъ?—орали финансисты. Устали, что ли, бумажки печатать?.. Мало

рабочихъ, что ли, въ экспедиціи заготовленія? Нѣтъ,—ну, и отпечатай еще. Но издательская дѣятельность этого почтеннаго учрежденія уже прекратилась, и банкротства сыпались за банкротствами, и разореніе, какъ кругъ на водѣ, все ширилось болѣе и болѣе.

Разумѣется, положеніе Петра Николаевича было повыгоднѣе, чѣмъ всѣхъ этихъ искателей. Онъ опирался на дѣйствительный авторитетъ, ему принадлежало до полутораста заводовъ, на которыхъ кормилось болѣе ста тысячъ человѣкъ. Съ его интересами связано было благосостояніе чуть ли не трехъ губерній, да и, кромѣ того, на него смотрѣли, какъ на представителя рождающейся и развивающейся русской фабрично-заводской промышленности. Анисимовъ былъ принципъ и знамя, и съ нимъ нельзя было такъ же мало церемониться, какъ съ аматерами и почитателями изданій экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. У него было настоящее дѣло, дѣло большое. Правда, ему не вѣрили, его считали самодуромъ, свихнувшимся теоретикомъ; онъ слишкомъ много дѣлалъ и мало говорилъ, тогда какъ Петербургъ именно и любилъ разговоръ, и разговоръ пріятный. Поэтому, зная, что онъ встрѣтитъ во вліятельныхъ правительственныхъ сферахъ, Анисимовъ рѣшился обратиться туда напослѣдокъ, если ему уже ничто не удастся помимо этого. Это была послѣдняя соломенка для утопающаго. До нея онъ хотѣлъ попытать счастія у частныхъ лицъ—и, по своему обыкновенію, не теряя времени, пріѣхавъ въ Петербургъ, только переодѣлся и поѣхалъ къ одному свѣже-испеченному милліонеру, молодому человѣку, женившемуся на вдовѣ своего хозяина и на ея страшномъ богатствѣ.

— Васъ ли вижу, почтеннѣйшій Петръ Николаевичъ? — встрѣтилъ его россійскій крезъ, усиливаясь надѣть «Владимира» на сюртукъ передъ самымъ входомъ Анисимова къ нему въ кабинетъ.

— А вы меня знаете?

— Какъ не знать, помилуйте. Кто же васъ на Руси не знаетъ? Всѣ мы вамъ кланяемся земно, ибо вырываете вы насъ

изъ англійскихъ ежовыхъ рукавицъ, да и отъ нѣмцевъ отбиваете.

— Я радъ особенно вашему доброму расположенію ко мнѣ.

— Помилуйте, да мы всѣ, вся Россія, въ долгу у васъ неоплатномъ...

— Значитъ, наши переговоры придутъ, можетъ быть, къ хорошему результату.

— О чемъ-съ?

— Деньги нужны мнѣ.

— Вамъ?—вскочилъ крезъ.

— Да, мнѣ. Времена плохія, а производство громадное.

— Какъ же вамъ не достать-то! Нуженъ милліонъ—милліонъ достанемъ, два — и въ двухъ отказа не будетъ. Помилуйте!—И онъ потрепалъ Анисимова по колѣнкѣ. — Да это, поди, вы такъ... Зачѣмъ вамъ деньги-то?

— А вотъ выслушайте-ка.

И Анисимовъ сталъ подробно разсказывать о положеніи своихъ заводовъ, объ ихъ экономическомъ значеніи и причинахъ своихъ затрудненій въ настоящее время.

— А сколько вамъ надо теперь?

— Два милліона.

— Хорошо-съ. Достать и такія деньги можно. Только не знаю я—примете ли вы мои условія?

— А какія ваши условія?

— Да ужъ не знаю, говорить ли? А?

— Зачѣмъ же я заѣхалъ къ вамъ иначе?

— А говорить—такъ на чистоту. Мои деньги—ваша нужда, слѣдовательно, я такъ полагаю, и стѣсняться мнѣ нечего. Такъ ли?.. А?

— Мое дѣло принять или нѣтъ, а высказывать ваши требованія вы имѣете полное право.

— Такъ вотъ-съ. Достану я вамъ два милліона, только съ однимъ... Исполу?

— Какъ исполу?

— Такъ... Значитъ, я буду въ вашемъ дѣлѣ половинщикъ.

— Какъ же это?

— А за одолженіе, значитъ. Вмѣсто процента...

Петръ Николаевичъ отодвинулся отъ него и сталъ всматриваться, не съ ума ли сошелъ-де.

— То есть, пока я не верну вамъ всѣхъ денегъ?

— Нѣтъ-съ... Деньги-то вернуть вы должны. А, значитъ, за одолженіе самое...

— Да вы знаете, что мое дѣло стоитъ? Мое дѣло въ пятнадцати милліонахъ.

— Вотъ вы и думайте. Я вѣдь васъ не нужу... Хотите—соглашайтесь, хотите—нѣтъ.

— Ну, ужъ это я вамъ навѣрно скажу, что не соглашусь никогда.

— Дозвольте мнѣ вамъ объяснить. Нигдѣ вы нынче такихъ денегъ не достанете.

— Посмотримъ.

Отъ него Анисимовъ поѣхалъ къ другому. Это былъ parvenu, выигравшій громадный процессъ и получившій неожиданное наслѣдство отъ какого-то, ему самому невѣдомаго, родственника. Сынъ разорившагося банкира, онъ выросъ въ нищетѣ, въ неизвѣстности. Слетышевъ — такъ его звали — былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ богачей Петербурга. И ему, именно за его милліоны, прощалось часто то, что всякаго другого сдѣлало бы смѣшнымъ и даже ненавистнымъ. Слетышевъ покупалъ ордена всюду, гдѣ они продавались, жертвовалъ большія деньги за право носить какіе-то удивительные мундиры, снимался на портретахъ въ этихъ мундирахъ, требуя у художниковъ одного, чтобы они изображали на его лицѣ «застывшую государственную мысль». Слетышевъ стремился попасть ко двору, но тамъ его не приняли; онъ обидѣлся и хотѣлъ завести у себя оппозицію, но оппозиція къ нему не пошла; бросился было въ литературу, но и тутъ ему не повезло. Онъ прикормилъ только репортеровъ да рыцарей малой печати, которые его же самого отдѣлали на столбцахъ своихъ газетъ; ударился въ музыку—къ нему явились артисты, ограбили и ушли. Художники поступили не лучше! Теперь онъ занимался спиритизмомъ и почему-то хотѣлъ издавать газету самъ. Анисимовъ когда-то былъ очень

друженъ съ его отцомъ и, въ свою очередь, не разъ выручалъ его изъ бѣды.

Петра Николаевича встрѣтили напудренные лакеи въ бѣлыхъ парикахъ и съ такими обтянутыми въ черные чулки икрами, что имъ позавидовала бы любая балетная танцовщица. Они сдавали Анисимова одинъ другому, и, такимъ образомъ, онъ попалъ, наконецъ, въ святилище самого Слетышева. Самъ милліонеръ былъ какой-то весь карманный. Его, казалось, можно было уложить въ боковой карманъ, какъ въ футляръ, даже не перегибая. Отсутствіе роста и величія онъ старался замѣнить тѣмъ, что пыжился, и, считая манеру выпячивать губы за признакъ необыкновенной значительности, тщетно пробовалъ добраться нижнею губой до кончика собственнаго носа. При этомъ онъ постоянно вытягивался на носочкахъ, топорщился и такъ задиралъ голову кверху, что даже заставилъ всѣхъ вѣрить въ искривленіе позвоночнаго столба у самой шеи... Онъ принялъ Петра Николаевича необыкновенно торжественно, взялъ его за обѣ руки, подвелъ къ креслу и самъ сѣлъ около съ такимъ видомъ, точно вотъ сейчасъ,сію минуту, именно ими обоими должна быть рѣшена судьба цѣлой Европы. Анисимовъ разсказалъ свою нужду.

— Не могу-съ... Не вижу государственной цѣли во всемъ этомъ.

— Какъ?—удивился Петръ Николаевичъ.

— Такъ-съ... Общей государственной цѣли не вижу-съ. Надо смотрѣть вглубь... И вотъ, смотря вглубь, я не вижу, при всемъ желаніи, никакой государственной цѣли во всемъ этомъ. Понимаете меня? Я полагаю, что милліоны, точно такъ же, какъ и высокій постъ, обязываютъ къ достиженію высшихъ государственныхъ цѣлей...

— Но вамъ извѣстно... простите, что я напоминаю вамъ объ этомъ... Вамъ извѣстно, что, въ бытность вашего батюшки въ Москвѣ, я разъ выручилъ его... И сумма эта, о которой— мнѣ достовѣрно вѣдомо—вашъ батюшка сообщалъ вамъ, и до сихъ поръ еще вами не уплачена... А между тѣмъ...

Карманный государственный человѣкъ еще выше закинулъ голову вверхъ.

— А, между тѣмъ, онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, будучи въ дѣлѣ, дала бы...

— Позвольте-съ! — И маленькій Слетышевъ встопорщился и такъ приподнялъ плечи, что голова его совсѣмъ провалились между ними.—Позвольте... Вы меня обижаете... Моя контора, какъ извѣстно, всѣ свои обязательства уплачиваетъ сполна. Насколько я знаю, по ея счетамъ такого долга не значится.

— Да, потому что это былъ долгъ на-слово.

— Въ общихъ государственныхъ соображеніяхъ сдѣлки на-слово никогда не должны допускаться. Во-первыхъ, это лишаетъ государство гербоваго сбора, во-вторыхъ, плодитъ неопредѣленность и неточность условій, наконецъ, въ политическихъ видахъ...

Невѣдомо, къ чему бы пришелъ Слетышевъ со своими политическими видами, если бы Анисимовъ не всталъ.

— Извините, что я васъ побезпокоилъ...

— Помилуйте...

— Я очень сожалѣю...

И Петръ Николаевичъ поторопился выбраться скорѣе отъ государственнаго человѣка.

Ему оставалось послѣднее средство: содѣйствіе правительства.

Содѣйствіе Министерства Финансовъ! Но онъ зналъ, что на его дѣло тамъ смотрятъ, какъ на гуманитарную затѣю взбалмошнаго милліонера, что никто не хотѣлъ придать ей значеніе то именно, какое она имѣла. Его промышленный районъ былъ воскрешеніемъ для русскаго заводскаго дѣла. Онъ велъ вотъ уже двадцать лѣтъ самую отчаянную, на жизнь и на смерть, борьбу съ иностранцами, заполнившими своими машинами и своимъ желѣзомъ наши внутренніе рынки. Онъ зналъ, что только его дѣло одно является имъ серьезной конкуренціей. Но Петербургу ни до чего не было заботы. Петербургъ жилъ своей жизнью, чуждою Россіи, и, разумѣется, интересы всякихъ ан-

глійскихъ и нѣмецкихъ производителей ему и его чиновникамъ были дороже, чѣмъ выгода или гибель такой же русской промышленности. Анисимовъ зналъ, что ему придется пройти черезъ это, и заранѣе уже хмурился, злился и готовился къ отказу.

Его, дѣйствительно, встрѣтили непривѣтливо. Было не до него.

— Ну-съ?.. Чѣмъ могу быть полезнымъ?—приподнялась навстрѣчу ему особа.

— Деньгами!—хмуро отвѣтилъ онъ, ставя свою шляпу на полъ у кресла, на которомъ сидѣлъ.

— Кратко и непонятно!—засмѣялся его собесѣдникъ.

— Чего же понятнѣе! Нужны два милліона для поддержки заводовъ. Будутъ они даны—заводы выдержатъ, нѣтъ—я долженъ буду ихъ бросить на произволъ судьбы.

— Разумѣется, разумѣется. Русскій пріемъ. Довести дѣло до разоренія, а потомъ взвалить его на шею правительству. Самое настоящее.

— Я на шею правительству не взваливаю. Я предлагаю за ссуду проценты. Въ двадцать пять лѣтъ еще ни разу у меня въ районѣ не было ни голода, ни недоимокъ. Стопятидесятитысячное населеніе кормилось на моемъ дѣлѣ. Мой уголокъ весь покрытъ желѣзными дорогами и телеграфами. Я самъ содержу школы, техническія училища...

— Позвольте, позвольте. Я не отрицаю гуманитарнаго значенія вашего дѣла... Но вѣдь Министерство Финансовъ — не благотворительное учрежденіе.

— Я не о благотвореніи и прошу!

Петръ Николаевичъ мало-по-малу выходилъ изъ себя... Онъ долго разсказывалъ о себѣ, о положеніи своего дѣла, но видѣлъ, что все это разбивается о полное равнодушіе чиновника, которому ни до чего, разумѣется, не было никакого дѣла. Наконецъ, онъ вспыхнулъ и привсталъ.

— Я хотѣлъ бы знать одно только: будетъ мнѣ отказано или нѣтъ?

— Нѣтъ. Отказа не будетъ.

— Слѣдовательно, я могу получить ссуду?

— Да, на условіи.

— На какомъ?

— Въ ваши заводы будетъ введено казенное управленіе, въ видѣ двухъ директоровъ, которыхъ я пошлю къ вамъ.

— Я казеннаго управленія не допущу. До сихъ поръ всякое дѣло, въ которое вводилось оно, гибло.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Во всякомъ случаѣ, безъ контроля со стороны правительства я вамъ денегъ не дамъ...

Петръ Николаевичъ задумался. Положеніе безвыходное. Всѣ способы испробованы и не оправдались.

Средствъ другихъ не оказывались. Надо было согласиться и на то.

«Навязалъ я себѣ камень на шею!—думалъ онъ, выходя.— Прямо ко дну онъ меня потянетъ!»

Когда Анисимовъ былъ въ далекомъ монастырѣ, его братъ уже возился и мучился съ этими директорами.

VI. Сватовство Нѣжиной.

Софья Васильевна Нѣжина послѣ своего свиданія съ Анной Егоровной вернулась домой сама не своя. Крайне раздраженная, она попробовала было напасть на Жанету, но горничная, зная характеръ барыни, молча ушла къ себѣ. Артистка сначала расплакалась, потомъ разбила дорогую японскую вазу; и когда, не ожидавшій встрѣтить ее такою, явился къ ней Бухмановъ— уже съ владимирской ленточкой въ петлицѣ и съ блаженно улыбавшимся лицомъ—она, безъ дальнихъ разговоровъ, выгнала добродушнаго толстяка вонъ. Кое-кто изъ обычныхъ петербургскихъ бездѣльниковъ, не знающихъ, куда дѣваться до вечера, толкнулись было къ ней, но она сама крикнула имъ, что ея нѣтъ дома, и чтобы они убирались. Нѣжина чувствовала себя въ одно и то же время униженною и оскорбленною — и кѣмъ!—тою жалкою дѣвченкою, къ которой она разлетѣлась было со своей непрошенной дружбой и ненужными утѣшеніями. Наконецъ, ей стало нестерпимо. Воздухъ запертыхъ комнатъ

душилъ ее, тонкій ароматъ духовъ, которыми было пропитано все вокругъ нея, казался ей противнымъ. Она послала Жанету за коляской.

— Да скажи, чтобы дали самыхъ лучшихъ лошадей, какія есть у нихъ. Если свободна та пара вороныхъ, на которыхъ я ѣздила прошлый разъ...

Сама же съ обычною торопливостью сорвала съ себя изящный утренній костюмъ, въ которомъ она выѣхала къ Аннѣ Егоровнѣ, и, запершись въ туалетной, начала переодѣваться во все черное. Нѣжина не умѣла сдерживаться, особенно въ томъ нервномъ сотояніи, въ какомъ она теперь находилась. Она разливала флаконы съ духами и швыряла ихъ на полъ, съ отвращеніемъ смотрѣла на себя въ громадное трюмо и сама себѣ казалась въ эти минуты уродомъ, искренно ненавидя и свои цыганскіе глаза и восточныя губы. Она припоминала все, что еще недавно слышала по этому поводу отъ своихъ поклонниковъ, и со злостью называла ихъ вовсе не ласковыми именами...

— Противно, противно!—повторила она вслухъ. И передъ нею точно проносились эти плотоядные взгляды, которыми окидывали ее знакомые, эти судорожныя искривленныя улыбки на лицахъ, когда они говорили съ нею, эти вздрагивавшія руки, пожимавшія ея руку. Въ ея ушахъ еще звучали проникнутые страстнымъ возбужденіемъ голоса.

— Господи! Да какъ же я до сихъ поръ могла терпѣть все это!—чуть не вскрикнула она.—Какъ я могла говорить съ ними, съ этими... искавшими только моего тѣла и не видѣвшими во мнѣ оскорбленной и измученной души...

Она стала было надѣвать на себя тонкую, шитую чернымъ стеклярусомъ, накидку и нечаянно разорвала ее. Въ досадѣ она сбросила ее съ плечъ и, швырнувъ на полъ, расплакалась. Въ этомъ положеніи ее застала Жанета.

— Что съ вами, барыня? Зачѣмъ вы меня не подождали?

— Убирайся...

— Коляска готова—лошади вороныя...

— Дай мнѣ набросить на себя что-нибудь.

— Да, барыня, какъ же вы поѣдете съ заплаканнымъ лицомъ и такими глазами?

— Пожалуйста, не разсуждай.

Она слегка напудрила покраснѣвшія щеки и вышла вонъ, точно торопясь убѣжать отъ самой себя, отъ своей обстановки, отъ всего, къ чему она привыкла и что такъ давно окружало ее здѣсь. Но, повидимому, ей сегодня все не удавалось. Не успѣла она еще спуститься съ лѣстницы, какъ на одной изъ ея площадокъ замѣтила подымавшагося къ ней губернатора того самаго провинціальнаго города, гдѣ она играла въ послѣднее время. Это былъ уже извѣстный читателю кузенъ Анисимова, влюбленный въ Софью Васильевну.

— Такъ!—съ неудовольствіемъ остановилась Нѣжина.— Это вы ко мнѣ ползете?

— Да... Я только что пріѣхалъ — и первый визитъ къ вамъ,—заболталъ, растерявшись, тотъ.

— И совершенно напрасно. Можете повернуть обратно.

— Какъ это?

— А такъ. Я сегодня не расположена слушать ваши глупости. Вовсе не расположена.

— Помилуйте, Софья Васильевна, я четыре дня летѣлъ въ Петербургъ, какъ сумасшедшій...

— Мнѣ сумасшедшіе и здѣсь надоѣли... Прощайте.

— Да за что же... Дайте хоть ручку поцѣловать.

— Я въ перчаткахъ...

Она взглянула на его растерянное лицо, и ей стало жаль бѣдную «особу».

— Ужъ сейчасъ же и губы распустилъ. Экій кисляй! Что ваша генеральша дѣлаетъ? Что Абдулка?

— Абдулка вернулся въ Турцію, а жена моя умерла. Я только мѣсяцъ назадъ похоронилъ ее.

— Значитъ, вы пріѣхали сдѣлать мнѣ предложеніе?—въ первый разъ засмѣялась сегодня Нѣжина.

— Это будетъ зависѣть!..—улыбнулся и генералъ.

— Отъ чего?

— Отъ вашего поведенія... Если вы меня станете принимать на лѣстницѣ и гнать вонъ...

— Ну, вотъ что... Хотите ѣхать со мной кататься?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

— Догадайтесь же подать мнѣ руку... Видно, вы привыкли къ вашей супругѣ... Этакая...

— Она умерла, Софья Васильевна!—съ нѣкоторою строгостью оборвалъ онъ.

— Жаль. Вы ужъ докладывали мнѣ объ этомъ. Куда же вы дѣли всѣ ея гарусные чулки и козловыя ботинки, которые она носила?.. Надѣюсь, не для меня же ихъ сохранили. Ну, простите, больше не буду. Сегодня я такъ зла, такъ зла...

— На кого?—смягчился онъ.

— Прежде всего—на себя самое, а потомъ—на всѣхъ и на васъ въ томъ числѣ.

— А что жъ я сдѣлалъ? За что?..

— А вотъ за вашу глупую и самодовольную улыбку, съ которою вы садитесь ко мнѣ въ коляску... Ѳедоръ, поѣзжай прежде всего на Невскій, въ первый попавшійся шляпный магазинъ, мужской только.

— Это зачѣмъ?—съ недоумѣніемъ повелъ на нее глазами губернаторъ.

— А хотя бы за тѣмъ, чтобы вы купили себѣ новую шляпу и надѣли ее вмѣсто фуражки съ краснымъ околышемъ и козырькомъ съ кокардой. Это у васъ хорошо, въ Случевскѣ, а здѣсь зазорно... Ну, ну, не разсуждать. Извольте купить и надѣть, а иначе я съ вами и не поѣду дальше.

Губернаторъ, вздыхая, подчинился ея капризу.

— Если ужъ теперь такъ, что же будетъ потомъ?

— Когда потомъ?

— Когда вы станете моей женой.

— А тогда будетъ еще хуже... Въ этомъ ужъ будьте увѣрены впередъ. Я васъ обманывать не желаю. Да и труда не стоитъ обманывать.

— Хоть это утѣшительно!—вырвалось у него искренно.— Довольно я уже игралъ смѣшную роль.

— И носилъ рога!—точно вскользь вставила она.

— Пора и отдохнуть!—потупился онъ, не отвѣчая на ея злое замѣчаніе.

— Ну, со мной роговъ носить вы не станете... Потому что... Да, прежде всего никто изъ васъ и не стоитъ этого. Всѣ хороши, и Абрикосовскіе герои, и вы... Еще все-таки женщины лучше васъ. Это вѣрно... Мы хоть сердцемъ живемъ, а вы—Богъ васъ знаетъ, чего вы изломались такъ!..

Вороные кони живо уносили ихъ изъ душнаго и пыльнаго города. Не было слышно грохота колесъ по мостовой — гуттаперчевыя шины скрадывали его. Коляска перегоняла другихъ, спѣшившихъ тоже прочь изъ Петербурга, на свѣжій воздухъ— въ темную зелень густыхъ аллей Каменнаго и Крестовскаго острововъ. День былъ чудесный; легкія жемчужныя облака застоялись на свѣтлой синевѣ сѣвернаго неба. Слабый вѣтерокъ дулъ съ запада, проникнутый запахомъ моря, освѣжающимъ и бодрымъ...

— Только не на Стрѣлку, Ѳедоръ. Надоѣла она!

— Куда же прикажете?

— Подальше, гдѣ нѣтъ народа, гдѣ потише немного.

— Не угодно ли въ Коломягу, сударыня?

— Все равно—куда-нибудь...

И она закрыла глаза.

— Спать хотите?—спросилъ ее спутникъ.

— Нѣтъ. Просто не хочу васъ видѣть.

— Ну, а слушать вы меня можете?

— Говорите. Если надоѣстъ, я вамъ скажу.

— Вамъ извѣстно, Софья Васильевна, что я съ вами имѣлъ честь бесѣдовать въ Случевскѣ...

— Фу, какъ это гадко, «имѣлъ честь»... «бесѣдовать»... Неужели вы не можете по-человѣчески...

— Ну, все равно, какъ я говорилъ вамъ въ Случевскѣ, мое намѣреніе жениться на васъ исходитъ, во-первыхъ, изъ...

— Во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ... если вы будете такъ продолжать—я никогда за васъ не выйду. Такъ вы это и знайте.

— Я еще ничего не сказалъ. Я хотѣлъ замѣтить, что люблю васъ,—это разъ, а потомъ, что вы удивительно умная женщина...

— Это два. Что касается до васъ, то вы неотесанный «глупый мужчина»—это три. А во-вторыхъ, я за васъ никогда замужъ не выйду—это четыре.

— Перестанемъ шутить!

— Я не шучу, совсѣмъ не шучу, а, право, вы меня доведете до этого.

— Неужели съ вами нельзя говорить искренно?

— Да зачѣмъ? Вы знаете, что мы на этотъ счетъ переговорили все; знаете также, что я не влюблена въ васъ, и если выхожу за васъ замужъ, то...—засмѣялась она,—не по увлеченію или страсти, а по разсчету. Мы съ вами будемъ союзниками—и только, и, какъ союзники, постараемся прожить мирно, помогать другъ другу...

— Но я люблю васъ.

— Тѣмъ лучше; значитъ, вы будете у меня подъ башмакомъ.

— Фу, какое выраженіе... Вы говорите, какъ... Я, право, затрудняюсь прибрать сравненіе...

— Развѣ васъ покойница-жена выучила особенно изящному способу выраженій?

— Оставьте ее въ покоѣ... Поговоримъ лучше о томъ, какъ мы устроимся...

— Никакъ!..

— Семь пятницъ на недѣлѣ у васъ, Софья Васильевна.

Но она уже не слушала его, хотя и смотрѣла въ упоръ на спутника. Въ первый разъ ее поразилъ его длинный и сухой носъ, точно вырѣзанный изъ картона—до того онъ былъ тонокъ. Теперь, въ эту минуту, онъ какъ-то особенно смѣшно просвѣчивалъ на солнцѣ... Софьѣ Васильевнѣ, вѣрно, почему-

то стало противно, она обратила вниманіе на уши—они тоже у сановника торчали, точно чужія. Слетѣли съ луны, что ли, и прилипли совсѣмъ уже нелѣпо къ губернатору...

— Фу, какая гадость!—проговорила Софья Васильевна.

— Что еще?

— Какая, говорю, гадость... Какъ я могла думать, что выйду за васъ замужъ...

— Кажется,—обидчиво началъ тотъ,—я даю вамъ тоже не послѣднее общественное положеніе...

— Да... Но вашъ носъ, ваши уши...

— Послушайте!—вспыхнулъ его превосходительство.—Это никуда не годится. Вы издѣваетесь надо мною. Вспомните, кто я... Вы забываетесь...

— Ахъ, вы вотъ о чемъ... Ѳедоръ, останови!

Ѳедоръ осадилъ лошадей, и коляска, прокатясь нѣсколько шаговъ, стала.

— Ну, прощайте, ваше превосходительство...

— То есть, какъ прощайте?

— А такъ, выходите вонъ... Сейчасъ выходите.

— Вы съ ума сошли... Соня... Софья Васильевна...

— Давно ли я для васъ Соней стала? Идите вонъ...

— Помилуйте. Да вы меня на полдорогѣ въ какую-то Коломягу оставляете. Я не дойду никуда.

— Это не мое дѣло... Идите... А то Ѳедора попрошу ссадить васъ.

Штатскій генералъ покраснѣлъ, даже уши его зарумянились.

— Это чортъ знаетъ что. Это самосудъ, варварство...

— Какъ хотите... Вотъ такъ... Даже со ступенекъ сойти не можете, чтобы не споткнуться. И ноги-то, должно быть, ревматическія... Съ толстыми и вспухшими колѣнями... Ну, васъ, въ самомъ дѣлѣ. Я вѣдь—дама изъ «цыганскихъ пѣсенъ» и должна помнить, кто вы и кто я! До свиданія, ваше превосходительство. Забудьте меня и простите, если можете. Ѳедоръ, трогай!

Кучеръ пошевелилъ вожжами, и вороные кони быстро понесли впередъ легкую коляску, оставляя за собой среди пу-

стыря, въ пыли незнакомой дороги, оторопѣвшаго сановника. Онъ совершенно растерянно топтался на мѣстѣ, не зная, куда ему двинуться... Наконецъ, рѣшился повернуть назадъ и пойти... Софья Васильевна угадала. Ноги у губернатора были, дѣйствительно, ревматическими, и онъ то и дѣло спотыкался на неровной и скверной дорогѣ. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, что къ самой ночи ему не добраться до Новой деревни, гдѣ бы онъ могъ найти извозчика въ городъ. Ему уже пришло въ голову сойти налѣво за канавку и прилечь въ траву, пока покажется какой-нибудь экипажъ, какъ судьба смиловалась надъ нимъ—и позади послышался грохотъ и трескъ чухонской таратайки, подскакивавшей и подпрыгивавшей на всевозможныхъ рытвинахъ и колодбинахъ проселка. Генералъ ожилъ.

— Эй... Эй, ты... Остановись.

— Чего надо?—окликнулъ его бѣлесоватый чухонецъ, съ удивленіемъ разсматривая его щегольскую фигуру.

— Ты куда ѣдешь?

— Въ городъ.

— Подвези меня до Новой Деревни. Я тебѣ заплачу.

— Рубль, баринъ, дай, тогда подвезу.

— Хорошо, хорошо!..

Кое-какъ взмостившись на таратайку, его превосходительство двинулся. Ему было совсѣмъ неловко. Нерессорная таратайка швыряла его во всѣ стороны. Въ довершеніе всѣхъ непріятностей коляска Софьи Васильевны, возвращаясь уже обратно, скоро нагнала его. Онъ хотѣлъ было не глядѣть на нее, но Нѣжина окликнула бѣднягу:

— Ваше превосходительство!

— Что вамъ?—угрюмо отвѣтилъ онъ, не приподымая шляпы.

— Ловите! Ваша вѣдь!

И она швырнула оставленную имъ въ коляскѣ фуражку съ краснымъ околышемъ.

— И прощайте!

Онъ молчалъ.

— Навсегда! — обернулась она къ нему, уже весело

смѣясь.—Но поминайте лихомъ, а добромъ не за что! Сама знаю...

Еще разъ его обдало пылью изъ-подъ копытъ вороныхъ и изъ-подъ колесъ—и скоро одна пустынная дорога тянулась передъ нимъ.

VII. Дурныя вѣсти.

Сергѣй Николаевичъ уже недѣлю прожилъ въ обители.

— Я, кажется, не во-время пріѣхалъ къ тебѣ!—замѣтилъ онъ какъ-то разъ брату.

— Почему ты думаешь?

— Да вслѣдъ за мною столько непріятностей валится на тебя со всѣхъ сторонъ.

— Отъ Бога испытанія посылаются. Нужно переносить ихъ безропотно... Если Онъ допускаетъ это, слѣдовательно, такъ нужно... Разумѣется, горько видѣть, какъ все созидавшееся годами—и какими упорными годами!—развивается кругомъ. Все строительство... но что дѣлать? Его святая воля.

— Да съ чего же пошло все?

— Не ко двору я пришелся. Говорятъ, что слишкомъ ужъ строгъ. Не потакаю слабостямъ плотскимъ. Пустынножительство уничтожилъ—не къ кому де народу прибѣгать. Требуютъ, чтобы я отмѣнилъ—и добьются того, что я долженъ буду бросить все и уйти въ дальнюю обитель.

— А уступить нельзя?

— Я въ мірѣ Анисимовымъ звался, а вѣдь ты знаешь, что наша анисимовская порода неуступчива и неотходчива. Уступи на одномъ—и другого захотятъ. Самое плохое дѣло—уступки эти... Сегодня на вершокъ, а завтра и саженью не отдѣлаешься.

— Какъ братъ Петръ, что на своемъ Малаховомъ курганѣ стоитъ и никого не пускаетъ подступиться къ нему.

— Тебѣ бы лучше уѣхать отсюда. Повидались—будетъ.

— Ты меня гонишь?

— Нѣтъ, не гоню... А только тебѣ тоже работать надо... А у меня здѣсь скоро будетъ невесело. Особенно тебѣ.

— Что именно?

— Видишь, моимъ объясненіямъ не вѣрятъ. Изъ Петербурга ревизорамъ шлютъ. Контролировать меня!.. Повѣрять— что жъ, пусть повѣряютъ. Я-то вѣдь отчетъ Богу отдаю, да и то не боюсь—устыжусь ли передъ рабами Его! Во всякомъ случаѣ—не я.

— Да вѣдь это правильно... По закону.

— Здѣсь законъ одинъ—Божескій. Я пастырь стаду своему—и въ немъ одному Господу виноватъ... И единому Богу отвѣтъ дамъ.

— Ну, а когда эти пріѣдутъ?

— И уѣдутъ съ тѣмъ же. Смотри и спрашивай—только не у меня... Пусть за меня дѣла рукъ моихъ глаголятъ. Пустыня была—и воззвалъ я ее ко Христу. Нищета кругомъ царила— теперь отъ обилія нашего даже села корельскія питаются. Монахи, словно стадо безъ пастуха, вразбродъ жили, кто гдѣ и какъ хотѣли—собралъ я ихъ всѣхъ въ вертоградъ одинъ и благообразному порядку научилъ... Если все это—вины, и покараютъ меня за нихъ—восхвалю я Господа Бога моего и удалюсь...

— Куда же?

— А ужъ этого я еще и самъ не знаю... Сказываютъ, въ Пермской окраинѣ, за Павдой и Рептесомъ пустыни такія есть, гдѣ вольно каждому спасаться... Вторично вѣдь не создать обители такой. Силъ не хватитъ, всѣ онѣ убиты на эту; ну, а для житія тихаго и мирнаго въ малой кельѣ—еще слава Богу—будетъ у меня.

— Какая-то полоса прошла надо всѣми нами...

— Да, братъ Петръ пишетъ: колеблется и шатается строеніе его.

— Время среднихъ людей...

— Именно. Большія силы не надобны теперь... Глаза онѣ мозолятъ. Прочь ихъ—смести требуется. Малые люди и дѣла малыя надобны... А такъ какъ мы умалиться не можемъ иначе, какъ на Прокрустовомъ ложѣ, то насъ всѣхъ за бортъ. Что же, да святится имя Его и да будетъ воля Его, а намъ роптать нельзя... Терпи! Все равно, ждать-то ужъ недолго.

И дѣйствительно. Ждать пришлось недолго...

Въ тотъ же день, когда этотъ разговоръ происходилъ между двумя братьями, пришелъ поздно пароходъ, на которомъ пожаловали изъ Петербурга нежданные гости. Монахи, увидѣвъ ихъ издали, бросились къ отцу Никодиму, очевидно, перепуганные и растерявшіеся.

— Что такое?—встрѣтитъ ихъ тотъ.

— Бѣда, ваше преподобіе. Самого ревизорнаго генерала изъ Питера прислали...

— Не къ добру, должно быть.

— Все къ добру, что ни совершается кругомъ!—наставительно протоворилъ отецъ Никодимъ.—Все къ добру... Добро только не различишь сразу...

— Что же намъ дѣлать-то?

— А ничего. Что дѣлали до сихъ поръ, то и продолжайте дѣлать.

Маленькій и подслѣповатый «ревизорный генералъ» былъ съ виду вовсе не страшенъ. Лисья мордочка его, съ бритыми усами и какъ-то некрасиво изъ-подъ шеи торчавшею бородой, старалась казаться даже пріятной, потому что на ея безкровныхъ и сухихъ, «въ ниточку» сведенныхъ губахъ постоянно играла улыбка. Красные глазки изъ-подъ опухшихъ вѣкъ слезились и жмурились, потому что рѣсницъ у него не было, и свѣтъ дневной, очевидно, тяжелъ былъ этому лысенькому нетопырю. Онъ былъ крошечнаго роста и опирался на палку, на рукояткѣ которой были изображены св. Кириллъ и Меѳодій. Казначей подбѣжалъ было къ нему, но «генералъ» успокоилъ его разомъ.

— Не трудитесь, отецъ святой... Не трудитесь.

— Ужъ и для кого же потрудиться, какъ не для вашего превосходительства.

—Не стоитъ... Я вѣдь не по службѣ!—подчеркнулъ онъ, но такъ, что умный инокъ понялъ разомъ, что дѣло неладно.

— Не по службѣ—тѣмъ намъ еще пріятнѣе... Нашу обитель не забываете...

— Какъ же можно забыть... Одинъ отецъ Никодимъ—истинный адамантъ и всѣхъ свѣтомъ своимъ привлекаетъ...

Отецъ казначей еще болѣе увѣрился, что Никодиму грозитъ бѣда великая.

— Ну, что онъ у васъ?.. Все труждается?—словно вскользъ спросилъ штатскій генералъ.

— Все въ потѣ лица своего!.. Все въ потѣ!—сокрушенно подтвердилъ монахъ.

— Ну, что жъ, труждается, труждается,—анъ, смотришь, Господь ему и сладкій отдыхъ пошлетъ. На свѣтѣ все такъ. Богъ обо всѣхъ печется.

— Истинно, истинно...

Онъ уже окончательно понялъ, что отцу Никодиму не оставаться въ обители—«не даромъ объ отдыхѣ заговорилъ».

— У него нынѣ сугубый вельможа гоститъ.

— Кто такой?

— Братецъ ихній, генералъ Анисимовъ.

— Вотъ какъ... Герой. Радъ... Я радъ—поклонюсь ему земно отъ лица всей земли русской.

— Господинъ хотя ипостасный, но простой.

— Въ тридцати сраженіяхъ былъ... Что же, онъ давно здѣсь гоститъ?

— Вторую недѣлю

— И отлично, и отлично... Вмѣстѣ съ братцемъ и отецъ Никодимъ, можетъ, захочетъ проѣхаться, провѣтриться... отдохнуть. Ахъ, много-много игуменъ вашъ работаетъ, такъ много, что даже ему непостижимо, какъ сила человѣческая вынести могла столько. Ну, что же—по заслугѣ и награда: захочетъ—такъ даже въ Петербургъ его переведутъ. Слава-то о немъ, что звукъ трубный, далеко прошла!

— Да, подлинно. Изъ иныхъ прочихъ обителей пріѣзжаютъ къ намъ.

— Поучиться?

— Точно! Есть что и посмотрѣть. Нынѣ и коровники гранитомъ обшивать стали.

— Гранитомъ говорите?

— Да.

— Печемся мы, печемся о маломъ и о многомъ, а того и не знаемъ, что предъ лицомъ Господа и молитва, отъ простоты сердца сказанная, превыше всѣхъ сихъ коровниковъ, хотя бы они не только что мраморомъ, но и гранитомъ были обшиты! Ну, а подвижники ваши какъ? Все еще въ лѣса спасаться не отпущены?

— Нѣтъ,—сокрушенно отвѣтилъ отецъ Кириллъ.

— Въ скитахъ еще заперты?

— Да! Игуменъ, его воля, сами знаете.

— Знаю, знаю. Истинный строитель. Истинный созидатель храма сего... Одно только забылъ онъ: что же пташку-то въ клѣткѣ держать, когда ей въ лѣсу пѣть хочется? Ну, Богъ съ вами, святой отецъ, доложите теперь отцу настоятелю, что я, какъ отдохну, такъ и приду къ нему послушать его словесъ. Медоточивыя уста!

— Воистину—умудренъ Господомъ и даже свыше мѣры!

И, оставивъ ревизора одного въ его кельѣ, отецъ-казначей направился къ настоятелю.

Въ тотъ же день, вечеромъ, отецъ Никодимъ, прощаясь съ братомъ, точно вскользъ уронилъ ему:

— Ты вѣдь завтра ѣдешь?

— Нѣтъ, а что?

— Поѣзжай завтра... Ты мнѣ мѣшать будешь здѣсь. Да и не надобенъ ты пока. Лучше, если дождешься меня въ Петербургѣ.

— Почему? Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?

— Вызываютъ.

— А ты не поѣзжай, у тебя и здѣсь пропасть дѣлъ.

— Да, но съ такой силой вѣдь не спорятъ. Здѣсь, дорогой мой, просто приказываютъ — надо этому повиноваться. Что твоя война!

— Что жъ это? Начало конца?..

— Не думаю. По-моему—еще только конецъ начала! Впе-

реди предстоитъ трудная борьба... Итакъ, прошу тебя, поѣзжайка ты завтра. И я безъ тебя стану лучше отписываться да отвѣтствовать.

— Вѣдь этотъ же «генералъ» штатскій не имѣетъ офиціально никакихъ порученій.

— Еще бы. Не гласно же смѣщать строителя и созидателя такого дѣла. Вызовутъ въ Петербургъ и повысятъ даже... А все-таки здѣсь «безпокойнаго» человѣка не будетъ.

Когда Анисимовъ простился съ братомъ и ушелъ на берегъ, ему стало и тоскливо и жутко. И здѣсь, очевидно, все расшатывалось, и почва уходила изъ-подъ ногъ. Нельзя было разсчитывать, всѣ подпорки упадали! Дѣло, которому тотъ Анисимовъ, только что оставленный имъ въ кельѣ и печальнымъ и смутнымъ, отдалъ лучшіе годы жизни, даже всю жизнь,—дѣло, созданное исключительно его великими силами, будетъ отдано въ другія, болѣе мелкія руки. Иная воля—не такая некрушимая и твердая—будетъ царить здѣсь и сводить къ нулю благія начинанія...

А сѣрыя волны громаднаго озера съ немолчнымъ ропотомъ набѣгали на берега; громадныя разорванныя тучи ползли по небу, цѣплялись и расходились опять, то спускаясь чуть не къ самой поверхности воды, то повинуясь сильнымъ порывамъ вѣтра и убѣгая на югъ. Съ сѣвера несло стужей, и холодная струя воздуха, забравшаяся за воротникъ Анисимову, заставляла его порою вздрагивать. Но онъ не хотѣлъ входить въ келью. Пароходъ до утра оставался у пристани, совсѣмъ опустѣлый, только шершавая собачонка съ палубы лаяла на весь просторъ, позабытая, вѣрно, и пароходною прислугою и поваромъ... Когда Анисимовъ, все въ томъ же раздумьѣ, отправился назадъ и, пройдя за монастырь, вышелъ на поляны позади, вмѣсто шума волнъ до него издали донесся величавый и однообразный гулъ лѣса...

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй!—торопливо проговорилъ, обращясь къ нему, монахъ, встрѣченный на кладбищѣ.

— А, отецъ Виталій! Ну, что, какъ? Все съ упокойничками?

— Да... Вотъ теперь только... Отецъ игуменъ вчера при-

звалъ. Полно тебѣ, говоритъ, баклуши бить,—да, такъ и сказалъ «баклуши»—хитроумный онъ у насъ. Ступай-ка на смолокурню... Я и пошелъ! Ну, прощавай.

VIII. Не съ кѣмъ.

Когда Анисимовъ уѣхалъ изъ далекаго монастыря съ чувствомъ невыразимой тяжести на душѣ, шесть мѣсяцевъ онъ странствовалъ по Россіи, не совладавъ съ своею тоской. Ему было больно за всѣхъ близкихъ и дорогихъ ему людей. Онъ предвидѣлъ, какъ тамъ, на этомъ клочкѣ негостепріимной земли, обращенной его братомъ въ какой-то рай трудового люда, должно было рухнуть дѣло отца Никодима. Онъ зналъ, что игумену не простятъ теперь ни его энергіи, ни его силы, сумѣвшей побороть великія препятствія; онъ зналъ это и понималъ въ то же время полное безсиліе свое сдѣлать что-нибудь въ этомъ отношеніи. Онъ не могъ помочь, напротивъ, его присутствіе дѣлало положеніе брата еще болѣе тяжкимъ и невыносимымъ. Этой гордой и могучей душѣ не надо было утѣшеній. Она не искала сочувствія и въ униженіи вырастала во всемъ своемъ мрачномъ величіи. Анисимовъ понималъ, что отцу Никодиму не будетъ даже слишкомъ тяжелъ черный трудъ и тяжелыя послушанія въ томъ монастырѣ, куда его хотѣли удалить. Онъ былъ убѣжденный монахъ и въ испытаніяхъ видѣлъ посѣтившую его благодать Божію. Онъ подыметъ еще выше голову и въ самомъ смиренномъ положеніи найдетъ возможность превознестись оскорбленнымъ духомъ.... Туда, куда Анисимовъ ѣхалъ теперь, возвращаясь изъ своего долгаго путешествія по окраинамъ, онъ везъ съ собою какую-то безпредметную тоску. Оглядываясь на все, что было имъ пережито, съ каждымъ днемъ онъ все менѣе и менѣе видѣлъ свѣтлыхъ сторонъ, тогда какъ тѣни росли и сливались. Все, казалось, хотѣлъ поглотить душный мракъ разочарованія и обманутыхъ надеждъ,—все, чему онъ такъ вѣрилъ и на плодотворность чего онъ такъ страстно надѣялся. Безчисленныя жертвы, море крови и несчастія—этой тяжелой дорогой онъ хотѣлъ добиться блага для своей родины; но теперь и чѣмъ дальше, тѣмъ

мрачнѣе, передъ нимъ вставали тѣ же суровые гиганты, которые и прежде все сущее здѣсь давили въ своихъ безпощадныхъ рукахъ. Люди гибли и умирали для того, чтобы все осталось по-старому, какъ будто и не бывало этой блистательной эпопеи пережитой народомъ. Напротивъ, сегодняшнее стало еще невыносимѣе вчерашняго. Тѣ силы, которыя ему хотѣлось пробудить, спали и спали такъ крѣпко, что сонъ ихъ нельзя было отличить отъ смерти. Даже то прямое дѣло, ради котораго былъ совершенъ подвигъ, обращалось въ пользу нашихъ враговъ, даже освобожденные нами рабы торопились скорѣе отвернуться отъ насъ, чтобы броситься въ объятія недругамъ, радовавшимся нашей крестной мукѣ и рукоплескавшимъ каждой нашей неудачѣ... Напрасно Анисимовъ цѣплялся за послѣднія надежды, упорно хотѣлъ сберечь въ своей душѣ вѣру въ людей—съ каждою минутою впереди все заволакивалось болѣе и болѣе безпросвѣтнымъ мракомъ, и дорога, еще вчера казавшаяся такою широкою и прямою, теперь терялась въ какихъ-то болотахъ и омутахъ... Общее дѣло было невозможно—о личномъ въ такія минуты не хотѣлось и думать. Да его и не было, личнаго дѣла, оно исчезало тдѣ-то, въ какихъ-то вѣчныхъ просонкахъ, когда одинъ кошмаръ еще не успѣвалъ смѣниться другимъ, еще худшимъ... Онъ ѣхалъ теперь къ брату, зналъ, что тамъ тоже не встрѣтитъ того трезваго и вѣрующаго въ самого себя труда. Онъ уже былъ извѣщенъ, что кровное дѣло Петра Николаевича пошатнулось и пошатнулось такъ, что Анисимову старшему пришлось поступиться всѣмъ, во что еще недавно вѣрилось, какъ въ непреложное и незыблемое. Онъ зналъ, что въ Малаховомъ курганѣ, который такъ долго и упорно защищалъ его братъ, уже пробиты широкія бреши и въ нихъ стоитъ почти торжествующій врагъ, что энергія борьбы слабѣетъ съ каждымъ днемъ и что, пожалуй, настанетъ часъ, когда Петру Анисимову придется пойти на уступки, сдаться и выйти вонъ изъ своего рабочаго Севастополя, отдавая его врагу на добычу. Какія-то подспудныя мрачныя силы вставали отовсюду. Все, что вчера не смѣло говорить громко и жмурилось, чтобы не ослѣп-

чуть передъ широкими и яркими лучами солнца, ворвавшагося въ душную тьму, теперь подняло голову, широкочелюстное, крѣпкозубое, съ чудовищными аппетитами и непомѣрною жадностью, упразднившее всѣ идеалы, своекорыстное, оголтѣлое, подлое; вмѣстѣ ринулось впередъ, требовало себѣ простора и искало жертвъ... Невѣдомо изъ какихъ клоповьихъ тайниковъ выползала вонючая нечисть и торжественно провозглашала упраздненіе чувства обонянія, собачьи клещи въѣдались въ живое человѣческое тѣло—жирѣя, пока оно становилось худосочнымъ. Все, во что вѣрили еще вчера, сегодня стало чуть ли не преступленіемъ. Бойцы, отдавали все безъ боя и уходили прочь, или же, какъ меланхолическіе коты, задумавшіеся надъ помойной ямой, ждали чего-то, какого-то чуда, хорошо зная, что никакого чуда не будетъ и быть не можетъ... Всеобщее оподлѣніе, какъ наводненіе, сокрушивши всѣ плотины, уже заливало все кругомъ... Многіе хотѣли быть Ноями и сооружали ковчеги, но въ нихъ входили только двѣ нечистыя твари, да и Арарата, гдѣ бы могли остановиться такіе ковчеги, не оказывалось.

Какое-то холодное, влажное, слизкое, отвратительное чудовище безнадежности и отчаянія вползало и въ душу Анисимова... Онъ чувствовалъ въ себѣ большія силы, но онѣ были не нужны. Врага вѣдь не оказывалось, все кругомъ: и воздухъ, и небо, и земля, и люди,—все было враждебно... И фонъ картины, и ея люди, и самая рамка сказывались одними и тѣми же.

«Откуда это?—повторялъ онъ про себя, подъѣзжая къ имѣніямъ своего брата.—Когда пришло? Когда все захватило въ свои руки?.. Ужъ именно, какъ тать въ нощи, незамѣтно встало и начало ждать, оказался моментъ—разинуло громадную свою пасть и проглотило все разомъ!»

Анисимовъ вспоминалъ, когда онъ въ первый разъ пріѣзжалъ сюда. Онъ такъ былъ измученъ, боленъ душою отъ только что пережитыхъ оскорбленій, но тогда его обиды были его личнымъ дѣломъ. Это оказывалось частностью — впереди на горизонтѣ было свѣтло и ясно. Онъ забывалъ свои неудачи, несправедли-

вости, сдѣланныя ему, ради великаго дѣла, ожидавшаго и манившаго его тогда... А теперь?

Онъ зналъ, что и брата найдетъ не тѣмъ, какимъ привыкъ его видѣть! И дѣйствительно, Петръ Николаевичъ былъ неузнаваемъ. Онъ весь осунулся и поблѣднѣлъ. Прежде годы на него не оказывали никакого вліянія; теперь его борода была совсѣмъ уже сѣдая. Очевидно, въ послѣдніе два года онъ постарѣлъ такъ замѣтно. Онъ держался еще стройно, но пересиливалъ себя. Въ минуты раздумья Анисимовъ старшій горбился незамѣтно для самого себя, поникалъ и опускалъ голову. Въ самомъ голосѣ его уже не было тѣхъ нотъ, металлически звенѣвшихъ внутренней силой и энергіей. Онъ часто раздражался, хотя его слова уже не звучали прежнею увѣренностью въ себѣ. Не выносившій еще недавно никакого противорѣчія, теперь онъ внимательно вслушивался въ то, что ему говорили; но когда собесѣдникъ оканчивалъ, Анисимовъ вскидывалъ на него удивленный взглядъ, по которому видно было, что Петръ Николаевичъ не слышалъ ни одного слова. Мысли его всегда были далеки: рушилось дѣло, которому онъ служилъ всю жизнь, рушилось самымъ безповоротнымъ образомъ... Встрѣтясь съ братомъ, онъ нервно, порывисто пожалъ ему руку—и отвернулся. Петру Николаевичу, очевидно, непріятно было дать замѣтить, до какой степени на него повліяло все случившееся... Наконецъ, онъ совладалъ съ собою.

— Да, да!—торопливо говорилъ Петръ Николаевичъ.—А мы тутъ вотъ работаемъ, работаемъ.

И при этомъ потиралъ руки, точно ему было холодно.

— Работаемъ... мало-по-малу подвигаемся...

Братъ молчалъ, очевидно, подавленный всѣмъ, что увидѣлъ.

— Ну? — рѣзко и прямо обернулся къ нему Анисимовъ старшій.

— Что?

— Говори! Сильно я измѣнился?—И, видимо, не совладавъ съ собою, онъ горько улыбнулся.

— Да... мы всѣ... не молодѣемъ, вѣдь.

— Ахъ, что!.. Не то... Что годы... Я еще подковы ломаю... А вотъ этого разоренія, что уже обступило меня кругомъ и ворвалось ко мнѣ, не сломать, не сломать... Чувствую, что мой Севастополь защищается послѣдній день.

— Да отчего? Поворотъ какъ-то вышелъ случайно, разомъ, неожиданно.

— Для тебя... но не для меня... Война! Она не разбудила народа, не создала новыхъ потребителей, напротивъ, курсъ упалъ, все замерло, замкнулось, ограничилось самымъ необходимымъ. Кредитъ упалъ. Я долго не распускалъ и не распускаю рабочихъ. Думаю, что не распущу ихъ даже—зачѣмъ?.. Они со мной выросли вмѣстѣ. Не бросить же ихъ на произволъ судьбы. Ужъ если и придетъ разореніе, такъ пусть насъ вмѣстѣ пришибетъ. Какъ жили мы, такъ и умремъ.

— Ну, это ты слишкомъ ужъ... Смерть еще далека.

— Нѣтъ, я вижу—дѣлу смерть приходитъ... Новыя силы явились, видишь ли!—Голосъ его зазвучалъ гнѣвно.—Я, видишь ли, старъ и слабъ сталъ, другіе люди нужны. Я—самодуръ, не понимаю новыхъ вѣяній—посмотримъ, что-то сдѣлаютъ эти новые люди. Ограничьте, говорятъ, число рабочихъ; это значитъ: выбрось на голодную смерть тысячи, десятки тысячъ людей, вѣрившихъ въ меня, жившихъ мною! Пускай ужъ это они выбрасываютъ, а я уйду...

— Что за малодушіе—«уйду»!

— Какъ малодушіе!—вспыхнулъ старшій братъ.—И это говоришь ты,—ты, который видѣлъ меня на дѣлѣ, въ вѣчной каторгѣ, безсмѣннымъ часовымъ!.. Развѣ я жаловался прежде: не разъ почва колебалась подъ ногами, но я не сходилъ съ своего поста. Развѣ я жилъ, какъ жили вы всѣ? Развѣ я претендовалъ на свою долю наслажденій въ жизни? Смѣйся—твоя очередь. Вѣдь я по-настоящему и не любилъ, жилъ одиноко, то есть безъ семьи, безъ дѣтей. Для меня отдыхъ былъ пятичасовой сонъ въ сутки, сонъ безъ сновидѣній даже, потому что съ устали да съ истомы мозгъ молчитъ. Развѣ я зналъ что-нибудь другое?.. Нѣтъ, это не малодушіе. Это сознаніе, что при такихъ

условіяхъ нельзя бороться... Нельзя. Мое дѣло—дѣло государственное, дѣло, принадлежащее одинаково всей Россіи а на него смотрятъ какъ на мое личное, ни до кого не касающееся... Ты знаешь ли, что значитъ закрыть полтораста заводовъ? Прикинька это въ общей экономіи страны!

— Но вѣдь я слышалъ, что дѣло поддержали?

— Да, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго...

— Это еще что за иносказаніе?..

— А то. Съ деньгами вмѣстѣ наслали ко мнѣ цѣлую армію техниковъ-чиновниковъ. Техники-чиновники первымъ дѣломъ призвали къ себѣ всѣхъ братцевъ, братцы—кузеновъ. Тамъ, гдѣ у меня сидѣлъ и работалъ доморощенный писецъ, получавшій десять рублей въ мѣсяцъ, теперь кишмя-кишитъ цѣлая канцелярія. Гдѣ выходила четвертушка бумаги—теперь цѣлыя стопы изводятся. И все пишутъ и пишутъ! Ничего не дѣлаютъ—только перья скрипятъ. И все отношенія, дополненія, запросы,—фу ты, чортъ возьми, голова кружится... И вѣдь какъ! Каждый парнивецъ одинъ получаетъ у меня столько, сколько хватило бы на сто рабочихъ, на сто рабочихъ! Понимаешь ты это?.. Года не прошло, а уже такая заварилась каша. Я тебѣ говорю: истинное наводненіе бумажнаго дѣла; и это въ моемъ-то настоящемъ живомъ дѣлѣ! Каково? Совсѣмъ какъ въ средневѣковыхъ легендахъ: мыши, съѣдающія все, рѣшительно все. Только эти мыши—каждая на громадномъ окладѣ. И вѣдь что ни заводъ, то канцелярія. Совсѣмъ министерства какія-то; я ужъ ничего не значу, я, видишь ли, самодуръ, я старъ, глупъ! А кто создалъ все это? Кто? Они на готовое пришли—года не минуло, и только клочья шерсти летятъ во всѣ стороны. Силъ нѣтъ никакихъ. Ей Богу, знаешь, иной разъ чувствуешь желаніе собрать этихъ же рабочихъ... да... а, впрочемъ, ну ихъ къ чорту. Нерадостную встрѣчу я тебѣ устроилъ съ своими треволненіями!.. а что братъ?

— У него то же самое.

— Экіе крупные дубы сворачиваютъ... И кто же?—свиньи, роющіяся за жолудями... Знаешь, время крыловскихъ звѣрей

пришло. Только у Крылова они всѣ были добрые, а теперь... Опять я впадаю въ тотъ же тонъ.

И дѣйствительно, когда Анисимовъ всматривался кругомъ въ это недавнее царство его брата, онъ не узнавалъ ничего. Ему самому становилось жутко,—до такой степени здѣсь все измѣнилось. Недавнихъ доморощенныхъ техниковъ, «управляющихъ» въ армякахъ, какъ не бывало. Всюду возникли щеголеватые, точно сейчасъ выскочившіе изъ петербургской канцеляріи, чиновники въ чистенькихъ и изящно сшитыхъ мундирахъ, съ кокардами на фуражкахъ. Эти «мыши, съѣдавшія дѣло», были необыкновенно пріятны въ обращеніи. Они въ эту, по ихъ мнѣнію, полудикую среду вносили хорошія манеры; откуда-то съ ними понаѣхали пикантныя дамочки, на которыхъ мѣстныя кувалды смотрѣли съ выраженіемъ тупого недоумѣнія на своихъ деревянныхъ лицахъ. Въ селахъ, гдѣ стояли заводы, завелись клубы, въ клубахъ лилось шампанское, изъ уѣздныхъ городовъ явились невѣдомо какъ устроившіеся жидовскіе оркестры, и заводскіе рабочіе съ изумленіемъ глядѣли въ окна, какъ отплясываетъ на балахъ новое начальство. Ворсвавшіе нѣкогда съ опаской и съ оглядкой грошами сѣроармячники только разѣвали рты, видя, какіе куши каждое двадцатое число отваливаютъ себѣ господа-чиновники. А между тѣмъ рядомъ съ этимъ дѣло не только не двигалось, а тормозилось ими свыше мѣры. Всюду, гдѣ еще недавно кипѣла дѣятельность, теперь работали какъ-то по инерціи. Не стало ободрявшей всѣхъ воли одушевлявшаго ихъ анисимовскаго энтузіазма къ труду, творческаго вдохновенія этого поэта труда, который издали со злобой и раздраженіемъ, часто смѣнявшимся глубокою печалью, наблюдалъ за разгромомъ, торжествующимъ кругомъ свою побѣду.

— Я не знаю, зачѣмъ я живу здѣсь,—говорилъ онъ, опуская руки.

— Отчего ты не напишешь въ Петербургъ?

— Что же изъ этого выйдетъ? Пробовалъ, и писалъ и телеграфировалъ,—даже не отвѣчаютъ. Знаешь, чѣмъ объясняютъ тамъ мои жалобы? «Отживающее начало заводско-фабричнаго

самодурства, разумѣется, не можетъ примириться съ раціональными основаніями и пріемами, которые вводятся новыми людьми, образованными техниками, въ это темное царство!» Ты думаешь, я лгу? Я самъ читалъ эту невѣроятную фразу въ одномъ изъ отчетовъ этихъ господъ!.. Можешь себѣ представить, какъ послѣ этого встрѣчаютъ тамъ мои жалобы.

Даже Ѳеничка, и та ходила какая-то растерянная и смущенная.

— Чего вы-то волнуетесь?—спросилъ ее какъ-то Сергѣй Николаевичъ.

— Какъ же, помилуйте... И то кругомъ толчея какая!.. Господи, точно адъ. Не знаете, когда уѣдутъ отъ насъ эти?

— Кто эти?

— Да чиновники, начальство.

— Ну, ужъ если куда они попали, оттуда ихъ не выживешь. Будьте спокойны.

— Что же это станется съ нами?

— Не знаю.

— Вѣдь они съѣдятъ все... Вѣдь послѣ нихъ все здѣсь съ голоду помретъ.

И дѣйствительно, голодовки уже начались. Нѣкоторые заводы стали закрывать, какъ невыгодные, на другихъ сокращали число рабочихъ.

— Что вы дѣлаете, господа?—набрасывался Петръ Николаевичъ.—У меня здѣсь сорокъ лѣтъ народъ нужды не зналъ.

— Да, зато вы вели дѣло не на коммерческомъ основаніи...

— Какія тутъ коммерческія основанія? Кормить людей нужно...

— Видите ли, научные принципы...

Когда доходило дѣло до научныхъ принциповъ, Анисимовъ старшій схватывалъ шапку и уходилъ прочь—домой, гдѣ у крыльца его уже стояли толпы мрачныхъ мужиковъ.

— Что вамъ, братцы?

Тѣ безмолвно валились ему въ ноги.

— Говори толкомъ, что вамъ?

— Съ завода согнали. Николи этого не бывало...

— Идите по чиновникамъ и съ ними толкуйте—я здѣсь нынче ничего не могу.

— Что жъ къ нимъ ходить? Нешто они нашу нужду понимаютъ?

Никогда воровства не было—началось; никогда по мѣстнымъ дорогамъ не случалось грабежа—теперь уже бывало и это!..

— Уйду я прочь, уйду!—повторялъ Анисимовъ старшій.

— Не уйдешь... Сердце приросло!

— Что жъ мнѣ тутъ дѣлать—по-вашему?

— Побори ихъ, заставь уйти прочь.

— Опереться не на что. Нѣтъ, уйти лучше. И уйду, непремѣнно уйду. Что безъ толку изводить себя...

— Братъ Никодимъ не ушелъ бы.

— Что же, оставался бы смотрѣть на все это. Солянымъ столбомъ, какъ жена Лота?

— Да живымъ укоромъ или...

— Или что?..

— Мало ли средствъ для борьбы...

— Напримѣръ?

— Выгони ихъ, коли тебя не слушаютъ.

— Какъ выгнать?

— Силой, собери народъ.

— Эхъ ты

— Не военную же силу пришлютъ противъ тебя, хозяина и владѣльца.

— Военную, нѣтъ. Денегъ не дадутъ—и завтра же вся эта масса темнаго люда, не получая разсчета, на меня подымется. Меня вѣдь подрывали всячески, но ничего сдѣлать не могли... Теперь только съ моимъ безденежьемъ въ союзъ вступили. Ну, и обрѣзали крылья...

IX. Обрѣзанныя крылья.

И крылья были, дѣйствительно, обрѣзаны.

Сергѣй Николаевичъ попрежнему, какъ и въ тотъ разъ, объѣзжалъ окрестныя села и деревни, заглядывая даже въ «дудки»,

куда онъ стремился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и всюду въ лицахъ и въ глазахъ встрѣчавшихся ему людей читалъ одно тупое недоумѣніе.

Онъ пробовалъ разговаривать съ ними. Они отвѣчали ему нехотя, точно боялись его или не вѣрили ему. Онъ замѣчалъ, что и работа на заводахъ уже не та, что была прежде. Все словно опустилось. Вмѣстѣ съ петербургскими чиновниками какой-то мертвецкій духъ вселился въ это дѣятельное и кипѣвшее трудомъ сермяжное царство. Всѣ дѣлали свое дѣло спустя рукава, лѣниво, какъ бы весь смыслъ этой работы былъ для нихъ потерянъ. Не такъ громко, какъ прежде, пыхтѣли паровыя машины, свистѣли и визжали пилы, въѣдаясь въ желѣзо, сверлили стальные бурава, вздымались и опускались маховыя колеса, громыхали молоты... Даже изъ-подъ желѣза не такъ, какъ прежде, разсыпались по сторонамъ массы брызгъ огневыхъ, освѣщавшихъ на мгновеніе самые углы сараевъ, гдѣ зловѣще горѣли только пасти громадныхъ горновъ. Въ селахъ стояла тишина, не обѣщавшая ничего хорошаго. Анисимовъ заѣхалъ въ деревню, гдѣ когда-то ему удалось вытащить изъ самаго пламени крестьянскаго ребенка. Тутъ его знали—и къ нему собрался народъ.

— Ну, что, братцы, дѣлаете теперь?

— Какое ужъ дѣло, Сергѣй Миколаичъ! Никакого дѣла нѣтъ. Вчера еще одинъ заводъ закрыли.

— Бѣда приходитъ, Сергѣй Миколаичъ.

— Никто, какъ Богъ!

— Ну, про насъ-то и Богъ забылъ. Правда, сказываютъ, что всѣ эти заводы подъ казну забираютъ?

— Нѣтъ, неправда.

— А съ чего же чиновника этого навалило сюда?

— На время. Пока дѣла въ порядокъ придутъ. На войнѣ дѣло-то пошатнулось...

— Да все же съ Петромъ Миколаичемъ, съ братомъ-то твоимъ, робили мы...

— А какъ они уѣхали и работы не стало.

— Сказываютъ,—таинственно вступился невзрачный мужичонка, съ особеннымъ видомъ полнаго довѣрія глядя на Анисимова,—сказываютъ, будто чернети много нонѣ стало, ну, сначала выдумали войну эту самую, чтобы, значитъ, чернети меньше было; побили, дѣйствительно, много, но только не въ ту пропорцію, такъ вотъ таперичe хотятъ изморомъ взять. Потому, извѣстное дѣло, чернеть работой живетъ, а какъ работы нѣтъ—тутъ ей и помирать надо. Точно что, коли не станетъ работы, куда пойдемъ?..

— Кто же это разсказывалъ тебѣ?—заинтересовался Сергѣй Николаевичъ, всматриваясь въ сѣраго философа, стоявшаго передъ нимъ.

— Мнѣ... Разсказывали, чего тутъ. Солдатъ одинъ—шелъ домой...

— Ну, такъ это онъ все?

— Онъ самый. Ему нельзя не знать. Онъ и на войнѣ самъ былъ и руки рѣшился. Такъ безрукій теперь ходитъ. Мы его угощали здѣсь—онъ намъ всю правду, какъ есть, и выложилъ. Всю правду, другъ ты мой любезный. Онъ знаетъ, ему нельзя не знать. Самъ воевалъ сколько. Такъ онъ намъ это, извѣстно, какъ на ладошкѣ, про чернеть-то!..

«Вотъ тебѣ смыслъ войны и громадныхъ жертвъ, приносимыхъ народомъ!» пробѣжало въ головѣ у Анисимова. Вотъ и великія задачи, которыми задавался онъ! И Сергѣй Николаевичъ невольно опустилъ голову. Весь этотъ героизмъ, вся эта эпоха подвиговъ и горя, великодушія и злобы, море крови, цѣлое наводненіе несчастія и разоренія—и въ концѣ-концовъ совершенно своеобразный смыслъ во всемъ этомъ, найденный народомъ. «Чтобы чернети меньше стало, чернеть, вишь, больно шибко разводиться начала!». Казалось, еще немного, и ему самому станетъ противно его прошлое—то именно дѣло, которымъ до сихъ поръ онъ тордился, какъ честно и доблестно выполняемымъ долгомъ.

— Не вѣрьте этому, братцы! Ложь это! Все-то солдатъ навралъ вамъ—съ три короба... Другое дѣло совсѣмъ.

— Какъ другое, коли Петра Миколаича отмѣнили теперь? Сказываютъ, изъ самаго Питера и отмѣна ему пришла.

— Никто его не отмѣнялъ, и это неправда. Кто его отмѣнить можетъ, если заводы его?

— Вѣрно отмѣнили. Ужъ ты оставь. Оттого и чиновника сюда прислали, потому что Петръ Миколаичъ противъ насъ итти не хотѣлъ. А чиновнику все единственно—онъ вѣдь не нашъ, ему что. У него душа чужая, платная душа у него. Какъ невѣрно, коли заводы закрываютъ? Вчера мы повалили къ чиновнику—вышелъ чиновникъ на крыльцо. «Чего вы?» спрашиваетъ. Помилуйте, ваше благородіе, говоримъ, смерть наша приходитъ. А онъ смѣется. «Мнѣ все, говоритъ, равно—умирайте, я не съ тѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобы спасать васъ».

— Ишь, онъ какой. Подумай-ка, съ чѣмъ же онъ это пріѣхалъ? Извѣстно, ему такой приказъ данъ.

Анисимовъ сталъ имъ объяснять терпѣливо и обстоятельно о томъ, что на ихъ работу спросу нѣтъ.

— Какъ на бутылку спросу нѣтъ? Чтобы въ Рассеѣ да на бутылку спросу не было—никакъ это даже невозможно. На что другое, а бутылка всякому нужна. Сколько годовъ—надо-быть, пятьдесятъ годовъ—лили мы, лили бутылку и жили этимъ, а тутъ вдругъ и бутылку отмѣнили—не нужны бутылки-то.

— Меньше ея нужно, чѣмъ прежде. Народъ бѣднѣй сталъ...

Но толпа стояла на своемъ... Не хотѣли понимать, а понимающіе не соглашались изъ одного озлобленія.

Результатомъ всего этого разговора было одно. Подъ конецъ толпа порѣдѣла вокругъ Анисимова, а оставшіеся стали вдругъ молчаливы. Сергѣй Николаевичъ живо понялъ, въ чемъ дѣло. Защищая правду, онъ утратилъ довѣріе этихъ наивныхъ, но упорныхъ дѣтей! Даже стоявшіе передъ нимъ уже не смотрѣли ему въ глаза, а больше глядѣли внизъ, по сторонамъ, и на лицахъ уже читалось: «Ладно, болтай! Ты, видно, тоже изъ такихъ—знаемъ мы!»

Съ безотраднымъ чувствомъ поѣхалъ онъ домой. Скоро его нагнала коляска съ сидѣвшимъ въ ней чиновникомъ.

— Ваше превосходительство!—окликнулъ тотъ Анисимова.—Ваше превосходительство, позвольте мнѣ предложить

вамъ мѣсто въ коляскѣ!.. Она у меня покойная. Изъ Вѣны ее прислали пану Чаплинскому—помѣщику сосѣдняго уѣзда—я и купилъ. Знаете, для переѣздовъ здѣсь необходимо.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я привыкъ верхомъ... Очень вами народъ недоволенъ.

— Еще бы ему довольнымъ быть!—засмѣялся не безъ самодовольства чиновникъ.—Мы тутъ порядокъ живо введемъ.

— То-есть голодовку?

— Печальная необходимость. Нужно перевести дѣло на коммерческую почву, и тогда оно будетъ для владѣльца и для казны золотымъ дномъ. Вы, ваше превосходительство, извините меня, но вашъ братъ—при всемъ моемъ безпредѣльномъ уваженіи къ нему—стоялъ на невѣрной почвѣ... Онъ былъ не экономистомъ, а филантропомъ. Помилуйте! Онъ надѣлалъ четыре милліона долга, когда на этомъ дѣлѣ можно было бы составить десятки милліоновъ чистаго отъ всякихъ обязательствъ состоянія. Могъ бы самъ онъ жить гдѣ-нибудь въ Италіи...

— А здѣсь десятки тысячъ людей остались бы безъ работы.

— Разошлись бы по другимъ мѣстамъ, гдѣ такая работа есть. Что же дѣлать! Не всѣмъ же находить работу.

— А если и въ другомъ мѣстѣ такъ же смотрятъ на дѣло?

— Навѣрно такъ же. Въ экономической наукѣ сентиментальности нѣтъ мѣста. Тутъ главное, чтобы дѣла, побольше дѣла, а истратить на него поменьше. Возьмите заграничнаго предпринимателя: онъ не станетъ заботиться о какихъ-то тамъ рабочихъ... Ему...

— Вы и экономическую науку свою выдумали, удобную?..

— Это не моя, это офиціальная — единственно разумная. Производство должно опредѣляться спросомъ. То же, что въ біологіи естественный подборъ. Все слабое вымираетъ—и спасать его не стоитъ...

— Вотъ вы какой!—не безъ любопытства всмотрѣлся въ него Анисимовъ.

— Да, мы не даромъ вѣдь учились кое-чему.

— Вамъ за это большое жалованье платятъ?

— Пока маленькое... Я пять тысячъ получаю... Но со временемъ, разумѣется, надо надѣяться...

— Ну, а эти брилліантовыя булавки, лошади, коляска—все изъ пяти тысячъ?

— Да знаете, — растерялся чиновникъ, — съ осмотрительностью и разумной бережливостью... И притомъ...

— Полноте (и Анисимовъ поблѣднѣлъ немного), прежде это у насъ прямо называлось умѣньемъ на обухѣ рожь молотить и еще проще—воровствомъ. Ну, а теперь по-вашему, по-научному, выходитъ иначе... Смотрите, только не пересолите. Тутъ уже толкуютъ, что вы присланы съ спеціальною цѣлью «чернеть изводить». Жаль неповинное правительство, озабоченное благомъ народа, на которое упадутъ всей своей тяжестью ваши «научные пріемы офиціальной политической экономіи». До свиданія!

И Сергѣй Николаевичъ, дотронувшись рукой до козырька, далъ шпоры своему коню.

Генералу было противно видѣть долѣе это самодовольное, выхоленное лицо, къ которому такъ шелъ бархатный околышъ фуражки съ кокардой, торчавшей надъ нею.

«Прежняго помѣщика чудовищемъ какимъ-то изображали,— думалъ онъ.—Помилуйте,—обратился Анисимовъ къ воображаемому собесѣднику,—какое же онъ чудовище былъ по сравненію хоть съ этимъ милымъ и образованнымъ петербургскимъ чиновникомъ? Правда, былъ онъ самодуръ, развратникъ, пьяница—да вѣдь въ самомъ худшемъ случаѣ онъ все-таки заботился о своемъ мужикѣ, чтобы тому было тепло и свѣтло. Навѣрно у Ноздрева народу жилось лучше, чѣмъ у этого господина съ офиціальною политическою экономіей».

X. Неудача.

Сергѣй Николаевичъ недаромъ жилъ здѣсь.

Послѣ войны онъ остался не у дѣлъ. Ему не хотѣлось ѣхать опять въ ненавистный Петербургъ, просить и кланяться о томъ, на что онъ считалъ свои права и безъ того неоспоримыми. Если

о немъ не вспомнили, во всякомъ случаѣ не онъ станетъ напоминать о себѣ. Это было не въ его характерѣ. Не хотятъ его признавать тамъ—онъ найдетъ себѣ другое дѣло.

— Нѣтъ у насъ теперь на Руси никакого дѣла!—мрачно обрывалъ его старшій братъ.

— Ну, это ты...

— Не я, а вообще нѣтъ дѣла. Самъ въ этомъ убѣдишься. Разрушители кончили свою работу, а созидателей не надобно.

— Что же, хаосъ, что ли?

— Да, пока имъ довольствуются. Никого не стѣсняетъ это. Я ли не созидалъ, я ли не воздвигалъ, одну твердыню за другою, а теперь ты же слышалъ, какъ офиціальные экономисты относятся ко мнѣ. Ну, какое дѣло ты найдешь?

— Земству люди нужны.

— Нынѣшнему земству?

— Да.

— Ха! Нашелъ кому предлагать свои руки и свою голову. Полно, Сергѣй. Въ земствѣ тебя цѣловальникъ Архипъ Егоровъ на-голову побьетъ. Ты въ сосѣднемъ уѣздѣ думаешь баллотироваться? Да?

— Именно.

— Ну, тебя и выберутъ, еще бы. Генералъ-лейтенантъ Анисимовъ дѣлаетъ имъ честь. Единогласно, а потомъ ты самъ уйдешь оттуда.

— Ну, разъ засяду—не уйду.

— Уйдешь, потому что все будетъ противъ тебя,—отъ цѣловальника Архипа Егорова и бывшаго волостного писаря Неопалимскаго до самаго высокопреосвященнаго ландлорда, нашего князя Двинскаго-Бугскаго. Самъ увидишь. Не съ кѣмъ тебѣ работать будетъ.

— Что, ужъ и ты противъ земства?

— Не противъ него, а за него, только за земство настоящее. Вначалѣ были земцы. Лучшіе люди, соль земли пошли туда—все, что было у насъ выдающагося, знающаго, честнаго. Ну, а какъ начались всякаго рода «объясненія да дополненія» зем-

скихъ правъ и обязанностей—одинъ по одному и ушли они. На ихъ мѣста вылѣзло все, что животомъ да кармановъ живетъ. Есть земства—не скажу. Напримѣръ, пять земствъ и до сихъ поръ на высотѣ остались—только не у насъ. У насъ по всей губерніи земскіе дѣятели изъ-за кабачныхъ стоекъ вышли.

— А дворянство?

— Вотъ чего ты захотѣлъ! Мертваго воскрешать. Съ дворянствомъ кончено, оно осталось въ прошломъ, позади; теперь Деруновы, Колупаевы да Разуваевы остались. Еще слава Богу, что они изъ молодыхъ—эти все же посовѣстливѣе, а гдѣ сидитъ старый разбойникъ, да при немъ законникъ изъ семинаристовъ—тамъ бѣда! Sauve qui peut! У себя въ уѣздѣ я главная выборная сила—да тутъ земству и дѣла мало. Больницы—мои, школы, пріюты—тоже. Дороги, мосты—тоже. Все я. Тутъ, разумѣется, я не позволю господину Дерунову съ Пречистенскимъ народъ къ ногтю пригнуть... А тамъ—самъ увидишь. У себя же я тебѣ не предложу баллотироваться. У меня въ земствѣ выборные—все народъ достойный и практики. У нихъ и знаніе земскаго дѣла и навыкъ. Что тебѣ тутъ дѣлать? А въ сосѣдній уѣздъ—скатертью дорога. У тебя тамъ кстати и имѣніе... Значитъ, цензъ есть, попробуй... Созидатели?! Кому теперь нужны они?! Братъ Никодимъ, ужъ онъ ли не созидатель, а посмотри, что онъ написалъ тебѣ.

— Когда получено письмо отъ него?

— Утромъ.

— Онъ еще у себя въ монастырѣ?

— Нѣтъ... Знаешь, въ глуши Вологодской губерніи есть захудалая старая обитель. Такъ его туда забросили тоже игуменомъ. Онъ вотъ головы и рукъ не опускаетъ. Вѣрою, говоритъ, можно дѣлать свое дѣло. Блаженъ, кто вѣруетъ, а мы ужъ прочь скорѣе. Намъ нѣтъ никакого дѣла.

— Дай мнѣ его письмо.

— Вотъ возьми!

Анисимову хотѣлось поскорѣе увидѣть самому этотъ знакомый ему крупный почеркъ. Чудилось, что слова, написанныя

имъ, звучатъ тою же спокойною твердостью, съ какою они звучали ему, когда онъ сидѣлъ въ скудной кельѣ, слушая своего старшаго брата. Было что-то суровое и ободряющее въ этихъ строкахъ ровныхъ, не обнаружившихъ ни волненій, ни колебаній въ умѣ, водившемъ эту сильную, несмотря на годы, руку.

«Благословенно имя Господне, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!— читалъ Сергѣй Николаевичъ.—Пишу я тебѣ это письмо уже не изъ стараго монастыря, гдѣ ты посѣтилъ меня, недостойнаго инока, а изъ новаго, который будетъ немного подальше и добраться до него тебѣ, если вздумается, окажется потруднѣе,—но Господь даетъ силу побороть и не такія препятствія; не откажетъ Онъ, Всемилостивый, и мнѣ и увѣнчаетъ здѣсь мой подвигъ столь же благими успѣхами. Какъ ты и видѣлъ шесть мѣсяцевъ назадъ, отъѣзжая изъ моей обители,—противу меня подымалась тамъ злоба, но я смиренно встрѣтилъ новую милость Бога, посѣщающаго Своимъ испытаніемъ тѣхъ, чье спасеніе Ему угодно. Оставилъ я монастырь—въ духѣ любви и покорности, отпѣли мнѣ иноки напутственный молебенъ, и на лицахъ ихъ читалъ я при семъ нелицемѣрную скорбь о пастырѣ; посему думаю, что, невзирая на памятную всѣмъ суровость моего права, былъ я имъ пастыремъ добрымъ... Проводили меня съ честью, и у пристани многіе старцы плакали, получая отъ меня прощальное благословеніе. Были присланы на сей случай изъ Петербурга соглядатаи; но единственно, о чемъ они могутъ засвидѣтельствовать, къ вящшему прославленію обители послужитъ. Духъ смиренія и покорности волѣ Господней не оставилъ иноковъ. Скорбя о нашей разлукѣ, они ни разу не выразили упрека никому, повторяя мысленно: да будетъ воля Твоя, Господи, да будетъ воля Твоя!.. И воля Его совершилась. Послѣ двухнедѣльнаго дальняго и труднаго странствованія прибылъ я въ новую, ввѣренную моимъ попеченіямъ, обитель и возрадовался духомъ за нее. Старцы въ ней оказались, хотя и немногочисленны, но бѣдны, и самъ монастырь убогимъ (въ оборванныхъ ризахъ службы совершаемъ, а за трапезой масла и рыбы и по праздникамъ не видимъ), но духъ, пребывающій въ немъ,

поистинѣ великъ. Я не слагалъ рукъ своихъ—и, сказавъ краткое поученіе новымъ моимъ агнцамъ, удалился къ себѣ, дабы возблагодарить Господа за все содѣянное. Онъ знаетъ, куда и зачѣмъ ведетъ рабовъ Своихъ. Отдохнувъ малость, я направился посмотрѣть хозяйство обители и—увы мнѣ!—въ первый разъ затосковалъ: столь все убого и жалко кругомъ. Даже чанъ, въ коемъ квасъ варятъ, и тотъ невозможенъ, ибо въ трещинахъ, кухня—самая ничтожная, трапезная—хуже чего невозможно. Въ кельяхъ холодно и сыро, и банька, какъ у крестьянъ, черная. Но жаловаться не на что: если Господь привелъ меня сюда—значитъ, есть еще у меня сила къ созиданію, и не даромъ промыселъ Его указалъ мнѣ это мѣсто. На всяческомъ запустѣніи надо умѣть соорудить домъ, Ему достойный, и я принялся за это не отдыхая. Къ счастію, я привезъ съ собою малую толику денегъ, кои оставилъ ты мнѣ, будучи у меня, на всякій случай, и купилъ лѣсу. Теперь,—а лѣсъ здѣсь хорошъ и здоровыя деревья, по сту лѣтъ и болѣе—теперь мы рубимъ новыя кельи и съ утра до ночи труждаемся въ веселіи, утѣшая себя духовнымъ пѣніемъ, когда дѣлается уже очень трудно. Вчера, напримѣръ, наладивъ вѣнцы, пѣли «Тебѣ Бога хвалимъ» и пѣли согласно, и столь этотъ примѣръ оказался полезенъ и хорошъ, что сегодня на помощь намъ строиться явились крестьяне окрестныхъ деревень, и тѣмъ дивенъ промыселъ Божій, приведшій ихъ сюда, что они всѣ старообрядцы и до сего времени ничѣмъ своего участія къ монастырю не обнаруживали, но, напротивъ, всячески предавали иноковъ посмѣянію и часто даже не хотѣли продавать имъ хлѣба и за деньги!.. Теперь я обращаюсь къ тебѣ и брату Петру, хотя и самимъ вамъ по нынѣшнимъ временамъ приходится жутко и тяжко, но все же житіе ваше болѣе обильно, а при нашей скудости всякое даяніе будетъ благо. Помогите, чѣмъ можете. Пускай братъ пришлетъ денегъ и отольетъ у себя на заводахъ для насъ всякой посуды, и заслонокъ къ печамъ, и всего, чему реестръ прилагаю отдѣльно. А теперь, если возможно, пусть пришлетъ намъ иконъ и всякаго облаченія, потому что это всего болѣе тяжко: видѣть иноковъ,

Господу предстоящихъ и Творца Вседержителя славословящихъ, въ столь угнетенномъ и нищенскомъ видѣ. Ибо если иноку и подобаетъ нищета, то Богу надлежитъ велелѣпіе и пышность... А сверхъ того, во время досуга, покопавъ малость землицы по здѣшнимъ лѣсамъ (поистинѣ дремучимъ) и изслѣдовавъ воду ручьевъ, протекающихъ по нимъ, вижу я, что они богаты должны быть желѣзомъ, и если это оправдается, то я еще не теряю надежды обрѣсти въ нихъ великую милость Господню и поставить малую обитель свою на ноги... Когда уѣзжалъ ты отъ меня, братъ Сергѣй, видѣлъ ты меня, недостойнаго инока, тоскующимъ и малодушнымъ. Полагалъ я, что уже не хватитъ у меня силъ на новыя созиданія... Но теперь не то: умудрилъ меня Господь и умудрилъ примѣромъ весьма простымъ. Нечаянно, проходя по лѣсу, разрушилъ я паутину, раскинутую малымъ паучкомъ у полянки. И столь мнѣ жаль стало его труда, хотя и кровопивецъ онъ, что, остановясь, сталъ я слѣдить за малымъ существомъ симъ, и представь: оно умнѣе меня оказалось. Ибо, пока я негодовалъ на свою судьбу, желая самого себя увѣрить въ безсиліи и старческой немощи, паучокъ, потерявъ свой домъ, сталъ, и не медля ни одной минуты, созидать себѣ новый. Сколь онъ разумнѣе меня въ семъ вышелъ!.. Я принялъ это какъ указаніе и возблагодарилъ Бога!..»

— Да—проговорилъ Петръ Николаевичъ, когда Анисимовъ кончилъ читать,—намъ всѣмъ надо брать примѣръ съ него.

— У него силы много. Настоящей силы.

— А у насъ ея мало, что ли? Вонъ его паукъ на умъ навелъ, а мы теряемся, хотя и въ лучшей, чѣмъ онъ, обстановкѣ.

И—странное дѣло!—это письмо изъ далекаго захолустнаго монастыря точно приподняло ихъ обоихъ!..

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ—начались земскія собранія. Анисимовъ попробовалъ баллотироваться.

Предсказаніе Петра Николаевича оправдалось.

Земцы не только избрали единогласно Анисимова, но они ему кричали «ура» и, видимо, были польщены его участіемъ въ ихъ средѣ. Только тутъ же, вглядываясь въ нихъ, Сергѣй Ни-

колаевичъ уже наполовину повѣрилъ тому, что ему разсказывалъ братъ. «Нѣтъ,—говорилъ онъ про себя,—это не было одно раздраженіе въ немъ, онъ, дѣйствительно, безпристрастно рисовалъ людей, съ которыми мнѣ придется имѣть дѣло. Куда же дѣлись тѣ прежніе земцы,—люди, имена которыхъ съ гордостью повторяетъ вся Россія? Или ихъ нѣтъ?»

— Какъ вы находите, генералъ, составъ нашихъ «излюбленныхъ» людей?—спросилъ его молодой докторъ, бывшій тутъ же въ собраніи.

— Страннымъ. Мнѣ кажется, что тутъ очень мало интеллигенціи.

— Интеллигенція нынче, во-первыхъ, или на счетъ цензу слаба стала—и купецъ всю ее купилъ и за голенище засунулъ, или же—какая осталась «въ цензѣ», сама добровольно ушла.

— Почему?

— Да потому, что это вѣдь не земство. Вѣдь мы обрѣзаны кругомъ и подъ гребенку выстрижены. Не можемъ же мы въ самомъ дѣлѣ самые важные вопросы нашей жизни предоставлять другимъ, а сами ограничиваться только...

Но тутъ вмѣшались другіе, и докторъ почему-то разомъ перевелъ разговоръ на другое.

Эти другіе были удивительны. Мѣстный предводитель дворянства съ семинарской фамиліей и горломъ, неоспоримо доказывавшимъ его происхожденіе отъ отцовъ, цѣлые вѣка возглашавшихъ октавою многолѣтія, оралъ такъ, что стекла въ залѣ звенѣли и уши болѣли у слушавшихъ его. Онъ посему и оставался всегда безъ оппонентовъ. «Съ нимъ оглохнешь», говорили они. Онъ и самъ не зналъ, о чемъ онъ оретъ!.. Кругомъ группировались вчерашніе «дворяне» изъ выслужившихся чиновъ; Разуваевы и Колупаевы, которымъ было очень мало дѣла до благосостоянія «земли», ими представляемой, и очень много до своихъ кабаковъ, разсыпанныхъ по всему уѣзду—точно манна, выпавшая съ небесъ; бывшіе волостные писаря, сдѣлавшіеся тоже землевладѣльцами... Съ университетскимъ образованіемъ было трое или четверо, но они оставались постоянно въ меньшин-

ствѣ, и никакой дѣятельной роли имъ не давалось. Напротивъ, ихъ намѣренно оттирали, считали не своими. «Куда! Они—образованные!» съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ говорили о нихъ господа-цѣловальники...

XI. Женская ябеда.

Анна Егоровна Торацкая только что вернулась домой послѣ дежурства надъ однимъ трудно-больнымъ, къ которому ее послала «въ городъ» община. Она провела тамъ четыре дня и была утомлена свыше мѣры. Къ счастію, дома ждалъ ее отдыхъ, и послѣ пропитанныхъ запахомъ лѣкарствъ, душныхъ и жаркихъ комнатъ, гдѣ она только что мучилась, ея прохладная спальня показалась дѣвушкѣ чуть ли не раемъ. Она быстро сняла съ себя свой «форменный» костюмъ,—мундиръ, какъ называютъ его «сестры»,—и, набросивъ на себя блузу, сѣла въ кресло не то подремать, не то забыться отъ только что перенесенной устали. Ей эти дни пришлось имѣть дѣло съ умиравшимъ отъ одной изъ болѣзней, которая могла бы поколебать другое, менѣе самоотверженное сердце. Паціентъ былъ весь въ пролежняхъ, отъ его тѣла шелъ неописуемый запахъ, такъ что даже привыкшая на войнѣ къ гангренознымъ больнымъ Торацкая нѣсколько разъ доходила чуть не до обморока. Тѣмъ не менѣе, когда это кончилось, когда она погрузилась въ состояніе полнѣйшаго покоя, похожаго на какую-то летаргію, такъ знакомую всѣмъ трудившимся свыше мѣры и свыше силъ, въ полузамирающемъ ея сознаніи вспыхивало и гасло порою такое довольство своимъ положеніемъ, такое ощущеніе счастья, какое она рѣдко испытывала до тѣхъ поръ. Жизнь ея была трудна, но полна. Ей ничего не было нужно, всѣ ея потребности были покрыты. Она усталью заморила въ себѣ женщину, а цѣлымъ рядомъ подвиговъ, скромное величіе которыхъ сознавала сама, подняла въ себѣ человѣка. Теперь она уже ясно смотрѣла на все. Она знала, что никогда и ни передъ чѣмъ не опуститъ своихъ глазъ. Она была убѣждена даже, что пережила необходимый періодъ жизни сердца, что воля въ ней замерла, по крайней

мѣрѣ, тою стороною, которая требуетъ личной жизни, личнаго счастья. Ей положительно ничего теперь не нужно было, кромѣ покоя... одного покоя.

Правда, воспоминаніе объ Анисимовѣ порою мелькало передъ нею, но смутно и неопредѣленно. Вся горечь, какая была прежде въ этомъ воспоминаніи, давно исчезла; осталось одно только неопредѣленное ощущеніе пережитой бури, послѣ чего затишье является еще болѣе желаннымъ и милымъ. Она интересовалась его судьбою, порою волновалась за него; достаточно было вмѣшательства Софьи Васильевны Нѣжиной, чтобы она на минуту приревновала даже ее, по чисто женскому инстинкту, но потомъ тотчасъ же ей дѣлалось смѣшно на самое себя и скучно и грустно за ту, другую, еще не пережившую своихъ волненій и тревогъ.

А ту, другую, она встрѣтила на-дняхъ, когда ѣхала къ своему больному.

Точно лѣтомъ тѣни быстро бѣгущихъ облаковъ скользятъ по молчаливой лѣсной полянѣ, такъ и въ душѣ скользили всѣ эти впечатлѣнія. Она вспомнила, какой жалкій видъ должна была представлять она, Анна Егоровна, треплясь съ своей корзиной на жалкомъ, забрызганномъ грязью и словно поросшемъ мхомъ, извозчикѣ, все время хлеставшемъ свою жалкую, точно изъ самой себя желавшую выскочить, слабую и лохматую лошаденку. Софья Васильевна проѣхала ей навстрѣчу въ чудесной коляскѣ на резиновыхъ шинахъ. Вороныя лошади захлестали Торацкую грязью, такъ и брызнувшею изъ-подъ ихъ копытъ. Она испуганно откинулась назадъ, потому что комья этой грязи попали ей прямо въ лицо; но, откидываясь,—несмотря на то, что въ одно мгновеніе коляска та уже исчезла вдали,—Анна Егоровна разслышала хохотъ Нѣжиной и разсмотрѣла ея презрительно улыбавшееся лицо. На этотъ разъ Торацкая даже не обидѣлась. Ей жаль стало Нѣжину. И чего она такъ мучилась? Чего?.. Стоило ли въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь она сама считаетъ Анну Егоровну такой жалкой, ничтожной, такой «неопасной»?

— Да развѣ и не разсталась я давно съ своими надеждами и тревогами?—вполголоса проговорила Торацкая, уже засыпая.

Муха билась въ стекла ея окна; какая-то вѣтка съ крупными листьями, подъ вѣтромъ, застучалась къ ней тоже; за дверьми послышались голоса споривших сестеръ...

Анна Егоровна уже ничего не слышала. Дыханіе ея становилось ровнѣе и ровнѣе. Она откинулась еще привольнѣе на своемъ креслѣ... Она не различала даже шаговъ пожилой дамы, вошедшей сюда и остановившейся, глядя на нее, посреди комнаты.

— Анна Егоровна... Анна Егоровна!—позвала та.

Но Торацкая только шевельнулась въ креслѣ и не отозвалась.

— Устала, должно-быть!

Дама, вошедшая къ ней, позвала изъ другихъ комнатъ подругу Анны Егоровны.

— Когда Торацкая проснется, пожалуйста, пошлите ее ко мнѣ.

— Прикажете разбудить черезъ нѣсколько времени?

— Нѣтъ. Дѣло вовсе не къ спѣху. Успѣется... Даже если вечеромъ. Я сегодня лягу спать поздно.

— Я такъ и скажу ей.

— Да, пожалуйста. Скажите, кстати, вы съ нею были во время войны вмѣстѣ? Да?

— Какъ же. Всю сдѣлала—отъ Кишинева до Санъ-Стефано.

— Значитъ, вы знаете... Была она знакома съ Анисимовымъ?

— Она не разсказывала. Но мы знали хорошо, что генералъ дѣлалъ ей предложеніе.

— Какое предложеніе?—удивилась спрашивавшая.

— Онъ хотѣлъ жениться на ней.

— Вы это вѣрно знаете?

— Еще бы. Въ Санъ-Стефано я была рядомъ въ комнатѣ и невольно все слышала.

— Да? И что же Торацкая?

— Отказала ему.

— Какъ отказала?

— Очень просто. Я ее знаю, она никогда и ни за кого замужъ не пойдетъ... Совсѣмъ не такая. Она своему дѣлу отдалась на всю жизнь и не промѣняетъ его ни на какое иное.

— Да почему же?

— Очень просто; она объявила ему, что вовсе не любитъ его.

— Не любитъ Анисимова?

— Ну, да!

Очевидно, дама никакъ не могла совмѣстить въ своей головѣ объ Анисимовѣ съ возможностью не любить его.

— Ну, а потомъ они встрѣчались?

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь, въ Петербургѣ, она его не видѣла. Я бы знала объ этомъ, если бы это случилось.

— А переписывались?

— Этого не знаю. Можетъ-быть. Дѣло очень странное, и я ихъ отношеній понять не могу. Почему вы спрашиваете меня обо всемъ этомъ?

— Такъ... Мнѣ надо. Когда Анна Егоровна проснется, попросите ее зайти ко мнѣ.

И начальница общины—это была она—вышла изъ комнаты.

Подругѣ пришлось недолго ждать пробужденія Анны Егоровны. Привычка взяла свое, и не прошло двухъ часовъ, какъ Торацкая встала и озабоченно посмотрѣла на часы. Было восемь вечера...

— Однако, какъ я заспалась!—И тотчасъ же засмѣялась. Оказалось, что она напрасно торопилась. Забыла, что послѣ своего дежурства у больного она дня на два свободна.

— Аня, тебя Ольга Ѳедоровна просила зайти.

— Хорошо.

— Все разспрашивала о твоихъ отношеніяхъ съ Анисимовымъ.

— Зачѣмъ ей?—удивленно подняла брови Торацкая.

— Богъ ее знаетъ. Не знаю... Добивалась о томъ, переписываешься ты съ нимъ или нѣтъ.

— А ей какое дѣло?

— Сама узнаешь.

— Да я сейчасъ пойду туда.

Ольга Ѳедоровна Шатырцева была въ свое время одною изъ звѣздъ петербургскаго свѣта. Только это оказывалось такъ давно, что она сама забыла объ этомъ, какъ забыла о цѣлой кучѣ бывшихъ своихъ поклонниковъ, давно уже спавшихъ, впрочемъ, въ могилахъ. Шатырцевой было за шестьдесятъ, но она держалась прямо, такъ что, не будь у нея сѣдыхъ волосъ, ей въ сумеркахъ или издали можно было бы дать не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Она славилась, несмотря на былую красоту и успѣхъ въ свѣтѣ, замѣчательною строгостью характера. Молва того времени не могла ни въ чемъ упрекнуть ее, рѣшительно ни въ чемъ. Она никогда не была замужемъ, объясняя это холодностью своего темперамента. Мужчины возбуждали въ ней одно любопытство, и, всматриваясь въ нихъ, она видѣла, по ея словамъ, что «ни съ однимъ нельзя связать своей судьбы». Ни одному она не вѣрила, да ее и не тянуло къ новымъ условіямъ жизни. Ей хорошо было въ дѣвушкахъ, потомъ она отлично почувствовала себя въ имѣніи, которое досталось ей послѣ отца. Сдѣлалась постарше—взялась за устройство школъ и пріютовъ, стала благотворительницей и потомъ нечувствительно перешла къ новымъ своимъ занятіямъ. Ей была поручена одна изъ главнѣйшихъ общинъ «сестеръ милосердія», и она сумѣла ее такъ организовать, что дѣло въ ея рукахъ приняло самое блестящее положеніе. Строгій выборъ сестеръ и отличное отношеніе къ нимъ были ея заслугой. Сестры не имѣли отъ нея тайнъ: она сумѣла добиться ихъ довѣрія.

— Садитесь, Анна Егоровна!—пригласила она ее.

Торацкая сѣла.

— Устали вы?

— Нѣтъ, теперь отдохнула. А пріѣхала усталою.

— Благодарю васъ!.. Вы дѣлаете большую честь общинѣ вашей неутомимостью.

— Помилуйте! Только свои обязанности и исполняю.

— Трудныя обязанности, трудныя, особенно при вашей молодости и... красотѣ!—закончила она, пристально всматриваясь

въ Торацкую.—Именно при красотѣ. Вы положительно хороши собою... Въ васъ надо только вглядѣться...

Анна Егоровна покраснѣла.

— У васъ много знакомыхъ?

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Такъ... Мнѣ бы хотѣлось знать, что васъ привело къ нашему трудному и святому дѣлу?

— Очень просто—другого подъ руками не было, а это подушѣ пришлось.

— Но, знаете, вѣдь мы совсѣмъ монашескій орденъ. Мы отказываемся отъ семьи...

— Это легко, у кого ея нѣтъ.

— Отъ личной жизни и любви... Позвольте мнѣ съ вами поговорить откровенно. Скажите, въ какихъ отношеніяхъ вы съ Анисимовымъ?

— Мы очень дружны!

— И только?

— Что же можетъ быть еще между нами?—вспыхнула Торацкая.

— Я такъ спрашиваю, потому что даже въ нашихъ стѣнахъ мудрено избѣжать клеветы... У васъ есть враги?

— Какіе же враги могутъ быть у скромной и безвѣстной сестры милосердія?

— Ну, какъ! Хотя бы знакомыя Анисимова, имѣющія на него свои виды.

— Я у нихъ на дорогѣ не стою.

— Почемъ знать!

— Можно узнать у васъ, почему именно вы меня спрашиваете объ этомъ?

— Можно. Я получила письмо, на которое, разумѣется, не обратила бы вниманія, если бъ оно не касалось васъ.

— Меня?—удивилась Анна Егоровна.

— Да, именно.

— Отъ Анисимова?—опять вспыхнула Торацкая.

— О, нѣтъ... Вы не знаете Нѣжину?

— Софья Васильевна Нѣжина, какъ же—знаю... Это опереточная пѣвица... То-есть она была ею.

— Вотъ какъ... Пѣвица! Что она Анисимову?

— Легко прошедшій капризъ.

— Развѣ она не невѣста его?

— Нѣтъ, какіе пустяки!..—разсмѣялась Торацкая.—Анисимовъ никогда не женился бы на такой...

— Отчего? Мужчины часто теряютъ голову. Кстати, правда, что онъ дѣлалъ вамъ предложеніе?

— Да, дѣлалъ... Откуда вы это знаете?

— Слухомъ земля полнится,—улыбнулась Шатырцева. — Зачѣмъ вы ему отказали? Не любили его?

— Хотите правду знать?

— Разумѣется... если я стою вашего довѣрія.

— О, что касается до этого... Нѣтъ, я любила его, напротивъ. Но быть его женою, связывать собой его будущность, стать на его дорогѣ!.. Нѣтъ, это было бы невозможно. Именно, какъ женщина, любившая его, я бы этого не сдѣлала.

— Любившая!.. Значитъ, теперь...

— О, теперь мнѣ безразлично, я просто сохранила къ нему дружеское чувство, и ничего больше. Мнѣ дорога память о немъ. Очень дорога.

— Я это понимаю. Наше святое дѣло можетъ замѣнить человѣку все.

— Что же такое Нѣжина? Почему вы у меня спрашиваете о ней?

— Она писала ко мнѣ.

— Къ вамъ? Она? О чемъ это?

— О васъ именно!

— Это Богъ знаетъ что. Эта госпожа, кажется, ужъ слишкомъ много начинаетъ позволять себѣ. Могу я узнать, о чемъ она писала?

— Я вамъ покажу ея письмо, только съ условіемъ.

— Какимъ вамъ угодно?

— Не раздражайтесь. Эта несчастная не стоитъ того. Совсѣмъ не стоитъ...

— Ну... разумѣется, Ольга Ѳедоровна... Мнѣ даже жаль ее было. Она пріѣзжала сюда... Предлагала мнѣ свою дружбу, а потомъ просила уступить ей Анисимова.

— Что жъ вы сдѣлали?

— Я погорячилась и выгнала ее отъ себя.

— А знаете, что отсюда слѣдуетъ?

— Что?

— То, что вы до сихъ поръ любите Анисимова,—улыбалась доброй улыбкой начальница.

— Ольга Ѳедоровна, и вы!..

— Да, и я... Да вѣдь въ этомъ грѣха нѣтъ. Побѣжденная любовь дѣлаетъ только счастье женщины. Она можетъ гордиться этимъ. Я не знаю, кто другой поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ такъ же. Напротивъ. Всѣ бы бросились на шею Анисимову и потомъ, ставъ его женою, стали бы каяться и мучиться всю жизнь.

— Скажите, можете вы показать мнѣ письмо этой, этой...

— Нѣжиной?

— Да.

— Видите, вы все-таки не можете говорить о ней и вспоминать безъ ревниваго чувства.

— Нѣтъ, это не ревность!—защищалась Торацкая.

— А что же?

— Это скорѣе негодованіе. Она слишкомъ много горькихъ минутъ заставила пережить.

— Васъ?

— Нѣтъ, за себя я бы ее простила... Я за него...

— Ну, да. Это я понимаю.

Ольга Ѳедоровна подошла къ своему столу, вынула изъ ящика конвертъ и подала его Торацкой.

— И какими противными духами пахнетъ. Сильные! Только у кокотокъ такіе и могутъ быть. Письмо все раздушено. Сама злилась, злилась, пока писала, а надушить письмо не забыла... Привычка должно-быть.

Когда Анна Егоровна раскрыла письмо, изъ него выпало нѣсколько газетныхъ вырѣзокъ.

— Это еще что?—наклонилась она.

— Софья Васильевна прислала мнѣ какіе-то пошлѣйшіе намеки какихъ-то incognito изъ мелкихъ листковъ. Прочтите. Эти... эти господа писали, видите ли, о томъ, что Нѣжина выходитъ замужъ за Анисимова.

Торацкая съ отвращеніемъ отбросила отъ себя эти вырѣзки.

— Нѣтъ, я эти мерзости читать не стану.

— И хорошо сдѣлаете. Все, знаете, опрятнѣе. Какіе-то пьяницы забрались въ литературу... Впрочемъ, какая же это литература...

Анна Егоровна между тѣмъ пробѣгала письмо Нѣжиной.

«Обращаясь къ вамъ,—писала та,—во-первыхъ, потому, что знаю васъ по наслышкѣ, какъ женщину безукоризненную, добродѣтельную и отзывающуюся горячо на чужія несчастія, а во вторыхъ, потому, что вы начальница той общины сестеръ милосердія, къ которой принадлежитъ и Анна Егоровна Торацкая Эта Торацкая—несчастіе всей моей жизни. Съ своимъ тихимъ и кошачьи-ласковымъ видомъ и своей показной скромностью—она сумѣла лишить меня того, кто мнѣ сталъ дороже всей моей жизни; лишила человѣка, бывшаго для меня единственнымъ моимъ счастіемъ, единственной надеждой. Сказать, что я ненавижу эту госпожу, было бы слишкомъ мало. Вамъ, святой и невозмутимой, никогда не понять чувства, волнующаго меня въ эту минуту. Вамъ никогда не измѣрить всей глубины моей ненависти къ ней. Мы, женщины, не умѣемъ вообще прощать, но я имѣю право на мою злобу. Безъ Торацкой, какъ вы убѣдитесь изъ прилагаемыхъ къ письму моему газетныхъ извѣстій, я бы давно была женою любимаго человѣка, счастливою и уважаемой... Она не только что отняла у меня его любовь, она вооружила его противъ меня. Какъ низкая интриганка, она задумала его женить на себѣ и, бывъ сначала его любовницей, стать госпожей Анисимовой, что для нищей, подобранной на улицѣ, разумѣется, крупный выигрышъ... Я хотѣла полюбить ее, хотѣла узнать, кто она такая, съ самыми чистыми и великодушными намѣреніями, и я пріѣзжала къ ней за тѣмъ, чтобы вынести отъ этой попрошайки самыя тяжелыя оскорбленія, какія только возможны! Умоляю

васъ вернуть мнѣ мое достояніе и мое счастіе, умоляю васъ вѣрить тому, что, въ данномъ случаѣ, я не погрѣшила противъ истины, что...»

Ольга Ѳедоровна, замѣтивъ, что Торацкая сидитъ вся блѣдная, выхватила у нея изъ рукъ письмо Нѣжиной.

— Довольно, вы и безъ того больше, чѣмъ слѣдуетъ, познакомились съ его содержаніемъ.

— О, какая это низкая тварь...

— Можетъ быть, и не низкая. А какъ всѣ женщины—полюбивъ, способна на все, и на изумительный героизмъ и на величайшую подлость!.. Какъ всѣ женщины—могу васъ увѣрить...

— Да... Но какъ она смѣетъ... Она, которая... Нѣтъ... я такъ не могу. Я должна вамъ показать письмо Анисимова, хотя бы послѣднее письмо, которое я получила отъ него.

— Что жъ мнѣ-то до этого, право?—смѣшалась та.—Я тамъ вѣрю больше, чѣмъ тысячамъ Нѣжиныхъ.

— Нѣтъ, теперь я сама, сама хочу этого.

И, побѣжавъ къ себѣ, Анна Егоровна принесла къ Шатыркевой послѣднее, полученное ею, письмо Сергѣя Николаевича.

— Я вамъ говорю еще разъ: мнѣ совсѣмъ не надо этого,—отнѣкивалась «начальница».

— Нѣтъ, ужъ разъ вы дали мнѣ прочитать письмо Нѣжиной—я попрошу васъ пробѣжать и это.

— Пожалуй, если вы хотите.

XII. Письмо Анисимова и статья Нѣжиной.

Письмо Анисимова, адресованное Аннѣ Егоровнѣ, было очень коротко. Видимо, Сергѣй Николаевичъ далеко не чувствовалъ себя хорошо, когда писалъ его.

«Милая Анна Егоровна! Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ отъ васъ ни строки. Больны вы или здоровы? Въ Петербургѣ или уѣхали? Увидимся мы съ вами еще когда-нибудь или нѣтъ? Думаю, что вы просто заработались, а такъ какъ у меня слишкомъ много времени, то я пишу вамъ первый. По всей вѣроятности, если вы еще тамъ, куда я вамъ писалъ въ послѣдній разъ, мы съ вами

увидимся скоро. Я думаю на-дняхъ ѣхать въ Петербургъ и развѣ только въ Москвѣ остановлюсь дней на пять—не болѣе. Съ чисто мужскимъ эгоизмомъ я забочусь не столько о васъ, сколько о себѣ. Мнѣ бы такъ хотѣлось видѣть васъ и по-душѣ поболтать съ вами. Не о т о м ъ, не безпокойтесь. Т о, я думаю, навсегда ужъ исчезло съ нашего горизонта. И для васъ и для меня это было бы теперь неудобно. Я вѣрно уѣду далеко, очень далеко и, быть-можетъ, навсегда изъ Россіи. Послѣдній мой опытъ—быть полезнымъ у себя на родинѣ—привелъ меня къ такому убѣжденію, что теперь для насъ не время. Мы должны сойти со сцены. Вы ужъ знаете, что я было началъ работать по земству. Но нѣсколько мѣсяцевъ, почти даже годъ, убѣдили меня, что одинъ въ полѣ не воинъ и что тутъ ничего не сдѣлаешь. Ничего рѣшительно. Слишкомъ долго,—да для васъ, полагаю, и не интересно,—было бы описывать, почему именно я остановился на такомъ безотрадномъ рѣшеніи. Скажу только: въ земской управѣ я встрѣтилъ не то, что ожидалъ. Предсказанія моего брата исполнились скорѣе, чѣмъ онъ думалъ, и я теперь ухожу, отряхнувъ прахъ отъ ногъ своихъ. Когда-нибудь вы отъ другихъ узнаете исторію моей борьбы здѣсь и причины, почему я ушелъ. Ухожу я не с а м ъ. Я долженъ уйти съ сознаніемъ честно выполненнаго, но, очевидно, никому не нужнаго долга. Я долженъ уйти, потому что мнѣ было предложено это людьми болѣе властными, бороться съ которыми законъ не даетъ мнѣ ни средствъ, ни возможности.

«Не скажу, чтобы перспектива жизни въ Петербургѣ была для меня слишкомъ привлекательна.

«Увы! Вы знаете, что только вы представляете еще для меня нѣчто свѣтлое. Все остальное давно мнѣ знакомо, давно опротивѣло, начиная съ этой трактирной роскоши и кончая Нѣжинскими прелестями, отъ которыхъ меня, правду сказать, послѣ всего пережитаго тошнитъ. Старѣю я, что ли? Только замѣчаю, что дѣлаюсь сентиментальнымъ! Правда, это мнѣ не къ лицу. Но что же дѣлать! Въ самомъ дѣлѣ—подумать, что послѣ всего пережитаго мнѣ придется опять коснуться слякоти столичной жизни, встрѣчаться съ этими друзьями, столько клеветавшими

на меня и такъ упорно тормозившими всѣ мои начинанія... Лицомъ къ лицу съ прежнимъ—съ этою Нѣжиною, если она тамъ еще, съ этими «товарищами», за ненадобностью пребывающими по всевозможнымъ садамъ... Ахъ, какъ все это противно, какъ противно! Вы одна могли бы меня спасти отъ всего этого... Но ваше рѣшеніе—неизмѣнно, полагаю, что вы обдумали его. Да я уже сказалъ, что не вернусь къ нему»...

— Я думаю, дальше и читать нечего!—сложивъ письмо, Ольга Ѳедоровна вернула его «сестрѣ».

— Вы теперь убѣдились, какую роль Нѣжина играетъ въ жизни Анисимова?

— Да! Но, знаете, она васъ не оставитъ въ покоѣ.

— Вы думаете?

— Да. Вамъ надо приготовиться не къ одной ея выходкѣ противъ васъ... Я, вмѣсто всякаго отвѣта, верну ей письмо ея обратно. Иначе я не могу поступить. Не писать же мнѣ этой... этой... барынѣ,—видимо, затруднялась она прибрать какой-либо эпитетъ.

— Не отсылайте письма, зачѣмъ оскорблять ее. Жизнь Нѣжиной и безъ того тяжела, какъ я думаю. Самое лучшее: не отвѣчайте ей ничего...

— Будь по-вашему. Но посмотрите — она еще устроитъ вамъ что-нибудь.

— Она безсильна. Я могу только жалѣть ее и ничего болѣе.

— Повѣрьте, что мы живемъ въ глупое, странное время. Нынче безсильны одни честные люди... Тѣ, которые не пойдутъ ни на какую гадость...

И дѣйствительно, Ольга Ѳедоровна была права.

Не прошло нѣсколько дней, какъ она позвала къ себѣ Торацкую.

— Помните, я говорила вамъ, что госпожа Нѣжина не оставитъ васъ въ покоѣ. Она пойдетъ на все, и уже начала противъ васъ военныя дѣйствія.

— Что такое?

— Прочтите!

Анна Егоровна съ недоумѣніемъ взяла листокъ какой-то маленькой газеты.

— Что это?

— А вотъ—посмотрите, что отчеркнуто синимъ карандашомъ. Я получила это сегодня въ запечатанномъ конвертѣ.

Торацкая начала читать.

— Ну, что? Васъ это не оскорбляетъ?—спросила Шатырцева.

— Нисколько! Подлость продажнаго шантажиста... Такъ, кажется, называютъ ихъ нынѣ?

— Я очень рада за васъ!

И Ольга Ѳедоровна поцѣловала Торацкую.

— Что касается до меня—я была искренно взбѣшена этимъ.

— Меня это нимало не трогаетъ.

И Анна Егоровна швырнула листокъ печатной бумаги на столъ, съ безсознательной гадливостью обтерла руки и пошла далѣе.

Оставшееся въ неизвѣстности incognito оповѣщало на весь міръ слѣдующее:

«Всѣмъ извѣстно, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ мы, какъ и вся честная печать, относились и относимся къ самоотверженнымъ дѣвушкамъ, которыя приняли на себя священныя обязанности сестеръ милосердія. Недавняя война показала намъ, сколько героизма и величія скрывается въ этихъ простыхъ и незамѣтныхъ героиняхъ, созданныхъ русскою почвою. Мы гордимся ими, какъ нашей славой. Онѣ намъ близки и дороги, потому что, цѣною своего подвига, стали родными каждому изъ насъ. Думаемъ, поэтому, что тѣмъ строже мы должны относиться ко всему, что портитъ это великое учрежденіе, ко всему, что бросаетъ тѣнь на нашихъ святыхъ дѣвушекъ-мученицъ и страстотерпицъ. И въ самомъ дѣлѣ, у постели больного и умирающаго должны бы замирать земныя страсти, и пороку не мѣсто въ этомъ царствѣ подвига и самопожертвованія. А между тѣмъ, именно въ послѣднее время, въ этомъ тихомъ мірѣ христіан-

скаго труда и добродѣтели совершаются далеко не желательныя явленія. Кто, напримѣръ, не знаетъ общину сестеръ милосердія, управляемую нашей почтенной и заслуживающей вполнѣ похвалы Нашатырцевой (предупреждаю читателя, что фамиліи здѣсь всѣ нѣсколько измѣнены), а между тѣмъ и въ этомъ примѣрномъ стадѣ не обошлось безъ... мы бы хотѣли сказать паршивой, но, такъ какъ говоримъ о дамахъ, употребимъ другой терминъ—нечистой овцы... Въ самомъ дѣлѣ, въ этой общинѣ живетъ и работаетъ какая-то г-жа Полторацкая или что-то въ родѣ того, можетъ-быть, на половину и меньше... Что сказать объ этой шлюхѣ? Я думаю, свѣдѣнія объ этомъ мнѣ доставлены изъ вѣрныхъ источниковъ; я думаю, что эта госпожа гораздо лучше себя чувствовала бы въ какомъ-нибудь cabinet-à-part, въ обществѣ весельчака-генерала изъ недавнихъ лавровѣнчанныхъ героевъ, чѣмъ у постели умирающаго. И зачѣмъ такія идутъ на это дѣло? Разумѣется, костюмъ сестры милосердія дѣлаетъ ихъ болѣе пикантными. Вѣдь въ самую развратную эпоху XVII вѣка—въ правленіе знаменитаго регента во Франціи—считалось особеннымъ шикомъ для куртизанокъ являться на оргіи въ костюмѣ католическихъ монахинь. Не знаемъ, насколько это можетъ быть терпимо нашими нравами. Слава Богу, мы не во Франціи, и до галльскаго разврата намъ нѣтъ никакого дѣла. Въ скоромъ времени мы будемъ поставлены въ возможность сообщить о госпожѣ Полторацкой (или на половину меньше) болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія. Надѣемся только, что къ тому времени госпожа Нашатырцева, любя чистоту и достоинство своей паствы, попроситъ эту сестрицу (!!) для своихъ «прогулокъ подальше выбрать закоулокъ (подальше, разумѣется, отъ ея прекрасной и почтенной общины)».

— Вы это оставите такъ?—спросила ее Шатырцева.

— А что же мнѣ дѣлать?

— Вы, во-первыхъ, какъ мнѣ объясняли, имѣете право преслѣдовать автора этого пасквиля.

— О, Боже мой, только этого недоставало! Никогда и ни подъ какимъ видомъ.

— Но вѣдь иначе...

— Пусть это будетъ однимъ изъ испытаній... впрочемъ, очень легкимъ. Развѣ меня не знаютъ мои подруги и вы? А разъ знаютъ, какой же вредъ мнѣ можетъ принести эта несчастная статья?

— Ну, а если это пойдетъ дальше? И какая подлость клеймить такъ беззащитную женщину!

— Тутъ на беззащитность и расчетъ. Я, впрочемъ, Софьѣ Васильевнѣ напишу нѣсколько словъ.

И Торацкая взяла брошенный листокъ.

— Во всякомъ дѣлѣ надо быть готовымъ на все, рѣшительно на все. Я и не имѣю претензіи, чтобы госпожа Нѣжина щадила меня. Вредить честно она не можетъ—ну и старается наносить удары тѣмъ оружіемъ, какое у нея есть. Это съ ея стороны такъ понятно... Только какъ же она и опустилась, Боже мой! Мнѣ ее даже жалко становится...

— Неужели вы сами будете писать ей?

— Непремѣнно сама.

И Анна Егоровна пошла дальше по больнымъ, совсѣмъ стараясь забыть всю горечь нанесеннаго оскорбленія.

Еще никогда, дѣйствительно, ея голосъ не звучалъ такъ кротко и ласково, никогда ея заботы о больныхъ не были такъ задушевны. Она читала въ ихъ глазахъ столько благодарной любви, что впечатлѣніе только что пережитой обиды сплывало совсѣмъ съ ея души—и черезъ нѣсколько часовъ, вернувшись домой, она была уже весела и счастлива вполнѣ.

Когда вечеромъ она легла въ постель и развернула лежавшую на ея столикѣ книгу, въ памяти ея воскресла прочитанная утромъ статья. Но она уже вспомнила о ней безъ всякой горечи. Улыбнулась даже.

«Бѣдная, какъ она должна страдать, если прибѣгаетъ къ такимъ средствамъ: не вѣдаетъ, что творитъ!»

Она—это была Софья Васильевна Нѣжина.

— Да, вѣдь надо писать ей... Впрочемъ, завтра утромъ еще будетъ на это время.

И никогда ей не спалось такъ легко и свѣтло какъ сегодня... Но письма она все-таки на другой день не написала. Случалось иначе.

XIII. Свиданіе

Софья Васильевна съ утра была до крайности зла.

На ея письма Алисимовъ не отвѣчалъ, а она, дѣйствительно, если и любила кого-нибудь, такъ только одного его. Торацкая казалась совсѣмъ неуязвимой. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ Нѣжиной никакъ не удавалось задѣть ее настолько, чтобы она хоть чѣмъ-нибудь показала себя оскорбленной. Сверхъ того, и личная жизнь Софьи Васильевны шла далеко не такъ, какъ бы она желала. Все кругомъ было до такой степени пусто и скучно, день ея такъ однообразно тянулся съ утра до поздняго вечера, что часто она цѣлые часы металась съ конца въ конецъ опротивѣвшей ей гостиной, не зная, что ей дѣлать и куда дѣваться. Оглядываясь на свое прошлое, она и тамъ видѣла такую скучную, такую одурманивающую пустоту, что сама дивилась, какъ могла пережить все это. Какъ она не сошла съ ума, не сдѣлала чего-нибудь—отравилась бы, что ли, какъ у нея хватало терпѣнія жить?.. Мишура сцены, ходули, вѣчныя ходули выдуманныхъ чувствъ, полнѣйшее отсутствіе реальнаго, заслоненнаго какими-то выдуманными интересами, фантастическими интересами,—все это душило и давило ее до послѣдней степени... И въ одну изъ такихъ минутъ, сегодня, когда, утомленная однообразнымъ скитаніемъ изъ угла въ уголъ, она, наконецъ, бросилась на софу и, откинувшись назадъ, зажмурилась, чтобы не видѣть этой отвратительной роскоши кругомъ,—ея вѣрная, никогда не оставлявшая ее, Жанета вошла въ комнату.

— Что тебѣ?

Жанетта казалась нѣсколько растерянной.

— Тебѣ надо что-нибудь?

— Нѣтъ... Такъ... Васъ спрашиваютъ, барыня.

— Кто спрашиваетъ? Ты вѣдь знаешь—разъ навсегда я приказала никого не принимать.

— Да, но это совсѣмъ особенное... Я не знаю, какъ и доложить вамъ.

— Говори скорѣе.

— Госпожа Торацкая... Анна Егоровна Торацкая,—прочла Жанета карточку, бывшую у нея въ рукахъ.

Софья Васильевна даже вскочила съ мѣста.

— Этого не можетъ быть. Откажи, скажи, что я не приказала принимать... Нѣтъ... это не то все. Скажи, чтобы подождала.

Софья Васильевна вся дрожала отъ волненія.

— Подлая дѣвчонка. Теперь сама пришла; хорошо же... Я ее отчитаю.

И въ то же время, на зло ей самой, какое-то смущеніе прокрадывалось въ ея душу. Она чувствовала, что она блѣдна, что у нея вздрагиваютъ губы; знала, что неизвѣстно, кто еще будетъ теперь растерянъ больше: она или та... Та, которая принесла ей столько зла... отняла у нея единственную надежду всей жизни.

— Пусть... Пусть войдетъ сейчасъ...

Если Софья Васильевна ожидала видѣть Торацкую смущенной—она не обманулась нисколько. Анна Егоровна тихо вошла въ комнату, скользнула удивленнымъ взглядомъ по всей этой кричащей роскоши кругомъ и въ недоумѣніи, растревоженная, сложила руки на груди.

Нѣжина приподнялась. Она не хотѣла выручить Торацкую и стояла передъ ней, ничего не говоря... Дѣвушка перевела взглядъ свой на нее и смутилась еще больше.

— Вотъ... я и пришла... сама пришла. Сама,—говорила она, теряясь еще безвыходнѣе.

Нѣжина молчала.

— Потому что... потому что между нами... началось... что-то... чего я не понимаю.

Софья Васильевна все не отвѣчала ни слова. Въ ней вспыхивала еще злоба, смѣнявшаяся какимъ-то, какъ казалось ей,

совсѣмъ безсмысленнымъ сожалѣніемъ къ этой бѣдной растерявшейся посѣтительницѣ.

— Что же вамъ угодно отъ меня?—спросила она, наконецъ.

Торацкая совсѣмъ безсознательно остановила на ней благодарный взглядъ. Нѣжина ее выручила своимъ вопросомъ.

— Что же вамъ угодно?—повторила та.—Садитесь, пожалуйста.

Торацкая сѣла и сложила руки на колѣняхъ.

— Послѣ того, какъ вы выгнали меня отъ себя, согласитесь сами, я всего менѣе могла ожидать вашего визита...

— Да... Я поступила тогда очень дурно... очень дурно. И потомъ каялась въ этомъ...

Голосъ Торацкой звучалъ съ такою подкупающею искренностью, что даже на Софью Васильевну онъ подѣйствовалъ смягчающимъ образомъ.

— Не извиняться же вы пріѣхали теперь?

— О, нѣтъ...—улыбнулась печально Торацкая.—Мнѣ не въ чемъ извиняться... Я не передъ вами, я передъ собой виновата. Вы-то со мной уже поквитались.

— Чѣмъ?

— Во-первыхъ, письмомъ, которое вы послали нашей начальницѣ. Знаете,—еще тише и искреннѣе заговорила она,—мнѣ ужасно жаль было васъ послѣ того письма. Ужасно жаль!.. Такъ вы этимъ себя обидѣли... И видно, что вы долго... какъ бы это... ну, мучились и страдали... прежде... прежде, чѣмъ сдѣлать такую несправедливость.

— Это ужъ не вамъ жалѣть объ этомъ. Я васъ попрошу освободить меня отъ вашего сожалѣнія. Въ немъ-то, полагаю, не нуждаюсь я совсѣмъ... Чему я обязана честью вашего неожиданнаго и все-таки до сихъ поръ необъяснимаго для меня посѣщенія?

— Именно этому... Простите меня, но вы себя не жалѣете сами.—Наконецъ, Анна Егоровна совсѣмъ собралась съ духомъ и остановила теперь на Софьѣ Васильевнѣ ясный и спокойный

взглядъ.—Вы совсѣмъ не жалѣете себя... Развѣ можно дѣлать это?...

И она положила на крошечный китайскій столикъ передъ Нѣжиной листокъ площадной газетки съ отчеркнутою синимъ карандашомъ статьей.

— Вѣдь это, знаете, это такъ унизительно, такъ дурно... И, вѣрно, вы сами просили, унижались, ѣздили туда, платили за это... Скажите, ради чего же?.. Что же можетъ васъ вознаградить за такія тяжелыя испытанія? Если вы думали оскорбить меня—вы ошибались. Вѣдь на это не обижаются. Вѣдь за это тѣхъ, кто сдѣлалъ, сердечно жалѣютъ, и я, дѣйствительно, жалѣю, очень жалѣю васъ...

Софья Васильевна, все время собиравшаяся наброситься на Анну Егоровну, теперь, глядя на ея скромное и тихое личико, видя ея замѣшательство и въ то же время глубоко чувствуя ея правоту, не знала сама, что ей сказать. Ободренная ея молчаніемъ, Анна Егоровна положила ей на руку свою худенькую ручку и сжала, точно не хотѣла выпустить.

— Да, именно, какъ вамъ не жаль самое себя... Какъ не жаль. Я не смѣю судить, разумѣется. Это не мое дѣло. Но зачѣмъ все это, зачѣмъ?.. И что я вамъ сдѣлала?

Софья Васильевна отняла свою руку.

— Что вы мнѣ сдѣлали? И вы еще спрашиваете? Какъ вамъ не стыдно было... Что вы сдѣлали? Вы отняли у меня любимаго человѣка.

— О, я никого и никогда не отнимала у васъ. Слышите: никого и никогда. Я сама отказалась отъ счастія, я сама нашла въ себѣ силы отойти назадъ.

— Чтобы тѣмъ самымъ еще вѣрнѣе приворожить его къ себѣ?

— Зачѣмъ вы это! Развѣ я думаю объ этомъ... Вѣдь вы сами понимаете неправду своихъ словъ.

— Безъ васъ я была бы счастлива...—упорно повторяла Софья Васильевна.

— Да?.. Не знаю. Думаю, что нѣтъ. Позвольте мнѣ откро-

венно говорить съ вами. Совсѣмъ откровенно... Слышите: вѣрьте мнѣ, вѣрьте, что у меня на душѣ ничего нѣтъ противъ васъ.

— Еще бы у васъ было!

— Да! Ничего нѣтъ, несмотря на ваши оскорбленія. Вѣрьте мнѣ—онъ не любилъ васъ. Не любилъ вовсе. Вы его мало знаете, я лучше и спокойнѣе всматривалась въ него. Всѣ мы, и вы и я, для него игрушка, отдыхъ въ серьезномъ дѣлѣ. Онъ вспоминаетъ о насъ, когда ему жутко, когда ему ничто не удастся. Онъ выбросилъ бы насъ за бортъ, какъ негодную солому, если бы ему это понадобилось; и въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, въ своихъ планахъ на будущее онъ нашелъ бы оправданіе такому дѣлу. Вѣрьте, вѣрьте этому, Софья Васильевна. Я скажу вамъ больше,—вспыхнула она,—и скажу не для того, чтобы обидѣть васъ—для этого я бы никогда не сказала ни слова. Но я хочу, чтобы вы знали это: онъ васъ, именно васъ, даже ненавидитъ.

— За что? за что?—вырвалось у Софьи Васильевны

— За многое. Вы для него олицетвореніе петербургской жизни со всѣми ея темными сторонами. Вы для него то прошлое, которое ему тяжело вспоминать... Сверхъ того, Софья Васильевна, эти газетныя статьи во время войны... Онъ до сихъ поръ вспоминаетъ ихъ.

Нѣжина потупилась.

— Да... Лучше всего вамъ успокоиться и оставить самую мысль о немъ.

— Очистить вамъ поле!—крикнула та.

— О,—тихо улыбнулась Торацкая,—я на это поле и ногой не ступлю. Въ этомъ отношеніи вы можете быть покойны. Я слишкомъ цѣню мое настоящее, уваженіе ко мнѣ всѣхъ окружающихъ, пользу, которую я приношу, наконецъ, спокойствіе душевное, чтобы мѣнять это на другое...

— Вамъ хорошо!—тихо проговорила Нѣжина, невольно поддаваясь обаянію этого кроткаго личика и ласковаго голоса.—Вамъ хорошо!

— Кто же вамъ—такой богато-одаренной, смѣлой, сильной

на все—мѣшаетъ дѣлать что-нибудь, выбрать себѣ по-душѣ жизнь...

— Кто?.. Кто?.. Все, все мѣшаетъ. Все мое прошлое, всѣ мои привычки, вся эта роскошь, окружающая меня, всѣ, кто меня знаетъ, кого я знаю...

— Какъ легко отбросить это, забыть обо всемъ! Какъ легко!

— Вамъ—да, но не мнѣ.

— Послушайте меня. Я вамъ чужая, посторонняя. Клянусь вамъ, что мнѣ васъ жаль, что я хочу вамъ добра. Я забыла ваши оскорбленія, потому что не могу не видѣть, какъ вы несчастны. Я вижу это хорошо—бросьте все, все... Уѣзжайте отсюда...

— Уѣхать!—вспыхнула Нѣжина.—Уѣхать отсюда? А, значитъ, Анисимовъ здѣсь будетъ скоро?..

— Какъ вамъ не стыдно!

— Ну, разумѣется,—святая, добродѣтельная!.. Вы очень ловко ведете свои дѣла, очень даже. Умно придумали, только я не такъ глупа. О, мы еще поборемся. Поборемся, слышите ли?

— О чемъ?.. Что съ вами?..

— Невинность, съ этимъ кроткимъ личикомъ и небеснымъ взглядомъ. Нѣтъ, какъ она это придумала: нарочно выгнать меня изъ Петербурга передъ самымъ пріѣздомъ Анисимова... Отлично, въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, Анна Егоровна, вы можете не сочувствовать мнѣ, но не жалѣть меня. Главное: не жалѣть. Мы съ вами еще поборемся, и неизвѣстно, за кѣмъ будетъ побѣда...

— Какъ вы дурно все понимаете. Анисимовъ вовсе не сюда ѣдетъ, если хотите знать.

— Куда же?

— Я такъ мало заинтересована въ томъ, чтобы вы его видѣли или не видѣли, что скажу вамъ. Онъ ѣдетъ за границу, въ Вѣну.

— Въ Вѣну... Да? Вы даете честное слово?

— Я никогда не лгу, Софья Васильевна.

— Въ Вѣну... Вотъ за одно это указаніе спасибо вамъ. А вы... Вы остаетесь въ Петербургѣ?

— Да... разумѣется, остаюсь,—удивилась Торацкая.

— Ну, такъ будьте увѣрены, что я-то встрѣчу его въ Вѣнѣ. За это я вамъ могу поручиться.

— Я боюсь, что вмѣсто пользы, какую хотѣла вамъ сдѣлать, я только опять васъ вернула на старую дорогу.

— Да... Въ этомъ вы можете быть увѣрены вполнѣ... Вамъ не удалось провести меня, не удалось!—ужъ хохотала ей въ лицо Нѣжина.—Только вотъ что: не обманываете ли вы меня, что онъ ѣдетъ въ Вѣну?—И она подозрительно взглянула на Анну Егоровну. Та поднялась, негодующая и, не прощаясь, пошла къ выходу.

— Погодите... Ради Бога, погодите!—бросилась за ней Софья Васильевна.—Погодите... Дайте мнѣ минуту, одну минуту времени... Ахъ, какъ у меня кружится голова. Я ничего, ничего не понимаю... Изъ одной крайности въ другую! Жизнь такъ пуста, такъ глупа. Такъ мнѣ противно все. Такъ это глупо идетъ...

И она, дѣйствительно, схватилась за голову.

Анна Егоровна, замѣтивъ, что Нѣжина вся поблѣднѣла, взяла ее за руки, подвела къ дивану и усадила, а сама сѣла рядомъ и обняла ее.

— Послушайте. Вы меня насмѣшливо зовете святою. Я сама его любила и люблю, правда не по-вашему. Если бы вы могли дать ему счастье—о, я бы первая умоляла васъ ѣхать къ нему и не медля ни минуты. Но если вы сдѣлаете это, вы, уже потрясенная и измученная, какою я вижу васъ, вы поѣдете на свое горе... на новыя страданія.

Софья Васильевна неожиданно опустила свою голову ей на плечо и зарыдала.

— Что же мнѣ дѣлать, что дѣлать?!—билась она.

— Что?.. Почемъ я знаю. Вѣрить сначала, искать дѣла потомъ, а главное—бросить все то, что васъ приковываетъ къ этой жизни,—всю эту пышность, ничего не говорящую сердцу...

XIV. Исповѣдь.

«Мнѣ, кажется, никогда не удастся спасти ее!» думала про себя Анна Егоровна, глядя на вспыхнувшее отъ волненія и гнѣва лицо Софьи Васильевны.

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Ничего. Мнѣ жаль, что нашъ разговоръ привелъ не къ тому, на что я надѣялась.

— Еще бы!.. Вѣдь не дура же я, кажется...

— Нѣтъ, вы не такъ меня понимаете, совсѣмъ не такъ... Если бы вы знали, какъ я въ эту минуту горячо хочу счастья для васъ... Именно для васъ...

Голосъ Торацкой дрогнулъ. На ея глазахъ выступили слезы. Нѣжина съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее.

— Странная вы!—тихо проговорила она.—Очень странная.

— Не странная... А мнѣ просто за васъ и больно и обидно. Такая молодая, красивая, талантливая... И такъ все... какъ бы сказать это... идетъ у васъ.

— Кувыркомъ?—грустно улыбнулась Софья Васильевна.

— Что?

— Я говорю—кувыркомъ... Видите: даже въ столь торжественную минуту никакъ не могу позабыть. «Прекрасную Елену». Да, вся жизнь «кувыркомъ».

Нѣжина, незамѣтно для самой себя, переходила въ искренній тонъ.

— Такъ суждено, значитъ...

— Кто же судилъ-то? Вѣдь не Богъ же. Онъ милосердъ и благъ...

— Это вы изъ катехизиса? Нѣтъ, знаете—я думаю, что я сотворена-то на зло всѣмъ и каждому, а главное—самой себѣ! И думаю, вамъ не случалось еще встрѣчать такой?

— Я много видѣла.

— Скажите...—опять спохватилась Софья Васильевна,—вы, дѣйствительно, искренно желаете мнѣ счастья? Да?

— Еще бы. Я не знаю, что дала бы.

— Помирите меня съ Анисимовымъ... Это вы—вы одна можете сдѣлать.

— И вы это считаете счастьемъ?

— Единственнымъ, возможнымъ для меня. Я иногда ненавижу его—кажется, сама бы его зарѣзала; но эти мгновенія проходятъ, и я опять чувствую, что въ немъ одномъ—мое все.

— Вы, значитъ, его мало знаете.

— Онъ крѣпокъ, смѣлъ, силенъ... У него натура...

— Все это такъ, Софья Васильевна... Но не для насъ съ вами эта сила, смѣлость... Вѣрьте мнѣ: мы въ его жизни играемъ роль тѣни, которую кидаютъ мимоходомъ на землю бѣгущія по небу облака... Мы только такія тѣни. Послѣ насъ у него ни впечатлѣнія, ни чувства, ни воспоминанія...

— А вы... вы?

— Неужели вы думаете, что меня онъ любилъ когда-нибудь? Полноте. Онъ просто не видалъ такихъ. Въ грустныя минуты неудачъ онъ вспоминалъ все дурное, что сдѣлалъ когда-нибудь... Вотъ и все. Тутъ не было раскаянія... Онъ видѣлъ только, что судьба его караетъ за меня,—такъ онъ думалъ, а не я... Вотъ и все. Сразитъ его на минуту ударомъ—онъ не надолго и смягчится. Начинаетъ копаться въ прошломъ, и въ это время ему кажется, что я играла какую-то роль въ его жизни... А въ сущности—никогда и никакой...

— Я его именно и люблю такимъ... безжалостнымъ...

— И вовсе не безжалостный онъ. Не думайте этого. Онъ все-таки человѣкъ нашего времени. Цѣльныхъ людей вѣдь теперь нѣтъ вовсе. Вы это знаете сами. И въ немъ вѣчный разладъ,—вѣчный и по всякому поводу. Я помню его во время войны—больно и досадно было на него смотрѣть. Въ самомъ дѣлѣ, во время боя посылаетъ на смерть тысячи людей, и голосъ у него не дрогнетъ и чувство жалости не пошевельнется... Ну, а кончится бой—тотъ же Анисимовъ ночью ходитъ блѣдный изъ угла въ уголъ и мучится: не даромъ ли всѣ эти жертвы? Не придется ли за нихъ дать отвѣтъ т а м ъ?.. Не злодѣй ли онъ?.. Вы его мало знаете, очень мало.

— Но откуда вы, вы такъ понимаете людей? Вы, которая меньше мосто жили, вы ихъ узнаете и различаете лучше меня!

— Именно потому, что вы жили и никогда, слѣдовательно, спокойно на нихъ не смотрѣли. Я же ихъ со стороны разглядывала. Жизнь моя, Софья Васильевна, была очень не сладка. Я давно пріучилась понимать событія и характеры. Разумѣется, не женская гимназія,—усмѣхнулась она,—дала мнѣ это. Я и мать были рано брошены отцомъ... Поэтому мы жизнь узнавали именно съ самой непривлекательной ея стороны. Она насъ углами своими задѣвала постоянно. Видя постоянно свою мать измученною и грустною, я уже ребенкомъ стала задумываться надо всѣмъ. Мы жили въ мірѣ людей очень нуждающихся, гдѣ каждый грошъ былъ дорогъ и за всякую копейку они были готовы на ссоры, на непріятности. Все это даетъ пониманіе характеровъ, заставляетъ вглядываться и въ нихъ и въ себя. Такъ это и развивалось. А книга уже потомъ на помощь пришла. И то, что для другихъ было просто средствомъ убить время, для меня являлось уже способомъ разъяснить тѣ или другіе народившіеся въ моей душѣ вопросы. Вотъ откуда пришло все это.

— Но почему же рядомъ съ этимъ, Анна Егоровна, вы кажетесь такой тихой, смирной, точно не отъ міра сего? Даже, простите меня, съ перваго взгляда васъ можно принять за очень недалекую дѣвушку...

Торацкая расхохоталась.

— И это оттуда же идетъ. Именно оттуда, Софья Васильевна. Мнѣ поневолѣ пришлось быть тихой, потому что бѣдные люди всегда стараются пройти мимо незамѣтно. Вы не знаете, сколько горькихъ обидъ вызываетъ нищета. Бывало, мимо дворника идешь—стараешься, чтобы онъ тебя не увидѣлъ, иначе скажетъ какую-нибудь гадость, и ты ему не смѣешь отвѣтить; на улицѣ то же самое. Знаешь, что платье у тебя въ заплатахъ, башмаки изорваны, вѣдь самой непривлекательно; ну, и краснѣешь, если видишь, что кто-нибудь на тебя смотритъ.

— Да какъ же было не озлиться при этихъ условіяхъ? Я, извините за выраженіе, я бы остервенѣла и кусаться начала...

— Мать у меня была добрая... очень добрая. Такой доброты ни прежде, ни послѣ я не встрѣчала. Она прощала всѣмъ и все. Люди не знаютъ, какъ они злы, говорила она. Если бы знали—стали бы добрѣе. Она даже объ отцѣ, бросившемъ насъ на произволъ судьбы, ни разу не вспомнила зло и неотходчиво. Напротивъ, малюткой она заставляла меня молиться за него... Ахъ, какъ она была добра! Я и теперь... часто мнѣ кажется, вижу ея устремленный на меня взглядъ—чистый такой, свѣтлый... Ни одной дурной мысли я не прочитала въ немъ никогда... Она научила меня любить людей. И потомъ, знаете, бѣдняки всегда помогаютъ другъ другу. За грошъ ссорятся, а въ крайности послѣднимъ дѣлятся; ну, и привыкаютъ невольно видѣть въ людяхъ только одно хорошее.

— Да, вы все-таки счастливѣе меня.

— Нѣтъ... Не счастливѣе, а довольнѣе, спокойнѣе.

— Какъ вы это умѣете?

— Надо полюбить свое дѣло... Всякій безропотенъ, кто дѣлаетъ его по-сердцу.

— Не всегда это возможно!.. Не угодно ли «цыганскія пѣсни» любить? Попробуйте!..

— Я въ васъ тоже вглядывалась, и не разъ,—вдругъ покраснѣла Торацкая.—Я не знала васъ; только по тому, что онѣ разсказывали, судила и никакъ не могла понять. Вотъ вы говорите, что я всѣхъ разбирать могу, а вы для меня, какъ бы это выразиться, не совсѣмъ разборчивы. Я никакъ не въ силахъ сообразить: почему въ васъ уживаются такія противоположности.

— Какія именно? Я просто скверная, злая и взбалмошная женщина, и ничего больше.

— О, нѣтъ!—вспыхнула Торацкая. — Правда, я прежде васъ считала такою и...

— И нисколько не ошиблись.

— Значитъ, вы сами себя не понимаете. Въ васъ есть искренность, сердечность... И, простите меня, позвольте мнѣ быть откровенной... Я знаю, что вы большой талантъ. Я много слы-

шала и читала объ этомъ... Потомъ—вы умная. Очень умная. Какъ это у васъ только рядомъ помѣщается и умъ, и талантъ, и...

— Что—и?—улыбалась Софья Васильевна.

— Нѣтъ, ужъ я лучше въ другой разъ... потомъ...—сконфузилась Анна Егоровна.

— Вотъ этого я не допущу. Начали, такъ договаривайте. Я вѣдь не обижусь. Я теперь люблю васъ, право... А разъ я люблю—не обижусь ничѣмъ... Такъ что же рядомъ уживаются: умъ, талантъ...

— Ну, и... безразсудство. Вы ломаете всю свою жизнь—и сами, разумѣется, видите это и знаете...

— Слишкомъ хорошо знаю.

— Какъ же это?..

— Потому что моя жизнь ничего, ничего не стоитъ... Рѣшительно ничего. И чѣмъ она скорѣе сломится, тѣмъ будетъ лучше для всѣхъ. А прежде всего—для меня! Вы вотъ разсказывали, какъ росли вы! А если бы вы знали, какъ я жила. Вѣдь все—все до сихъ поръ, съ того самаго дня, какъ я себя помню—противно мнѣ до послѣдней степени. Ничего искренняго, правдиваго, ничего, что воспитало бы во мнѣ душу. И вѣдь была она, эта душа, до сихъ поръ въ изломахъ болитъ—да какъ ее затоптали! Знаете ли вы, что мой отецъ крѣпостнымъ былъ?

— Да, я слышала.

— Вамъ, вѣрно, Анисимовъ разсказывалъ?

— Онъ.

— Скажите, въ какія подробности пускался,—съ досадой проговорила она.—И, разумѣется, съ своей противной улыбкой?

— Вѣдь онъ и самъ не аристократъ. Полноте... Не волнуйтесь, Софья Васильевна.

— Я такъ. Не могу спокойно относиться, мнительна до болѣзни, до отвращенія. Ну, вотъ—взяли меня къ господамъ дѣвочкой, при барышняхъ и я росла, училась съ ними, а все-таки на каждомъ шагу мнѣ въ носъ точно пинкомъ совали. Сдѣлаютъ что-нибудь барышни: «Какъ вамъ не стыдно—вы вѣдь дворня-

скія дѣти». Я чуть-чуть ненарокомъ провинюсь: «Такъ вѣдь и видно, что мужичка». А дворня!.. Когда уже крестьяне освобождены были—все-таки старый скверный духъ сохранялся въ этой средѣ. Каждый лакей норовилъ ткнуть меня, каждая горничная, бывало, не упуститъ случая дернуть меня за косу. За обѣдомъ меня сажали съ барышнями, а, между тѣмъ, я одѣта была хуже ихъ, и меня нарочно прислуга обносила лакомыми блюдами. Отправили барышень въ пансіонъ—и меня при нихъ. А въ это время отецъ мой расторговался, онъ давно оставилъ своихъ господъ и вспомнилъ обо мнѣ. Взялъ меня изъ пансіона—и я полной грудью вздохнула дома. Росла на волѣ, ужъ и знать никого не хотѣла; если бы не случай—можетъ быть, и до сихъ поръ была бы счастливой уѣздной купчихой. Нашъ городокъ на Волгѣ стоялъ на гребнѣ высокаго берега, такъ что съ рѣки только и видны были куполы церквей да кровли болѣе высокихъ домовъ. Помню чудесный садъ у насъ шелъ по самой рѣкѣ. Лѣтомъ и весною я цѣлые дни тамъ сидѣла. Шила, читала романы. Мнѣ уже шестнадцать стукнуло, какъ прислали къ намъ изъ Петербурга студента одного. Совсѣмъ не ко двору онъ пришелся сначала. Высокій, красивый, задумчивый... Разумѣется, онъ не своей волей къ намъ попалъ. Мы, дѣвчонки, сейчасъ же, разумѣется, всѣ въ него влюбились. Съ нами сошелся онъ короче, потому что у насъ въ домѣ и квартиру себѣ нанялъ. Сближеніе наше съ того началось, что сталъ онъ мнѣ давать читать вмѣсто всякихъ виконтовъ де-Бражелоновъ и Монтекристовъ Диккенса, Тургенева и другихъ, а потомъ сталъ просвѣщать меня. Все бы можетъ быть, благополучно обошлось, и я бы осталась весь свой вѣкъ въ числѣ уѣздныхъ дамъ, да пріѣхалъ къ намъ въ городъ ревизовать уѣздъ губернаторъ. А онъ былъ страстный любитель театра. Исправникъ, которому хотѣлось прикрыть кое-какія грѣшки, вздумалъ развлечь его театромъ. Поставили «Доходное мѣсто» Островскаго. И вдругъ въ игравшемъ Жадова моемъ студентѣ талантъ оказался, да какой талантъ! Губернаторъ явился на сцену, расцѣловалъ его: «Вамъ говорить на сцену, прямо на сцену; бросьте все—и

ступайте служить искусству. Я вамъ и освобожденіе выхлопочу!» Наши всѣ, уѣздные, какъ въ туманѣ ходили. Уѣхалъ губернаторъ, а спектакли не прекратились... Поставили какъ-то «Грозу». Передъ самымъ представленіемъ, дня этакъ за два, любительница, которая должна была исполнить Катерину, заболѣла... Туда-сюда—студентъ прибѣжалъ, какъ угорѣлый, къ намъ. «Софья Васильевна, сыграйте»... Я было попятилась—и слушать не хочетъ. Я, говоритъ, съ вами пройду—будетъ все отлично. Ну, черезъ недѣлю я играла—да какъ! Публика плакала даже. Студентъ совсѣмъ помутился. Кончилось это, какъ и слѣдовало ожидать!

И Софья Васильевна опустила голову... Торацкая взяла ея руку и тихо пожала.

— Когда я вспоминаю все это, невольно приходитъ въ голову, какъ я была глупа тогда.

— Вы полюбили его?

— Студента? Да. Только странно какъ-то. Въ немъ какое-то дѣвическое цѣломудріе было. Сбѣжали мы съ нимъ въ странствующую труппу. По Волгѣ блуждали эти «господа-артисты»—ну, и мы съ ними отъ города до города. И ничего. Отношенія наши были совсѣмъ чисты. Онъ мнѣ все въ свободное время книжки читалъ—Добролюбова, Писарева... Ахъ, какіе вечера мы проводили вдвоемъ! Точно новые горизонты раскрывались предо мной. Кажется, скажи онъ: иди за мной въ огонь, я бы и не разсуждала, кинулась съ головою. И какъ все это глупо кончилось! Попали мы въ Петербургъ. Время было страшное. «Отраженное время», какъ называли его...

— Я не понимаю этого.

— Да, знаете, передъ этимъ, въ Николаевскую эпоху, все было придавлено—ну, такъ тогда отразилось все въ противоположную сторону, да еще какъ отразилось-то... И вотъ между нами все было до тѣхъ поръ чисто. Ни разу онъ не поцѣловалъ даже. А тутъ вдругъ попала я въ одинъ кружокъ—и меня приговорили быть гражданской женой его.

— То есть какъ же это?

— Такъ, знаете, священнодѣйствовали тогда. Не просто любили, а исполняли, такъ сказать, долгъ и несказанно гордились этимъ... Все такъ было безпорядочно, неустойчиво, лишено связи и послѣдовательности, что меня нисколько не удивило, когда черезъ три мѣсяца онъ объявилъ мнѣ, что теперь мы должны разстаться, потому что онъ замѣчаетъ въ себѣ развивающійся эгоизмъ любви и что любовь должна принадлежать одинаково всѣмъ. Живя съ нимъ однимъ, я являла, видите ли, грустный примѣръ права собственности. Что вамъ разсказывать: все это было молодо, свѣжо, искренно—и хоть я по многимъ рукамъ пошла тогда, но, право, грязи въ этомъ не было вовсе. Въ самомъ дѣлѣ—мы священнодѣйствовали!.. Я даже не краснѣю, вспоминая это наивное время.

— Богъ знаетъ что это. Вотъ бы я не подумала.

— Чего?

— Чтобы послѣ всего этого... и...

— Въ «цыганскія пѣсни» попасть? Все, Анна Егоровна, дѣлается съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Не сразу! Нашъ кружокъ существовалъ только годъ одинъ! А потомъ онъ распался, я стала бѣдствовать. Я вамъ забыла сказать, что отецъ женился вторично и умеръ, оставивъ все по завѣщанію мачехѣ, которая меня терпѣть не могла. Дѣваться было некуда—я опять на сцену. Сначала стала пѣть въ водевиляхъ, оказался у меня голосъ отличный; а потомъ, когда наступило царство разрѣзныхъ юбокъ, розовыхъ трико и труля-ля съ кувыркомъ-кувыркомъ, я и попала въ опереточныя дивы. Собственно говоря, меня туда сначала голодъ погналъ. Драматическая сцена никакъ не могла выдержать соперничества съ оперетками. Антрепренеры первой розорялись и артисты разбѣгались; второй—благоденствовали. Помню: первое время ужасно совѣстно было, а потомъ ничего; мало-по-малу привыкла. У меня всегда была безконечная жажда жизни—блеска, роскоши. Ну, я и воспользовалась тутъ вовсю. Деньги бѣшеныя тогда были. Желѣзнодорожная горячка всѣхъ охватила; десятки тысячъ летѣли такъ себѣ, задаромъ. Не подумайте—я не продавалась

никогда и никому... Надняхъ читала я въ одной газетѣ: критикъ какой-то опредѣляетъ намъ, «опереточнымъ дивамъ», цѣну отъ двадцати пяти рублей до ста! Не знаю, гдѣ такихъ онъ видѣлъ. Я смѣялась только, вспоминая, какъ на подносахъ подавали пачки сторублевыхъ бумажекъ, всякой бездарной, но красивой бабѣ, которая выступала тогда на подмостки въ «Еленахъ» или... Да, гадкое, совсѣмъ глупое время было... А потомъ, знаете, наша оперетка совсѣмъ послѣдній смыслъ потеряла. Вмѣсто «Орфеевъ въ аду», «Мадамъ Анго» и т. д. «цыганскія пѣсни» пошли. Иностранную производительность смѣнила наша отечественная, аляповатая!.. Вѣроятно, я такъ бы и пропала въ этой средѣ. Сегодня хорошо—завтра плохо... Опускалась бы все ниже да ниже; но моя мачеха заблагоразсудила умереть—мнѣ досталось довольно крупное состояніе. Тутъ ужъ я могла играть, когда мнѣ вздумается, и жить, какъ хочу... Года черезъ три я познакомилась съ Анисимовымъ... Вотъ вамъ вся моя жизнь. Теперь вы и видите, какъ во мнѣ уживаются рядомъ такія противоположности...

— А теперь?

— Теперь мнѣ просто скучно. Такъ скучно! Оглядываюсь назадъ и вижу, что ничего настоящаго въ этой жизни не было. Такъ, знаете, вся она въ призраки ушла. Я себѣ дѣлала ее, эту жизнь, неизвѣстно зачѣмъ. Еще встрѣча съ Анисимовымъ...

— Ахъ, Софья Васильевна,—прервала ее сестра милосердія,—вотъ это-то настоящій призракъ и есть. Тутъ ужъ дѣйствительности совсѣмъ не было. И для него призракъ и для васъ. Миражъ какой-то взаимный.

— Что же дѣлать! Я живу этимъ миражемъ. Курильщики опія тоже свои сны не считаютъ дѣйствительностью, а отнимите ихъ—несчастные покончатъ съ собой, потому что иная жизнь для нихъ уже и немыслима стала.

XV. На заводахъ.

А Сергѣй Николаевичъ, дѣйствительно, собрался въ полуславянскую, полунѣмецкую Вѣну. Тамъ начиналось движеніе, глубоко интересовавшее его. Послѣ нашей войны сербы, хорваты и далматинцы подымали головы; занятіе Босніи и Герцеговины, увеличивавшее число славянскихъ подданныхъ Габсбургскаго дома, обѣщало умалить ненавистное имъ вліяніе венгерцевъ. Въ Загребѣ броженіе принимало опасный оборотъ; въ Тріестѣ борьба изъ клубовъ и со страницъ журналовъ перешла на улицу; въ Галиціи зашевелились русины, узнавшіе о надѣлѣ землей нашихъ польскихъ крестьянъ; у мадьяровъ, въ пограничныхъ съ славянскими землями комитетахъ, тоже было неблагополучно. Румыны въ Буковинѣ вспоминали о своемъ племенномъ родствѣ съ сосѣдями въ Дунайскомъ княжествѣ... Съ ума сходившій отъ бездѣйствія Анисимовъ схватился за это, какъ за средство къ спасенію. Тутъ его кипучія силы могли найти себѣ просторъ, а жизнь—оправданіе. Онъ зналъ, что здѣсь ему придется, можетъ-быть, имѣть дѣло съ прямой опасностью, но, во всякомъ случаѣ, не съ тѣмъ пассивнымъ сопротивленіемъ, какое онъ встрѣтилъ въ своихъ земскихъ попыткахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Вѣнѣ были личности, которыхъ, такъ или иначе, можно было убѣдить, сломить, сбросить съ дороги. Позади, въ Россіи, оказывались не фигуры, а ф о н ъ, а что можно было сдѣлать съ этимъ фонемъ, съ этою безличною, сливавшеюся въ одинъ какой-то миражъ, массою?.. Онъ заѣхалъ по пути проститься съ братомъ, намѣреваясь оттуда пробраться въ Москву на нѣсколько дней.

— Ну?.. Собрался, наконецъ?—встрѣтилъ его Петръ Николаевичъ.—Слава Богу.

— Ты точно радуешься тому, что я уѣзжаю изъ Россіи.

— Не радуюсь. Чему же радоваться? А тебѣ лучше будетъ гораздо.

— Ты все убѣжденъ, что у насъ дѣла нѣтъ?

— Нѣтъ. Большого нѣтъ. Да оно и не нужно. Не ко двору, не къ мѣсту.

— Что ты?

— Тоже собираюсь уѣзжать.

— Бросить край, гдѣ...

— Да, гдѣ сорокъ лѣтъ работалъ... Что же дѣлать! Край, который я создалъ. Все же это легче, чѣмъ видѣть все, что творится здѣсь. Половина заводовъ закрыта, а доходы остальныхъ съѣдаются цѣлою оравою чиновниковъ, насланныхъ сюда. Истинно, казнь египетская. Я, видишь, ужъ такъ у нихъ на дорогѣ сталъ, что они теперь ставятъ мнѣ условіемъ дальнѣйшаго существованія заводовъ мое удаленіе. Иначе казенное управленіе грозится ликвидаціей! По крайней мѣрѣ, откровенно.

— Что же ты думаешь дѣлать?

— У меня есть еще небольшое имѣнье—уѣду, займусь тамъ хозяйствомъ. Какъ отецъ Никодимъ изъ большого монастыря въ малый ушелъ, и созидаетъ тамъ, такъ и я. Кстати, ты знаешь, онъ писалъ мнѣ: «неустанно труждаюсь во славу Господню!» Да, онъ посильнѣе насъ съ тобою!.. Пожалуй, онъ одинъ и выдержитъ только свой искусъ...

Анисимовское царство—хотя его только нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ Сергѣй Николаевичъ—было неузнаваемо. Отсюда разбѣгалось все, что только могло уйти. Наѣзжали массы чиновниковъ,—всѣ въ новенькихъ фуражкахъ, съ тычкомъ торчавшими кокардами,—и убирались заскорузлые, мрачные работники. По всѣмъ дорогамъ шли партіи этихъ послѣднихъ съ сумками за плечами, съ костылями въ рукахъ.

— Куда вы, братцы?—спрашивалъ ихъ Сергѣй Николаевичъ.

— Мѣстовъ искать.

— Да, слышалъ. Работы у васъ не стало.

— Какъ отняли у насъ Петра Миколаича, все въ очистку пошло. Помирать надо—вотъ какъ.

— Ну, ужъ и помирать. Никто, какъ Богъ.

— До Бога, Сергѣй Миколаичъ, далеко!..

— Сказываютъ, въ городу работа требуется? — пытливо спрашивали нѣкоторые.

— Не знаю.

— Что вою было. Бабы наши-то, знаешь самъ. Вѣдь мы жили здѣсь и работали, а теперь, вишь, не надо стало...

Петръ Николаевичъ разсказывалъ брату, какъ на-дняхъ вышелъ онъ утромъ на крыльцо своего дома и видитъ, стоитъ передъ нимъ тысяча человѣкъ, безъ малаго, сѣдобородыхъ стариковъ. Какъ замѣтили они Анисимова—рухнули на колѣни всѣ.

— Что вамъ, братцы?—изумился онъ.

— На тебя одного надежда—смерть приходитъ.

— Встаньте, ребята... Нельзя такъ. Кланяются только Богу.

— Помираемъ. Работы нѣтъ. Чиновники съ заводовъ гонятъ.

— Что я могу сдѣлать? Я теперь самъ человѣкъ подневольный!..

И дѣйствительно, онъ былъ безсиленъ теперь. Вновь складывавшіяся условія жизни, какъ громадные мельничные жернова, размалывали всѣхъ этихъ несчастныхъ. У нихъ не было земли, чтобы заняться ею, да если бы она и оказалась здѣсь, такъ ее какъ хочешь, обрабатывай, ничего она дать земледѣльцу не можетъ. Скота не стало—все рухнуло... Тамъ, гдѣ еще недавно царило довольство, даже богатство, гдѣ нужда была совсѣмъ неизвѣстна, гдѣ работы требовали, какъ должнаго, и получали ее тотчасъ же, точно какая-то туча нашла и разомъ заслонила солнце. Нищета, и какая нищета—фабричная! Во всякихъ другихъ условіяхъ переходъ отъ довольства къ голоду долгъ. Люди мало-по-малу привыкаютъ, отыскивая новыхъ путей и заработковъ. Тутъ дѣло другое. Вчера еще богатъ, сегодня—ступай на всѣ четыре стороны съ семьей; хочешь умирать—умирай!.. И никакихъ ступеней сверху внизъ. Понятно, что и озлобленіе сказывалось рѣзче и взаимное непониманіе было сильнѣе.

— Я хотѣлъ одного,—говорилъ Петръ Николаевичъ:—просилъ ихъ не разомъ закрывать заводы, а исподволь, сначала сокращая работу, чтобы не оставлять безпомощной цѣлую массу рабочаго люда—куда тебѣ, и слушать не хотятъ! Въ великихъ дѣйствіяхъ, видишь ли ты, требуются и средства рѣшительныя.

Самъ я придумалъ бы что-нибудь: кого бы взялъ себѣ, кого бы направилъ на другія дѣла, а тутъ ничего и сообразить нельзя. Каждый день являются новыя толпы оставленныхъ безъ работы... Ну, хлѣбъ, какой у меня былъ запасенъ, весь роздалъ, наличныя деньги тоже. Заготовки я сдѣлалъ—и что же? Новое донесеніе въ Петербургъ полетѣло: Анисимовъ никакъ не можетъ, видишь ли ты, отрѣшиться въ коммерческомъ дѣлѣ отъ филантропическихъ пріемовъ!..

А возвращаясь назадъ, Сергѣй Николаевичъ видѣлъ и прямыя послѣдствія рѣшительныхъ дѣйствій, которыми вздумали столичные канцеляристы лѣчить великое бѣдствіе. Навстрѣчу ему попался весь блѣдный, безъ фуражки, чиновникъ, летѣвшій куда-то стремглавъ на неосѣдланной лошади. Бѣдняга уцѣпился перстами за гриву лошади и, видимо, едва удерживался на ея хребтѣ.

— Что съ вами?—остановилъ свой экипажъ Анисимовъ.

— Ваше превосходительство... Ради Бога...

— Да говорите толкомъ: въ чемъ дѣло. Куда вы ѣдете?

— Въ городъ.

— Зачѣмъ?

— За военной силой... Стрѣлять... стрѣлять надо.

— Вотъ тебѣ и на. Куда и въ кого?

— Бунтъ. У меня, на этомъ заводѣ, бунтъ. Видите, въ какомъ положеніи. Едва ушелъ.

— Только этого недоставало,—вспыхнулъ Сергѣй Николаевичъ.—До чего довели вы! Сорокъ лѣтъ не слыхано было здѣсь безпорядковъ, а теперь военная сила понадобилась. Стрѣлять!.. Изъ-за чего же случилось это?

— Помилуйте, я объявилъ заводъ закрытымъ и распустилъ рабочихъ, а они всѣ сегодня явились. Выломали двери, стали къ станкамъ и требуютъ дѣла.

— Гдѣ же это?

— А вотъ верстахъ въ двухъ отсюда.

— Я съѣзжу туда и узнаю.

— Ваше превосходительство, ради Бога. Васъ убьютъ.

— Анисимовы еще никогда отъ народныхъ рукъ не умирали!

Еще издали, по мѣрѣ приближенія къ заводу, слышался какой-то гулъ. Кучеръ Сергѣя Николаевича тоже сталъ было опасаться.

— Назадъ бы, Сергѣй Николаевичъ.

— И ты, дуракъ, тоже струсилъ?

— Да вѣдь злы нынче мужики-то Съ ними не сообразишь.

— Ладно, ладно, пошелъ, да живѣе. Некогда мнѣ съ тобою проклажаться тутъ...

Деревня Ворошиловка около завода была пуста, всѣ точно вымерли; зато вокругъ заводскаго зданія стѣной стояли бабы, дѣти и старики. Всѣ они всполохнулись, увидавъ подъѣзжавшую коляску...

— Держи прямо... Не останавливай лошадей,—приказалъ Анисимовъ кучеру.

Живая стѣна разступилась, и коляска подкатила къ воротамъ, около которыхъ стояла толпа мужиковъ.

— Здорово, братцы!

Мужики сняли шапки.

— Экое горе стряслось... Ну, да Богъ не оставитъ,—точно уронилъ имъ Анисимовъ, проходя мимо.

— Сергѣй Миколаичъ!

— Чего вамъ?

— Во дворъ-то туда вы не ходите.

— А что?

— Да неровенъ часъ. Народъ-то, что младенецъ.

— Ну, они меня не тронутъ,—засмѣялся онъ.

Весь дворъ былъ переполненъ сумрачными рабочими. Точно безчисленные рои пчелъ носились тутъ—глухой говоръ такъ и стоялъ въ воздухѣ... Сергѣй Николаевичъ пріостановился на минуту. Рабочіе стояли кружками. Кто у входовъ въ различныя отдѣленія завода, кто посрединѣ двора, кто по угламъ...

— Здравствуйте, братцы!—крикнулъ имъ Сергѣй Николаевичъ, входя въ середину этой живой, тихо про себя роптавшей массы.

— Здравствуй... Здравствуй, Сергѣй Миколаичъ!

— Не стыдно вамъ, ребята, такъ своего чиновника напугать! Встрѣтилъ я его: на неосѣдланной лошади летитъ куда-то и безъ шапки.

— Чего же онъ пугается зря...

— Какъ чего? Заводъ запертъ, а вы набились здѣсь и хотите, во что бы то ни стало, отпереть его.

— Да какъ же, батюшка. Безъ хлѣба второй день сидимъ... Скажи самъ, что дѣлать-то?..

— Ты подумай: заводъ онъ какъ закрылъ-то. За недѣлю мы ничего не слышали, ходили себѣ работать. А тутъ вдругъ утромъ собрались—ворота на замкѣ. Что такое? Къ нему. А онъ напироской-то попыхиваетъ: «начальство такъ разсудило», говоритъ. Намъ-то же нельзя такъ, у насъ дѣти... Ты думаешь, легко намъ? Дома теперь замѣсто хлѣба вой одинъ. Бабы-то наши ополоумѣли...

— Тяжелое ваше положеніе... Очень тяжелое.

— Чего тяжелѣе.

— А все бунтовать не надо было.

— Авось, хоть теперь настоящее начальство пріѣдетъ и разберетъ насъ, Сергѣй Миколаичъ. Тоже вѣдь и помирать намъ не хочется. Слава те, Господи, сколько годовъ съ братцемъ твоимъ жили въ мирѣ и согласіи, а теперь ступай-ка на всѣ четыре стороны. Легко ли: у насъ вѣдь у всѣхъ палицо и сорока рублей не осталось, а кормиться надо...

— Ну, этому-то горю я помогу, пока еще въ силахъ. Сколько васъ всѣхъ?

— Сколько... Да сотъ семь будетъ.

— Вотъ что, братцы: съ начальствомъ бороться вамъ не по силамъ. Чиновникъ-то вѣдь доложитъ такъ, что на васъ возьмутъ да солдатъ и нагонятъ. А ужъ разборка пойдетъ потомъ. Посадятъ коноводовъ въ тюрьмы.

— Всѣхъ сажай... Всѣ коноводы-то. Въ тюрьмѣ, авось, кормить будутъ.

— Ну, братцы, острожный хлѣбъ-то вѣдь какъ горекъ. Подумаемъ лучше, какъ этому горю помочь. Деньги у меня есть—

пораскинемъ умомъ, чѣмъ вамъ позаняться, чтобы кое-какъ до поры до времени подержаться.

— Спасибо тебѣ,—загалдѣли кругомъ.

— Не за что, ребята. Вмѣстѣ вѣдь съ братомъ вы работали—онъ и послѣднее отдастъ, что у него есть, чтобы кое-какъ выручить васъ.

— Ему-то на всѣхъ гдѣ взять?

— Ну, кому сколько!.. А только вотъ что: пойдемъ въ село, а здѣсь я и разговаривать съ вами не стану. Заводъ долженъ быть запертъ, иначе накличете вы на себя бѣду. Кто хочетъ меня слушать, иди за мной... А кто не пойдетъ, того и я знать не желаю.

И Анисимовъ рѣшительно пошелъ къ воротамъ. Толпа повалила за нимъ.

— Постойте, братцы. Телеграфъ-то у васъ цѣлъ? Не разбили вы его?

— Зачѣмъ разбивать-то...

— И телеграфистъ здѣсь? Не сбѣжалъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—повеселѣла толпа...—Енъ, мальчонка-то, изъ здѣшнихъ, чего ему пугаться.

— Ну, такъ вотъ что: прежде чѣмъ онъ, чиновникъ вашъ, въ городѣ всполошитъ всѣхъ—пошлемъ прямо исправнику телеграмму отсюда, что здѣсь все спокойно. Тогда все и обойдется тихо да смирно! Имъ тоже вѣдь неохота возиться...

Анисимовъ написалъ коротенькую депешу:

«Въ Ворошиловкѣ все спокойно, народъ разошелся по домамъ изъ завода. Случилось недоразумѣніе, которое я выяснилъ. Передайте чиновнику, уѣхавшему отсюда въ городъ, что страхъ его былъ неоснователенъ, и своимъ бѣгствомъ онъ совершенно невинному событію придалъ характеръ, въ дѣйствительности не существующій. Пусть возвращается назадъ.

Генералъ Анисимовъ».

— Ну, теперь, ребята, все обойдется. Пойдемъ къ волостной избѣ. Тамъ и толковать съ вами будемъ. Только вотъ что: соберите-ка голоса да бесѣдовать со мной выберете человѣкъ

десять почестнѣй и поумнѣй. Мы и обсудимъ вмѣстѣ, какъ намъ выручить свои семьи-то и себя. Слышите?

— Слышимъ, слышимъ. Спасибо тебѣ!

— Только прежнихъ вашихъ конторщиковъ да управляющаго ко мнѣ не посылайте. А выберите своихъ—рабочихъ, къ кому вы довѣріе чувствуете. Слышите?

— Такъ, такъ, Сергѣй Миколаичъ.

— Ну, вотъ, а я пока здѣсь посижу и подожду васъ.

Черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ десять подошли къ нему.

— Васъ выбрали?

— Да!

— И отлично, давай толковать, ребята. А вы,—обратился онъ къ остальнымъ,—стойте да слушайте. Сколько у васъ семей, ребята?

— Семей триста двадцать будетъ—по всей Ворошиловкѣ.

— Хорошо. Сколько семей жило заводомъ?

— Да, почитай, половина.

— А остальныя?

— Остальныя: гдѣ работники въ городу; которые нанимаются на сторонѣ въ другихъ губерніяхъ; которые живутъ огородами, землей... Скотъ держатъ.

— Значитъ, несчастіе, т. е. закрытіе завода, разорило только полъ-деревни.

— Такъ, такъ, батюшка.

— Всего этакъ семей двѣсти?

— Двѣсти семей будетъ. Вѣрны твои слова. Двѣсти насбирается.

— Ну, а сколько среднимъ числомъ вырабатывала семья въ мѣсяцъ на заводѣ?

— Какъ какая. Не равно. У кого работниковъ больше, у кого меньше. На человѣка рублей по двадцати приходилось на заводѣ-то.

— Такъ мы и станемъ считать. Несчастіе, братцы, потому велико, что оно васъ врасплохъ захватило. Иначе вы бы перевернулись. Да?

— Вѣрно. Иначе мы бы придумали, что робить-то.

— Ну, вотъ именно... Такъ что, значитъ, ежели вы будете обезпечены мѣсяца на три—слѣдовательно, и бѣды большой не будетъ. Найдете себѣ дѣло?

— Найдемъ. Ходоковъ пошлемъ искать, гдѣ народъ требуется.

— Вотъ, значитъ, такъ и порѣшимъ. Дамъ я вамъ въ руки всѣмъ заводскимъ... Слышите, братцы?—крикнулъ онъ тоньше.

— Слышимъ, слышимъ, Сергѣй Миколаичъ.

— Дамъ я на руки вашимъ выборнымъ, для заводскихъ семей только, пятнадцать тысячъ рублей сейчасъ съ тѣмъ, чтобы они хранили ихъ свято и нерушимо и въ нуждѣ выдавали другъ другу, кому тяжело изъ васъ будетъ. Такъ, чтобы ихъ хватило на самый долгій срокъ, пока вы станете искать себѣ дѣла да работы. Помните только: будете въ силахъ—и вернете ихъ мнѣ, а не будете въ силахъ—Господь съ вами. Вмѣстѣ съ братомъ вы всю жизнь работали, значитъ, и помогать другъ другу должны мы. Не такъ ли?.. Сколько разъ, какъ у брата денегъ не было, вы на немъ ждали, а теперь мы за васъ, братцы...

Недавнее отчаяніе смѣнилось здѣсь спокойствіемъ и радостью. Анисимова далеко провожалъ народъ, прощаясь съ нимъ и желая ему всякихъ благъ.

— Съ тобой да съ братомъ твоимъ не пропадемъ мы!—говорили крестьяне.

— Смотрите, братцы, только, чтобы все было честно и тихо. Чтобы никто обиженъ не былъ. Не за тѣмъ, не для ссоръ да обидъ, я помогъ вамъ. Такъ вы это и знайте.

— Будь спокоенъ. Наши-то выборные надежные...

XVI. Въ Москвѣ.

Москва, какъ всегда, встрѣтила Анисимова радушно. Здѣсь его цѣнили высоко, хотя немного по-московски, т. е. на словахъ. Не успѣлъ еще онъ остановиться съ «Славянскомъ Базарѣ», какъ уже со всѣхъ сторонъ потащились къ нему всевозможные

народы. Первымъ посѣтилъ старый пріятель по Хивѣ, безшабашный купецъ Тараповъ.

— Ну, здравствуй, ваше превосходительство! Слава Богу, что къ намъ надумался!—ввалился онъ къ нему.

— Тараповъ?.. Уже пьянъ.

— Пьянъ!

— Да вѣдь еще одиннадцать часовъ утра!

— Что жъ, развѣ и для этого часы положены? Встаю въ девять—въ одиннадцатомъ пьянъ, дѣло христіанское.

— Когда ты остепенишься?

— Ну, ужъ это—ахъ, оставьте, мнѣ такое предсказаніе было: какъ перестану пить, такъ и помру. Пьяному, братъ, Самъ Господь невидимо содѣйствуетъ. Спроси-ка, ваше превосходительство, у тѣхъ, кто въ Сербіи бывалъ, они тебѣ разскажутъ, какъ я въ пьяномъ-то видѣ въ турецкій лагерь забрался. Изругалъ бритолобыхъ, какъ въ Москвѣ: раза три даже, признаться, плетью щелканулъ—и ушелъ цѣлъ, какъ слѣдуетъ. А поди-ка тверезый сунулся бы. Сейчасъ—секимъ башка!..

— Ну, что ты дѣлаешь?

— Все съ Машкой вожусь.

— Какая это еще Машка?

— Ужели жъ ты мою тигру забылъ? Муштрую я ее теперь чтобы языкъ понимала. Смѣхота. Характеры изучаю. На лѣстницѣ тигра у меня лежитъ. Всѣ знаютъ, что ручная, а кто не идетъ—тверезъ или пьянъ, все стороной больше, у стѣнки да перилъ. Неровенъ де часъ... Какъ бы чего не случилось.

— Ты бы хоть съѣздилъ куда-нибудь.

— Ѣздилъ, какъ не ѣздилъ! Во всѣхъ заграницахъ былъ.

— Ну?

— Помню все отлично — до самой Вержболовы. А тамъ словно бы туманомъ заволокло... Очнулся я: темно, холодно... Спрашиваю: гдѣ мы? Въ какомъ городѣ?—Въ Берлинѣ, говорятъ. Слава Богу! Гдѣ въ Берлинѣ-то?—Въ полиціи, сказываютъ.—Сколько?—спрашиваю.—Три тысячи марокъ пожалуйте за зеркала и прочее... Заплатилъ—опять все туманомъ

покрыло. Очнулся—темно, холодно, сыро. Спрашиваю: гдѣ я?—Въ судѣ исправительной полиціи.—Какой городъ?—Парижъ.—Сколько? спрашиваю.—Пять тысячъ франковъ. За что?—Кафе разнесли и барышнямъ платья изодрали. Отлично—плачу. Не пускаютъ. Чего еще? спрашиваю. Судить будутъ. Стали судить,—видятъ: русскій. Я говорю: за все заплачено—отпустили... Опять туманъ—ничего не помню. Прочухался—темно, холодно. Гдѣ, говорю, мы? Въ Лондонѣ. Какое мѣсто?—Тюрьма! Ахъ, чтобы васъ черти драли! Сколько? спрашиваю. Плачу... А ужъ потомъ ничего не помню—везли меня, везли—пришелъ въ себя только въ Москвѣ, въ банѣ, на полкѣ. Спрашиваю: гдѣ я? Въ Сандуновскихъ, говорятъ. Кто паритъ? Терентій!.. Не разбилъ ли я чего? Пробовали, сказываетъ, почку своротить, но только она, дай ей Богъ здоровья, устояла. Судить, говорю, какъ въ иностранныхъ земляхъ, не будутъ?—Нѣтъ! Кто же васъ судить можетъ? Вы сами всякаго, позвольте вамъ доложить, засудите. Ну, и опять туманъ пошелъ—до самой до сербской кампаніи...

— Хорошъ мальчикъ!—хохоталъ Анисимовъ.

— Да ужъ съ тѣмъ возьмите. У тебя для хорошихъ людей-то шампанское бываетъ?

— Это по утрамъ?

— Всѣ, братъ, часы человѣкъ выдумалъ—никто иной... Это ужъ вѣрно. Теперь только мнѣ воли той нѣтъ, что прежде.

— А что?

— Стыдно.

— Вотъ тебѣ и на! Откуда это на тебя стыдъ напалъ?

— Отъ жены.

— Какъ! Ты женился?

— Второй годъ. И жена у меня, скажу я тебѣ, такая, что становись передъ ней на колѣни, все мало. Она и не говоритъ мнѣ ничего, а только посмотритъ, такъ знаешь—у меня сейчасъ и стыдъ... Пробовалъ я ругаться—все стыдъ... Отъ нея и стыдъ этотъ пошелъ. Потому ужъ очень она хорошая. А какъ на хорошее-то посмотришь, такъ и щемитъ здѣсь вотъ,—дотронулся онъ до сердца.

— Ну, слава Богу. Жена тебя исправитъ.

— Исправитъ, нѣтъ ли—а ужъ мы ее очень любимъ. По нашимъ мѣстамъ, самъ знаешь, хорошихъ людей искать надо. А она—хорошій человѣкъ во всѣхъ статьяхъ. И образованная, и красивая, и понимаетъ все, ну, и душа у нея словно цвѣтокъ, передъ солнцемъ открытый... Вотъ пріѣзжай обѣдать — увидишь... Живемъ съ ней душа въ душу. Таково ли радостно.

— А не мучитъ ее, что ты пьешъ?

— Ничего не сдѣлаешь, до такой линіи дошелъ. Я еще что! Вотъ, ты нашего Ходакова знаешь?

— Милліонеръ?

— Какой еще... Всѣмъ на удивленіе—такъ ужъ онъ до того дошелъ, что ему и пить не надо. А только пошевели его, онъ и готовъ. Утромъ глаза откроетъ—трезвъ. Возьми его за ногу да шевельни—пьянъ. Вотъ это настоящее.

— И съ чего вы только пьете?

— Какъ же не пить-то, когда мы обижены кругомъ.

— Тебя-то кто обидѣлъ?

— Насъ, русскихъ, всѣ обижаютъ. Нѣмцы, англичане,—всѣ, кому не лѣнь. Ну, да Господь съ ними. Мы до поры терпимъ и пьемъ, а потомъ, перекрестясь, въ драку—разнесемъ, разнесемъ и смякнемъ. А какъ мы смякнемъ, они опять насъ обижать. Такъ и идетъ исторія эта!.. Ничего, братъ, съ этимъ не сдѣлаешь. Вотъ скажи ты мнѣ: какимъ тебя сюда вѣтромъ занесло?

— За границу ѣду.

— Это въ туманъ-то?

— Ну, братъ, она только для тебя туманъ.

— Про себя и говорю. Что же, въ Парижъ, что ли?

— Нѣтъ, въ Вѣну.

— Зачѣмъ понадобилось? Вѣну тоже я хорошо знаю. Судили меня тамъ. Я у нихъ въ Эльдорадо всѣ акваріи разнесъ, да рожки газовые со стѣнъ съ мясомъ повыворотилъ. Еще на Грабенѣ со стеклами что-то понадѣлалъ. Ну, заплатилъ—отпустили. У нихъ благородно. Только деньги отдай. И даже съ

жандармами своими для сохранности на желѣзную дорогу привезли. Почетъ!

— Что жъ ты въ Вѣнѣ знаешь послѣ этого? А тамъ теперь дѣла идутъ ужъ очень для насъ интересныя. Славяне-то вотъ какъ головы поднимаютъ.

— Братушки?

— Да. Послѣ нашей войны всѣмъ имъ...

— Сладкаго захотѣлось,—прервалъ его Тарановъ.

— Чего сладкаго?

— Это свободы-то. Такъ имъ и дала ее Вѣна. Небось, братъ, нѣмецъ уменъ; его, какъ турку, не проведешь. Онъ это аккуратно все сладитъ. Нѣмецъ еще и нашихъ болгаръ живьемъ слопаетъ. У него пасть-то разинута вотъ какъ! Только подавай, а глотать онъ всегда согласенъ.

— Ну, теперь ему придется подождать.

— Врешь, братъ. Самое способное ему время нынче. Я хоть сквозь туманъ, а видѣлъ. Помню. Самое лучшее время теперь. Мы нынче, какъ я послѣ скандала. Напьешься—скандалъ сдѣлаешь, а потомъ жены стыдно. Ну, и идешь мириться на всякія кондиціи. Вотъ и мы тоже. Съ бодрымъ духомъ разнесли, а теперь намъ Европы стыдно. Мы и хотимъ мириться. Госпожа Европа, будьте столь добры, пожалуйте ручку... И чмокъ ее... Въ самую-то ручку. Ну, она и пользуется...

— Ты, я вижу, политикъ.

— Дѣло скрозь туманъ, а понимаю. Вся моя политика въ этомъ. Милана мы имъ отдали. Жрите, дескать. Черногорію тоже прожертвовали—ну, да она у нихъ въ горлѣ застрянетъ. Боснію и Герцеговину они благополучно слопали, а теперь Игнатьевскимъ коридоромъ прямо къ Солоникамъ пойдутъ.

— Не такъ-то скоро.

— Они и не торопятся; зачѣмъ имъ торопиться? Торопиться никогда не надо. Это мы—какъ загорится—подавай намъ сейчасъ. Нѣтъ, а они благородно и ждительно. Сядутъ къ окошечку, губы подожмутъ и ждутъ. Анъ, глядь, и налетѣло... Они законы знаютъ. Тутъ вотъ у насъ Терентій говоритъ: кто васъ, батюшка, судить можетъ? А тамъ безъ разговоровъ—по-

жалуйте, купецъ, въ кутузку. Садитесь—сдѣлайте такое ваше одолженіе. Умный народъ, что говорить. Такихъ умныхъ, какъ австріяки эти, еще и не бывало: потому другіе рыло другъ другу въ кровь бьютъ, а австріякъ, по сосѣдству, у нихъ въ это время крестъ съ шеи снимаетъ. Пожалуйте мнѣ, говоритъ, потому что вамъ для драки этого совсѣмъ не надо. Даже способнѣе—безъ креста-то. Опять же у нихъ въ Берлинѣ Бисмаркъ посаженъ. Онъ за нихъ горой. Тоже покумились подъ Садовой-то. Имъ это очень способно...

— Ну, что въ Москвѣ дѣлается?

— Москва? Попрежнему. Бобы разводимъ да болтаемъ—кому разговоръ даденъ. Ну, а у кого словесъ нѣту, тотъ къ Яру, къ цыганкамъ ѣздитъ. Что Москва! Москву не передѣлаешь. Брехать мастерица. Брехать да бахвалиться.

— Ты за что же золъ на нее?

— Какъ же, другъ ты мой! Задумали мы боснякамъ помочь. Загалдѣли, загалдѣли—ну, думаю, кучу денегъ отвалятъ. Мельонъ, орутъ, не пожалѣемъ! А сталъ я собирать: на мѣсто мельона, первостатейные всего-то вкупѣ пять тысячъ отвалили. Ну, я своихъ сорокъ пять добавилъ и послалъ. Чтобъ не срамиться!

— Да, насчетъ обѣщаній и бахвальства—Москву взять.

— Первый городъ, что говорить. Твой-то братъ поправиться хотѣлъ—въ Москву пріѣзжалъ, когда его чиновники да жиды одолѣли по заводскому дѣлу. Думалъ занять денегъ здѣсь, да и обернуться. Мы его какъ приняли-то—просто диву даться. Не налюбовались, на рукахъ его носили. И такой ты, и сякой, и немазанный. Какихъ только на тебѣ узоровъ не написано! И русское дѣло ты высоко держишь, и отъ иностранцевъ насъ оберегаешь. Чего-чего не было. Выручите, говоритъ. Не бойся, выручимъ; такъ выручимъ—гладко будетъ. Мельоновъ не пожалѣемъ. Ну, къ утру угаръ-то прошелъ—на мѣсто мельоновъ никого изъ нашихъ первостатейныхъ дома нѣтъ. Поболтался, поболтался такъ братецъ, плюнулъ, да и поѣхалъ въ Питеръ—чиновникамъ продаваться. У насъ, братъ, слова да посулы въ Москвѣ дешевы. Дуракъ только тотъ, кто имъ вѣритъ. У насъ

и слово такое хорошее заведено: чуть что—«мельонъ» бери, кричимъ. Ну, такъ ты и понимай, что нашъ мельонъ-то ростомъ съ сотельную бумажку. Вотъ она, наша Москва-матушка. Дуй ее горой!..

XVII. Политическая дама.

Александра Николаевна Старикова была настоящая москвичка, хотя въ Москвѣ едва ли она живетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Московская почва богата. Рядомъ съ Тарановыми на ней иногда пышнымъ цвѣтомъ поднимаются и такіе типы, какъ описываемый. Старикова была въ полномъ смыслѣ слова политическою дамой. Ни одно событіе, касающееся хотя однимъ бокомъ Россіи, не могло совершиться безъ ея участія. Она показывалась вездѣ, гдѣ задѣвались такъ или иначе наши интересы. Ее знали въ Англіи и Франціи, въ Италіи и въ Австріи одинаково. Она выступала оппонентомъ нашихъ завѣдомыхъ враговъ и въ салонахъ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ аудиторіяхъ, какъ лектриса. Со страницъ журналовъ и газетъ она вѣщала въ нѣсколько торжественномъ тонѣ о тѣхъ намѣреніяхъ и предложеніяхъ, какія иногда еще и не зарождались въ русской головѣ, но которыя, по мнѣнію Александры Николаевны, были уже близки къ осуществленію. Вамбери, какъ нашъ врагъ, и Александра Николаевна, какъ наша защитница, были наиболѣе всѣхъ иностранцевъ знакомы руководящимъ кружкамъ Лондона. Она была въ высшей степени талантливымъ публицистомъ и писала съ одинаковой легкостью по-англійски, по-французски и по-нѣмецки. Нужно сказать правду: Старикова не мало нашихъ враговъ помирила съ нами, а вопросы, уясненію которыхъ она служила, предупреждая тѣмъ самымъ серьезныя столкновенія, можно было насчитать десятками. Будь Александра Николаевна мужчиной, изъ нея выработался бы превосходный посланникъ или даже министръ иностранныхъ дѣлъ. Какъ женщина, она въ настоящее время заняла мѣсто, которое во времена оны занимали Рекамье, Севинье, Сталь и другія выдающіяся француженки. Что касается до

нѣмцевъ и англичанъ, то у нихъ, разумѣется, никогда подобныхъ женщинъ не бывало. Александра Николаевна, навѣрно, была знакома съ цѣлымъ полуміромъ. Ея переписка заняла бы десятки томовъ; ея знакомства, воспроизведенныя портретистомъ, могли бы для себя потребовать галлерею, длиною отъ Москвы до Петербурга. Не было такого политическаго человѣка, къ какому бы лагерю онъ ни принадлежалъ который не считалъ бы обязанностью показаться въ салонѣ у Александры Николаевны. Не было такого писателя, кого бы она не знала. Не было журнала, который въ свое время такъ или иначе не прославлялъ бы или не популяризировалъ Старикову. Надо признаться, ея собственныя писанія подкупали необычайной искренностью и часто страстностью убѣжденія. Она никогда не говорила равнодушно, потому что вопросы, на которые тратила свой выдающійся талантъ, были жгучими, требовавшими за собой штыковъ и крови. Она могла говорить о самыхъ выдающихся людяхъ нашего вѣка: «мой другъ **, или мой врагъ ***». Просто знакомыхъ у нея между ними не было. Или они ее ненавидѣли, или дѣйствовали съ нею заодно. Въ Англіи съѣзжались смотрѣть на нее, какъ на чудо. Родись она во Франціи въ прошломъ вѣкѣ, вѣроятно, ей бы пришлось или сложить голову на гильотинѣ, или же сдѣлаться богинею разума. А можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ. Александра Николаевна не сложила рукъ, не зазналась по-женски, пріобрѣтя такую лестную популярность. Напротивъ, она постоянно была занята: читала, путешествовала, за всѣмъ слѣдила, всегда чего-нибудь ждала и рѣдко ошибалась въ своихъ предвидѣніяхъ. Съ Анксимовымъ она была дружна. Она считала его чуть ли не Наполеономъ — по военному генію, и его неудачи раздражали ее больше, чѣмъ если бы она сама испытала ихъ въ своей дѣятельности. Анксимовъ, въ душѣ котораго было не мало макіавелизма, будучи глубоко равнодушенъ къ Александрѣ Николаевнѣ и мало интересуясь ея личными мнѣніями, притворялся чуть ли не благоговѣющимъ передъ нею. Онъ зналъ, что все сказанное имъ Александрѣ Николаевнѣ, изъ ея устъ зазвучитъ уже всему грамотному европейскому міру, и пользовался этимъ безъ

зазрѣнія совѣсти. Когда ему нужно было, чтобы то или другое обстоятельство было узнано всѣми, онъ являлся къ Александрѣ Николаевнѣ и съ видомъ спокойной небрежности ронялъ слово за словомъ, лѣниво разсказывая съ перерывами, любезностями, направленными по адресу хозяйки. Этотъ пріемъ дѣйствовалъ великолѣпно, и, спустя недѣли полторы, въ «Daily News» или «Pall Mall» уже появлялась страстная и талантливая статья Стариковой, которую тотчасъ же начинали цитировать періодическія изданія цѣлаго міра.

Такъ и теперь, только что отдѣлавшись отъ Тарапова, Анисимовъ переодѣлся и отправился къ Стариковой.

Въ Москвѣ Старикова жила по-московски. У нея былъ свой домъ-особнякъ, непремѣнно деревянный, въ стародворянскомъ жанрѣ и непремѣнно съ колоннами по переднему фасаду. Гостиная ея была довольно просторная и уставлена мягкой мебелью. Когда ей доложили о Сергѣѣ Николаевичѣ, она радостно вспыхнула и тотчасъ же обратилась къ нѣсколькимъ сидѣвшимъ у нея англичанамъ и американцамъ.

— Вы знаете, кто это?

— Кто?—процѣдилъ сквозь зубы рыжій джентльменъ въ жакетѣ, безцеремонно развалившійся на диванѣ.

— Анисимовъ.

— Знаменитый?

— Да.

— О!

Онъ поприличнѣе убралъ ноги и съ видимымъ нетерпѣніемъ устремилъ глаза къ дверямъ.

— Какъ я рада васъ видѣть! Давно ли вы въ Москвѣ?—пошла хозяйка ему навстрѣчу.

— Только сегодня.

— Вотъ это я понимаю. Это настоящая дружба... Не то, что въ прошлый разъ, когда вы проѣхали, не посѣтивъ меня.

— Но я оставался тогда нѣсколько часовъ отъ поѣзда до поѣзда.

— Все равно!

Она представила ему своихъ гостей. Англичане. вообще

очень симпатизировавшіе Анисимову, хотя и боявшіеся его, пожали ему руку. Онъ заговорилъ съ ними по-англійски—безъ всякаго акцента.

— Скоро вы, генералъ, въ Индію? — улыбаясь, спросилъ его одинъ изъ гостей.

— А вотъ когда вы насъ туда толкнете.

— Какъ мы? Когда у насъ только этого и боятся!

— Разумѣется, вы. Вы столько кричите всегда, что невольно начинаешь думать: если англичане такъ волнуются и боятся, значитъ, дѣйствительно, намъ надо туда толкнуться. Вы возьмите: кто намъ показалъ Среднюю Азію,—все же вы. Мы о ней, какъ теперь объ Индіи, и не думали даже. Но вы столько кричали, что мы готовимся завоевать ее, такъ убѣдительно доказывали, что всѣ наши интересы тамъ, и такъ старались защитить ее отъ насъ, что мы, дѣйствительно, сунулись туда—и даже съ полнымъ удовольствіемъ. То же самое вы теперь повторяете съ Индіей. Вы сами выдумали никогда не существовавшее завѣщаніе Петра Великаго и стараетесь насъ убѣдить теперь, что мы безъ Индіи жить не можемъ, что мы о ней только и мечтаемъ, что безъ нея намъ—бѣда, гибель, смерть. Ей-ей я не буду удивленъ, если, въ концѣ-концовъ, вы насъ убѣдите, и мы дѣйствительно постучимся въ эту дверь.

Англичанинъ вынулъ записную книжку и тщательно занесъ туда слышанное.

— Теперь вы насъ толкаете въ Афганистанъ. Нечему будетъ удивляться, если Скобелеву, когда онъ кончитъ съ Ахалъ-Теке, прикажутъ двинуться на Мервъ, а тамъ и далѣе, на Гератъ. Не торячись вы такъ, не волнуйся, и все обстояло бы благополучно. Вѣрно я говорю, Александра Николаевна?—обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Еще бы. Совершенно. Я даже не разъ писала объ этомъ.

— Ну, вотъ видите.

— Что васъ занесло въ Москву?

— По пути, Александра Николаевна.

— Куда?

— Въ Индію!—засмѣялся Анисимовъ.

Англичанинъ даже привскочилъ.

— Какъ въ Индію?

— Я шучу, господа. Ѣду въ Вѣну.

— Зачѣмъ?

— Хочу поближе познакомиться со славянами. Каковы они у себя дома.

— А другой цѣли нѣтъ?—по-русски спросила Старикова.

— Пока нѣтъ. Скучно здѣсь. Дѣлать нечего.

— Вы въ опалѣ?

— Да. Я и ожидалъ этого.

— Неужели вамъ не дадутъ возможности работать, приносить пользу...

— Нѣтъ, мы не нужны теперь. Я уже, знаете, подумываю о томъ, чтобы предложить свои услуги Александру Баттенбергскому.

— Зачѣмъ это?

— Организовать болгарскую армію. Вѣдь это нашъ авангардъ на Балканскомъ полуостровѣ. А изъ болгаръ можно сдѣлать превосходныхъ солдатъ. Особенно, если бы удалось захватить въ свои руки и самого князя, чтобы онъ слушался.

— Да, но вы забыли, что отсюда вамъ помѣшаютъ.

— И еще какъ. Почему они туда посылаютъ такихъ, кому русское дѣло вовсе не дорого? А тамъ, правду сказать, много дѣла и дѣла живого, кипучаго.

— Ну, васъ побоятся.

— А что?

— Да вы, преобразовавъ болгарскую армію, способны съ ней пойти въ Константинополь.

— Beati possidentes!..

— Ну, тутъ теперь это не ко времени.

— А что же надо?

— Сидѣть смирно... Вѣдь, скажите правду, вы уже списывались съ Баттенбергомъ?

— Да... Вы почему знаете?

— Вотъ они сказывали,—показала она на англичанъ.

— Эти всегда и все знаютъ, даже больше, чѣмъ надо. Удивительный народъ!

— Знаете, генералъ,—вмѣшался сидѣвшій на диванѣ англичанинъ,—куда бы вамъ надо было ѣхать?

— Куда?

— Въ Египетъ.

— Зачѣмъ?

— Вице-королемъ Египта и главнокомандующимъ войскъ ея величества.

— Если бы я былъ англичаниномъ—не спорю, это было бы для меня весьма лестно.

— О, васъ и теперь приняли бы въ нашу службу.

— Но я не принялъ бы вашу королеву,—подчеркнулъ Анисимовъ.—Я имѣлъ честь командовать отдѣльнымъ отрядомъ русской арміи... И для меня быть главнокомандующимъ въ Египтѣ, помимо политической подлости, являлось бы пониженіемъ въ чинѣ...

— О, я пошутилъ, генералъ!—извинился англичанинъ.

— Я тоже это принялъ за шутку,—засмѣялся Анисимовъ, протягивая ему руку.

— Каково же ваше положеніе теперь?—спросила его Старикова, когда гости ушли.

— Ствратительное. Ни при чемъ и ни къ чему. Вотъ въ двухъ словахъ вся характеристика: ни при чемъ и ни къ чему.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Странствовать по свѣту, какъ рыцарь печальнаго образа.

— Жаль...—задумалась она.—Это у насъ только возможно. Вы не пробовали?

— Стучался.

— Ну?

— Не отверзлось. Со мной не могутъ примириться. Они говорятъ: намъ не надо (простите, я повторяю ихъ выраженіе), намъ не надо геніевъ, а нужны простые исполнители.

Александра Николаевна встала и нервно заходила по комнатѣ.

— По крайней мѣрѣ, хоть справедливы. За генія считаютъ,—проговорила она.

— Да. Съ насмѣшливой улыбкой на губахъ.

— Пусть смѣются. Исторія будетъ справедлива.

— Да, а до тѣхъ поръ испакостятъ русское дѣло до предѣловъ возможности.

— Что же дѣлать?

— Я нашелъ что.

— Не секретъ?

— Для васъ—нѣтъ, для другихъ—да. Я въ Вѣнѣ и въ славянскихъ земляхъ подыму такой взрывъ вѣры въ насъ, что намъ самимъ здѣсь уже нельзя будетъ откреститься и отказаться отъ этого, не рискуя своимъ достоинствомъ, потерей вліянія и даже будущностью. Не хотятъ они сами быть русскими—я ихъ заставлю силой, этихъ господъ изъ Петербурга, которымъ лишь бы двадцатаго числа выдавали жалованье, а тамъ хоть трава не расти.

— И, вы думаете, это пройметъ?

— Смотря, какъ повести дѣло.

— А Австрія?

— Австрія что же? Главный ударъ всему я нанесу изъ Цетинья, Бѣлграда и Софіи...

— Ну, давай вамъ Богъ...

— Богъ за того, кто смѣлъ и вѣритъ въ себя.

— Нѣтъ, Онъ тамъ, гдѣ право.

— Мы съ вами, Александра Николаевна, не маленькіе. И вы, и я знаемъ, чѣмъ я рискую въ данномъ случаѣ. Скажите мнѣ, пожалуйста: могу я на васъ разсчитывать въ этомъ?

— Безусловно.

— Вы меня поддержите?

— Всѣмъ, чѣмъ могу.

— О, вы можете много. Главное, вы знаете,—англійская печать. Они здѣсь чутко прислушиваются къ ней и боятся ея.

— Она будетъ за васъ.

— Вы не думаете, что въ самой англійской печати забьютъ тревогу?

— О, нѣтъ. Они теперь слишкомъ заняты. Дѣла въ Египтѣ принимаютъ отвратительный оборотъ. Да, кромѣ того, они вам лично очень сочувствуютъ, и разъ они заговорятъ даже во враждебномъ тонѣ—съ движеніемъ надо будетъ считаться.

— Да... Они здѣсь или должны отказаться отъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всей своей роли въ славянствѣ, или взять его въ свои руки... Если, если...

И онъ остановился.

— Что если?

— Если я его отдамъ имъ!

— Какъ же вы можете не отдать?

— Просто. Самъ поведу. Можно ли неумѣлымъ рукамъ или, что еще хуже, дипломатамъ передавать такое дѣло? Подумайте, ну, что наше министерство странныхъ дѣлъ сдѣлаетъ съ нимъ?

— Какъ вы его назвали?

— Министерствомъ странныхъ дѣлъ. Это кто-то изъ моихъ адъютантовъ сошкольничалъ.

— Недурно и, главное, вѣрно. Гдѣ вы думаете начать?

— Не знаю еще. Надо будетъ приглядѣться ко всему этому, посмотрѣть.

— Не правда ли, какъ нелѣпо положеніе дѣлъ? Люди, искренно любящіе свое отечество, не могутъ найти въ немъ никакого дѣла.

— Гдѣ бы ему не служить—все равно. Не могу здѣсь быть полезнымъ родинѣ—поѣду туда. Оттуда, пожалуй, еще больше поработаю для нея... Со стороны виднѣе, знаете.

— Да.. Кого это еще Господь несетъ?—совсѣмъ по-русски поморщилась она, видя входящаго лакея.

— Семенъ Павловичъ Словцовъ.

— А!. Вы его знаете?—быстро обернулась она къ Анисимову.

— Да!—улыбнулся онъ.

— Въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ?

— Самыхъ дружескихъ. Вы знаете: въ этомъ я человѣкъ

безъ предразсудковъ. Разъ Словцовъ человѣкъ вліятельный—имъ пренебрегать нельзя. Такими, какъ онъ, нужно воспользоваться до послѣдней степени, выжать изъ нихъ все, что они могутъ, и потомъ,—брезгливо прибавилъ онъ,—выбросить ихъ за бортъ...

— Мораль!

— Старая, Александра Николаевна.

— Тсс... идетъ.

Въ дверяхъ показалось что-то сѣрое, длинное, сгорбившееся, съ тусклыми глазами, сѣдою бородою и сѣрыми рѣдкими волосами; на лбу у вошедшаго былъ большой шрамъ, изъ ушей торчала вата. Одѣтъ Словцовъ былъ болѣе чѣмъ небрежно. Онъ какъ-то сонно направился къ Стариковой и, только подавъ ей руку, замѣтилъ Анисимова.

— А, ваше превосходительство... Давно ли вы къ намъ пожаловали, Сергѣй Николаевичъ?

И сѣрый призракъ нѣсколько оживился. Онъ не выпускалъ долго изъ своихъ рукъ руку Анисимова.

— Сегодня только.

— И, настоящій cavalier galant, первый визитъ—нашей несравненной...

— Ну, Семенъ Павловичъ...

— Нашей несравненной—подчеркиваю... Нашей высокопочитаемой защитницѣ передъ ареопагомъ враждебной Европы!..— И онъ выпрямился даже, выпаливъ этой фразой.—Да-съ, Александра Николаевна, я съ Ивана Великаго готовъ прыгнуть за это!..

— Ну, благодарю васъ...

— Не за что. Отъ избытка здѣсь,—приложилъ онъ руку къ сердцу,—уста глаголятъ. Ну, а вы, нашъ архистратигъ, зачѣмъ пожаловали?

— За границу ѣду.

— Надолго?

— Навсегда...

— Какъ навсегда? Это даже не можетъ быть. Не можетъ быть—повторяю, мы васъ не отпустимъ... Кликнемъ кличъ на

всю Москву: русскій богатырь оставляетъ насъ. Ну, завтра же подъ окна... въ какомъ лишь отелѣ вы остановились?

— Въ Большой Московской гостиницѣ.

— Какое удобство—вся Иверская площадь впереди. Соберемся и колѣнопреклоненные станемъ молить, чтобъ герой нашъ не уходилъ отъ насъ.

Анисимовъ улыбнулся.

— А сегодня же поѣду я къ Аксакову и Каткову—они о томъ же предметѣ писать начнутъ.

— И все-таки не остановите. Я даже въ отставку выхожу-съ.

— Не вѣрю!—горестно воскликнулъ Словцовъ.—Не вѣрю и не хочу даже слышать объ этомъ!

И Семенъ Павловичъ въ порывѣ отчаянія, выхватилъ даже вату изъ ушей.

— Не вѣрю-съ. Что же это будетъ, ежели такіе, примѣрно, столбы и станутъ уходить за рубежъ? Зачѣмъ же вы это?

— Дѣлать здѣсь нечего...

— Нѣтъ... Первымъ долгомъ мы завтра предложимъ дать вамъ обѣдъ въ англійскомъ клубѣ. Ото всей Москвы. Ну, знаете, какъ тамъ,—ткнулъ онъ въ потолокъ,—освѣдомятся объ этомъ обѣдѣ, сейчасъ же перемѣнятъ дирекцію. Вотъ увидите. Они опять слушаютъ Москву.

— Не особенно.

— Какъ не особенно?

— А такъ, потому что (вы меня извините) Москва, кромѣ болтовни, ни на что не способна. Что у васъ въ клубахъ творится, въ думѣ, въ газетахъ, въ гостиныхъ и на улицѣ, кромѣ пустого разговора? Совершенно, что старая салонница за кофеемъ!

— Нѣтъ, вы не правы.

— Какъ не правъ! А позвольте у васъ узнать: въ позорное, только что пережитое время берлинскаго конгресса что сдѣлала ваша Москва? Вѣдь она претендуетъ быть сердцемъ Россіи, не такъ ли?

— Точно-съ.

— Ну, такъ скажите же мнѣ, шевельнула ли она хоть паль-

цемъ, чтобы помѣшать этому ужасному событію, за которое мы поплатимся еще очень... Вспомните мои слова. Войну мы, выигравъ въ Санъ-Стефано, проиграли въ Берлинѣ. Долго еще Россія будетъ теперь для Западной Европы являться въ роли подсудимой, разъ мы уже признали сами для себя вполнѣ законнымъ такое положеніе. Вы увидите, что всѣмъ воспользуются наши враги... Мы кровью своей купили величіе Австріи и выполнили программу, намѣченную изъ враждебнаго намъ Берлина... Теперь не будетъ конца уступкамъ. Одна за другой. Знаете, сбѣгая внизъ съ кручи—остановиться трудно, да намъ и не дадутъ теперь остановиться. А когда мы опомнимся, когда поймемъ, что уступка Босніи и Герцеговины врагу была измѣною славянскому, а слѣдовательно, и русскому дѣлу,—будетъ уже поздно. На то, чтобы поправить сдѣланное, теперь придется потратить нечеловѣческія усилія. И кого мы испугались? Кого?..

— Однако, коалиціи.

— Какой? Кто съ нами воевать станетъ? Никакой бы не было, если бы смѣло и прямо мы заняли Константинополь, а если ужъ нуженъ конгрессъ, созвали бы его тамъ сами подъ нашимъ главенствомъ и съ тремястами тысячъ штыковъ кругомъ. Коалиція! Ну, а явись изъ Москвы воззваніе ко всей Руси—какъ бы вспыхнуло все кругомъ. Интересно знать: передъ такимъ подъемомъ народнаго духа, что бы нашлись сказать наши друзья? Нѣтъ, я повторяю вамъ: это измѣна народному дѣлу, и измѣна самая горькая изъ всѣхъ, которыя мы знаемъ. Не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ, воспользовавшись общимъ разочарованіемъ, встанутъ среди насъ самихъ враждебныя силы. Исторія не вѣдаетъ прощенія. Она за все является неумолимою, немилосердной. Пришелъ моментъ, оказался ты слабъ, другой станетъ на твое мѣсто, и напрасно думать, чтобы тебѣ еще удалось потомъ занять его. Горько именно то, что чиновничій Петербургъ смиренъ и нерѣшителенъ. Онъ не знаетъ Россіи—не знаетъ громадныхъ силъ, сокрытыхъ въ ней. Если бы онъ зналъ народъ и вѣрилъ ему, не стали бы мы являться въ Берлинъ подсудимыми и ожидать помилованія отъ всѣхъ этихъ маклеровъ

и дипломатическихъ фокусниковъ. Напротивъ. Они бы дрожали передъ нами.

— Позвольте, Сергѣй Николаевичъ...

— Я васъ слушаю.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ увлекаетесь.

— Чѣмъ это?

— А тѣмъ, что вы не соразмѣрили нашихъ силъ съ ихними.

— А вы знаете наши силы?

— Да... то-есть насколько возможно.

— Плохо же вы съ ними знакомы. Теперь еще ихъ пропасть—ну, а дайте развиться негодованію однихъ, разочарованію другихъ и глубокому чувству обиды въ третьихъ—дѣйствительно, силъ не будетъ, и передъ нашими будущими врагами мы явимся безпомощными... Народный духъ—великое дѣло. Съ нимъ считаться надо. Не унижайте же его, не заставляйте побѣдныя головы склоняться отъ стыда — онѣ, пожалуй, не подымутся болѣе...

— Разумѣется, вы, какъ военный человѣкъ, въ вашихъ интересахъ...

— Простите,—прервалъ его Анисимовъ,—я понимаю только одни интересы—русскіе и никакихъ другихъ не признаю...

— Я хотѣлъ сказать, что вы слишкомъ ослѣплены, что вы видите ваши силы и не замѣчаете силы нашихъ враговъ.

— Я?.. Я, который объѣздилъ Германію и Австрію, приглядывался ко всему, что совершалось тамъ... Полноте!..

— И вы вѣрите въ возможность войны съ Германіей и Австріей?

Анисимовъ вскочилъ съ мѣста. Александра Николаевна не узнала его въ эту минуту. Его глаза загорѣлись тѣмъ ястребинымъ огонькомъ, который былъ такъ знакомъ всѣмъ участвовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ бою. Онъ поблѣднѣлъ и нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ упоръ на Словцова...

— Да... Я вѣрую въ окончательный успѣхъ войны, уже не говоря о духѣ народа, еще и потому, что мобилизація и сосредоточеніе нашихъ боевыхъ силъ въ шестидесятидневный срокъ,

по характеру театра дѣйствій, не позволитъ непріятелю извлечь изъ быстроты своей мобилизаціи рѣшительныхъ выгодъ; второе: мы будемъ представлять однородную армію, противопоставленную арміи союзной. Исторія порукой, что союзникамъ не спѣться. Къ тому же численность нашей арміи на данномъ стратегическомъ районѣ, въ началѣ третьяго мѣсяца войны, не будетъ уступать противнику. О качествахъ австрійскихъ войскъ, опирающихся на враждебную Галицію и еще болѣе враждебный Карпатъ, не говорю. Въ-третьихъ: симпатіи Царства Польскаго могутъ быть направлены въ нашу пользу: ваше дѣло пріобрѣсти ихъ, ваше дѣло—воспользоваться ошибками пруссаковъ и примириться съ братьями, ваше дѣло—показать имъ, что у насъ они болѣе выиграютъ... Да... Еще я вамъ скажу, Семенъ Павловичъ—и запомните это, хорошенько запомните: войны намъ слѣдуетъ избѣгать не униженіемъ своего отечества, а, напротивъ, сознательною твердостью и стойкостью. Рискъ войны не одинаковъ. Для Австріи и Германіи—это вопросъ быть или не быть; для насъ ничего нѣтъ подобнаго. Къ тому же Франція, въ концѣ-концовъ, все-таки за спиною. И не надо откладывать въ дальній ящикъ, ни подъ какимъ видомъ, всего этого. Напротивъ—чтобы не растеряться въ случаѣ возможности внезапнаго coup de tête Бисмарка, слѣдуетъ обдумать теперь же планъ дѣйствій. Я бы положилъ въ его основаніе... Впрочемъ, что же это? Угодно ли вамъ меня слушать?..

— Пожалуйста!—схватилъ его за руки Словцовъ.

— Ради Бога, продолжайте,—вспыхнула Александра Николаевна.—Вы не можете себѣ представить, до какой степени все это важно...

— Я бы положилъ въ основаніе—удержаніе линіи Вислы устройствомъ Варшаво-Новогеоргіевско-Буго-Наровскаго плацдрома наподобіе Плевны. Тутъ существенъ вопросъ продовольственный, но его легко разрѣшить, если взяться за него заблаговременно. Ne jamais faire de petits paquets à la guerre—слѣдовательно, избѣгать боя съ главными силами и, пользуясь выгодами внутреннихъ операціонныхъ линій, ста-

раться разбить непріятеля по частямъ, обрушиваясь преимущественно на прусско-германскую армію, когда будемъ ихъ превосходить численностью. Теперь же начать подготовлять театръ дѣйствій въ австрійскихъ и балканскихъ славянскихъ земляхъ, положивъ за основаніе—воевать съ Австріей не столько штыками, сколько политической національно-славянской пропагандой. Куда бы ни показались русскія знамена, имъ долженъ предшествовать указъ о надѣлѣ крестьянъ занимаемой мѣстности землею отъ владѣльцевъ, также казенною, въ размѣрахъ, по обстоятельствамъ, возможно широкихъ...

— Это къ чему?

— А чтобы заинтересовать массы въ окончательномъ успѣхѣ нашего дѣла. Въ 1877 году, когда мы вступили въ Румынію, насъ вездѣ на пути спрашивалъ народъ: объявитъ ли царь дополнительный надѣлъ. Я вѣрю, что противу буржуазной Европы—главный и наиболѣе смертоносный снарядъ, которымъ можетъ пользоваться Россія въ наступательной войнѣ — это принципы 19 февраля 1861 года въ самомъ обширномъ примѣненіи. Тогда, и только тогда, мы потокомъ польемся впередъ, и никакія крѣпости и феодально-мѣщанскія арміи насъ не сдержатъ.

— Это вѣрно!.. Совсѣмъ вѣрно.

— Удивить—значитъ побѣдить, это еще Суворовъ сказалъ. И раньше и послѣ него это было такъ. Вспомните: Саламинъ, Мараѳонъ, походы Ганнибала, Цезаря, чудеса Лейтена и Росхаба, наконецъ, и болѣе всего—войны французской революціи. У нихъ l'arbre de la liberté—у насъ поземельный надѣлъ съ общиннымъ управленіемъ. Прочтите Шопенгауэра—и вы увидите, какое вліяніе на Западную Европу имѣетъ торжество безвѣрія, стремленія къ наживѣ, подкупу, разнузданность однихъ и честолюбіе другихъ. Въ Германіи, какъ показалъ опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ, въ особенности этими факторами было бы безразсудно пренебрегать, при соображеніи плана кампаніи съ нашей стороны. Несомнѣнно, что если западно-европейскія массы и допускаютъ войну со всѣми ея кровавыми послѣд-

ствіями, то только при условіи быстрыхъ и осязательныхъ успѣховъ (6 августа—Вертъ, 18—Гравелотъ, 1 сентября—Седанъ). Даже сопротивленіе Гамбеттовскихъ армій чуть-чуть не поставило грознаго Вильгельма въ положеніе Кречинскаго. Все это оттого, что у западныхъ буржуа понизилось сердце. Нашей массѣ это еще надолго будетъ непонятно. По маленькимъ сердцамъ надо бить неожиданностями и, если хотите, войной—вѣдь и война какая: за порабощеніе цѣлыхъ племенъ—мстить кровавымъ терроромъ. Каково будетъ состояніе сердца, а на войнѣ въ сердцѣ вся суть, когда Адольфъ и Францъ—образованные бюргеры, утопая въ грязяхъ между Вислой и Бугомъ, узнаютъ отъ молвы, что подъ Франкфуртомъ, Кюстриномъ и Старгартеномъ сожгли цѣлые округа, что все для нихъ святое и милое погибнетъ. Средствами къ достиженію этого первенствующаго результата противъ Германіи, гдѣ нѣтъ славянъ,—кромѣ нашихъ казаковъ, являются въ первый періодъ кампаніи туркмены, абхазцы, киргизы и вся эта неподражаемая конница, на которую, къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія.

— Но вся эта масса плохо обучена.

— Нѣтъ; для своихъ спеціальныхъ дѣйствій они обучены отлично, а, во-вторыхъ, помните, что скорострѣлка равняетъ обученныя и необученныя массы. Примѣръ вамъ показали, и примѣръ разительный, турки въ 77—78 годахъ. Если бы война затянулась, у васъ есть второй контингентъ—это весь грозный, если его вооружить, людъ средней Азіи, который, съ Атиллой и Тамерланомъ во главѣ, еще памятенъ Западной Европѣ. Я не упоминаю о кавказскихъ горахъ... Да, Семенъ Павловичъ, пусть лучше насъ не трогаютъ! Не замай насъ!

— Почему же этого не знаютъ? По крайней мѣрѣ, еще нигдѣ не высказывалось это.

— Этого не знаетъ только одинъ Петербургъ. Русь святая это чувствуетъ, враги отлично изучили ее и поэтому запугиваютъ. Вы помните: какъ-то разъ Наполеонъ I, замышляя уже вторженіе въ Испанію, сказалъ испанскому посланнику маркизу де-Кальвасу, указывая на проходящій батальонъ: «30.000

hommes comme cela et l'Espagne est à moi. — Vous vous trompez, sire,—отвѣчалъ де-Кальвасъ:—s'il s'agit du gouvernement que je représente, vous n'avez pas besoin de 30.000 hommes, une menace vous suffit. Si vous entendez le peuple espagnol, sire, 400.000 hommes ne vous suffiront pas!» Повѣрьте, что и Швейницы, и Литницы, и Вердеры не глупѣе Кальваса!..

— Да, но что же дѣлать! Насъ не слушаютъ,—замѣтилъ Словцовъ.

— Не только не слушаютъ—надъ нами смѣются.

— Александрѣ Николаевнѣ это лучше знать, чѣмъ кому бы то ни было. Она еще недавно была въ Петербургѣ.

— Лучше всего сложить руки и ждать.

— Никогда! — И Анисимовъ выпрямился во весь свой ростъ.—Никогда!—энергично подчеркнулъ онъ еще разъ.

— Что жъ вы сдѣлаете?

— Не знаю еще, но рукъ не сложу.

— Легко говорить!

— Вы помните это?—обратился Сергѣй Николаевичъ къ Стариковой:

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

— Еще вчера мнѣ Баскаковъ говорилъ, что теперь лучше всего ждать.

— Ничего не дѣлая! En politique.—овладѣлъ собою опять Анисимовъ,—il ne suffit pas d'entendre une cloche!

— Я все-таки думаю, что наши дипломаты не такъ ужъ плохи. Въ концѣ концовъ...

— Простите, что я прерываю васъ... Какъ дипломаты, они превосходны, напротивъ,—именно какъ дипломаты... Но теперь не время дипломатовъ старой школы, а время политиковъ. Въ нашъ вѣкъ не воскресишь дипломатическихъ вліятельныхъ канцелярій, считавшихъ дипломатическія сообра-

женія и тайну наиболѣе пригодными способами дѣйствія. Мы это видимъ на своихъ дипломатахъ, воспитанныхъ въ Нессельродовскихъ традиціяхъ. Не касаясь личностей (есть люди съ русскимъ сердцемъ и талантливые въ каждомъ вѣдомствѣ—вѣдь и въ Содомѣ Лотъ нашелся!), справедливо сказалъ кто-то, что передъ отечествомъ наша дипломатія съ 1863 года сослужила службу даже хуже интендантства. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше своеобразное переходное время не находится ли дипломатъ старой школы къ современному политику въ томъ же отношеніи, въ какомъ находился нашъ крымскій кремневый солдатикъ къ союзнику, вооруженному Минье или Эндфильдомъ. Только политика способна оцѣнить всю необходимость несравненно болѣе широкой постановки вопросовъ народныхъ, политическихъ, соціальныхъ, передъ нервнымъ, прозорливымъ и въ высокой степени подозрительнымъ мыслящимъ большинствомъ въ Европѣ и даже у насъ. Только политикъ признаетъ, наконецъ, всю неотразимую нынѣ силу печатнаго слова, и, любя и уважая его законное общественное значеніе, увлечетъ его за собою во имя великой, въ концѣ-концовъ, в с ѣ м ъ одинаково дорогой государственной цѣли. Такія передовыя могучія силы бывали во всѣ вѣка. Вспомните Демосѳена, Кромвеля, Петра Великаго; но особенность нашего времени въ томъ, что люди иного закала стали немыслимы, и въ силу вещей останутся явленіями мертворожденными. Кавуръ, Гарибальди, Гладстонъ, Бисмаркъ, Гамбета, Биконсфильдъ, Митхатъ-паша—вотъ типы современныхъ политиковъ. Какъ блѣдны передъ ними Бейстъ, Шуваловъ, даже Горчаковъ, въ которомъ нельзя отрицать искры народнаго самосознанія.

Александра Николаевна смотрѣла на Анисимова сіяющими глазами. Кажется, предложи онъ ей въ эту минуту пойти за нимъ хоть на край свѣта, она не задумалась бы ни на минуту.

— Какъ счастливы вы, мужчины!—вырвалось у нея.

— Чѣмъ это?—спросилъ Словцовъ.

— Помилуйте, для вашей дѣятельности нѣтъ конца и края.

— Ну, не совсѣмъ,—грустно улыбнулся Анисимовъ:—связали же мнѣ крылья.

— Развяжите.

— Давай-то Богъ. Самому только не вѣрится, чтобъ здѣсь, въ Россіи, я могъ сдѣлать что-нибудь.

— Поѣзжайте, а мы здѣсь будемъ за васъ молиться!—фальшиво торжественнымъ тономъ проговорилъ Словцовъ.

— Я бы предпочелъ, чтобы вы мнѣ дѣломъ помогли.

— И дѣломъ поможемъ.

— Въ предѣлахъ министерскаго удовольствія? — расхохотался Сергѣй Николаевичъ.

Словцовъ воздѣлъ очи горѣ.

— Кабы наша воля!

— Эхъ, господа, въ томъ-то и дѣло, что у васъ ни вашей, ни не вашей воли нѣтъ. Не умѣете вы хотѣть... Вотъ хоть бы вы... Вы, Семенъ Павловичъ,—человѣкъ независимый, богатый. Вѣдь у васъ милліоны.

Словцовъ какъ-то сжался и устремилъ неопредѣленный взглядъ въ окно.

— Да, сочувствуете вы дѣлу на словахъ, по крайней мѣрѣ, весьма горячо...

— О, помилуйте, всей душой...—видимо, безпокоился онъ.— Нельзя не сочувствовать: наше вѣдь, кровное.

— Что бы вамъ пожертвовать хотя единую крупицу.

— Я и то... Вчера еще... двѣсти пятьдесятъ рублей...

— Ну, кто о двухстахъ пятидесяти говоритъ! Это капля. Я бѣднѣе васъ, да и то въ двадцать разъ больше далъ...

— На что же собственно жертвовать-то?

— На большое и патріотическое дѣло. Выгнать австрійскіе и англійскіе товары изъ Болгаріи—на первый разъ больше полумилліона не обойдется вамъ это, а потомъ вы все вернете...

— Полмилліона... легко сказать!

— Да вѣдь у васъ ихъ шестьдесятъ!

— Кто считалъ-то?..—И Словцовъ весь сократился точно на половину.—Кто считалъ-то... Нѣтъ, помилуйте... Мы—люди средственные... Благодареніе Богу, есть достатокъ... но...

— Эхъ вы, москвичи, москвичи! Еще толкуете: Россія, Россія! Ужъ сидѣли бы да рѣзали купоны. А то тоже... Только и живете тѣмъ, что правительство таможенныя пошлины для васъ

чуть не утроило. Дай вамъ то, да дай вамъ другое. Ну, и дождетесь того, что австрійцы да англичане и болгарскій, еще пустующій, рынокъ отнимутъ у васъ, какъ отняли уже остальные.

— Это дѣло другое... Сергѣй Николаевичъ. Это дѣло коммерческое, тутъ, позвольте, политика-то вѣдь ни при чемъ. Я не говорю—ну, тыщонкой-другой отчего же не шевельнуть, а полмилліона... Эко вы слово какое уронили. Полъ имъ, этимъ словомъ-то, пробьешь...

— Ну, такъ знаете что. Будьте ужъ вы при купонахъ своихъ, а не толкуйте о патріотизмѣ, о любви къ отечеству. У васъ только одна любовь и есть—къ государственному банку.

— Нѣтъ, отчего же-съ, помилуйте... — заторопился Словцовъ.—Мы всегда... мы для васъ... Однако, и засидѣлся же я. Поди, ужъ шесть часовъ. Эко время-то прошло. Значитъ, мы въ надеждѣ, что посѣтите вы нашъ клубъ, ваше превосходительство. Александра Николаевна, ручку.

И быстрѣе, чѣмъ кто-нибудь могъ опомниться, Семенъ Павловичъ простился и ушелъ.

— Видали!—смѣялся Сергѣй Николаевичъ.—Хорошъ?

— Неподражаемъ.

— Ну, вотъ—и вся Москва вамъ такая. Бахвальства, чванства да словъ—сколько хочешь, а дѣла!.. Ну, да Богъ съ ними. Не они могутъ помочь этому дѣлу.

— Какая разница! Я вспомнила Англію. Я помню, какъ-то нѣмцы стали успѣшно конкурировать съ ними въ Испаніи. Ну, что жъ—одинъ изъ милліонеровъ Сити взялъ, да и бросилъ самъ въ это дѣло два милліона фунтовъ стерлинговъ, а за нимъ и другіе пришли—нѣмцы черезъ годъ разорились, и всѣ рынки остались за англичанами. Знаете, руки можно опустить!

— Не разъ опускались, да ужъ такъ природа устроила—сами подымаются.

— Вы, надѣюсь, у меня обѣдаете?

— Если позволите.

— Алексѣй!—крикнула Старикова.

Старикъ-лакей съ длинными сѣдыми бакенами вошелъ въ гостиную.

— Накрой обѣдъ въ саду. Да больше, кто бы ни пріѣхалъ, не принимай.

— Слушаю-съ.

— Я здѣсь живу въ обрѣзъ,—извинилась она.—Вѣдь у себя въ Москвѣ я гостья. Впрочемъ, вы не пугайтесь, обѣдомъ-то я васъ угощу чисто-московскимъ и отличнымъ. Даже, по-здѣшнему, у меня и ботвинья и супъ есть. А ростбифа вы нигдѣ такого здѣсь не увидите. Я не даромъ наполовину англичанка стала.

— Что это у васъ за англичане были, кстати?

— Одного вы знаете, а другіе—корреспонденты американскихъ и лондонскихъ газетъ. Надоѣли. Каждое утро являются вывѣдывать новости.

— Что же дѣлать! На то ихъ право! Я самъ никогда не отказываю, да и невыгодно,—сооткровенничалъ онъ.—Я половиною своей популярности печати обязанъ.

— Какой вы странный!

— Чѣмъ это?

— Такъ, переходы у васъ удивительные. Точно два человѣка сидятъ въ васъ.

— Два и есть.

— И оба ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ.

— Вы знаете хорошаго Анисимова, а другой вамъ только мерещится.

— Что же, онъ очень скверенъ?

— Звѣрь...

— Почему же вы его не убьете?

— Потому что я на самоубійство не способенъ.

— Другой хорошій останется.

— А, можетъ, дурного больше, чѣмъ этого хорошаго,— смѣялся онъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы для меня во многомъ загадка.

— Не для васъ однихъ, и для самого себя тоже.

— Какъ въ васъ уживаются рядомъ великодушіе, героизмъ,

ній, доблести и... Ну, я, впрочемъ, ужъ очень разоткровенничалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте. Начали, такъ...

— Не стоитъ.

— А если я этого прошу?

— Ну, и все дурное, что я о васъ слышала? Ваши разгулы, ваше отвратительное отношеніе къ женщинамъ, часто даже эгоизмъ, который ужъ совсѣмъ не ладится съ доблестями, за которыя васъ зовутъ русскимъ витяземъ. И потомъ, какъ въ васъ, при вашемъ воспитаніи, могъ развиться умъ государственный—да не улыбайтесь, именно государственный? Откуда вамъ дались эти идеи?

— Я такъ росъ. Вы не скучаете со мной?

— Нѣтъ, нѣтъ,—испуганно проговорила она.—Какъ можно!

— Ужъ очень разболтался я сегодня. Мнѣ не однѣ вы задавали этотъ вопросъ. Чтобы отвѣтить на него, нужно отойти отъ нынѣшняго дня. Видите ли,—началъ онъ, немного погодя,—не васъ одну изумляютъ во мнѣ эти противоположности, но онѣ объясняются очень просто. Отрицательная сторона... впрочемъ!—и онъ разомъ расхохотался.

— Что съ вами? Чему вы смѣетесь?

— Такъ. Во-первыхъ, своей блажи исповѣдываться, а, во-вторыхъ, способу выраженій, точно я пишу передовую статью для газеты. Такъ вотъ, видите ли, росъ я подъ двумя вліяніями одинаково сильными, но не одинаково благими. Первое—семья и среда. Ничего ужаснѣе вы себѣ представить не можете, какъ именно Петербургъ и семью изъ нашего круга, гдѣ все ушло въ честолюбіе, карьеру, въ желаніе сбить съ ногъ другого и самому стать на его мѣсто, можетъ быть, именно для того, чтобы сейчасъ же быть сбитымъ третьимъ соискателемъ. Съ самаго ранняго дѣтства мы слышимъ, что тотъ добился того-то, а этому и думать нельзя. У насъ, какъ у галчатъ, чуть ли не въ гнѣздахъ уже широко раскрыты рты, и нѣтъ такихъ кусковъ, какіе могли бы удовлетворить этимъ аппетитамъ. Я читалъ «Дѣтство и Отрочество» Толстого. Помилуйте, какое

же сравненіе съ нашей средой! Ничего общаго. Братья вышли иными потому, что они и росли не со мною. Петръ былъ старше и его взялъ къ себѣ чудакъ-дядя, самъ вмѣстѣ съ своими крестьянами работавшій всю жизнь въ своихъ громадныхъ имѣніяхъ; монахъ, отецъ Никодимъ, выросъ подъ вліяніемъ старухи-тетки, глубоко религіозной женщины, съ ужасомъ и презрѣніемъ относившейся къ свѣту. А я,—я попалъ совсѣмъ въ когти такъ называемаго петербургскаго режима. Дома у насъ не церемонились въ моемъ присутствіи—самыя тонкія интриги нашего служебнаго міра были мнѣ понятны, когда я еще росъ въ курточкѣ. Тутъ, знаете, локтями продирались впередъ, безъ жалости къ себѣ, безъ состраданія къ другимъ. Гордость—вся въ болѣе или менѣе крупной подачкѣ, самолюбіе—въ возможности заслонить другому своей спиной лицезрѣніе разныхъ боговъ нашего Олимпа. Вмѣстѣ съ этимъ было еще другое теченіе, уносившее меня, какъ и всѣхъ моихъ сверстниковъ. Товарищество наше было ужасно. Оно не задавалось высокими цѣлями, не мечтало о перерожденіи человѣчества, не задумывалось объ общемъ благѣ. Мученичество, героизмъ, великодушіе были ему чужды. Мы сходились тамъ для попоекъ и для... простите меня—ужъ разболтался безъ удержу—и для разврата. Мы, дѣти—мы знали такія вещи, какихъ и взрослые жители провинцій не узнаютъ во всю свою жизнь. Ей Богу, мнѣ иногда кажется, что распущенная знать древняго Рима спасовала бы передъ вами въ этомъ отношеніи. Короче вамъ сказать, что отвратительныя книжки французскихъ порнографовъ прошлаго вѣка были намъ знакомы ранѣе, чѣмъ мы сами испытали любовь, увлеченіе, страсть. Тутъ развратъ исходилъ не изъ рано развившагося темперамента, а изъ испорченнаго мозга, изъ болѣзненно-направленнаго воображенія, изъ ничѣмъ и никѣмъ не сдерживаемаго любопытства. Можете себѣ представить, къ чему это привело меня... Отсюда явилось и неуваженіе къ женщинамъ. Мы не могли уважать ихъ. Мы видѣли ихъ дома—почти такими же, какими ихъ изображали французы-порнографы; тѣ, съ которыми мы сводили болѣе интимныя знаком-

ства, были еще отвратительнѣе, и въ минуты похмелья насъ самихъ, бывало, тошнитъ при воспоминаніи о нихъ. Это была одна сторона моего роста, если можно сказать такъ. Она долго сказывалась и потомъ. Уже задавшись широкими и благими цѣлями, думая послужить родинѣ, умереть за нее—всякій разъ попадая въ Петербургъ, я не могъ не отдаться старымъ впечатлѣніямъ моего дѣтства и юности. Я, человѣкъ сильный и съ характеромъ, не могъ удержаться, чтобы не уйти съ головой въ эту грязь. Тянуло прошлое!.. что хотите. Вотъ именно въ такія минуты я сходился съ личностями, отъ которыхъ потомъ радъ былъ бы откупиться Богъ знаетъ чѣмъ. Никто, повѣрьте, болѣе меня не имѣетъ права сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.

— Нравственной дисциплины не было вовсе. У отца все порывами шло, а чаще всего меня оставляли на произволъ судьбы и подъ надзоръ отвратительнѣйшаго нѣмца-гувернера, которому, какъ нѣмцу, не оказывалось въ домѣ ни уваженія, ни довѣрія!.. Онъ вымещалъ это на мнѣ и, какъ истинный пруссакъ, вымещалъ грубо, топорно, за что я разъ его и высѣкъ хлыстомъ.

— Однако!—расхохоталась Александра Николаевна.

— Отсюда-то и явилось мое спасеніе.

— Отъ нѣмца?

— Нѣтъ, нѣмецъ тутъ ни при чемъ. Его выгнали, наконецъ, и ко мнѣ попалъ въ наставники идеалистъ-французъ. Республиканецъ въ душѣ, онъ свободу любилъ, какъ любятъ женщину, съ самозабвеніемъ, со страстью и ревностью. Меня онъ не стѣснялъ. Сообразилъ ли онъ, что я нравственно неисправимъ, и хотѣлъ спасти только мой умъ,—не знаю. Только оргіи съ товарищами шли у насъ своимъ порядкомъ, хотя, надо сказать, все рѣже и рѣже. Видите ли, мнѣ гораздо большее удовольствіе доставляли разсказы мосье Леруа. Онъ самъ былъ участникомъ іюльской революціи, дрался на баррикадахъ во время декабрьскаго переворота, былъ наполеоновскими палачами приговоренъ къ смерти, скрылся и бѣжалъ сначала въ

Англію, а потомъ въ Россію, гдѣ и остался. Въ этомъ старикѣ были родники какой-то неувядаемой молодости. Онъ заставлялъ васъ любить то, что любилъ самъ, и ненавидѣть ненавидимое имъ. Я помню, что при имени Наполеона III я блѣднѣлъ, а во время его разсказовъ въ какомъ-то жару вскакивалъ самъ. Помню еще свою дѣтскую клятву: если когда-нибудь буду великъ и силенъ, избавить Францію, отечество моего милаго Леруа, отъ тирана и деспота Наполеона III. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная судьба! Страна за то, что склонилась подъ иго этого проходимца и авантюриста, должна была поплатиться Седаномъ, позоромъ Меца и несчастіемъ потерять двѣ лучшія свои провинціи.

— Что же Леруа?—спросила Старикова, замѣчая, что Анисимовъ задумался.

— Леруа?.. Да. Онъ меня заставилъ любить не только Францію, но и французскій геній. Самъ онъ въ юности былъ военнымъ, и я помню, какъ горѣли его глаза, какъ онъ разсказывалъ о великомъ Конде и Вобанѣ, о генералахъ изъ мужиковъ первой французской революціи, о Наполеонѣ Великомъ, такъ имъ называемомъ въ отличіе отъ Napoléon le petit. Мнѣ въ эти минуты казалось, что слова его были похожи на искры, которыя выбиваетъ изъ раскаленнаго кома желѣза молотъ здороваго кузнеца. Они жгли!.. Леруа былъ другомъ Гюго—и читалъ мнѣ его наизусть. Эти благородныя строфы вдохновеннаго поэта до сихъ поръ живы въ моей памяти, но самое глубокое и рѣшающее впечатлѣніе оставилъ во мнѣ самъ великій поэтъ.

— Развѣ вы были съ нимъ знакомы?

— Какъ же. Меня отпустили съ Леруа за границу. Онъ поѣхалъ со мною, какъ дядька, и провезъ меня прямо въ Джерсей, въ замокъ къ Виктору Гюго. Старые друзья не могли разстаться дней десять. Мы прогостили это время у великаго поэта, видались съ нимъ ежедневно—и я началъ благоговѣть передъ нимъ, какъ благоговѣлъ Леруа. Я думаю, тамъ именно во мнѣ развился окончательно второй Анисимовъ, не имѣвшій ничего общаго съ первымъ. Права народовъ, блага свободы, величіе че-

ловѣческаго ума, героизмъ мученичества и счастіе принести себя въ жертву—всему этому училъ уже и тогда старецъ-поэтъ. Послѣ всякаго свиданія съ нимъ я цѣлые дни ходилъ по скаламъ въ какой-то одури сладкаго восторга, слушая волны и жадно дыша прохладою моря... А потомъ изъ Парижа вызванъ былъ пріятель Леруа, и такъ какъ послѣднему въѣхать во Францію нельзя было—его другъ показалъ мнѣ чудеса этого современнаго Вавилона, который для меня скорѣе былъ Аѳинами. Нужно сказать правду, два мѣсяца, проведенные мною въ Парижѣ, не пропали для меня даромъ. Ежедневно мы посѣщали кого-нибудь изъ лучшихъ людей этой страны—писателей, ораторовъ, философовъ, ученыхъ; и я, какъ губка, впитывалъ въ себя ихъ ученія. Послѣ этого, именно, я бросился на книги, и въ два-три года сдѣлалъ больше, чѣмъ другой въ десять. У Леруа была система въ выборѣ ихъ, и я быстро пополнялъ пробѣлы своего образованія, не зная въ этомъ отношеніи чувства удовлетворенія. Напротивъ, чѣмъ больше я узнавалъ, тѣмъ больше мнѣ хотѣлось узнать. Въ концѣ-концовъ, меня старались отрывать отъ книгъ, боясь, что я «зачитаюсь и заработаюсь».

— Меня удивляетъ одно при этомъ,—возразила Старикова, интересъ которой все, видимо, возрасталъ.

— Именно?

— Какъ въ васъ, при такихъ условіяхъ, не развился космополитъ или, какъ у насъ нынче говорятъ, общечеловѣкъ?

— На это были свои причины.

— Страннымъ путемъ вообще идетъ у насъ развитіе выдающихся людей! Вездѣ случай.

— Да это не у насъ однихъ.

— Нѣтъ, именно у насъ; посмотрите на англичанъ: тѣ правильно и послѣдовательно идутъ.

— Ну, тамъ вѣдь ихъ штампуютъ.

— Какъ это?

— А какъ двугривенные на монетномъ дворѣ. Чуть ли не съ самаго дня рожденія предназначено, кому быть тори, кому вигомъ.

— Совсѣмъ неправда... Такъ какъ же вы попали на свое?

— Все та же Москва выручила! Вы вѣдь знаете: я ворчу часто на старушку за ея болтовню невѣроятную, но, тѣмъ не менѣе, люблю ее. Я на первыхъ же порахъ своей служебной карьеры попалъ сюда въ кружокъ князя Черкасскаго и Николая Милютина. А ранѣе еще, у князя В. Ѳ. Одоевскаго, близкаго съ нѣкоторыми декабристами, сталкивался съ самыми выдающимися людьми той эпохи. Правду сказать, нашимъ далеко до нихъ. Если бы можно было такъ выразиться—кружокъ Одоевскаго я хорошо помню—на каждомъ изъ нихъ лежалъ особенный отсвѣтъ какого-либо величія. Оно еще немного отразилось на людяхъ сороковыхъ годовъ, но совсѣмъ погасло теперь. Да и люди сороковыхъ годовъ все-таки были уже не тѣ богатыри. Тѣхъ создала, въ свою очередь, эпопея 12 года, традиціи, славныя воспоминанія Екатерининской эпохи. Это были люди крупнаго масштаба! А главнымъ образомъ—меня захватилъ въ свои тѣсныя и даже дружескія объятія кружокъ Николая Милютина. Тогда только что осуществлялась крестьянская реформа. Всѣ ходили, словно опьянѣвшіе отъ сбывшихся мечтаній. Тогда умѣли любить и любили Россію, и наше будущее казалось такимъ блестящимъ, что глаза слѣпило даже. Правду говоря, я былъ долго подъ вліяніемъ этого кружка. Космополитизмъ съ меня какъ рукой сняло тамъ. Приходилось много ѣздить, говорить, видѣть. И люди какіе были! Послѣдній изъ нихъ, Черкасскій, умеръ въ Константинополѣ или Санъ-Стефано. Но онъ уже былъ только призракомъ прошлаго. Онъ уже поступился многимъ изъ своихъ убѣжденій. Я помню, незадолго до его смерти—онъ еще здоровъ былъ—обращается онъ ко мнѣ и говоритъ: «Дай вамъ Богъ, Сергѣй Николаевичъ, не измѣнить себѣ во всю свою жизнь».—«Почему вы это говорите?» спрашиваю. «А потому, что, оглядываясь на свое прошлое теперь, когда вся жизнь уже прожита, я вижу, какъ ужасны были всѣ мои колебанія; какимъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь? Развѣ я тогда пошелъ бы на уступки? Нѣтъ, надо воспитать въ себѣ силу гордую и несокрушимую. Чтобы не она ломалась, а сама другихъ ломала». И какъ тогда работали, если бы вы знали. Совсѣмъ

другое время было,—все исполненное упованій и надеждъ, молодое, смѣлое, рѣшительное. Казалось, что съ тѣхъ поръ Россія по такой гладкой дорогѣ пойдетъ, по какой еще никогда не ходила. Злые геніи, тасильники, тормозильщики ея движенія выступили потомъ. Въ этотъ медовый мѣсяцъ они молчали и хоронились гдѣ-то по угламъ. Даже старички и тѣ старались не отставать отъ насъ. На что Леруа! Тотъ ежедневно ждалъ революціи чисто дворянской и помѣщичьей, а когда ея не послѣдовало, онъ плакалъ отъ восторга, видя въ Россіи свои завѣтные идеалы, и называлъ ее страной евангельской... Ну, а что потомъ случилось,—вы знаете. Пошли колебанія, попытки вернуться къ прошлому, поправки и объясненія, извращавшія все... Ну, и начала расшатываться постройка, казавшаяся такою прочною!.. Тутъ уже наступило грустное время. Слава Богу—я цѣлымъ ушелъ отъ него.

— Въ Туркестанъ?

— Да! Явилась другая школа—боевая. Она окончательно додѣлала меня.

— Кушать подали!—вошелъ Алексѣй.

— Вотъ видите! Какъ разъ во-время,—разсмѣялся Анисимовъ, подавая руку Александрѣ Николаевнѣ.

— Да, теперь мнѣ многое, очень многое ясно въ вашей натурѣ.

— Значитъ, вы ее знаете лучше меня!—продолжалъ онъ смѣяться.

XVIII. Вопросъ и отвѣтъ.

Послѣ свиданія съ Торацкой Софья Васильевна Нѣжина все время находилась въ нервномъ состояніи. Она не могла найти себѣ мѣста, не знала, что ей дѣлать, чтобы хоть немного забыться. То она собирала своихъ старыхъ знакомыхъ и кутила съ ними цѣлые дни, ѣздила куда-то на тройкахъ, исчезая отъ испуганной Жанеты на недѣлю, на двѣ; то запиралась, не приказывая никого принимать, не вставала съ постели, и всякій разъ, когда горничная входила къ ней—она отворачивалась, чтобы та не замѣтила ея заплаканныхъ глазъ.

— Что съ вами, барыня?—спрашивала та.

— Оставь меня—уйди прочь. Не хочу никого видѣть, и тебя въ томъ числѣ.

— Да вы не обѣдали сегодня.

— И не буду!..

А потомъ срывалась опять, одѣвалась, приказывала привести коляску и ѣхала чортъ знаетъ куда.

— Я тебѣ странной кажусь это время? — спросила она какъ-то Жанету.

— Да ужъ чего страннѣе.

— Не по себѣ мнѣ. Придумай что-нибудь такое, чтобы занять меня. Чтобы всю захватило, всю, понимаешь, такъ, чтобы ни мысли, ни воспоминанія—ничего бы не было.

— Чудная вы, Софья Васильевна!..

— Сердце у меня болитъ, такъ болитъ, такъ поетъ, что я умереть бы рада.

— Полноте. Ну, ужъ если такъ—шли бы опять на сцену.

— Очень мнѣ надо. Да ты думаешь: сцена меня теперь интересуетъ? Полно—она и на часъ не займетъ. Дѣланные успѣхи — дѣланные провалы! Гадость какая! Всѣмъ улыбайся, всѣмъ жми руки...

— Да неужто же васъ ничего не интересуетъ?

— Разумѣется, ничего! Такая тоска...

— Ну, а Бухмановъ. Онъ опять былъ.

— Скажи этой бочкѣ, чтобы онъ сюда не являлся.

— Баронъ заѣзжали сегодня.

— И ему тоже. Всѣмъ, всѣмъ... Никого не принимать и никогда. Мнѣ уже это все такъ надоѣло.

— Вѣдь нельзя жить такъ, какъ вы.

— Сама знаю, что нельзя, оттого и скучаю.

— Хоть бы съѣздили куда. Ну, за границу, что ли.

— Была вездѣ, и все надоѣло. Я знаю, что умру скоро.

Пробовала Нѣжина читать, но ничего не понимала. Затѣмъ садилась за рояль, но изъ-подъ рукъ вырывались какіе-то дикіе диссонансы. Иногда ей казалось, что она сходитъ съ ума,— до такой степени состояніе ея было тяжело. Все мѣшалось въ

ся памяти. Она истерически плакала и смѣялась, пугая преданную горничную, которая разъ не выдержала и послала за врачемъ. Тотъ пришелъ, многозначительно покачалъ головой, сжалъ губы, передвинулъ золотыя очки съ носа на лобъ и, добросовѣстно прописавъ спокойствія, развлеченія и cali bromati, получилъ десять рублей и уѣхалъ.

Наконецъ, разъ вечеромъ, къ ней пріѣхалъ Бухмановъ. Его по обыкновенію не приняли.

— Скажи барынѣ, что я привезъ адресъ, который ей былъ нуженъ.

— Проси, проси скорѣй!—приказала Нѣжина.

— Ну, давайте, давайте.

— А что мнѣ за это будетъ?—улыбался Бухмановъ.

— Что хотите, только давайте.

— Ну, вотъ вамъ.

Нѣжина прочла: «Вѣна, на Грабенѣ, отель Мюллеръ».

— Долго онъ тамъ останется?

— Да еще недѣли три.

— Это вѣрно?

— Будьте спокойны. Я вамъ привезъ самыя точныя свѣдѣнія.

— Теперь можете отправляться.

— Куда? Какъ?.. Это за мои хлопоты?

— Потомъ, потомъ... Теперь мнѣ не до васъ совсѣмъ.

Когда Бухмановъ уѣхалъ, Софья Васильевна съ лихорадочною поспѣшностью бросилась къ столу и начала что-то писать. Она не обращала даже вниманія на смыслъ своего письма. Внутри у нея все кипѣло, и рука едва успѣвала уловить быстро заоставшую мысль. Только кончивъ написанное, она перечла его, на минуту поколебалась: не разорвать ли, но потомъ рѣшилась и заклеила въ конвертъ.

Письмо было, разумѣется, къ Анисимову.

«Дорогой мой, милый и далекій! Я измучилась, я больна совсѣмъ—пожалѣй меня. У тебя есть все: слава, дѣятельность, сила—у меня ничего, кромѣ возможности умереть. Счастье для меня кажется невозможнымъ, если ты мнѣ не дашь его; а только

ты одинъ и можешь это, никто другой, ничто другое. Мнѣ кажется, что я уже сошла съ ума, что все кругомъ одни призраки, а въ сущности я, можетъ быть, уже сижу взаперти. Вспомнишь прошлое, и больно, и стыдно дѣлается. Больно потому, что ты совсѣмъ забылъ меня; стыдно—за всѣ тѣ мерзости, которыми я старалась отплатить тебѣ за это. Какъ всѣ онѣ жалки, пошлы и мелки, и какъ глубоко ты долженъ презирать меня. Но если можешь, если ты еще хоть иногда съ улыбкой вспоминаешь обо мнѣ; если есть во всемъ, что было между нами, хоть одинъ свѣтлый лучъ—теперь, въ эту минуту, не думай о той глупой и жалкой мести, въ которой я такъ каюсь теперь. О, если бы можно было вернуть прошлое—клянусь: я могла бы быть достойна тебя. Я чувствую въ себѣ на это и силы, и волю, но что все это, если ты не можешь меня видѣть безъ отвращенія, думать обо мнѣ безъ негодованія? Послушай—не этого я стою. Если бы ты зналъ, какъ я сама страдала, какъ я страдаю теперь! Клянусь тебѣ, если бы я думала, что ты простишь мнѣ цѣною моей смерти—я бы жизнь свою не задумалась бросить тебѣ подъ ноги: растопчи ее! Я ужъ рѣшилась было забыть тебя; но безъ тебя такъ пусто, такъ страшно все кругомъ. Точно гдѣ-то висишь въ пространствѣ, а вверху и внизу и по бокамъ бездна зіяющая, провалъ какой-то. Нѣтъ силъ жить, нѣтъ желанія жить. Спаси меня, если можешь. Посмотри на это письмо, какъ на призывъ о помощи. Вѣдь если бы я тонула, ты бы бросился меня спасти—теперь хуже. Спаси меня!.. Я задохлась совсѣмъ... совсѣмъ! Умоляю—не оставь только меня безъ отвѣта. Жить далѣе, не зная—ужасно. Скажи мнѣ правду. Если есть въ тебѣ хоть капля жалости, помоги мнѣ... Я буду твоей любовницей, рабой, собакой—всѣмъ, что ты хочешь... Отзовись, я умираю отъ тоски и сердечной боли!..»

У нея такъ все кипѣло и болѣло внутри, что она не замѣтила даже непослѣдовательности и противорѣчій этого письма.

— Жанета... Отвези сейчасъ на почту это письмо.

— Пожалуйте.

— Нѣтъ, лучше я сама. Скорѣе коляску мнѣ...

Едва и кое-какъ одѣвшись, она бросилась прямо на Варшавскую желѣзную дорогу.

— Сегодня же успѣетъ дойти...

Еще съ минуту она колебалась: опустить его или нѣтъ въ ящикъ на вокзалѣ, но потомъ незамѣтно перекрестилась и выпустила изъ рукъ.

— А что, если онъ уѣдетъ и письмо не найдетъ его?

Она быстро прошла въ отдѣленіе телеграфа и тотчасъ же послала въ Вѣну, Анисимову:

«Ради Бога не уѣзжайте, не получивъ моего письма. Очень важное—отправлено сегодня».

Она было подписала свою фамилію.

«А если это его не остановитъ?.. Что ему я?» И разорвала сейчасъ же.

Какая-то мысль блеснула въ ея головѣ. Она взяла новый бланкъ, написала то же самое, только подъ депешей поставила «Анна Торацкая»...

«Ее онъ послушаетъ и подождетъ... Правда, обманъ это. Боже мой—да что же мнѣ дѣлать?..

Отправивъ телеграмму, она поѣхала домой.

«Сколько дней ждать теперь?—разсчитывала она.—Положимъ, три дня туда,—на четвертый онъ его получитъ. Три дня сюда, на четвертый ко мнѣ дойдетъ отвѣтъ... Итого восемь дней... Мало ли что можетъ случиться—я подожду девять... Вѣдь можно сократить еще. Онъ можетъ телеграфировать мнѣ. Да, какъ же ранѣе не пришло мнѣ въ голову!.. Кучеръ... Пожалуйста, назадъ, назадъ скорѣе».

Телеграфные чиновники были крайне удивлены, когда Софья Васильевна, все такая же взволнованная, вбѣжала въ отдѣленіе. Новая телеграмма гласила: «На сегодня посланное къ вамъ письмо прошу отвѣтить депешей»...

«Не сдѣлала ли я какой-нибудь глупости?»—соображала она, но никакъ не могла рѣшить... Ясно было одно, что теперь скоро все опредѣлится. Не будетъ уже для нея повода волноваться и мучиться: или она будетъ тамъ съ нимъ, или...

Объ этомъ «или» она и не думала даже, то есть не хотѣла думать: такъ оно казалось страшно.

«Да и не можетъ быть, вѣдь не камень же онъ. Правда, говорятъ, онъ сталъ серьезнымъ теперь... Но человѣкъ въ немъ, не звѣрь же... Да не можетъ быть этого «или»... Разумѣется, онъ отвѣтитъ: пріѣзжайте... Или какъ-нибудь иначе. Пусть только надежду дастъ, и я найду въ себѣ силы ждать и жить».

Опять проходили день за днемъ. Ее положительно била лихорадка. Хорошо зная, что отвѣта еще быть не можетъ, она выбѣгала на каждый звонокъ: не почтальонъ ли?.. Она въ окна слѣдила теперь за почтальонами, куда они идутъ, и, замѣтивъ, что они входятъ въ ея подъѣздъ, выходила на лѣстницу и сверху спрашивала:

— Онуфрій (такъ звали ея швейцара), это не мнѣ письмо?

Но—увы!—писемъ было и много и къ ней—только не отъ него!.. Отъ него еще ничего не было.

Прошло уже семь дней.

— Значитъ, онъ не телеграфировалъ... А и то можетъ быть, что онъ временно уѣзжалъ изъ Вѣны и телеграммы найдетъ у себя вмѣстѣ съ письмомъ.

Восьмой день она провела совсѣмъ въ горячкѣ. Даже послала справиться, не случилось ли чего-нибудь съ варшавскимъ поѣздомъ. Наконецъ, на девятый день утромъ, полуодѣтая, выбѣжала она на звонокъ и почти выхватила изъ рукъ почтальона письмо. Оно было на ея имя и отъ него. Она узнала его крупный почеркъ.

Сердце Нѣжиной билось такъ, что, казалось, оно стучитъ въ грудную клѣтку. Ей было больно.

— Ну, вотъ... Вотъ... и пришло... пришло, да:::—какъ потерянная, повторяла она.

Жанета догадалась дать ей воды. Софья Васильевна, наконецъ, нервно надорвала конвертъ... Уронила его... Открыла листокъ почтовой бумаги, взглянула и, зашатавшись, какъ подкошенная, рухнула на полъ. Жанета не успѣла подхватить ее, и съ помощью все того же почтальона снесла Софью Васильевну на постель. Горничная догадалась мимоходомъ прочесть отвѣтъ

Аписимова. Онъ былъ коротокъ: «Ни въ любовницѣ, ни въ рабѣ, ни въ собакѣ я не нуждаюсь»...

Поздно ночью пришла въ себя Нѣжина. Она взглянула кругомъ и опять зажмурилась. Какъ ей противна была ея роскошная спальня, весь этотъ дорого купленный и такъ радовавшій когда-то блескъ... Въ немъ отразилось все ея ненавистное прошлое. Она, точно смотря давно знакомую книгу, пробѣжала его наскоро: ни одной страницы, которой она могла бы улыбнуться въ эту тяжелую минуту. За что все это и зачѣмъ прожито? Ровное дыханіе Жанеты слышалось около. Горничная заснула въ креслѣ около хозяйки. Софья Васильевна почувствовала на лбу что-то—дотронулась—оказалось сухое полотно. Очевидно, его смачивала все время горничная, пока не заснула... Нѣжина сорвала его прочь и бросила, потомъ открыла глаза и стала пристально и недвижно смотрѣть въ одну точку передъ собой. «Что же будетъ теперь?—думала она.—Куда же теперь?.. И зачѣмъ?» Что жизнь дастъ ей новаго, свѣтлаго, взамѣнъ того, что камнемъ виситъ теперь на шеѣ?.. Ей стало душно, точно въ комнатѣ мало было воздуха. Тоска, тоска... давило въ вискахъ—ни искры надежды впереди!..

Что жъ, пора!..

Софья Васильевна приподнялась. И теперь, въ эту минуту, не на чемъ остановиться, не съ чѣмъ проститься ей... Она осторожно спустила одну ногу—нога ушла въ мягкій темно-малиновый коверъ... другую — Жанета не просыпалась. Хорошо, что хоть она будетъ здѣсь!.. Софья Васильевна встала и тихо, словно крадучись, пошла къ бювару... Что, если ящикъ скрипнетъ... Нѣтъ, выдвинулся тихо. Тускло блеснуло тамъ что-то... Софья Васильевна взяла это... Послышалось точно щелканье замка... Никкелевый маленькій револьверъ былъ у нея въ рукахъ—она взвела курокъ... Въ зеркалѣ напротивъ отразилась вся ея чудная фигура. И на себя взглянула съ ненавистью Нѣжина...

— Господи, прости мнѣ...

Нащупала сердце...

— Силъ нѣтъ больше—Ты видишь... Прости!

Сухой звукъ выстрѣла. Точно что-то треснуло въ комнатѣ. Жанета вскочила, ничего не понимая: прямо передъ ней, въ полусвѣтѣ, на мягкій коверъ какъ-то странно, съ глухимъ шумомъ упало тѣло Софьи Васильевны.

XIX. На дунайскомъ пароходѣ.

На Дунаѣ сегодня было скверно.

Дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, гоня передъ собою крутыя волны. Небо все было въ тучахъ. Пароходъ австрійскаго Ллойда только что отвалилъ отъ Землина, направляясь къ Бѣлграду. Крошечный сербскій городокъ позади отходилъ, сливаясь всѣми своими домами въ одно марево. На крутыхъ холмахъ, по ту сторону Дуная, куда направлялся пароходъ, уже выростали колокольни и дома столицы Милана Обреновича. Анисимовъ нервно ходилъ по палубѣ, не обращая вниманія, что налетавшія тучи кропили его крупными каплями дождя.

Онъ былъ одинъ.

Ни впередъ, ни назадъ! Братья заняты своими дѣлами; ихъ, этихъ богатырей земли русской, не сломило неудачами и не сразило грозами. Точно такъ же и онъ уцѣлѣлъ подъ ихъ ударами. Теперь, зорко посматривая по направленію къ болѣе и болѣе выдвигавшемуся впередъ Бѣлграду, онъ вспоминалъ только что полученныя имъ извѣстія. Онъ зналъ уже, что Петръ Николаевичъ долженъ былъ оставить свой Малаховъ курганъ и, какъ настоящій, уступилъ его непріятелю. Но онъ не остановился ни на одну минуту. Забывъ уже свои сѣдые волосы, онъ у себя на югѣ, какъ юноша, вѣрующій въ окончательное торжество праваго дѣла, началъ новую Сизифову работу. Все его письмо къ Сергѣю было полно разсказомъ о томъ, что онъ вводитъ или собирается ввести у себя. Онъ нарѣзалъ тамъ крестьянамъ большіе надѣлы, ставитъ заводъ, открываетъ школы. Та же лихорадочная дѣятельность захватила его въ свой головокружащій вихрь; потерявъ большое, онъ безъ разочарованій и сожалѣній взялся за малое... Старшій братъ, отецъ Никодимъ, которому тяжело было оставлять созданный

имъ далекій монастырь, оторванный отъ него съ болью и мукою, теперь созидалъ опять въ пустынномъ уголку вологодскаго захолустья, ободряя малодушныхъ и работая самъ киркою и заступомъ. Оглядываясь на свое прошлое, Анисимовъ видѣлъ, что и онъ въ этомъ случаѣ стоилъ своихъ братьевъ. Онъ тоже не раскисъ, не опустился подъ ударами враждебной судьбы. Нѣтъ! Нельзя ему было послужить родинѣ у себя—онъ нашелъ возможнымъ работать для нея вдали, за ея рубежомъ быть ей вѣрнымъ и полезнымъ сыномъ. Онъ считалъ себя свободнымъ, какъ вѣтеръ. Никакихъ связей съ прошлымъ не оставалось. Онъ не зналъ объ участи Софьи Васильевны. Онъ помнилъ только, съ нѣкоторымъ чувствомъ покаяннаго недовольства самимъ собою, что отвѣтилъ ей грубо и рѣзко. Но онъ не могъ удержать сказавшагося въ немъ раздраженія. Слишкомъ уже мелочными, чисто-женскими уколами проняла его эта женщина. И, сверхъ того, она одна связывала его съ тѣмъ отвратительнымъ прошлымъ, о которомъ, негодуя, онъ самъ разсказывалъ еще недавно Александрѣ Николаевнѣ... Оставалась одна Анна Егоровна, но она и теперь рѣшительно отказалась итти за нимъ...

«Оставьте меня моимъ скромнымъ и тихимъ обязанностямъ. Я стала бы вамъ помѣхой на дорогѣ... Узнайте правду—я люблю и всегда любила васъ—васъ одного. Вы были моей вѣрой, моимъ богомъ... И именно, въ силу этой любви, я не хочу становиться на вашей дорогѣ. Что была бы я съ вами?.. Вы въ бурѣ, и бурей должны пройти по свѣту, очищая воздухъ и пробуждая спящихъ... А я тутъ при чемъ? Позвольте мнѣ издали молиться за васъ... Мнѣ сладко думать, что иногда и вы вспомните, что тамъ, далеко на сѣверѣ, есть сердце, которое бьется для васъ, есть душа, живущая вами... Одно только: если я вамъ дорога, ради меня будьте добрѣе, мягче, если можете. Не наносите никому неисцѣлимыхъ ранъ, и да поможетъ вамъ Богъ совершить ваше великое дѣло».

Конецъ.

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

— Всѣ выпуски „Народнаго Университета“ богато иллюстрированы. —

ВЪ НОВЫЙ СВѢТЪ—ПРЕЖДЕ и ТЕПЕРЬ. Съ 42 рисунками и 5 картинами. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

Содержаніе: Подготовка великаго открытія. Проводы Колумба. Условія перваго переѣзда Колумба черезъ Атлантич. океанъ. Предшественники Колумба. Прибытіе Колумба на Гуанагани. Судьба Колумба и открытыхъ имъ земель. Современные пароходы. Война и ея отношеніе къ прогрессу. На сѣверномъ морѣ. Маяки и ихъ значеніе. Дувръ. Туманъ въ каналѣ. Работа воды. Опасные берега. Жизнь на пароходѣ. Въ морской глубинѣ. Палуба для прогулокъ. Управленіе судномъ. Штормъ въ открытомъ морѣ. Опредѣленіе мѣста нахожд. судна. Пріѣздъ въ Америку. Бруклинъ. Нью-Іоркъ. Прибытіе въ Гобукъ.

МОЗГЪ, КАКЪ ОРГАНЪ МЫШЛЕНІЯ. Съ 18 рисунк., 4 табл. и 2 хромолитограф. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

Содержаніе: Вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу. Теорія локализаціи и ея предшественники. Френологическая теорія Галла. Изученіе и локализація функцій мозга. Основныя наблюденія психофизіологіи мозга. Выводы изъ физіологическихъ наблюденій мозга. Отношеніе органовъ чувствъ къ душевнымъ центрамъ. Душевныя болѣзни. Отношеніе мозга къ его отправленіямъ. Вопросъ о связи душевныхъ и тѣлесныхъ процессовъ. Геніальность и помѣшательство. Условія душевнаго равновѣсія и господства надъ страстями. Значеніе естественно-научнаго отношенія къ душѣ.

СИЛЫ ПРИРОДЫ и ПОЛЬЗОВАНІЕ ИМИ. Съ 102 рисунками и 2 картинами. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Ключъ къ пониманію дѣйствія силъ природы. Основаніе механическаго дѣйствія. Основы нашего міросозерцанія. Основныя понятія механики: пространство, время, движенія, инерція, сила, тяжесть, масса, работа, производительность. Параллелограммъ силъ, статическій моментъ, законъ рычага и пары силъ. Значеніе закона сохраненія энергіи. Будущее земного шара. Невозможность вѣчнаго двигателя. Треніе и его значеніе. Древнія сооруженія. Архимедъ, его открытія и смерть. Основы дѣйствія рычага. Водоснабженіе въ древности. Каналы, шлюзы и водостолбовыя машины. Состояніе канализаціи въ разныхъ странахъ. Водное хозяйство. Вліяніе горныхъ озеръ и ледниковъ на климатъ. Воздушное давленіе. Насосы. Вѣтряные двигатели. Исторія паровой машины. Современные пароходы-гиганты. Новыя желѣзнодорожныя системы. Основа дѣйствія паровыхъ машинъ. Нагрѣтый воздухъ. Свѣтильный и другіе газы. Пневматическія желѣзныя дороги. Электричество въ примѣненіи къ промышленности. Турбины. Ніагарскій водопадъ и пользованіе его силою. Электрическіе трамваи и дороги. Сравненіе различныхъ машинъ. Экономич. значеніе передачи силы. Будущее человѣчества.

ПРОГУЛКИ ПО НЕБУ. Съ 3 рисунк., картою луны и одною хромолитографіею. Цѣна 50 к., съ перес. 65 к.

Содержаніе: Къ чему намъ астрономія? **Отъ земли до луны.** Солнечное затменіе. Лунное затменіе. Лунныя горы. Обитаема-ли луна? Мѣстность на лунѣ при свѣтѣ земли и затменіе солнца. **Дѣти солнца.** Необъятное. Земля, какъ небесное тѣло. Лунный ландшафтъ при прямомъ солнечномъ освѣщеніи. Солнце, какъ центр. тѣло системы. Поверхность раскаленнаго солнечнаго шара. Меркурій и Венера. Марсъ. Юпитеръ и его спутн. Сатурнъ. Кольца Сатурна и мн. др.

НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ и ДРУЗЬЯ. Съ 48 рисунками и таблиц. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 65 коп.

Содержаніе: Грозное воинство. Откуда берется пыль. Способы опредѣленія природы пыли. Изъ чего состоитъ пыль? Благодѣтельное значеніе пыли. Грибки—истребители растеній. Распространеніе грибковъ. Невидимые губители насѣкомыхъ. Страшныя страницы. Сибирская язва. Дефтеритъ и возвратный тифъ. Важнѣйшія бактеріологическія изслѣдованія. Воздухъ и вода, какъ источники распространенія эпидеміи. Другіе пути распространенія заразы и борьба съ нею. Побѣжденные враги и мн. др.

Издательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12.

1998 4/3 1 — 7/15 65

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

въ 40 книгахъ. Около 11 000 стран. убористаго шрифта.
Полные переводы, безъ всякихъ сокращеній, подъ редакціею М. А. Орлова.

Цѣна 10 руб. съ перес. по Европ. Россіи 11 руб., въ 13 нумерованныхъ переплетахъ цѣна 13 руб., съ перес. по Европейской Россіи 16 руб. За границу и въ Азіатскую Россію добавляется 2 руб.

Обрѣзъ переплета.

Имѣя редакторами лучшихъ переводчиковъ, какъ Ар. Введенскій, Ѳ. А. Шицмаръ, А. Н. Лисицынъ, М. А. Энгельгардтъ и др., ручается за точность первоклассныхъ выполненій безъ цензурныхъ сокращеній.

Оглавленіе романовъ, повѣстей и разсказовъ.

Кн. 1—2. **Оливеръ Твистъ.** Кн. 3. **Рождественскіе разсказы.** Кн. 4—7. **Записки Пикквикскаго клуба.** Кн. 8—9. **Повѣсть о двухъ городахъ.** Кн. 10—11. **Большія надежды.** Кн. 12. **Тяжелыя времена.** Кн. 13—16. **Домби и Сынъ.** Кн. 17. **Тайна Эдвина Друда.** Кн. 18. **Нѣтъ прохода. Бордингъ Гоузъ.** Кн. 19. **Станція Мегби** и др. разсказы. Кн. 20. **Житейская борьба** и др. разсказы. Кн. 21—24. **Давидъ Копперфильдъ.** Кн. 25—27. **Холодный домъ.** Кн. 28—30. **Мартинъ Чодзльвитъ.** Кн. 31—33. **Николай Никкльби.** Кн. 34—36. **Крошка Доррить** и др. разсказы. Кн. 37—39. **Нашъ общій другъ.** Кн. 40—41. **Лавка древностей.** Кн. 42. **Медфогскія записки** и др. разсказы. Кн. 43—45. **Бернеби Роджъ.** Кн. 46. **Записки путешественника.**

Ч. ДИККЕНСЪ — это такой же колосъ литературы, какъ у насъ Левъ Толстой. Это **величайшій романистъ XIX столѣтія.** Романы и повѣсти Ч. Диккенса до сихъ поръ составляютъ любимѣйшее чтеніе во всѣхъ странахъ. Такая всемірная популярность писателя объясняется тѣмъ, что герои Диккенса понятны, близки и намъ, русскимъ, и французамъ, и японцамъ, и китайцамъ. Это — живые люди, участь которыхъ волнуетъ читателей, волнуетъ всѣ, плачетъ надъ ихъ страданіями и радуется ихъ радостямъ. Это умѣнье увлечь читателя, заставить его слѣдить и плакать вмѣстѣ съ героями и его героями, и сожалѣть, когда романъ конченъ, что навсегда разстаешься съ ними, и составляетъ характерную черту произведеній Диккенса. Прельщаетъ и тонкій, остроумный юморъ, и глубокое состраданіе, можно сказать, обращенное къ тяжелымъ судьбамъ людямъ, незамѣтнымъ героямъ. Судьбы людей Диккенсъ отмѣчаетъ душой истинно спокойномъ, полномъ живыхъ образовъ и яркихъ красокъ, богатствомъ лирическимъ, съ обильнымъ яркими искрами тонкаго юмора.

Издательство П. П. Сойкина, Петроградъ, Стремянная, 12

Т. П. Сойкина.

89007674351

b89007674351a

89007674351
b89007674351a